

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 10, № 2, 2017

Журнал издается с 2008 года

Решением Минобрнауки России журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Журнал включён в базы данных ВИНТИ РАН, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, а также в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская национальная экономическая библиотека включила журнал в свой фонд.

Журнал также направляется в Библиотеку Конгресса США.

Редакционный совет:

Макаров В.Л., академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)

Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Горшков М.К., академик РАН, директор Института социологии РАН (Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (EHSS), Центра исследований индустриализации (CEMI) (Париж, Франция)

Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)

Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Ильин В.А., д.э.н., проф., член-корреспондент РАН, научный руководитель Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)

Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)

Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Штомпка Пётр, проф., декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)

Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Пейтер Оуй – старший научный сотрудник и консультант, Нидерландская организация прикладных научных исследований (Делфт, Нидерланды)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора), к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора), к.ф.н. А.В. Загребельный (отв. секретарь), д.э.н. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин, к.э.н. О.Н. Калачикова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. М.В. Морев, к.э.н. С.В. Теребова, д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)

ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vscc.ac.ru>

© ИСЭРТ РАН, 2017

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

Vol. 10, no. 2, 2017

The Journal is published since 2008

According to the decision of the Russian MES the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The Journal is covered in Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Editorial Board:

- V.I. Makarov**, RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Ivanter, RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Okrepilov, RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
P.A. Vityaz, Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
M.K. Gorshkov, RAS Academician, Director of RAS Institute of Sociology (Moscow, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS Academician, Director of Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
J. Sapir, Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
S.D. Valentey, Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
A.E. Dayneko, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
V.A. Ilyin, RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
A.I. Kibitkin, Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
M. Kivinen, Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
E.B. Len'chuk, Doctor of Economics, Professor, Director of RAS Institute of Economics (Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
P. Sztompka, Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
D.V. Afanasyev, Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)
P.R. A. Oeij – Senior Research Scientist and Consultant, TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research (Delft, The Netherlands)

Chief Editor – V.A. Ilyin

Editorial Staff:

Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology A.V. Zagrebel'nyi (Executive Editor),
Doctor of Economics E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Ph.D. in Economics O.N. Kalachikova, Ph.D. in Economics G.V. Leonidova,
Ph.D. in Economics M.V. Morev, Ph.D. in Economics S.V. Terebova,
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED T RAS, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А. Некрасивая история... 9
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 22
- Ильин В.А., Третьякова О.В., Морев М.В. Размышления по итогам пятидесятого выпуска журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» 30

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Устинова К.А. Теоретико-методологические основы исследования ментальности и обусловленных ею стереотипов поведения 60

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Гайнанов Д.А., Биглова Г.Ф., Атаева А.Г. Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем 77
- Романов Е.В. Какой капитализм нужен России?: методологические ориентиры «новой индустриализации» 90

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Петров А.И. Пространственно-логическая модель формализации политического выбора американского избирателя: опыт для России 109

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Стризов А.Л. Молодежь в процессах модернизации: оценка состояния (на примере регионов Южного федерального округа) 130
- Молодов О.Б., Каминский В.С. Теоретико-методологические подходы к исследованию социальной реальности 150

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

- Липина С.А., Зайков К.С., Липина А.В. Внедрение инновационных технологий как фактор экологической модернизации арктических регионов России 164

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Макарова М.Н. Малые города в пространственной структуре размещения населения региона 181
- Яшалова Н.Н., Акимова М.А., Рубан Д.А., Бойко С.В., Усова А.В., Мустафаева Э.Р. кызы. Перспективы регионального развития промышленного туризма в свете анализа основных экономических показателей российской туристической индустрии 195

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

- Жгун Т.В. Построение интегральной характеристики качества жизни субъектов Российской Федерации с помощью метода главных компонент 214

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Поварова А.И. Региональный бюджет 2017–2019: профицит или экономический рост? 236

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Тайбек Мохамадина, Сомаях Негадари. Изучение образа жизни молодежи в контексте правопорядка и безопасности 259

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

- Леонидова Е.Г. Развитие внутреннего туризма в регионе 271
- Иванова Е.В. Сельскохозяйственное консультирование в системе инновационного развития аграрного сектора северного региона 284

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

- Рецензия на коллективную монографию «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» 301
- География авторов журнала 308
- Сведения об авторах пятидесяти выпусков журнала 309

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

- Ilyin V.A. What a Shame... 9
- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society..... 22
- Ilyin V.A., Tret'yakova O.V., Morev M.V. Reflections upon the Results
of the Fiftieth Issue of the Journal "Economic and Social Changes:
Facts, Trends, Forecast" 30

THEORETICAL ISSUES

- Shabunova A.A., Leonidova G.V., Ustinova K.A. Mentality and Mentality-Driven
Behavior Stereotypes: Theoretical and Methodological Foundations
of the Research 60

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Gainanov D.A., Biglova G.F., Ataeva A.G. Strategic Management of Key Development
Potential of Split-Level Territorial Socio-Economic Systems 77
- Romanov E.V. What Capitalism Does Russia Need?: Methodological Guidelines
of the "New Industrialization" 90

PUBLIC ADMINISTRATION EFFICIENCY

- Petrov A.I. Spatial and Logical Model of American Electorate Political Choice
Formalization: Experience for Russia 109

SOCIAL DEVELOPMENT

- Dulina N.V., Kargapolova E.V., Strizoe A.L. Young People in Modernization Processes:
Assessment of the State of Affairs (Case Study of Southern Federal
District Regions) 130
- Molodov O.B., Kaminskii V.S. Theoretical and Methodological Approaches
to Studying Social Reality 150

INNOVATION DEVELOPMENT

- Lipina S.A., Zaikov K.S., Lipina A.V. Introduction of Innovation Technology
as a Factor in Environmental Modernization in Russian Arctic 164

REGIONAL ECONOMY

- Makarova M.N. Small Towns in the Spatial Structure of Regional Population Distribution 181
- Yashalova N.N., Akimova M.A., Ruban D.A., Boiko S.V., Usova A.V., Mustafaeva kyzy E.R. Prospects for Regional Development of Industrial Tourism in View of the Analysis of the Main Economic Indicators of Russian Tourism Industry 195

MODELING AND FORECASTING OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

- Zhgun T.V. Building an Integral Measure of the Quality of Life of Constituent Entities of the Russian Federation Using the Principal Component Analysis 214

PUBLIC FINANCE

- Povarova A.I. Regional Budget for 2017–2019: Surplus or Economic Growth? 236

FOREIGN EXPERIENCE

- Mohammadinia T., Negahdari S. Studying the Youth Lifestyle with an Approach to Order and Security 259

YOUNG RESEARCHERS

- Leonidova E.G. Domestic Tourism Development in a Region 271
- Ivanova E.V. Agricultural Consulting in the System of Innovative Agriculture Development of the North 284

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

- Oboturova N.S. Review of the Collective Monograph “Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Socio-Economic and Socio-Cultural Trends and Issues” 301
- Geographical Distribution of Authors 308
- Information about the Authors of All the Fifty Issues of the Journal 309

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.1
УДК 323.2, ББК 66.3(2Рос),123
© Ильин В.А.

Некрасивая история...

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru

На протяжении всех выпусков журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» мы проводим анализ экспертных оценок текущего состояния эффективности государственного управления. Многие известные российские экономисты, общественно-политические деятели, публицисты, философы¹ сходятся во мнении, что нерешенные противоречия, которые уже много лет существуют внутри российской правящей элиты, крайне негативно отражаются на всех уровнях управленческой иерархии и в конечном итоге проецируются на все слои российского общества, вызывая сни-

жение доверия власти, психологическую отчужденность, политическую апатию, снижение гражданской ответственности, рост социальной напряженности и острую потребность в социальной справедливости.

Безнаказанность и, как следствие, безответственность представителей бюрократического аппарата, призванных решать ключевые проблемы населения и обеспечивать стабильный экономический рост в стране, ведет к отсутствию системного подхода, целеполагания и четкого планирования, что проявляется во всех сферах жизни: от политики и экономики до культуры и социальной сферы. Пожалуй,

¹ В статьях главного редактора часто приводятся оценки таких экспертов, как С.С. Губанов, С.Ю. Глазьев, В.М. Полтерович, Е.В. Балацкий, Н.В. Стариков, Ю.Ю. Болдырев, В.А. Фадеев, А.Г. Механик, А.А. Проханов, А.Г. Дугин и др.

Для цитирования: Ильин, В.А. Некрасивая история... / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 9-21. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.1

For citation: Ilyin V.A. What a Shame... *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 9-21. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.1

лишь в отношении военно-промышленного комплекса, последние десятилетия развивающегося под непосредственным контролем Президента, можно говорить о стабильном и системном развитии.

Эксперты отмечают, что «к принятым в 2013–2016 годах законам до сих пор не готовы 1060 постановлений, распоряжений или указов, в результате чего многие из этих законов полноценно работать не могут»². Продолжаются аресты губернаторов: за период с 2003 по 2017 г. были возбуждены уголовные дела против М. Машковцева (Камчатская обл., 2003 г.), А. Барина (Ненецкий округ, 2007 г.), А. Тишанина (Иркутская обл., 2008 г.), Л. Короткова (Амурская обл., 2010 г.), В. Дудки (Тульская обл., 2011 г.), В. Юрченко (Новосибирская обл., 2014 г.), А. Хорошавина (Сахалин, 2015 г.), Н. Денина (Брянская обл., 2015 г.), В. Гайзера (Коми, 2015 г.), Н. Белых (Кировская обл., 2016 г.), А. Соловьева (Удмуртия, 2017 г.).

Как отмечают эксперты, «уголовные дела больших чиновников на виду, о них сообщают федеральные СМИ. Но есть тысячи не таких громких дел... С коррумпированными чиновниками борются, еще как борются. Например, знаменитое дело главы Республики Коми Гайзера. В сентябре 2015 г. он арестован и обвинен в организации преступного сообщества. Вместе с ним было арестовано еще 14 человек, практически вся верхушка республики. Об этом деле все знают. Оно на виду. А вот о других антикоррупционных делах в Коми

за пределами республики мало кто знает: в том же 2015-м году всего по таким делам было арестовано 108 человек, в прошлом году – 113, за 1 квартал этого года арестовано уже 36 человек. А ведь это очень небольшой по населению регион... В некоторых муниципалитетах уже по два мэра сидит»³.

Системный подход к борьбе с коррупцией, действительно, очевиден. Однако не менее очевидно и то, что по всей стране сотням чиновников, банкиров, бизнесменов в течение многих лет удается криминальным путем наживать миллиардные состояния. А это значит, что где-то в сложившейся системе государственного управления есть сбой. По крайней мере, странно, что население России, которая является «самой богатой страной мира, обладающей одними из самых больших запасов углеводородов, полезных ископаемых, посевных площадей, лесов, биоресурсов и т.д.»⁴, мечтает о том, чтобы «жить в достатке; иметь возможность тратить деньги, «не считая копейки» и «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе»⁵.

В 2016 г., впервые за всю историю постсоветской России, был задержан за взятку чиновник федерального уровня (министр экономического развития А. Улюкаев). Его место занял М. Орешкин, который, как отмечают эксперты, «ни одного дня не проработал в реальной экономике, она

³ Фадеев В.А. Новости телеканала ОРТ от 09.04.2017 // Официальный сайт ОРТ. – Режим доступа: <https://www.1tv.ru/news/issue/2017-04-09/21:00#10>

⁴ Ковальчук М.В. в телепрограмме «Право знать!» (эфир от 18.02.2017).

⁵ По данным Института социологии РАН, «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, не считая копейки» (40%); «иметь хорошее здоровье» (33%) и «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» (33%) – это наиболее распространенные варианты при ответе на вопрос «О чем Вы мечтаете?» // О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2013. – С. 23.

² Озерова М. Правительство России захлебнулось полномочиями: кабмин тормозит реализацию законов [Эл. рес.] // – Московский комсомолец. – 2017. – 13 марта – Реж. дост.: <http://www.mk.ru/politics/2017/03/13/pravitelstvo-rossii-zakhlebnulos-polnomochiyami-kabmin-tormozit-realizaciyu-zakonov.html>

для него является "чёрным ящиком". Он абсолютно не понимает, как функционирует реальная экономика, всю свою жизнь он занимался анализом спекулятивной "экономики казино". Как он может разрабатывать программу развития того, чего просто не знает? Это примерно то же самое, что балетмейстеру поручить тренировать футбольную команду»⁶.

В череде длинного перечня фактов, указывающих на неэффективность современной системы государственного управления, стоит одна крайне некрасивая, но показательная история – срыв очередных выборов президента и президиума Российской академии наук. 20 марта 2017 г. все три кандидата на этот пост (В. Фортов, В. Панченко и А. Макаров) взяли самоотвод, в результате чего выборы были перенесены на ноябрь, а Академия осталась без постоянного руководства. Исполняющим обязанности президента стал известный математик академик В. Козлов, который «пока ничего не комментирует и, видимо, оказался в такой ситуации не по своей воле»⁷.

В целом отечественная наука – яркий пример тяжелых последствий всего комплекса негативных факторов, «поразивших» современную систему государственного управления. Можно сказать, что срыв президентских выборов в РАН стал кульминацией процессов, лихорадящих Академию еще с 1990-х гг. «Политика доступа к телу главного оператора ручного управления неизбежно порождает тягу к

В понедельник, 20 марта, должны были начаться выборы президента Российской академии наук. Но собравшихся в зале на Ленинском проспекте академиков и членов-корреспондентов ошеломили неожиданным объявлением: все претенденты на пост главы РАН сняли свои кандидатуры, а выборы будут перенесены на полгода. К осени сам принцип независимых выборов может быть отменен – в Госдуме обсуждают законопроект, согласно которому глава РАН будет назначаться указом президента страны... Самоотвод действующий президент РАН объяснил неотрегулированной выборной процедурой, которая могла бросить тень на легитимность вновь избранного главы РАН. Однако в официально объявленную причину поверили не все. Это было бы фарсом, если бы за этим не стояло что-то серьезное. А серьезное – это недо-вольство академией руководства страны (Э. Галимов)⁸.

устранению конкуренции и злоупотреблению искусственным монополизмом. В том числе на рынке производства знания»⁹.

Не требует доказательств тот факт, что развитие высокотехнологичного производства и наукоемких отраслей уже давно является главным фактором геополитической конкуренции. Со времен «холодной войны» этот фактор усиливается в геометрической прогрессии: от борьбы за освоение космоса до гонки ядерных вооружений. Сегодня результаты высоких

⁶ Айвазов А. Интегральное планирование [Эл. рес.] // Газета «Завтра». – 2017. – 23 марта – Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/integral_noe_planirovanie

⁷ Академия скандалов [Эл. рес.] / А Максимова, А. Гурьева, А. Пнилицкая, В. Лейбин // Журнал «Эксперт-онлайн». – 2017. – 7 апр. – Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2017/03/akademiyi-skandalov

⁸ Гончарова О. Кто и зачем сорвал выборы президента РАН? // Информационный ресурс «Vademecum» – Режим доступа: http://www.vademecum.ru/article/kto_i_zachem_sorval_vybory_prezidenta_ran/

⁹ Рубцов А. «Наука друзей»: почему в России ученые и власть не доверяют друг другу [Эл. рес.] / канал РБК от 28.03.2017. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/society/28/03/2017/58da36dc9a794784062cadda>

В СССР, в стране научной идеологии, наука не могла не быть передовой – это была проблема политическая, как полеты в космос. Страна просто обязана была иметь полный научный комплекс – явление в истории из редчайших. Проблемы народного хозяйства и ВПК решались, но именно и только потому, что даже у коммунистов в отношении к науке оставался запас пиетета и превентивного доверия¹⁰.

технологий присутствуют в обычной жизни каждого человека, в каждом доме, и люди уже не могут представить свою жизнь без гаджетов и Интернета.

Однако это лишь конечный результат: за каждым изобретением (будь то мобильный телефон или новый вид баллистической ракеты) стоит длительный процесс воплощения научной идеи в практическую разработку. В основе этого процесса – фундаментальное академическое научное знание; накопленный предыдущими поколениями опыт, преобразованный в соответствии с современными требованиями, и (что не менее важно) индивидуальный творческий талант конкретных представителей научной профессии.

В Стратегии научно-технологического развития России до 2035 г. указано, что «в ближайшие 10–15 лет приоритетами научно-технологического развития Российской Федерации следует считать те направления, которые позволят получить научные и технические результаты и создать технологии, являющиеся основой инновационного развития внутреннего

¹⁰ Рубцов А. «Наука друзей»: почему в России ученые и власть не доверяют друг другу [Эл. рес.] / канал РБК от 28.03.2017. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/society/28/03/2017/58da36dc9a794784062cadda>

рынка продуктов, устойчивого положения России на внешнем рынке»¹¹. Эксперты отмечают, что это «безусловно важно, но технологии, которые мы хотим создавать, без непрерывного развития фундаментальной науки рано или поздно попадут в тупик, из которого их придется извлекать с помощью уже науки иностранной, если вообще это удастся...»¹²

Тем не менее, несмотря на всю важность фундаментального знания для настоящего и будущего нашей страны, российская академическая наука переживает непростой, а если говорить точнее – кризисный период. «В далекие 90-е, когда рухнуло финансирование науки, возник постоянный конфликт между правительством, постоянно пытавшимся реформировать РАН, и Академией, которая сражалась за остатки финансирования и организации системы институтов. Суть конфликта всегда выглядела примерно так: реформаторы считали, что РАН препятствует современной организации науки, перетягивая на себя большую часть ресурсов, а ученые-академики полагали, что сохраняют островки великой советской науки под натиском варваров. **РАН до последнего времени оставалась островком странной независимости в условиях централизации управления в стране и в этой своей автономии продержалась значительно дольше олигархов и губернаторов-тяжеловесов...**»¹³

¹¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 // Официальный сайт Президента РФ. – Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>

¹² Механик А. РАН в институциональной пустыне // Журнал «Эксперт». – 2017. – 27.03.–03.04. – С. 34.

¹³ Академия скандалов [Эл. рес.] / А. Максимова, А. Гурьева, А. Гнилицкая, В. Лейбин // Журнал «Эксперт-онлайн». – 2017. – 7 апр. – Реж. дост.: http://expert.ru/russian_reporter/2017/03/akademiya-skandalov/

В.М. Полтерович: «Решающие события начались 27 июня. На заседании правительства Председатель Д. Медведев и министр Д. Ливанов представили проект реформы РАН. Присутствовавший на заседании В. Фортов, избранный в мае президент РАН, узнал о существовании такого проекта вечером 26 июня. Обсуждение проекта не предусматривалось повесткой дня заседания. Проект был утвержден правительством и на следующий день, 28 июня, внесен в Государственную Думу. Предполагалось его рассмотрение в первом чтении 2 июля, во втором чтении – 3 июля, а окончательное, третье чтение планировалось провести 5 июля – в последний день работы Думы. О проекте не были поставлены в известность члены недавно созданных советов – Общественного совета и Совета по науке при МОН, которые до этого в значительной мере поддерживали политику Ливанова. Были нарушены постановление Правительства РФ № 851 от 25.08.2012 и Указ Президента РФ № 601 от 07.05.2012, предусматривавшие перед внесением в Думу законопроектов такого рода их общественное обсуждение сроком не менее 60 дней. Проект явно не был проработан с юристами, содержал массу неясностей и лакун. Имена авторов проекта держались в секрете. В прессе эту акцию называли спецоперацией или блицкригом»¹⁴.

Проведенная в 2013 году реформа РАН во многом напоминала военную спецоперацию. Ее пытались сделать тихо, быстро и безапелляционно. Для многих экспертов очевидно, что, прикрываясь благими намерениями, бенефициары реформ лишь пытались создать «науку друзей», в которой

¹⁴ Полтерович В.М. Реформа РАН: экспертный анализ // Общественные науки и современность. – 2014. – №1. – С. 8.

«персонализм намного опережает руководящую и направляющую роль... Именно после того как управление и политика внедрились в науку со своими людьми и порядками, здесь появились толпы липовых докторов, которых к тому же не удастся лишить степени, даже когда ничтожество автора и результата очевидно, а диплом сохраняется только благодаря многоходовым интригам с использованием служебного положения»¹⁵ (вкладка 1).

На волне протестов ученых, связанных с реформой РАН, образовался клуб «1 июля», в который вошли до ста академиком. Примерно тогда же возникло Общество научных работников, включающее более тысячи человек в разных статусах и рангах. «Молодые и активно работающие ученые до реформы 2013 года были критиками действительно устаревшего стиля управления РАН. Они доказывали, что **настоящая современная наука живет вне административной борьбы правительства и РАН – и надо обсуждать не кто хуже, а как финансировать наиболее успешные и мощные научные группы**»¹⁶.

Таким образом, в то время когда Россия должна обеспечивать свою геополитическую конкурентоспособность и поддерживать высокую планку, которая была задана успехами во внешней политике (что невозможно сделать без опоры на инновационные технологии и развитие наукоемких отраслей), вся система фундаментального академического знания в нашей стране оказалась под угрозой. Срыв выборов в РАН в марте 2017 г.

¹⁵ Рубцов А. «Наука друзей»: почему в России ученые и власть не доверяют друг другу / канал РБК от 28.03.2017. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/society/28/03/2017/58da36dc9a794784062cadda>

¹⁶ Академия скандалов [Эл. рес.] / А. Максимова, А. Гурьева, А. Гнилищкая, В. Лейбин // Журнал «Эксперт-онлайн». – 2017. – 7 апр. – Реж. дост.: http://expert.ru/russian_reporter/2017/03/akademiy-skandalov/

стал лакмусовой бумажкой того, что происходит уже много лет, — отчуждения интеллектуальной элиты от власти и общества; кризиса локомотива, который мог бы тянуть за собой все сферы жизни и все слои населения (вкладка 2).

Ситуация, в которой оказалась российская наука (ее прошлое и будущее) в лице Академии, по мнению многих экспертов, напоминает «интригу, которая не красит тех, кто за ней стоит. Академическое сообщество России, большинство которого составляют и выдающиеся, и просто крупные ученые и специалисты, не заслуживает такого к себе отношения»¹⁷. «Наверху популярна идеология, согласно которой любое дело может поднять грамотный менеджер — внешнее по отношению к предмету управление. Инварианты и типовые алгоритмы решения проблем сильнее специфики отрасли... Но далеко не все поддается подобному абстрагированию в принципе — в особенности, что так или иначе связано с творчеством. Если идеального менеджера посадить управлять искусством, он эффективно распродаст то, что есть, и убьет всё на данный момент «неэффективное». Процесс остановится во веки веков, и арт-рынок заполнят подделки с фальшивой атрибуцией. То же с наукой. Великие открытия, как правило, случайны, возникают как побочный и часто неожиданный результат исследовательского проекта. Вполне зарегулировать процесс и запрограммировать результат не могут и сами ученые. Тем более это не в компетенции абстрактного менеджмента, сколь угодно качественного. Скорее наоборот: качество управления определяется здесь пониманием границ допустимого вмешательства.

¹⁷ Механик А. РАН в институциональной пустыне // Журнал «Эксперт». — 2017. — №13. — 27.03–03.04. — С. 32.

Наш менеджмент таких границ не видит и вряд ли о них слышал. Девиз тотального рукосуйства — «нам нет преград!». Всё подчинить детальному планированию и отчетности по жестким формальным, механически исчисляемым критериям — идеал эффективного управления тем, в чем не смыслишь, то есть всем»¹⁸.

Следует отметить, что «некрасивая история», в которой оказалась российская наука, лишь один из примеров того, к каким последствиям приводит неэффективное государственное управление. Коррупция, факты которой всё чаще всплывают в прессе, и «подковерная» борьба за власть в высших эшелонах правящей элиты, даже при «арбитраже и модерировании»¹⁹ Президента РФ, негативно отражаются на функционировании ключевых элементов экономической системы, препятствуя переходу российской экономики на инновационный путь развития, усугубляя морально-нравственную безответственность руководящего звена крупнейших бюджетобразующих промышленных предприятий²⁰. Следствием этого является кризис, который многие эксперты называют «рукотворным»²¹.

¹⁸ Рубцов А. «Наука друзей»: почему в России ученые и власть не доверяют друг другу [Эл. рес.] // Канал РБК от 28.03.2017. — Реж. дост.: <http://www.rbc.ru/opinions/society/28/03/2017/58da36dc9a794784062cadda>

¹⁹ Арбитраж Путина. Редакционная статья [Эл. рес.] // Независимая газета. — 2016. — 17 нояб. — Реж. дост.: http://www.ng.ru/editorial/2016-11-17/2_6861_red.html

²⁰ Подробнее об этом можно ознакомиться в предыдущих статьях от главного редактора, в частности:

Ильин В.А. Несистемные решения системных проблем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2015. — № 3. — С. 9-19; Ильин, В.А. Национальная и региональная безопасность: взгляд из региона // Там же. — 2013. — № 3 — С. 9-20.

²¹ Соловьева О. Рукотворный кризис отечественной экономики // Блог «Геополитика: сценарии и прогнозы» от 06.04.2017. — Реж. дост.: <http://sensaysay.ru/blog/43447989658/Rukotvorniy-krizis-otechestvennoy-ekonomiki>

Мнение экспертов о реформе РАН 2013 г.

Эксперт	Мнение	Источник
В.А. Рубаков (академик, д.физ-мат. н., проф., руководитель секции ядерной физики Института ядерных исследований РАН)	«Там, где не прошла реструктуризация институтов, реформа минимально сказалась на научной работе. Зато на дирекции институтов, ученых секретарей и планово-экономические управления обрушился шквал бумаг, часто бессмысленных, но требующих ответа. При этом никаких положительных изменений практически не было. Как были институты недофинансированы, так всё и осталось. Как была наша фундаментальная академическая наука в трудном положении, если говорить о финансовом обеспечении, – так и остается...»	
А.Р. Оганов (д.техн.н., проф. Московского физико-технического института и Сколковского института науки и технологий)	«Сама реформа вызывает достаточно противоречивые чувства... Нужно ли было так жестоко поступать с РАН – покажет время. Сейчас вместо того, чтобы дать Академии какую-то свободу в полномочиях, очень многие вещи спускают сверху. Вместо усиления финансирования – противоположные процессы, а ведь любая действенная реформа требует ресурсов. Если реформы и нужны, то не в сфере больших амбиций и интриг. А в том, чтобы создавать новые направления, придавать динамизм существующим научным группам. Реальность такова, что попытки делать новое и великое сталкиваются с бюрократизмом и административным безумием. И здесь особенно важно опираться на ученых... Управленческие проблемы в вузах и в РАН сходные, в них идут административные слияния, борьба за ресурсы и статусы, и в этой игре выдающиеся ученые страдают первыми. В российской науке сейчас мог бы начаться драйв: вернулись некоторые большие ученые, впервые за много лет есть объективные возможности для быстрых карьер молодых групп, старшие поколения уходят, в среднем возрасте – провал. Но предмет реформ остается формальным и бюрократическим, с нарочитым презрением к «объекту реформирования» – самой науке.»	Академия скандалов [Эл. рес.] / А. Максимова, А. Гурьева, А. Гнилицкая, В. Лейбин // Журнал «Эксперт-online». – 2017. – 7 апр. – Реж. дост.: http://expert.ru/russian_reporter/2017/03/akademiya-skandalov/
Б.Е. Штерн (д.физ.-мат. н., ведущий научный сотрудник Института ядерных исследований РАН)	«В столкновении науки, Академии и власти реформа объединила всех: одновременно с одной трибуны выступали люди, которые вообще никогда бы руки друг другу не пожали. Причина – отсутствие доверия к реформаторам, которые не раскрывают своих целей, пытаются все решить наскоком, очевидно ни с кем не посоветовавшись, ничего не обсудив, не замечая никаких ученых.»	
В.М. Полтерович (академик, Отделение общественных наук РАН, секция экономики)	«...Чрезвычайно затратный и бесперспективный с общественной точки зрения план реформы стал результатом сложного сочетания заблуждений и политических мотивов. Среди политических мотивов основной, хотя и не единственный, – стремление лишить организационной самостоятельности сообщество потенциальных оппонентов власти, к тому же пользующихся уважением и доверием населения.»	Полтерович В.М. Реформа РАН: экспертный анализ // Общественные науки и современность. – 2014. – №1. – С. 26.

Мнение экспертов о выборах президента РАН 20 марта 2017 г.

Эксперт	Мнение	Источник
А.Г. Аганбегян (академик, Отделение общественных наук РАН, секция экономики)	«Это позор... При советской власти руководство страны одобряло кандидатуры на выборы, а общее собрание Академии выбирало. Теперь что хотят сделать – не знаю... Такого безобразия я еще не видел. Стало стыдно называться академиком.»	Академики считают «позором» скандал с выборами президента РАН [Эл. рес.] // Газета «Коммерсантъ». – 2017. – 27 мар. – Реж. дост.: http://kommersant.ru/doc/3254105
А.И. Мирошников (академик, д.хим.н., член Президиума РАН, Отделение биологических наук РАН, секция физико-химической биологии)	«Произошедшее – результат начавшихся в 2013 году реформ. К сожалению, у государства странное отношение к науке. Это большая ошибка. Люди просто не понимают, что такое наука и какую роль она играет в современном обществе. Раньше мы достойно представляли страну в мире, ездили на симпозиумы. На равных общались с зарубежными коллегами. Сейчас нам если и дают выступать, то «у стенки», пленарных лекций не предлагают. И такое отношение – отражение того, что делают с наукой в нашей стране. Все это очень обидно.»	
Г.Б. Клейнер (чл.-корр. РАН, д.э.н., Отделение общественных наук РАН, секция экономики)	«Авторитет Академии наук стараются принизить уже не один год. После прошедших событий, к которым, я полагаю, власть приложила руку, авторитет Академии снизился до недопустимого предела. Это был мощный удар по ученым. Не только по нам, это удар по инновационному развитию российской экономики. Нас ждут серьезные проблемы.»	
Г.А. Месяц (академик, член Президиума РАН, Бюро Отделения физических наук)	«Мы являемся свидетелями того, как из нас, патриотов, делают врагов нации. Почему, ведь мы же не диссиденты?»	Механик А. РАН в институциональной пустыне // Журнал «Эксперт». – 2017. – №13. – 27.03.–03.04. – С. 32.
Ж.И. Алферов (академик, д.физ-мат. н., вице-президент РАН)	«Мы поставлены в безвыходное положение и на самом деле обязаны перенести выборы на осень. И мы должны быть очень внимательными с выбором нового президента РАН. Или он станет работать на возрождение страны, или соглашаться со всем и вся.»	Выборы главы РАН перенесены на осень [Эл. рес.] // Новости Сибирской науки. – Реж. дост.: http://www.sib-science.info/ru/ras/vozmozhnost-perenosa-vyborov-glavy-ran-20032017
В.П. Калинушкин (к.физ-мат. н., председатель профсоюза работников РАН)	«Очевидно, что под совершенно надуманным предлогом РАН просто выбили из игры на 8–10 месяцев, на период, когда будут приниматься решения по финансированию фундаментальных исследований в стране и будут перераспределяться эти средства.»	Котляр П. РАН выбили из игры на 8–10 месяцев // Инф. рес. «Газета.ру». – 2017. – 20 мар. – Реж. дост.: https://www.gazeta.ru/science/2017/03/20_a_10585631.shtml

С.Ю. Глазьев: «Политика, которую наши денежные власти проводят, носит явно экзотический характер, она противоречит всему сегодняшнему мировому опыту»²²

Н. Коломейцев: «У нас правительство макроговорунов, ни за что не отвечающих. Ни один министр не отвечает за штуки, километры, кубометры. У них задача – рассказать об очередной стратегии или «дорожной карте», презентовать, а затем, незадолго до сроков ее реализации, создать новую карту со смещенными сроками»²³

А. Айвазов: «Из-за непонимания фундаментальных законов экономического развития и приверженности либеральным догмам российское руководство обрекает страну на многолетнюю стагнацию, что может не позволить России в будущем стать одним из главных центров силы полицентричной мир-системы не столько в военнополитическом, сколько в экономическом плане»²⁴.

Сегодня последствия неэффективного государственного управления, а также конкретные люди, ответственные за решение вопросов внутреннего экономического развития, берутся на вооружение лидерами несистемной оппозиции. Организованные ими акции протеста мобилизуют определенное количество людей, причем из разных социальных слоев, и это говорит не столько о чисто утилитар-

ной угрозе в виде роста социальной напряженности накануне президентских выборов, сколько о более глобальной проблеме – назревающей критической массе, фундаментом которой является неудовлетворенность социальной справедливостью, обеспечиваемой и охраняемой государством. Результаты регулярных социологических измерений наглядно демонстрируют тот факт, что представители самых разных слоев российского общества единодушны во мнении, что государство не справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния граждан: по данным опросов, проведенных на территории Вологодской области, лишь 27–30% населения в 2011–2016 гг. считали успешными действия главы государства по решению данного вопроса, в то время как противоположной точки зрения придерживается около 55–60%, то есть в два раза больше (вкладка 3).

Как отмечают эксперты, рост публичной активности населения наблюдается со второй половины 2016 г., но тогда она не носила открытого протестного характера (выступления были против «пакета Яровой» и «хабаровских живодерок»). Тем не менее «даже такие вроде бы и не связанные с социально-экономической политикой протесты в перспективе могут оказаться бомбой замедленного действия. Если люди, до сих пор не интересовавшиеся политикой, склеят в своем сознании, что их проблемы прямо связаны с действиями властей, то мы получим еще несколько заметных групп в составе общих протестов»²⁵.

²² Гурьянов С. Глазьев назвал кредитно-денежную политику России экзотической [Эл. рес.] // Газета «Взгляд». – 2017. – 30 мар. – Реж. дост.: <https://vz.ru/news/2017/3/30/864215.print.html>

²³ Соловьева О. Рукотворный кризис отечественной экономики // Блог «Геополитика: сценарии и прогнозы» от 06.04.2017. – Реж. дост.: <http://sensaysay.ru/blog/43447989658/Rukotvorniy-krizis-otchestvennoy-ekonomiki>

²⁴ Айвазов А. Интегральное планирование [Эл. рес.] // Газета «Завтра». – 2017. – 23 мар. – Реж. дост.: http://zavtra.ru/blogs/integral_noe_planirovanie

²⁵ Горбачев А. Россию назвали «закипающим котлом» // Официальный сайт сообщества «Политика» от 03.03.2017 – Реж. дост.: <http://maxpark.com/community/politic/content/5711869>

А. Куртов: «На прогулку против коррупции вышло много молодежи, а на шествие памяти Немцова шли в основном взрослые. На встречу с депутатами против платных парковок выходит в основном средний класс, а против «Платона» идут мужчины – кормильцы семей. На Болотную шли в основном образованные люди. Женщины с детьми требуют остановить оптимизацию здравоохранения. Митинги против подтасовок на выборах и «Единой России» собирают политизированных. Томичи выходят защитить свое телевидение... если продолжить этот ряд, то окажется, что активными протестными настроениями охвачено очень много самых разных людей и регионов, а если разобратся, то у всех этих недовольств один неприятель – это власть»²⁶.

В.В. Федоров: «От того предложения, которое Путин сделает обществу, зависит не только процент голосующих за него, но и качество его победы. Выиграть нужно не только за счет упорных и верных приверженцев, хотя они наиболее важны, но и заручившись доверием новых социальных групп... **Главная интрига выборов – не набор кандидатов от оппозиции, а повестка и месседж, с которым Путин пойдет на выборы. Тот образ будущего, который он обязан предъявить обществу на ближайшие шесть лет.** Это очень большой, протяженный отрезок времени – и сам по себе, и особенно сейчас, когда течение времени резко ускорилось благодаря коммуникационной революции»²⁷.

Характеризуя марш памяти Б. Немцова, организованный несистемной оппозицией в феврале 2017 г., «Независимая газета» пишет: «Настроение участников и звучавшие лозунги были боевыми, напоминая скорее о маршах несогласных, проходивших ранее, чем о прошлогоднем шествии, которое было действительно траурным.

Нынешнюю же атмосферу можно было оценить как более радикальную и во многом антипутинскую»²⁸.

Таким образом, в 2017 г., т.е. за год до президентских выборов и в год региональных выборов губернаторов²⁹, активизация оппозиционных сил грозит ростом социальной напряженности, и во многом

²⁶ Горбачев А. Ходорковский тоже планирует масштабную акцию // Независимый информационный проект «Политинформатор.ру» от 31.03.2017 – Режим доступа: <http://politinformator.ru/articles/4422>

²⁷ Галанина А. Главная интрига выборов – месседж, с которым на них пойдет Путин (интервью с генеральным директором ВЦИОМ В.В. Федоровым) [Эл. рес.] // Газета «Известия». – 2017. – 31 мар. – Реж. дост.: <http://izvestia.ru/news/674904>

²⁸ Гармоненко Д., Горбачев А. Оппозиция проснулась вместе с весной [Эл. рес.] // Независимая газета. – 2017. – 27 февр. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/politics/2017-02-27/1_6936_opposicia.html

²⁹ В сентябре 2017 г. пройдут выборы губернаторов в 14 субъектах РФ: в Белгородской области, Бурятии, Калининградской области, Карелии, Кировской области, Мордовии, Новгородской области, Пермском крае, Рязанской, Саратовской, Свердловской, Томской и Ярославской областях и Севастополе. Эксперты отмечают, что «предстоящие выборы станут последним тестом для политической системы перед президентской кампанией, которая развернется в полную силу сразу же после Единого дня голосования» (источник: Кантер М. Битва – 2017: оппозиция присматривается к регионам // Сетевое издание «Актуальные комментарии». – 2016. – 29 дек. – Реж. дост.: <http://actualcomment.ru/bitva-2017-oppozitsiya-prismatrivaetsya-k-regionam-1612291756.html>).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния граждан? (вариант ответа «очень успешно и довольно успешно», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
														2015	2011	2007
Пол																
Мужской	47,3	30,3	31,3	33,6	34,0	27,5	29,6	27,5	23,8	28,0	25,0	25,0	26,5	-8	-4	-21
Женский	47,2	31,1	31,3	35,8	34,3	27,1	25,9	26,1	28,5	26,5	26,9	26,4	26,7	-8	-4	-21
Возраст																
До 30 лет	51,6	31,0	29,9	34,8	34,7	29,6	29,9	29,2	28,8	29,5	28,1	23,8	28,2	-7	-3	-23
30-55 лет	47,9	29,6	31,6	33,4	34,6	26,3	26,0	26,4	24,0	26,0	26,0	26,2	25,8	-9	-4	-22
Старше 55 лет	42,2	32,3	32,1	36,8	33,1	27,2	28,3	25,7	28,3	27,6	25,0	26,3	26,9	-6	-5	-15
Образование																
Среднее и н/среднее	43,1	27,4	30,0	32,6	31,9	24,2	23,6	24,2	21,6	23,4	20,5	22,6	22,7	-9	-5	-21
Среднее специальное	47,9	31,8	31,0	36,1	34,3	26,8	27,0	26,6	27,7	28,4	27,2	23,6	26,8	-8	-5	-21
Высшее и н/высшее	51,5	32,9	33,1	36,0	36,3	31,4	33,2	29,9	30,5	30,4	30,9	32,1	31,2	-5	-2	-20
Доходные группы																
20 наименее обеспеченных	41,8	20,2	24,2	24,6	20,4	19,0	18,0	16,9	21,5	22,3	18,5	22,0	19,9	-1	0	-22
60 среднеобеспеченных	46,6	32,3	31,8	35,7	36,1	26,8	27,1	23,9	27,0	26,7	24,7	23,7	25,5	-11	-7	-21
20 наиболее обеспеченных	60,2	37,7	37,1	43,6	41,8	35,4	39,3	39,5	32,0	31,5	37,3	33,0	35,4	-6	-2	-25
Территории																
Вологда	41,1	31,2	27,3	30,5	30,8	27,4	27,7	25,9	24,4	26,4	24,7	26,8	26,0	-5	-5	-15
Череповец	58,4	36,7	32,1	40,2	37,5	30,1	31,2	34,1	31,5	27,8	31,0	30,8	31,1	-6	-6	-27
Районы	44,5	27,5	33,0	34,2	34,1	25,5	25,4	23,1	24,6	27,3	24,0	22,3	24,5	-10	-3	-20
Область	47,2	30,7	31,3	34,8	34,1	27,2	27,5	26,7	26,4	27,2	26,1	25,8	26,6	-8	-4	-21

В годовой динамике во всех социально-демографических категориях населения отмечается снижение доли людей, считающих, что Президент РФ успешно справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния граждан. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. удельный вес разделяющих это мнение снизился во всех группах примерно на 3–10 п.п. (включая представителей категории, по самооценке доходов относящихся к 20% наиболее обеспеченных жителей области); по сравнению с 2007 г. – на 15–25%.

Не происходит ощутимых позитивных изменений и в краткосрочной ретроспективе. Так, за последние 6 опросов (в период с июня 2016 по апрель 2017 г.) доля людей, позитивно оценивающих деятельность главы государства по решению экономических проблем населения, уменьшилась в 7 из 14 социально-демографических групп. При этом ни в одной из рассматриваемых категорий не наблюдается положительной динамики хотя бы в течение 6 месяцев.

В большинстве групп оценки населения существенно не меняются и остаются крайне низкими: действия Президента по укреплению материального положения населения и экономической ситуации в стране считают успешными менее трети жителей области.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния граждан?
(вариант ответа «без особого успеха и совершенно не успешно», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
														2015	2011	2007
Пол																
Мужской	40,7	57,3	57,6	54,7	52,6	59,2	58,0	61,0	61,0	60,3	63,9	61,0	61,0	+8	+4	+20
Женский	37,7	54,6	56,2	52,4	52,1	59,6	60,0	60,0	60,7	61,7	55,2	54,3	58,7	+7	+4	+21
Возраст																
До 30 лет	33,7	53,7	55,3	52,2	50,1	57,1	58,1	57,4	56,3	58,0	55,4	53,1	56,4	+6	+3	+23
30-55 лет	38,7	58,1	57,5	54,8	52,9	60,8	61,1	62,1	62,8	61,6	59,6	58,6	61,0	+8	+3	+22
Старше 55 лет	44,4	53,9	56,9	52,3	52,9	58,9	57,0	59,8	60,8	62,1	60,4	58,0	59,7	+7	+6	+15
Образование																
Среднее и н/среднее	40,9	55,3	57,0	54,6	52,8	59,8	60,3	60,2	61,4	62,1	63,4	57,1	60,8	+8	+5	+20
Среднее специальное	39,1	55,5	57,1	52,5	51,6	59,4	59,1	59,1	60,8	60,7	57,8	58,4	59,3	+8	+4	+20
Высшее и н/высшее	36,7	56,4	56,4	52,9	52,6	58,8	57,6	61,6	60,2	60,1	56,0	56,3	58,6	+6	+2	+22
Доходные группы																
20 наименее обеспеченных	42,8	62,2	61,8	63,4	61,8	62,4	66,4	68,6	61,1	59,7	63,1	59,3	63,0	+1	+1	+20
60 среднеобеспеченных	40,1	54,9	56,7	52,6	51,4	60,6	60,2	61,6	61,8	63,1	61,9	59,7	61,4	+10	+7	+21
20 наиболее обеспеченных	30,4	53,9	53,8	47,4	47,3	55,7	55,3	53,3	60,9	56,8	47,9	53,5	54,6	+7	+1	+24
Территории																
Вологда	41,8	53,3	61,3	53,2	54,8	60,1	59,6	61,3	64,7	63,8	58,5	57,5	60,9	+6	+8	+19
Череповец	34,1	57,7	57,5	51,7	51,8	62,8	62,1	60,9	62,3	64,3	61,5	58,7	61,6	+10	+4	+28
Районы	40,2	56,0	54,2	54,4	51,3	57,1	57,2	59,7	57,9	57,7	58,0	56,5	57,8	+7	+2	+18
Область	39,0	55,8	56,8	53,4	52,3	59,4	59,1	60,4	60,9	61,1	59,1	57,3	59,7	+7	+4	+21

Неуспешной деятельность главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан считает **более 50% населения во всех основных социальных слоях**. По последним данным (на апрель 2017 г.) в 11 из 14 социально-демографических категорий населения это мнение разделяют **57–60%**.

В 2016 г., по сравнению с 2015 г., доля отрицательных оценок увеличилась на 2–12 п.п.; по сравнению с 2007 г. – на **18–28 п.п.**

Говорить об относительно позитивных изменениях в краткосрочной динамике (за последние 6 опросов) можно только лишь в отношении женской части населения (доля негативных оценок снизилась на 6 п.п., с 60 до 54%), а также в отношении людей, по самооценке доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных (с июня 2016 по апрель 2017 г. доля людей, считающих неуспешными действия Президента по решению материальных проблем населения, в этой группе уменьшилась на 7 п.п., с 66 до 59%).

Делать вывод о том, что хотя бы в одной из 14 рассматриваемых категорий граждан отмечается устойчивая динамика снижения негативных оценок успешности решения Президентом вопросов подъема экономики и роста благосостояния граждан, пока не приходится.

нельзя не согласиться с их лидерами, утверждающими, что «почва для протестов сейчас, похоже, благодатная»³⁰; «власть сама нам помогает, будет звучать еще больше экономических и политических требований»³¹; «мы даже предугадать не можем, какой будет следующая заметная акция, особенно когда речь идет об экономических протестах. Несмотря на уверения правительства, россияне не чувствуют, что стали жить лучше...»³²

В крупнейших протестных акциях, прошедших в России в 2010-х гг., принимали участие десятки (а по некоторым оценкам

– сотни) тысяч людей – россиян, неудовлетворенных положением дел в стране, решением вопросов социальной справедливости, социальной защиты, достойного качества жизни. По данным МВД, в 2012 г. в митинге на Болотной площади приняли участие до 36 тыс. чел., на Поклонной горе – 138 тыс. человек³³. Эти цифры сами по себе говорят о многом, но еще больше опасений вызывает мнение экспертов: «Не дай бог, если сомкнутся Болотная площадь и Поклонная гора...»³⁴

Страна устает от «некрасивых» историй и ждет от Президента решительных действий.

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

What a Shame...

Information about the Author

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

³⁰ Горбачев А. Ходорковский тоже планирует масштабную акцию (мнение Т. Валеева) // Независимый информационный проект «Политинформатор.ру» от 31.03.2017. – Реж. дост.: <http://politinformator.ru/articles/4422>

³¹ Гармоненко Д. Новая оппозиция прорвалась в 60 городов // Независимая газета. – 2017. – 21 февр. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/politics/2017-02-21/3_6934_newopposicia.html

³² Там же. Мнение К. Колачева.

³³ Поклонная против Болотной // Интернет-газета «Столетие» / Фонд исторической перспективы – Реж. дост.: http://www.stoletie.ru/na_pervuiu_polosu/poklonnaja_protiv_bolotnoj_2012-02-04.htm

³⁴ Проханов А. Покайтесь, ехидны! [Эл. рес.] // Газета «Завтра». – 2017. – 22 мар. – Реж. дост.: http://zavtra.ru/blogs/pokajtes_ehidni

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в феврале – апреле 2017 г., а также в среднем за последние 6 опросов (июнь 2016 – апрель 2017 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2013 г. представлена годовая динамика данных.

В феврале – апреле 2017 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился (64–66%). В то же время стоит отметить, что поддержка главы государства в начале 2017 г. ниже, чем в 2015–2016 гг. (68–69%).

Оценка деятельности Председателя Правительства РФ за последние два месяца незначительно ухудшилась: доля положительных оценок уменьшилась на 3 п.п. (с 50 до 47%). Для сравнения: в 2015 г. уровень поддержки главы Правительства составлял 58%, в 2016 г. – 52%, в марте 2017 г. – 48%.

Для справки: в целом по стране уровень одобрения деятельности Президента РФ остается стабильным. В феврале – марте 2017 г. по данным ВЦИОМ он составил 84–85% (доля негативных оценок – 10%); по данным Левада-Центра – 82–84% (удельный вес отрицательных суждений – 15–17%). По данным Левада-Центра в феврале – марте 2017 г. существенно снизилась доля положительных оценок деятельности Председателя Правительства – на 10 п.п. (с 52 до 42%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vsc.ac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к		
														2015	2011	2007
Президент РФ																
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	69,1	67,8	67,4	68,7	68,4	67,3	65,7	63,6	66,9	-2	+8	-8
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	17,5	18,8	20,1	19,6	19,7	19,3	21,1	23,6	20,6	+3	-5	+9
Председатель Правительства РФ*																
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	58,1	52,3	52,8	52,7	49,4	50,4	50,4	47,5	50,5	-8	-9	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	21,7	27,6	28,6	27,7	30,6	30,1	29,8	32,8	29,9	+8	+5	-
Губернатор																
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	37,7	38,2	38,4	39,1	40,2	38,9	36,7	38,6	-1	-7	-17
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,2	39,3	40,3	40,0	39,3	38,5	37,8	41,1	39,5	+3	+9	+17
* Вопрос задается с 2008 г.																

С февраля по апрель 2017 г. незначительно снизилась оценка деятельности Президента РФ по укреплению международных позиций России (доля положительных суждений уменьшилась на 3 п.п., с 55 до 52%) и наведению порядка в стране (на 3 п.п., с 50 до 47%).

Мнение жителей области об успешности действий Президента по защите демократии и укреплению свобод граждан, а также по подъему экономики и росту благосостояния за последние два месяца существенно не изменилось (доля положительных оценок составляет 37 и 26% соответственно).

В среднем за последние 6 опросов, по сравнению с 2015 г., доля жителей области, считающих, что глава государства успешно справляется с проблемой защиты демократии и укрепления свобод граждан, снизилась на 3 п.п. (с 40 до 37%); с проблемой подъема экономики и роста благосостояния — на 8 п.п. (с 34 до 26%). В 2007 г. доля людей, положительно оценивающих деятельность главы государства по решению материальных проблем населения, составляла 47%, в 2011 г. — 31%, в апреле 2017 г. — 26%. Таким образом, за последние 5 лет негативная тенденция общественного мнения сохраняется.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?*

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к		
														2015	2011	2007
Укрепление международных позиций России																
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	51,7	51,2	52,2	50,1	51,4	51,9	54,5	52,4	52,1	0	+6	-6
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,3	29,9	29,0	30,3	28,8	31,1	26,5	27,7	28,9	-2	-5	+4
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>120,4</i>	<i>121,3</i>	<i>123,2</i>	<i>119,8</i>	<i>122,6</i>	<i>120,8</i>	<i>128,0</i>	<i>124,7</i>	<i>123,2</i>	<i>+3</i>	<i>+11</i>	<i>-10</i>
Наведение порядка в стране																
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	50,2	49,2	49,7	50,0	49,7	50,2	49,5	47,3	49,4	-1	+13	-4
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,9	36,7	37,5	35,1	35,6	36,7	36,8	38,8	36,8	-1	-13	+3
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>112,3</i>	<i>112,6</i>	<i>112,2</i>	<i>115,4</i>	<i>114,1</i>	<i>113,5</i>	<i>112,7</i>	<i>108,5</i>	<i>112,7</i>	<i>0</i>	<i>+26</i>	<i>-6</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан																
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,4	36,6	38,3	36,7	35,7	36,2	38,6	36,8	37,1	-3	+5	-7
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,5	44,3	42,2	45,0	44,7	44,3	41,3	43,5	43,5	+2	-5	+7
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>99,0</i>	<i>92,3</i>	<i>96,1</i>	<i>91,7</i>	<i>91,0</i>	<i>91,9</i>	<i>97,3</i>	<i>93,3</i>	<i>93,6</i>	<i>-5</i>	<i>+9</i>	<i>-14</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан																
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,2	27,2	27,5	26,7	26,4	27,2	26,1	25,8	26,6	-8	-4	-21
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	52,3	59,4	59,1	60,4	60,9	61,1	59,1	57,3	59,7	+7	+4	+21
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>81,8</i>	<i>67,8</i>	<i>68,4</i>	<i>66,3</i>	<i>65,5</i>	<i>66,1</i>	<i>67,0</i>	<i>68,5</i>	<i>67,0</i>	<i>-15</i>	<i>-8</i>	<i>-41</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.

В структуре партийно-политических предпочтений населения за последние два месяца существенных изменений не произошло. Уровень поддержки «Единой России» составляет 32–34% (что ниже, чем в 2015 г. – 39%), ЛДПР – 11%, КПРФ – 6–8%, «Справедливой России» – 4–5%.

С февраля по апрель 2017 г. заметно увеличилась доля жителей области, считающих, что ни одна из основных политических партий не отражает их интересы (на 3 п.п., с 31 до 35%). Это значительно выше, чем в 2016 г. (29%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт		Выборы в ГД РФ 2011 г., факт		2013	2014	2015	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт		Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
		2015	2011	2007																	
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	35,4	38,0	36,0	36,5	36,3	34,5	33,9	31,8	34,8	-4	+4	+5		
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	10,4	21,9	10,3	10,5	12,8	13,9	10,2	10,7	11,4	+5	+4	+4		
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	8,3	14,2	8,0	7,5	9,0	8,7	7,2	6,2	7,8	+1	-3	+1		
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	4,2	10,8	4,0	4,7	6,1	4,9	4,3	4,8	4,8	+1	-1	-3		
Другая	1,8	-	1,9	-	0,6	0,3	0,2	0,3	-	0,3	0,4	0,3	0,3	0,1	0,5	0,3	0	-2	-1		
Никакая	17,8	-	29,4	-	34,9	34,4	31,8	29,4	-	29,7	26,1	23,7	30,1	30,7	34,8	29,2	-3	0	+11		
Затрудняюсь ответить	21,2	-	13,2	-	10,2	11,7	12,2	12,0	-	11,7	14,3	11,8	7,7	13,6	11,2	11,7	0	-1	-9		

За последние два месяца оценки социального самочувствия населения существенно не изменились. Доля людей, положительно характеризующих свое настроение, составляет 67–69%; удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», – 77–78%.

Доля жителей области, считающих себя «бедными» и «нищими», в марте 2017 г. составила 47%, что соответствует показателям декабря 2016 и февраля 2017 гг. **Удельный вес людей «среднего» достатка незначительно ниже – 43%.**

Индекс потребительских настроений в феврале – апреле 2017 г. составил 81–82 пункта. **Это выше, чем в 2015–2016 гг. (77 п.), однако ниже 100 п., что означает преобладание пессимистических прогнозов населения относительно динамики развития экономической ситуации и своего личного материального положения.**

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Среднее за послед- ние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к		
														2015	2011	2007
Настроение																
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	68,0	68,8	70,2	70,4	67,2	68,6	68,9	0	+6	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,9	26,2	26,7	25,8	24,3	26,1	28,5	25,5	26,2	0	-3	-2
Запас терпения																
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	78,0	78,2	78,3	79,5	81,1	78,2	77,3	78,8	0	+4	+5
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	14,5	15,6	15,7	15,5	14,9	14,9	16,1	16,4	15,6	+1	0	+2
Социальная самоидентификация*																
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	38,7	42,1	42,8	43,2	42,3	43,7	42,5	42,8	42,9	+4	0	-5
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	50,7	49,0	47,1	49,5	48,9	47,4	47,2	47,3	47,9	-3	+4	+6
Индекс потребительских настроений																
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	77,7	77,3	79,4	80,8	79,4	82,0	80,8	80,0	+3	-10	-26
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»																

В феврале—апреле 2017 г. доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», в большинстве социально-демографических групп не изменилась.

В то же время отмечается рост доли жителей региона, испытывающих положительные эмоции, среди людей в возрасте до 30 лет (на 10 п.п., с 71 до 81%), от 30 до 55 лет (на 3 п.п., с 67 до 70%), а также среди тех, кто по самооценке собственных доходов относит себя к категории 20% наименее обеспеченных (на 4 п.п., с 45 до 49%).

Негативные изменения в динамике социального настроения за последние два месяца наблюдаются среди людей старше 55 лет (на 6 п.п., с 66 до 60%) и тех, кто по самооценке доходов относится к группе 20% наиболее обеспеченных жителей области (на 6 п.п., с 86 до 80%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к		
														2015	2011	2007
Пол																
Мужской	65,9	64,5	69,9	68,9	69,5	68,8	70,0	67,3	71,6	73,3	66,9	67,6	69,5	0	+5	+4
Женский	61,7	62,0	67,5	69,8	68,0	67,4	66,5	70,0	69,0	68,1	67,4	69,4	68,4	0	+6	+7
Возраст																
До 30 лет	71,3	70,0	75,5	75,1	77,1	76,4	81,2	74,5	76,3	80,8	70,9	80,5	77,4	0	+7	+6
30-55 лет	64,8	62,5	69,2	69,5	67,2	67,4	68,3	67,1	68,9	71,8	66,7	70,1	68,8	+2	+6	+4
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,4	65,4	65,5	64,0	59,8	67,7	68,3	62,8	65,8	60,4	64,1	-1	+6	+9
Образование																
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	60,6	62,5	63,6	62,1	62,9	61,7	64,7	62,8	61,4	64,9	63,1	-1	+6	+5
Среднее специальное	64,6	63,6	68,1	70,4	70,1	68,4	69,3	68,5	72,1	72,7	67,7	69,3	69,9	0	+6	+5
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,4	76,2	72,7	74,3	73,3	76,8	74,6	76,9	73,1	71,7	74,4	+2	+6	+6
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	46,2	50,8	51,8	52,5	52,0	56,3	55,5	57,5	44,6	49,1	52,5	+1	+7	+1
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	71,9	72,3	71,0	69,4	69,3	70,4	71,8	70,7	70,8	70,6	70,6	0	+5	+8
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	83,3	84,8	82,0	80,9	85,2	78,5	79,3	83,5	86,3	79,9	82,1	0	+7	+7
Территории																
Вологда	63,1	67,1	75,0	76,4	73,9	69,9	71,5	69,2	71,0	73,6	67,9	70,6	70,6	-3	+4	+8
Череповец	68,1	71,2	75,3	76,3	70,6	71,7	72,5	74,0	72,7	74,0	73,7	74,1	73,5	+3	+2	+5
Районы	61,6	57,1	61,6	61,8	64,6	64,8	63,7	65,7	68,1	66,6	63,1	64,3	65,3	+1	+8	+4
Область	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	68,1	68,8	70,1	70,4	67,2	68,6	68,9	0	+6	+5

Заключение

Результаты социологического опроса, проведенного в апреле 2017 г., свидетельствуют о продолжении тревожных тенденций в оценке населением деятельности органов власти. За последние 6 опросов (с июня 2016 по апрель 2017 г.) уровень поддержки Президента РФ снизился на 3 п.п. (с 67 до 64%), Председателя Правительства — на 5 п.п. (с 53 до 48%). За весь этот период позитивной динамики общественного мнения не наблюдалось.

При этом стабильно низкой остается доля людей, считающих успешными действия главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан (25–26%). Для сравнения: противоположного мнения придерживаются 57–60% населения.

Показательным индикатором можно назвать динамику партийно-политических предпочтений населения. Поддержка партии власти после выборов в Государственную Думу 2016 года пока что имеет негативную динамику: в октябре 2017 г. — 36%, в феврале 2017 г. — 34%, в апреле — 32%. Доля сторонников остальных парламентских партий остается стабильной. В то же время отмечается достаточно уверенный рост удельного веса жителей области, считающих, что ни одна из политических сил на сегодняшний день не выражает их интересов: в октябре 2016 г. — 24%, в феврале 2017 г. — 31%, в апреле — 35%. Такая динамика оценок населения может быть связана либо с общим ростом апатичности населения, либо с разочарованием именно в той политической системе, которая сложилась в России. И в том, и в другом случае, обращение Президента к парламентским партиям (и прежде всего к «Единой России») по поводу того, что «результаты выборов — это, без всяких сомнений, только аванс со стороны нашего народа, и его нужно отработать»², пока остается без внимания.

В динамике показателей социального настроения и самооценки уровня доходов за последние два месяца существенных изменений не наблюдается. Следует отметить, что в прогнозах населения относительно перспектив развития благосостояния по-прежнему преобладают пессимистические суждения (об этом говорит значение индекса потребительских настроений ниже 100 пунктов).

В феврале — апреле 2016 г. заметно улучшились показатели социального настроения среди людей в возрасте до 30 лет (доля позитивных оценок возросла на 10 п.п., с 71 до 81%) и ухудшились — среди людей старше 55 лет (на 6 п.п., с 66 до 60%), а также среди тех, кто по самооценке доходов относится к группе 20% наиболее обеспеченных жителей области (на 6 п.п., с 86 до 80%). На наш взгляд, это может являться следствием крупных протестных выступлений, организованных оппозицией в начале 2017 г. (в частности, антикоррупционный митинг, состоявшийся 26 марта 2017 г.). Как отмечают эксперты (Е. Минченко), «антикоррупционные протесты могут объединить разные группы населения — школьников и дальнбойщиков, либерал-демократов и левых... Еще один серьезный риск протестов — потенциально их может «присвоить» наиболее радикальная сила. Например, А. Навальный,

² Стенограмма совещания Президента РФ В.В. Путина с членами Правительства 19 сентября 2016 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/52913>

который в декабре прошлого года заявил, что намерен баллотироваться в президенты в 2018 году. Пока объединения разных сил в протестах против коррупции не произошло — в частности, у студентов и дальнбойщиков разные требования, но вполне вероятно, что смычка между ними произойдет в будущем»³.

Казалось бы, совсем недавно (в 2014, 2015 гг.) социологи отмечали рекордные темпы роста поддержки деятельности Президента, но эффект «крымской весны» и успехи международной политики главы государства продолжают уступать свое место в общественной повестке дня вопросам внутреннего экономического развития, достижения социального благополучия и уверенности в завтрашнем дне. По мере приближения президентских выборов, намеченных на март 2018 г., ожидания общества относительно эффективного решения наболевших вопросов, связанных с достижением социальной справедливости, роста уровня и качества жизни всё чаще становятся тем объединяющим фактором, который используется несистемной оппозицией и мотивирует представителей самых разных слоев населения к участию в массовых протестных выступлениях.

«В будущем все будет зависеть от действий власти: если она будет решать проблемы — то вряд ли кто-то объединится, если же нет — то любая стачка возможна»⁴.

³ Политологи назвали главные риски акций протеста Навального для Кремля [Эл. рес.] // Телеканал РБК от 03.04.2017. — Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/03/04/2017/58de4d6d9a7947f6ac645050?from=main>.

⁴ Там же.

DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.2

УДК 001.92, ББК 76.02.712

© Ильин В.А., Третьякова О.В., Морев М.В.

Размышления по итогам пятидесятого выпуска журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru

**Ольга Валентиновна
ТРЕТЬЯКОВА**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: olga.tretyakova@yandex.ru

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

Для цитирования: Ильин, В.А. Размышления по итогам пятидесятого выпуска журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» / В.А. Ильин, О.В. Третьякова, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 30-59. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.2

For citation: Ilyin V.A., Tretyakova O.V., Morev M.V. Reflections upon the results of the fiftieth issue of the journal "Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast". *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 30-59. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.2

Уважаемый читатель!

Перед Вами 50-й номер ведущего периодического издания Института социально-экономического развития территорий – журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз».

ИСЭРТ РАН при системной поддержке Отделения общественных наук РАН, областного правительства и городской администрации развивает систему академического научного знания на территории Вологодской области уже более 25 лет. В своем становлении Институт всегда ориентировался на глубокие исторические традиции отечественной и мировой науки и, одновременно, на инновационные течения, регулярно возникающие в соответствии с потребностями социально-экономической и общественно-политической жизни. **Выстроенная за четверть века система была сформирована исключительно с одной целью – создать в Вологодской области саморазвивающуюся ячейку фундаментального научного знания.**

История журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» во многом отражает развитие как самого ИСЭРТ РАН, так и всего Отделения общественных наук. В связи с этим членами редколлегии был проведен научный анализ основных этапов становления журнала, критериев оценки его эффективности. Итоги данной работы показывают, **что взаимная заинтересованность и совместные усилия академического сообщества и местных органов власти способны привести к эффективному результату в создании качественного научного журнала как одной из важнейших составляющих развития научного потенциала территорий.**

«Всякий, кто берет на себя труд осведомлять публику о том, что содержится в новых сочинениях, должен прежде всего взвесить свои силы. Ведь он затевает трудную и очень сложную работу, при которой приходится докладывать не об обыкновенных вещах и не просто об общих местах, но схватывать то новое и существенное, что заключается в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми».

М.В. Ломоносов. Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии (1755 г.)

1. Научный журнал в России: история и современность

В мире высоких технологий, стремительного развития инноваций и турбулентности политических процессов сложно переоценить роль фундаментального научного знания. «Наступивший век по прогнозам и выводам футурологии должен стать веком торжества научного мировоззрения и

явить миру качественно новые принципы и подходы к организации настроенного на объединение мирового сообщества, к управлению каждым отдельным государством и обществом»¹.

¹ Осипов Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. – М: ИСПИ РАН, 2014. – С. 9.

Тем актуальнее сегодня постановка вопроса о создании системы аккумуляции, сохранения и передачи следующим поколениям фундаментального научного знания в регионах; в каждом конкретно взятом подразделении РАН. На наш взгляд, это вопрос не столько выживаемости российской науки, ее качества, сколько вопрос морально-нравственной ответственности ведущих ее представителей на местах, и в первую очередь руководителей научных учреждений.

Критериев эффективности реализации данной задачи может быть много: количество защитившихся аспирантов, научный статус сотрудников, динамика публикационной активности и т.д. Эти показатели, как нам видится, безусловно важны, но **одним из самых объективных критериев является качество выпускаемой организацией научной продукции, и прежде всего периодических печатных изданий.**

Всем известно, что сегодня многие «продвинутые предприниматели» пытаются превратить научный журнал в инструмент зарабатывания денег. Интернет наполнен предложениями о публикации рукописей статей в журналах ВАК, Scopus и др. за большие деньги. За ещё большие деньги можно купить и скорость опубликования... Однако это и есть индикатор кризиса научного знания в нашей стране: всё продаётся и покупается, и для науки это может стать фатальной тенденцией.

Продолжая линию трактовки научного журнала как критерия состояния академического знания, следует отметить, что его роль в развитии научной и философской мысли в России (так же как и в жизни российского общества, науки и власти) переоценить практически невозможно. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить

беглый взгляд на историю отечественной периодической печати.

Первым регулярным печатным изданием в нашей стране была газета «Ведомости», или, как называл ее Петр I (по приказу которого она появилась), «Куранты». Возможно, Петр I и преследовал более высокие цели, учреждая газету, но задачи и содержание первых номеров были весьма утилитарными: «Указ об издании газеты датируется 1702-м годом не случайно. Северная война началась для России неудачно. Потерпев поражение под Нарвой, русская армия потеряла всю артиллерию. И вот теперь, когда Россия напрягала все силы, чтобы дать отпор войскам Карла XII, необходимо было убедить народ в необходимости продолжать войну со шведами, объяснить значение некоторых мер правительства, например конфискации колоколов у церковей для переливки их на пушки. Наконец, надо было сообщить населению страны, что заводы наращивают выпуск оружия и боеприпасов, что у царя помимо русских войск имеется поддержка со стороны народов России...»²

Первая отечественная газета «Ведомости» (1703 г.)

² Рохленко Д. Первая русская печатная газета [Эл. рес.] // Наука и жизнь. — 2017. — № 4. — Реж. дост.: <http://www.nkj.ru/archive/articles/9324/>

В газете не было тематических рубрик, поэтому многие номера представляли собой «пеструю смесь самых разнообразных сведений — от описания морского сражения до рекламы целебных свойств олонецких вод». Главной темой было освещение событий Северной войны (преимущественно победных для российской армии). Кроме того, освещались дела промышленности и торговли; изменения, происходившие в области просвещения и т.д. «“Ведомости”, несомненно, расширяли кругозор читателей, знакомя их с жизнью европейских стран, популяризируя географические знания, систематически разъясняя географические термины и т.п.»³.

Тем не менее после смерти Петра I «любезнейший орган» (как называл сам Петр свое «детиче») просуществовал менее двух лет. Постепенно сужалась тематика публикуемых материалов, она все более ограничивалась описанием официальных торжеств. Газета выходила очень редко, и в 1727 г. ее передали в ведение Академии наук, после чего она получила название «Санкт-Петербургские ведомости».

В отличие от первой газеты, первый научный журнал в нашей стране появился, можно сказать, стихийно, как приложение к газете. И это очень важно для характеристики научного журнала как формы издания. Поскольку главным редактором газеты «Санкт-Петербургские ведомости» являлся немец по происхождению Г.Ф. Миллер (известный также по своим историческим очеркам о Сибири), газета выходила на двух языках — русском и немецком. При этом изобилие сложных для понимания простых читателей терминов потребовало учреждения так называемых «Месячных исторических, генеалогических

«Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (1729 г.)

и географических примечаний в Ведомостях» (или просто «Примечания»).

Многие статьи «Примечаний» были продолжением или дополнением к уже опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях» информации. Для того чтобы читателю была понятна эта связь, на полях печаталась ссылка на номер газеты. Позднее тематика публикаций в журнале расширялась и лишь отчасти оказывалась связанной с содержанием газеты. В «Примечаниях» печатались стихи поэтов, о которых упоминалось в «Санкт-Петербургских ведомостях», или стихи на аналогичную газетной публикации тему. Затем в журнале появляется и развивается проза. Уже в 1741 г. стали печататься переводные и оригинальные оды М.В. Ломоносова, оригинальный текст античных поэтов и силлабические переводы, серии статей по истории и теории драматического и поэтического искусства и т.д. Множество публикаций касалось науки — физики, математики, астрономии, философии,

³ Там же.

химии, естествознания. В «Примечаниях» была помещена также первая печатная рецензия на русском языке на книгу по экономическим вопросам⁴.

Так появился первый в России научный журнал, который выходил ежемесячно около 15 лет (1728–1742 гг.), а позже неоднократно переиздавался в сокращенном виде.

Таким образом, уже из самой истории возникновения первого научного журнала видна его роль в России: просто сводка новостей, которую предлагала первая печатная газета («Ведомости»), не устроила российское общество. Даже несмотря на то, что газета была учреждена и поддерживалась «сверху» (Петр лично принимал участие в редактировании статей).

Совершенно противоположная судьба у первого российского журнала, который изначально задумывался как справочное издание, а в конечном итоге превратился в регулярное, комплексное по тематическому охвату издание, ставшее прообразом так называемых «толстых журналов» — исключительно российского явления, свидетельствующего о потребностях российских читателей в глубокой и разносторонней информации.

«Русский толстый ежемесячник, очень долго остававшийся основным типом периодического издания в системе прессы, сложился в специфических условиях России, где отсутствие книг и огромная протяженность территории оставляли читателям, живущим не в столицах, возможность черпать интересующие их сведения и читать хорошую литературу только на страницах журнала. Это издание соединяло в себе литературный сборник, политическую

Ульянов Н.А.: «Наша русская литература (вся в целом) имеет в числе многих своеобразных черт одну, чрезвычайно отличающую ее от западноевропейской. Эта черта — значительное распространение так называемых толстых журналов»⁵.

газету и своеобразную энциклопедию. Русские журналисты называли его журналом «обычного русского типа». То, что толстый журнал — тип периодики, вызванный к жизни своеобразными условиями России, играет особую роль именно в русской журналистике, отмечали все, кто писал о развитии системы прессы в стране»⁶.

Академия наук издавала три журнала: «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1755–1764); «Академические известия» (1779–1781) и «Новые ежемесячные сочинения» (1786–1796). «Все эти издания стремились к популяризации науки среди русских читателей, а также старались объединить вокруг себя лучшие литературные силы. Служение добру и общественному благу — также значились среди задач этих изданий»⁷.

Комплексный характер содержания, объединяющего литературно-художественные произведения, политические новости и энциклопедические сведения, наряду с большим объемом издания (до 300–500 страниц), являлись «визитной карточкой» толстого журнала.

Появившиеся в 90-х гг. XIX в. журналы «Жизнь», «Образование» и некоторые другие «неизбежно трансформировались в

⁴ Козлова М.М. История отечественных средств массовой информации [Эл. рес.]. — Ульяновск, 2000. — Реж. дост.: http://evartist.narod.ru/text3/09.htm%D0%B7_02

⁵ Указатель журнальной литературы / сост. Н.А. Ульянов. — СПб., 1912. — С. 6.

⁶ Махонина С.Я. История русской журналистики [Эл. рес.]. — Реж. дост.: http://www.evartist.narod.ru/text1/93.htm#_top

⁷ Козлова М.М. История отечественных средств массовой информации [Эл. рес.]. — Ульяновск, 2000. — Реж. дост.: http://evartist.narod.ru/text3/09.htm%D0%B7_02

традиционные толстые журналы, что было вызвано требованиями аудитории и усложнившейся в предреволюционный период общественной жизнью, требовавшей от редакций широкого обобщающего освещения, развернутых комментариев, именно того, к чему был так хорошо приспособлен толстый журнал»⁸.

На рубеже XIX и XX вв. развитие газет отодвинуло журнал с первого места в системе прессы. Повсеместно слышались разговоры о смерти подобного типа изданий. Научно-технический прогресс начала XX в. привел к росту потребности читателей в научных знаниях, поэтому в толстых журналах повысилась роль энциклопедического материала, много внимания уделялось проблемам образования и просвещения. Дальнейшая дифференциация наук и интерес к естественнонаучным дисциплинам вызвали к жизни большое количество специализированных изданий («Вестник знания», «Вокруг света», «Природа и люди» и др.). Толстым журналам, с их комплексным содержанием, стало сложнее удовлетворять потребностям читателей. Журнал «Современная жизнь» в 1906 г. писал, что толстые журналы «слишком медлительны и слишком громоздки, чтобы в острые периоды общественной жизни быть главными руслами идейных течений. Правда, их солидность, основательность в разработке задач времени куда выше приемов легкомысленной прессы. Но когда центр тяжести интересов не в теоретическом, а в практическом творчестве, пока нет вольного или невольного затишья, реакции — эта солидность мало помогает им»⁹.

«Однако несмотря на все разговоры о смерти толстого журнала, он не умер, не исчез, а еще раз доказал жизнеспособ-

ность „обычного русского” издания в качественно изменившейся системе журналистики. „Современная жизнь” оказалась права: отошедший в тень в период общественных потрясений толстый журнал вновь занял свое место в период затишья реакции, когда настало время углубленного анализа пережитых революционных бурь: журнал этого типа еще раз доказал, что именно он наилучшим образом приспособлен для такой работы.»¹⁰ Классическими толстыми журналами в России в XX веке являлись «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль», «Современный мир» и др.

Изучая содержание и тенденции печатных изданий своего времени, выдающийся литературный критик и журналист В.Г. Белинский сформулировал ряд основных положений теории журнального дела. Считая «необходимым условием существования журнала и его постоянного кредита у публики» наличие определенного направления, он писал: **«Журнал должен иметь прежде всего физиономию, характер; альманачная безличность для него всего хуже. Физиономия и характер журнала состоят в его направлении, его мнении, его господствующем учении, которого он должен быть органом».** В журналистике, так же как и в литературе, очень важным, по мнению Белинского, было **чувство «современности», т.е. умение откликнуться на злободневные проблемы жизни, потребности общества.** Для этого необходимо изучать и знать читателя. Белинский называл «первейшей и священной обязанностью журналиста «умножение читателей». **Журналист обязан воспитывать вкус читателя, а миссия журнала — быть «руководителем общества».** В обзоре «Русская литература в 1842 году»

⁸ Там же.

⁹ Современная жизнь. — 1906. — № 9–10. — С. 241.

¹⁰ Козлова М.М. История отечественных средств массовой информации...

Белинский затронул еще одну сторону профессиональной деятельности журналиста — работу с фактом. «Живая, беспокойная, тревожная» потребность разобраться в жизни требует не просто фиксации факта: **«Все дело в разумении значения фактов».** Это возможно, когда журналисту ясен **«смысл и значение факта»** и когда он умеет **«перевести факт на идею»**¹¹.

В это же время (в середине XIX в.) А.И. Герцен в предисловии к первому номеру журнала «Колокол» писал: *«События в России несутся быстро, их надо ловить на лету, обслуживать тотчас»*¹².

За прошедшие полтора века миссия и роль научных журналов не утратили свой смысл и свое значение. Напротив, по мере ускорения темпов жизни, усложнения политических процессов и социальных отношений, роста информационных технологий (способствовавших распространению электронных ресурсов), с одной стороны, стали возникать более сложные, глобальные вызовы перед всей мировой цивилизацией, перед страной и перед наукой; с другой стороны, актуализировалась потребность в качественной, глубокой аналитике, что является «визитной карточкой» именно журнальных изданий.

Для России вышеперечисленные тенденции особенно значимы. Наша страна уже давно существует в условиях необходимости догонять западные страны, но сегодня эта потребность актуализировалась как никогда: многие эксперты (С.С. Губанов, С.Ю. Глазьев, Б.Ю. Титов, Е.В. Балацкий и др.) утверждают, что России нужен рывок, основанный на смене

экономической модели, опоре на инновационные технологии. Такой рывок невозможно осуществить без смены управленческими структурами своего понимания принципов современной экономики, а для этого нужна мощная база фундаментального научного знания («критическая масса»), которая находится в научных журналах; ее носителями (субъектами) являются авторы, публикующиеся на страницах печатных изданий.

Ведущие современные российские ученые отмечают исключительную роль научного журнала в развитии экономической, социологической, философской мысли, что служит необходимым условием для решения важнейших проблем нашей страны и ее дальнейшего существования в рамках глобальной геополитической конкуренции (вкладка 1).

Таким образом, со времени возникновения научного журнала роль, которую он играет в формировании и развитии научного потенциала России, не изменилась и даже усилилась. По мере ускорения темпов жизни и усложнения социальных и политических процессов к подобному изданию предъявляются все более высокие требования: оно должно сочетать в себе междисциплинарный характер исследований; находить баланс между классическими и инновационными работами, теоретическими и экспериментальными статьями; держать руку «на пульсе» мировых событий и мейнстрима научно-философской парадигмы развития. Соблюдение этих требований выступает неотъемлемым условием для выполнения такой важнейшей задачи современного научного журнала, как обеспечение преемственности академического знания. И только тот журнал, который ставит перед собой эту задачу, может считаться достойным представителем фундаментальной науки.

¹¹ В.Г. Белинский — журналист и критик // Информационный портал «Русские писатели и поэты». — Реж. дост.: http://writerstob.narod.ru/raznoe/raznoe_belinsky.htm

¹² Герцен А.И. Предисловие к журналу «Колокол». — 1857. — № 1 // Информационный портал «Biografia.ru». — Реж. дост. <http://www.biografia.ru/arhiv/600.html>

Эксперты о современной роли научного журнала

Эксперт	Мнение	Источник
Н.М. Плискевич (к.э.н., экономист, зам. гл. редактора журнала «Общественные науки и современность»)	«Процессы глобализации и информатизации экономики достигли такого уровня, что привычные способы государственного регулирования экономики оказываются явно недостаточными. Это, в частности, продемонстрировал последний экономический кризис. Регулирующий потенциал государства нуждается в обновлении, равно как и в дополнении его современными механизмами саморегуляции экономических процессов. Эта новая саморегуляция предполагает и новую, более сложную роль субъекта экономических отношений, предъявление данному субъекту особых требований, новых оценок субъектами экономической реальности. По сути, все это предполагает пересмотр представлений об экономической рациональности, не ограничивающихся сугубо материальными критериями экономической эффективности, но включающих и духовные, нравственные компоненты. Естественно, что выработка новых представлений об экономической рациональности, включающих нематериальные, духовные аспекты, в само тело экономической теории в противовес рассмотрению их только как некоего внешнего контура, немислимо вне сотрудничества экономистов и с философами, и с психологами, и с социологами, и с экологами, и с представителями других дисциплин. И здесь экономические журналы могут стать площадкой такого сотрудничества.»	Плискевич Н.М. Междисциплинарный подход к экономическим реалиям (Журнал новой экономической ассоциации. 2011. №12. С. 180)
Ж.Т. Тощенко (чл.-корр. РАН, д.филол.н., проф., гл. науч. сотрудник Института социологии РАН)	«Общество живет в ожидании перемен. Как показывает анализ, возможности, которые открылись в начале 2000-х гг., исчерпаны. Нужен новый качественный скачок в развитии. В результате и власть, и оппозиционные силы (и конечно, наука) ищут пути решения этой непростой задачи. Это особенно ярко проявляется в росте числа недовольных, неудовлетворенных ходом происходящих изменений. Поэтому для редакции большое значение имеют материалы, направленные на анализ состояния и проблем общественного и группового сознания, на готовность действия (или деятельности) по реализации того, что созрело в душах и сердцах людей. В конечном счете, развитие пойдет по тому руслу, которое воплощено не в программах официальной политической власти или ее оппонентов, а в том направлении, которое отражает ожидания и ориентации большинства людей.»	Тощенко Ж.Т. Время Акме. (Социологические исследования. 2014. № 7. С. 7)

Эксперт	Мнение	Источник
Г.Б. Клейнер (чл.-корр. РАН, д.э.н., Отделение общественных наук РАН, секция экономики)	«В существующей сейчас в России институциональной структуре основным институтом, который может квалифицированно выполнять эти функции, является Российская академия наук. Здесь накоплен колоссальный опыт научных исследований, здесь происходит осмысление, проверка и корректировка (при необходимости) результатов исследований, их публикация и т.д. По сути, сама РАН объединяет в себе гигантскую базу знаний, мощный процессор знаний и множество общественных институтов, необходимых для получения, проверки, хранения и публикации знаний. Эта первая и основная миссия Академии наук естественным образом проецируется на деятельность академических журналов. На их страницах должны найти место, прежде всего, фундаментальные знания – результат фундаментальных академических исследований, а сам факт публикации должен быть шагом на пути от информации как исходного сырья для науки до знаний как ее конечного общественно признанного результата. Таким образом, публикация фундаментальных научных результатов – основная составляющая миссии академического журнала.»	Клейнер Г.Б. Миссия академического журнала: между фундаментальностью и актуальностью (Журнал новой экономической ассоциации. 2011. №12. С. 171.)
Е.В. Балацкий (д.э.н., проф. гл. науч. сотрудник ЦЭМИ РАН)	«Хотя роль научных журналов по-прежнему является определяющей для любых оценок в научном мире, уже сейчас заметны некоторые новые контртенденции... сегодня мир науки находится в состоянии, когда происходит столкновение разнонаправленных трендов: с одной стороны сформировались механизмы, усиливающие роль академических журналов и их рейтингов, с другой – возникли факторы, ослабляющие влияние журналов на развитие науки. В настоящий момент пока наблюдается примерное равенство сил столкнувшихся тенденций с небольшим перевесом первой.»	Балацкий Е.В. Роль экономических журналов: период неопределенности (Журнал новой экономической ассоциации. 2011. №12. С.166)

2. Основные этапы развития журнала ИСЭРТ РАН в 2008–2016 гг.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», издаваемый Институтом социально-экономического развития территорий РАН с 2008 года, изначально создавался с глубоким пониманием исторических и современных аспектов миссии научного журнала в нашей стране. Редколлегия журнала полностью разделяет точку зрения Г.Б. Клейнера о том, что, «создавая академический журнал широкого, точнее сказать, полного профиля по экономике, следует сознательно уходить от каких-либо рамок предметной, проблемной или инструментальной сфер. Экономика как наука — едина, поскольку един, хотя и многообразен, изучаемый ею мир, и основная задача журнала — объединять исследования и исследователей в области экономики, к какой бы научной школе или организации они ни принадлежали»¹³.

Стоит отметить, что становление журнала происходило в крайне сложный период для страны как в политическом, так и в экономическом смысле: после двух президентских сроков В.В. Путина, с 2000 г. пост главы государства занял Д.А. Медведев, что создавало некоторую неопределенность в плане дальнейшего развития внутренней и внешней политической ситуации. В 2009 г. Россия (и особенно Вологодская область) в полной мере ощутила на себе последствия мирового финансового кризиса.

Тем не менее понимание исключительной важности поддержания российской академической науки, особенно на реги-

ональном уровне, привело к тому, что именно в этот период Вологодский научно-координационный центр РАН (будущий ИСЭРТ РАН) выступил с инициативой об издании межрегионального журнала. Эту инициативу поддержали другие экономические учреждения РАН, действующие на территории Северо-Западного федерального округа: Институт проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург), Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН (г. Апатиты), Институт экономики Карельского научного центра РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, а затем и Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет. При их непосредственном участии были сформированы редакционный совет и редколлегия. В состав редакционного совета журнала согласились войти руководители Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (академик **В.В. Ивантер**), Центрального экономико-математического института РАН (академик **В.Л. Макаров**), известные ученые Республики Беларусь, Китайской Народной Республики, Финляндии.

Обращаясь к читателям, авторам, членам редакционного совета и редколлегии первого выпуска журнала, вице-президент РАН академик А.Д. Некипелов отметил, что новое издание окажет позитивное влияние на консолидацию усилий академических учреждений в решении задач, связанных с научным обеспечением поступательного развития отечественной экономики, становлением эффективного взаимодействия с властными и деловыми структурами за счет объединения усилий центральных и региональных академиче-

¹³ Клейнер Г.Б. Миссия академического журнала: между фундаментальностью и актуальностью // Журнал новой экономической ассоциации. — 2011. — № 12. — С. 171.

ских учреждений в деле обоснования рациональных путей экономического и социального развития Северо-Запада России¹⁴.

Первые три года журнал выходил ежеквартально. При этом каждый выпуск посвящался теме, обозначенной в годовом плане и имевшей, по мнению редсовета и редколлегии, приоритетную значимость для развития северных регионов. В главной рубрике — «Стратегия развития» — упор в этот период был сделан на анализ тенденций и результатов рыночных трансформаций в различных регионах Северо-Запада, обоснование стратегических направлений, критериев оценки достижения намеченных рубежей и этапов их реализации¹⁵.

Тематическая программа выпусков 2008 года была посвящена обсуждению проблем перехода регионов на инновационный путь развития, вопросов повышения производительности труда как в отдельных отраслях, так и в целом в региональной экономике. Одной из главных дискуссионных тем стало развитие лесной отрасли, имеющей на Северо-Западе РФ значительные резервы роста за счет огромных площадей лесных ресурсов и многолетнего опыта их использования.

В 2009 году вышел цикл статей по проблемам активизации малого предпринимательства, агропромышленного комплекса и

¹⁴ Приветствие вице-президента РАН академика А.Д. Некипелова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2008. — № 1. — С. 8-9.

¹⁵ См., например:

Гулин К.А. Концепция долгосрочного социально-экономического развития («Россия — 2020»): вызовы для регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2008. — № 4. — С. 8-14;

Лаженцев В.Н. Динамика социально-экономического развития Республики Коми // Там же. — 2008. — № 1. — С. 18-35;

Шишкин А.И. Социально-экономическое развитие Карелии // Там же. — 2008. — № 2. — С. 6-13;

Ларичкин Ф.Д., Антонов С.А. Совершенствование стратегического планирования регионального развития с учетом качества экономического роста // Там же. — 2008. — № 2. — С. 14-20.

обеспечения продовольственной безопасности, о перспективах развития на Северо-Западе России машиностроения и регионального туризма. Обстановка потребовала размещения в журнале статей о причинах финансового кризиса мировой экономики, поразившего и Россию, а также о мерах по преодолению его последствий¹⁶.

В рамках тематических выпусков в 2010 году на страницах журнала обсуждались вопросы совершенствования системы местного самоуправления, развития энергетической базы и обеспечения энергетической безопасности регионов, проблемы их социального развития. Вместе с тем рассматривались различные аспекты внешнеэкономической деятельности, приобретшей в регионах СЗФО существенное значение в связи с профилированием продуктов сырьевого характера и полуфабрикатов на базе добычи железных руд и других горно-минеральных ресурсов.

С увеличением количества годовых выпусков журнала с четырех до шести в 2011 году создалась возможность перехода от тематического планирования к проблемному. Тем не менее до настоящего времени в

¹⁶ См., например:

Июган Л.Г. Экономика региона: от кризиса к устойчивому развитию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2009. — № 3. — С. 14-24;

Костыгов Н.В. Вологодская область: антикризисная программа действий // Там же. — 2009. — № 1. — С. 14-17;

Гулин К.А., Дементьева И.Н. Экономическое положение и социальное самочувствие населения регионов Северо-Запада России в условиях кризиса // Там же. — 2009. — № 4. — С. 18-28;

Советов П.М. Реверансы антикризисных воздействий государства // Там же. — 2009. — № 2. — С. 14-18;

Селин В.С. Сценарный прогноз развития региона в условиях экономической нестабильности // Там же. — 2009. — № 1. — С. 18-25;

Леус С.М., Истомина А.В. Оценка влияния экономического кризиса на базовые отрасли и перспективные проекты в Мурманской области // Там же. — 2009. — № 2. — С. 19-29;

Немкович Е.Г., Курило А.Е. Влияние кризиса на экономику Карелии и возможности его преодоления // Там же. — 2009. — № 1. — С. 18-25.

некоторые рубрики включаются тематические подборки статей. Так, в опубликованном в 2012 году цикле статей, подготовленных в результате сотрудничества ученых академических учреждений России и Беларуси в рамках Союзного государства, раскрывается содержание этапов становления этого сотрудничества, направления развития единого научного пространства, рассматриваются проблемы развития торговли-экономической интеграции регионов СЗФО РФ и Республики Беларусь, основные тенденции проходящих в них социально-демографических процессов, связанных в первую очередь с организацией здравоохранения, образования, повышением благосостояния населения¹⁷.

В преддверии проведения в городе Вологде (3–5 июля 2013 г.) IX заседания Межакадемического Совета России и Беларуси по проблемам Союзного государства и Международной научно-практической конференции «Интеграция в формате Союзного государства как основной инструмент реализации стратегии безопасности России и Беларуси» вышел тематический выпуск журнала, посвященный экономическим и социальным аспектам интеграционного взаимодействия России и Беларуси.

В 2012–2013 гг. основные усилия редакционной коллегии были направлены на подбор для публикации таких статей, в которых выявлялись бы причины замедления восстановительного тренда российской

экономики в целом и в разрезе территорий, пути преодоления преград, ограничивающих переход страны к инновационному этапу развития. Качественно новый пласт журнальных публикаций открыли материалы о роли влияния интересов владельцев частных корпораций на формирование региональных бюджетов, наращивание государственного долга территорий¹⁸. В эти годы был опубликован ряд статей о содержании и этапах социокультурной модернизации, без проведения которой невозможно решить задачи повышения эффективности экономики и движения по пути ликвидации избыточной дифференциации доходов граждан¹⁹.

Одним из показателей роста качества и научного уровня журнала стало включение его в 2010 году в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук. В ноябре 2015 г. журнал был включен в международную базу Web of Science и вошел в Индекс цитирования появляющихся источников Emerging Sources Citation Index (ESCI), который представляет новую базу

¹⁸ См.:

Ильин В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на национальное и региональное развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 3. – С. 14-38;

Поварова А.И. Влияние интересов собственников металлургической корпорации на финансовые результаты головного предприятия (на примере ОАО «Северсталь») // Там же. – 2011. – № 5. – С. 36-51;

Ильин В.А., Поварова А.И. Бюджетный кризис регионов в 2013–2015 годах – угроза безопасности России // Там же. – 2012. – № 6. – С. 30-41.

¹⁹ См.:

Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6. – С. 119-126;

Ласточкина М.А., Шабунова А.А. Возможности и ограничения модернизационного развития регионов Северо-Западного федерального округа // Там же. – 2013. – № 5. – С. 39-52.

¹⁷ См., например:

Дедков С.М., Егоров В.К. Российско-белорусское научное сотрудничество на первом этапе союзных отношений: восстановление единого научного пространства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 2. – С. 50-59;

Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Асанович В.Я. Моделирование внешнеэкономической деятельности регионов СЗФО РФ и Республики Беларусь // Там же. – С. 60-70;

Социально-демографические аспекты развития трудового потенциала / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова, В.Р. Шухатович, М.И. Артюхин // Там же. – С. 71-82.

данных в составе Универсальной коллекции Web of Science²⁰. Следует отметить, что изначально в новом индексе были зарегистрированы всего 16 российских журналов, и единственным в этом списке экономическим изданием был журнал ИСЭРТ РАН.

Решение задачи по вхождению журнала в ведущую международную базу цитирования стало возможным благодаря тому, что редколлекгией последовательно реализуется соответствующая политика. В течение 2013–2015 гг. выполнен ряд мероприятий, направленных на достижение качественно нового уровня, соответствующего требованиям международных стандартов (вкладка 2).

Начиная с 2012 года члены редакционной коллегии журнала являются постоянными участниками ежегодной Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня», которая проводится Некоммерческим партнерством «Национальный электронно-информационный консорциум» совместно с представителями крупнейших международных издательств, редакторами ведущих международных научных журналов. Систематическое участие в мероприятии позволяет редколлекгии формировать публикационную политику, предполагающую соответствие журнала международным стандартам и продвижение публикаций и изданий в мировое научное сообщество. В мае 2016 года по результатам участия в выставке «Научные журналы

России и стран СНГ как источник информации о результатах научных исследований для международного сообщества», которая состоялась в рамках упомянутой выше конференции, журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» получил Сертификат качества, подтверждающий его соответствие международным стандартам и критериям базы данных Scopus. Подготовка заявки на включение журнала в эту базу данных, а также укрепление его позиций и дальнейшее продвижение в международном информационном пространстве – задачи редколлекгии на ближайшую перспективу.

Исходя из убеждения в том, что миссия научного журнала заключается в интеграции представителей научного сообщества, аккумуляции мирового опыта, накоплении фундаментального научного знания и передаче его последующим поколениям, важнейшим критерием его развития необходимо считать повышение академического статуса сотрудников ИСЭРТ РАН и рост количества публикаций молодых авторов.

Учитывая объективную потребность современной экономики (особенно российской) в инновационном развитии, следует отметить, что носителями инновационных знаний выступают представители молодого поколения. **Соответственно одной из главных задач для издателей научного журнала является обеспечение преемственности фундаментального знания – передача знаний от предыдущего поколения к последующему, которая должна быть организована на системном уровне.**

В контексте этого необходимо подчеркнуть, что многие авторы, которые публиковали свои статьи на страницах журнала в качестве научных сотрудников и лаборантов, со временем достигли высот не только в своем продвижении по карьерной лестнице, но и в плане личностного роста,

²⁰ Универсальная коллекция Web of Science (Web of Science Core Collection) включает восемь индексов научного цитирования: Расширенный научный индекс цитирования (Science Citation Index Expanded – SCIE), Индекс цитирования в общественных науках (Social Sciences Citation Index – SSCI), Индекс цитирования в гуманитарных науках и искусстве (Arts & Humanities Citation Index – A&HCI), Индекс цитирования появляющихся источников (Emerging Sources Citation Index – ESCI) и четыре индекса цитирования материалов конференций и книг.

Задачи и направления работы редколлегии журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» по приведению издания в соответствие с международными издательскими стандартами и требованиями международных наукометрических баз данных

Задачи	Принятые меры
Приведение журнала в соответствие с общими требованиями, предъявляемыми зарубежными базами данных	Октябрь-ноябрь, 2013 г. Разработка и принятие Положения о публикационной этике журнала, основанного на международных стандартах, предложенных Комитетом по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics, COPE). Январь, 2014 г. В русскоязычной версии журнала аннотации на английском языке, а также данные об аффилировании авторов (адресные сведения о месте работе авторов) перенесены из конца журнала и даются непосредственно со статьей. Январь, 2014 г. Утвержден новый способ размещения блоков статьи: весь англоязычный блок размещается в конце статьи. Январь, 2014 г. Пристатейные списки литературы представлены в романском алфавите. Июнь, 2014 г. Получены ISSN на онлайн-версии журнала. Август, 2014 г. Дополнены данные об аффилировании членов редакционного совета.
Повышение качества статьи в соответствии с требованиями, предъявляемыми зарубежными базами данных	Январь, 2014 г. Переутверждены требования, предъявляемые к рукописям статей, направляемым в редакцию журналов ИСЭРТ РАН: - изменены требования к аннотации к научной статье (увеличение объема аннотации до 1800 печатных знаков (200–250 слов); четкое структурирование аннотации, подразумевающее наличие следующих блоков: введение, цели и задачи, методология, результаты, заключение (выводы); - разработаны образцы аннотации на русском и английском языках к профильной экономической статье. Январь, 2014 г. Утверждены новые правила для авторов журналов, правила размещены на сайтах. Октябрь – декабрь, 2014 г. Внесены изменения в Положения о рецензировании в журналах ИСЭРТ РАН: обязанности рецензентов проверять статьи на соответствие всем требованиям, предъявляемым к рукописям, направляемым в редакцию журнала (объем и содержание аннотации; оформление списка литературы и постраничных сносок в соответствии с используемыми ГОСТами; объем статьи; наличие зарубежных источников).

Задачи	Принятые меры
Расширение состава редсовета за счет привлечения иностранных ученых, имеющих высокие показатели цитирования в зарубежных базах данных	В состав редсовета журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» вошли: Август, 2014 г. Петр Штопка, профессор, руководитель Центра теоретической социологии Ягеллонского университета (Польша). Июль, 2016 г. Пейтер Оуй, доктор наук, старший научный сотрудник Нидерландской организации прикладных научных исследований (Лейден, Нидерланды). Сентябрь, 2016 г. Жюльен Веркей, профессор, директор отдела международной торговли Национального института восточных языков и цивилизаций INALCO (Франция, Париж).
Расширение каналов распространения журнала за рубежом	Июнь, 2014 г. Установление контактов с Германской национальной экономической библиотекой и включение журнала в фонды библиотеки. Июль, 2014 г. Установление контактов с Библиотекой Конгресса США и включение журнала в фонды библиотеки.
Увеличение международной видимости журнала: расширение его присутствия в международных системах	2013 г. Включение журнала в международную справочную систему по периодическим и продолжающимся изданиям Ulrich's Periodicals Directory. 2013 г. Включение журнала в международную базу ProQuest (тематические коллекции ProQuest Natural Sciences Journals; ProQuest SciTech Journals; ProQuest Sustainability Science Collection; ProQuest Illustrata: Natural Science). 2013 г. Включение журнала в базы данных компании EBSCO Information Services на платформу EBSCOhost. Сентябрь, 2014 г. Вступление в международную ассоциацию PILA и заключение соглашения с CrossRef на получение цифрового идентификатора статьи DOI. Май, 2015 г. Включение журнала в крупнейшую международную базу научных журналов открытого доступа DOAJ (Directory of Open Access Journals). Август, 2015 г. Начало экспорта материалов журнала в открытые международные репозитории научной информации Google Scholar, OCLC WorldCat, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEc, Соционет через научную электронную библиотеку «КиберЛенинка». Ноябрь, 2015 г. Включение журнала в индекс цитирования Emerging Sources Citation Index, который является новой базой данных в составе Универсальной коллекции Web of Science.

став лауреатами престижных российских и международных премий, получателями грантовой поддержки ведущих российских фондов, победителями многих научных конкурсов. Сегодня они, составляя прочный фундамент, обеспечивающий процветание академической науки на региональном уровне, занимаются обучением нового поколения молодых ученых, являясь научными руководителями аспирантов и преподавателями Научно-образовательного центра, активно участвуя в жизни молодежного парламента Вологодской области, Областного Совета молодых ученых.

Таким образом, с самого первого выпуска журналу оказывали комплексную поддержку ведущие научные институты России. Это говорит о том, что потребность в сохранении и развитии научного потенциала в регионах всегда осознавалась научным сообществом и инициативы по решению данной задачи находят отклик среди людей, небезразличных к судьбе отечественной академической науки.

Краткий анализ динамики содержательной части выпусков журнала показывает, что его тематика трансформировалась в зависимости от требований времени. И это является важным критерием эффективности работы как редакционной коллегии, так и авторов. По страницам выпусков разных лет можно проследить ключевые вехи экономического и социального развития российских регионов; увидеть динамику наиболее важных вопросов, волнующих академическое сообщество нашей страны и стран зарубежья.

Умение находиться в мейнстриме, держать руку на пульсе основных тенденций в науке и общественной жизни способствует развитию научного потенциала авторов журнала и сотрудников издательской организации — ИСЭРТ РАН. Пожалуй, мы можем назвать это главной задачей, на реализацию которой была и будет нацелена деятельность редколлегии.

3. Тенденции количественных показателей журнала

Оценить результаты почти 10-летней работы редколлегии, авторов, рецензентов, редакторов, а также специалистов, осуществляющих маркетинговую деятельность по продвижению журнала, и многих других можно, на наш взгляд, по двум группам критериев:

1. Первая группа — самая обширная. Это **классические количественные показатели развития журнала**, характеризующие географию авторов, посещаемость его сайта, комплекс библиометрических индикаторов, позволяющих оценить его востребованность и т.д.

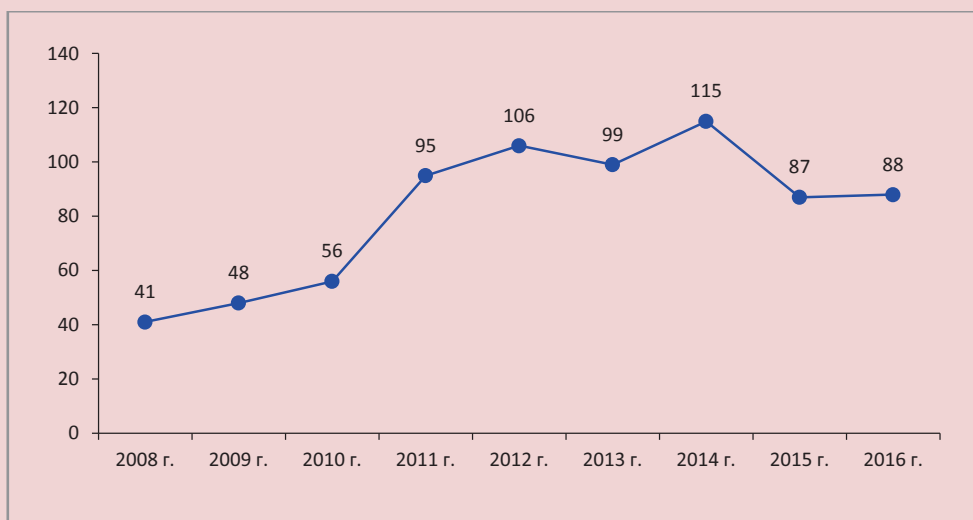
2. Вторая группа индикаторов — это **результаты обратной связи** с читателями, авторами и просто заинтересованными лицами, на которые, как мы убеждены, должно обращать внимание издательство, выпускающее научный журнал. Качественный критерий не нуждается в дополнительных комментариях, однако представляет собой не менее важную сторону оценки эффективности.

Говоря о первой группе показателей, необходимо отметить, что в период с момента первого выпуска журнал постепенно приобрел свою авторскую и читательскую аудиторию, которая с каждым годом расширяется, и занял собственную нишу в сфере периодических изданий экономической проблематики²¹.

За 2008—2016 гг. на его страницах было опубликовано более 700 научных статей (рис. 1), тематика которых соответствует приоритетным направлениям фундаментальных и прикладных исследований в области экономического знания.

²¹ Третьякова О.В. Экономический журнал: проблемы и перспективы продвижения на национальном и международном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 3. — С. 212. — DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.16

Рисунок 1. Динамика количества научных статей, опубликованных в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» за период 2008–2016 гг.

Среди авторов журнала известные российские и зарубежные ученые в области экономики и социологии²².

За указанный период в журнале опубликовалось более 1 тыс. авторов, из них около 800 человек имеют ученую степень. Следовательно, доля статей высококвалифицированных авторов превышает 70%: 3,8% в объеме публикаций составляют статьи академиков и членов-корреспондентов РАН, 29,6% – докторов наук, 39,9% – кандидатов наук, 26,7% – научных сотрудников без ученой степени и аспирантов (рис. 2).

Руководствуясь мнением, что современный научный журнал должен быть не просто площадкой для дискуссии отечественных ученых, но и платформой, объединяющей наработку исследователей из разных стран, редколлегия последовательно реализует ряд мер по привлечению зарубежных авторов. За период издания в журнале были опубликованы работы ученых из

16 стран²³. Доля зарубежных статей составила в среднем 8% в общем количестве публикаций. Значительная их часть принадлежит учёным из Китая (43%) и Беларуси (34%), что является результатом тесного сотрудничества ИСЭРТ РАН с Академией общественных наук провинции Цзянси (Китай) и Национальной академией наук Беларуси. Неоднократно публиковались и совместные статьи отечественных и зарубежных авторов, что служит свидетельством о выходе научного сотрудничества с коллегами из-за рубежа на более высокий качественный уровень.

Планомерно расширяется и география российских авторов. За период с 2008 по 2016 г. количество федеральных округов, авторы из которых публиковались в журнале в течение года, увеличилось с трёх до одиннадцати, а количество субъектов РФ – с пяти до семнадцати (рис. 3).

²² Полный список и география авторов, опубликовавшихся на страницах журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», представлены в конце выпуска (с. 308-315).

²³ За период 2008–2016 гг. в журнале были опубликованы работы ученых из Китая, Польши, Франции, Финляндии, Чехии, Италии, Нидерландов, Испании, Великобритании, Ирана, Азербайджана, Беларуси, Латвии, Литвы, Казахстана, Украины.

Рисунок 2. Состав авторов журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в 2008–2016 гг.

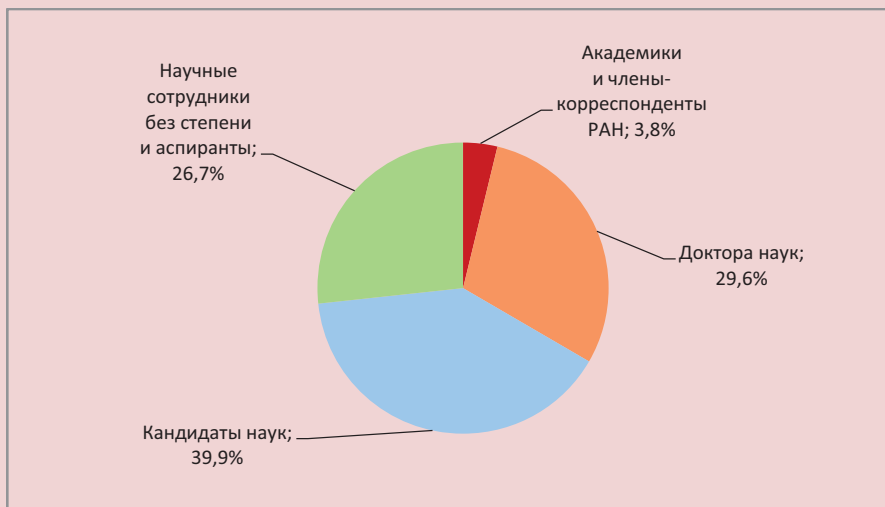
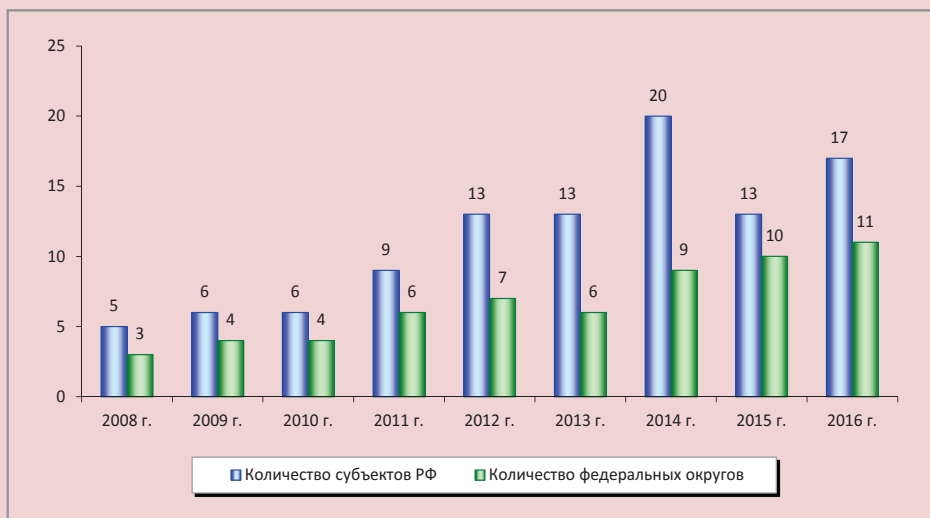

Рисунок 3. Динамика количества субъектов РФ и федеральных округов, авторы из которых опубликовали статьи в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в 2008–2016 гг.

В целом в журнале представлены публикации авторов из 11 федеральных округов, двух городов федерального значения и более чем 30 субъектов Российской Федерации. **Расширяющаяся география авторов позволяет говорить о двух фактах: во-первых, о том, что работа по**

привлечению представителей научного сообщества из различных регионов России и зарубежных стран поставлена на системную основу; во-вторых, о том, что журнал находит все большее признание в российском научном сообществе и среди читателей научной литературы.

Рисунок 4. Структура просмотров сайтов ИСЭРТ РАН за 2016 г., %

Результаты системно выстроенной политики редакции журнала наглядно отражаются в стабильном увеличении статистических показателей его сайта. В 2016–2017 гг. количество его просмотров выросло на 73% (с 50878 до 87816), что обусловлено, на наш взгляд, повышением международной видимости издания. По данным за 2016 г. на долю журнала приходится 25% всех просмотров портала ИСЭРТ РАН (рис. 4).

О значительной популярности сайта журнала свидетельствует и динамика количества загрузок с его веб-сайта. Так, за период с января по ноябрь 2016 года с него было произведено более половины всех загрузок (52%) с ресурсов института.

Поскольку свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями, журнал предоставляет такой доступ к пол-

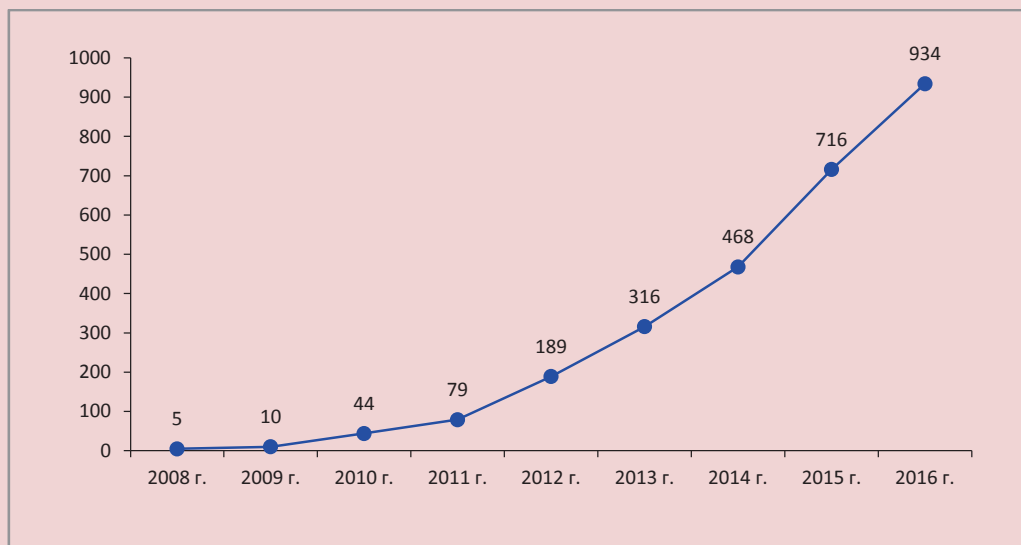
нотекстовым электронным версиям опубликованных в нем статей и других материалов. Именно наличие большого количества полнотекстовых научных статей, доступных для скачивания, обеспечивает значительное преимущество сайта журнала по числу загрузок.

Кроме того, в 2016 году по сравнению с аналогичным периодом предыдущего на 16% выросло число уникальных посетителей²⁴ сайта журнала (с 39387 до 45588). Ему отдало предпочтение наибольшее число (31%) пользователей портала института, что является своеобразным показателем

²⁴ Следует отметить, что уникальность посетителей система Piwik отслеживает по cookie (фрагмент данных, отправленный веб-сервером и хранимый на компьютере пользователя). При учете уникальных посетителей их повторные заходы на сайт не учитываются (они принимаются во внимание при учете другого показателя — количества посещений).

Рисунок 5. Динамика общего числа цитирований журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (данные на 23.03.2017)

успешности редакционной политики и означает, что работы по улучшению и оптимизации сайтов научных журналов ведутся в верном направлении.

Востребованность журнала в отечественных научных кругах косвенно подтверждается данными анализа его наукометрических показателей в Российском индексе научного цитирования: очевидна их стабильная положительная динамика. Общее число цитирований издания в РИНЦ увеличивается (рис. 5).

Представление о цитировании как о показателе влияния, полезности и важности цитируемых документов, а также как об инструменте оценки научного вклада позволяет сделать вывод о росте научного авторитета журнала. Это подтверждается и положительной динамикой значений его импакт-фактора в РИНЦ, который в среднем увеличился в 5 раз в 2015 году по сравнению с 2011-м (рис. 6). Темпы роста значений импакт-фактора находятся в диапазоне от 430 до 580%.

Если провести сравнение значений двухлетнего импакт-фактора²⁵ экономических журналов, которые издаются подведомственными ФАНО России институтами, входящими в референтную группу «Экономические науки, экономическая география»²⁶, то следует отметить, что по этому показателю журнал ИСЭРТ РАН находится среди ведущих изданий. В таблице 1 представлены пять журналов, издаваемых экономическими институтами РАН, имеющих самые высокие значения двухлетнего импакт-фактора.

²⁵ Традиционный классический показатель, который рассчитывается самой авторитетной базой данных Web of Science и признаётся во всём мире как основа ранжирования журналов по отношению друг к другу; один из базовых наукометрических показателей, по которым оценивается научный журнал.

²⁶ Референтные группы научных организаций сформированы в Федеральной системе мониторинга и оценки результативности научных организаций в целях исполнения плана реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы.

Рисунок 6. Динамика значений импакт-фактора журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (данные на 23.03.2017)

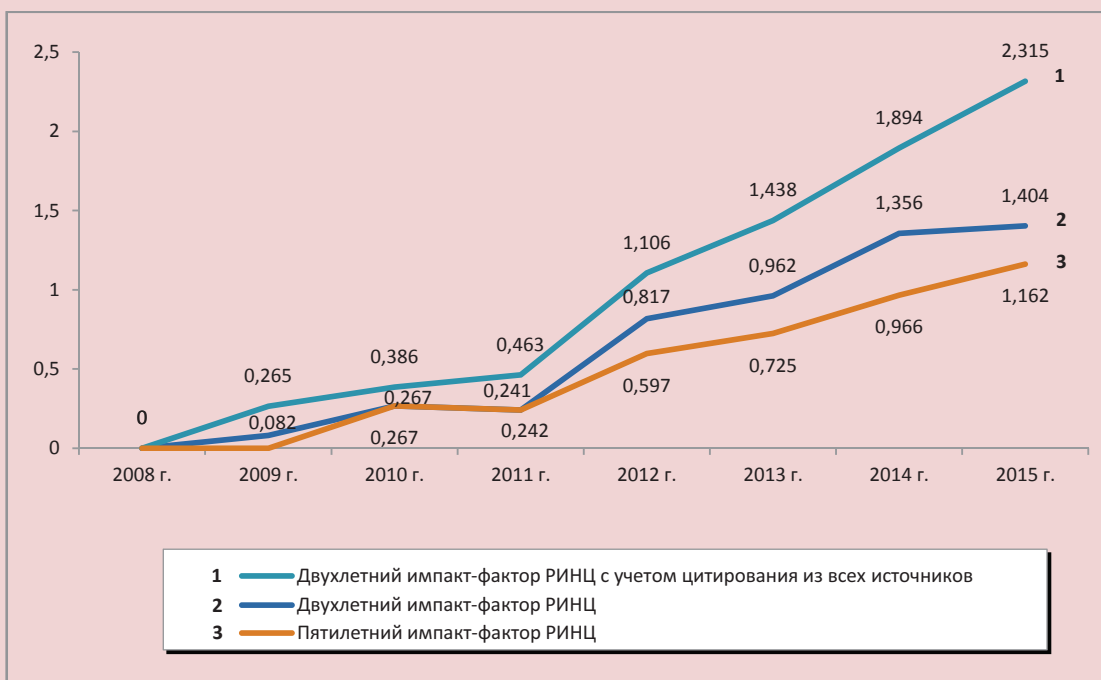

Таблица 1. Топ-5 экономических журналов, издаваемых институтами РАН, по значению двухлетнего импакт-фактора РИНЦ (данные на 23.03.2017)

№ п/п	Журнал	Институт РАН	ИФ2 2015 г.
1.	Вопросы экономики	Институт экономики РАН	6,567
2.	Экономика региона	Институт экономики УрО РАН	2,324
3.	Проблемы прогнозирования	Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	2,209
4.	Пространственная экономика	Институт экономических исследований ДВО РАН	2,048
5.	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	Институт социально-экономического развития территорий РАН	1,404

Важно отметить, что повышение импакт-фактора издания обеспечивается за счет цитирования во внешних источниках, но не за счет самоцитирования, на что указывает снижение пятилетнего коэффициента самоцитируемости журнала: с 28% в 2012 году до 17% в 2015 году. Это низкий

уровень самоцитирования. Для сравнения: 80% журналов из базы данных Web of Science имеют коэффициент самоцитирования в пределах 20%²⁷.

²⁷ Российские научные журналы в Web of Science // Окна роста: информац.-аналитич. бюлл. НИУ ВШЭ. – 2014. – № 19 (95). – С. 4.

В целом, судя по результатам анализа количественных показателей нашего издания в Российском индексе научного цитирования, оно занимает достаточно высокие позиции относительно других изданий сходной тематики и имеет хорошие условия для интеграции и продвижения в национальное и международное информационное пространство.

Таким образом, динамика основных показателей журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» позволяет с уверенностью говорить о системном и комплексном подходе, который применяется для решения ключевых задач издания и достижения им соответствия всем требованиям, предъявляемым к современному печатному журналу, посвященному проблемам академической науки.

За годы выхода в свет журнал приобрел свое лицо, он стал узнаваемым в научном мире; его горизонты расширяются как с точки зрения географии авторов, так и с позиций содержательности рассматриваемых вопросов. Количественные показатели, отражающие динамику развития журнала, наглядно свидетельствуют о том, что работа над ним ведется в правильном направлении.

Однако география и статус авторов, позиции в РИНЦ не единственные индикаторы, по которым можно судить о развитии из-

дания. Не менее важным критерием является мнение самих участников этой системы: авторов, читателей, членов редколлегии.

4. Оценка журнала научным сообществом

С 2010 г. Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук ежегодно проводится экспертная оценка издаваемого им научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». В анкетировании принимают участие члены редколлегии, авторы, получатели журнала. В целом за период с 2010 по 2016 г. было опрошено 760 человек (табл. 2). Количество участников мониторинга выросло с 94-х в 2010 г. до 125-ти в 2016 г.

Подавляющее большинство экспертов, согласившихся оценить содержание и оформление журнала, положительно оценивают происходящие в нем изменения (83% в 2010 г., 82% в 2016 г., рис. 7). За последние три года (с 2014 по 2016-й) доля экспертов, высказывающих одобрительные суждения о динамике его развития, увеличилась с 75 до 82%.

С 2013 г. отмечается стабильная положительная динамика оценки уровня публикуемых материалов. В целом за 2010–2016 гг. доля позитивных отзывов увеличилась на 8 п.п. (с 89 до 97%; рис. 8).

Таблица 2. Динамика численности респондентов, принимавших участие в экспертном опросе по оценке научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», за период 2010–2016 гг., чел.

Группа респондентов	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Темп роста 2016 г. к 2015 г., %
Члены редсовета и редколлегии	13	20	17	11	13	17	17	100
Сотрудники ИСЭРТ РАН	81	86	86	82	88	75	73	97
Читатели журнала	-	-	-	-	13	33	35	106
Итого	94	106	103	93	114	125	125	100

Рисунок 7. Динамика доли респондентов, ответивших на вопрос: «Как бы Вы оценили изменения, произошедшие в журнале?», за период 2010–2016 гг., %

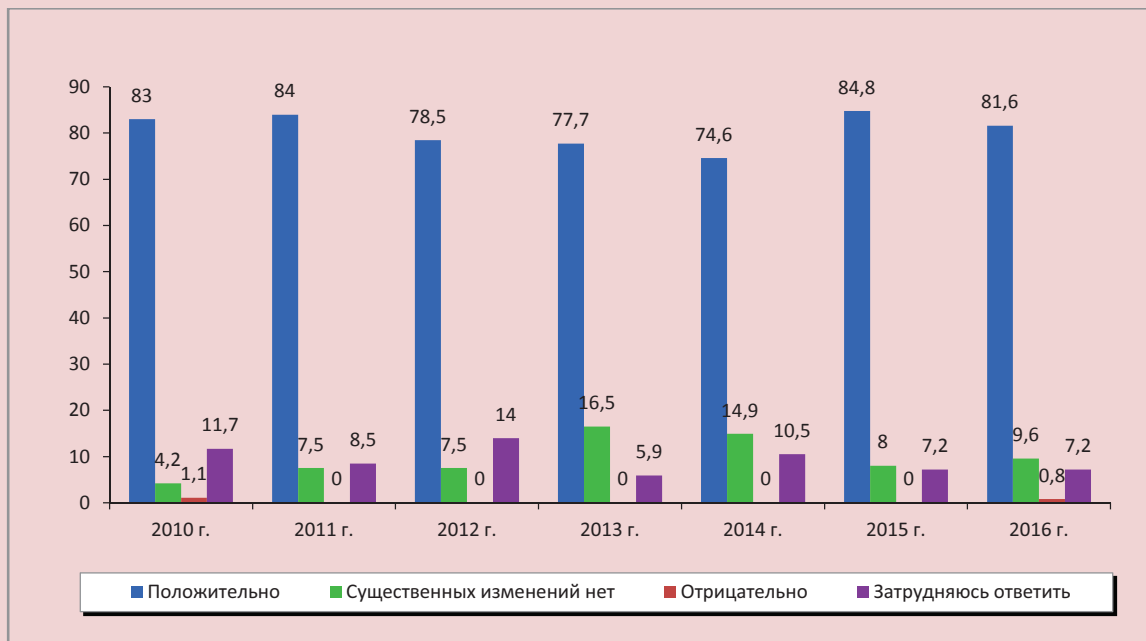
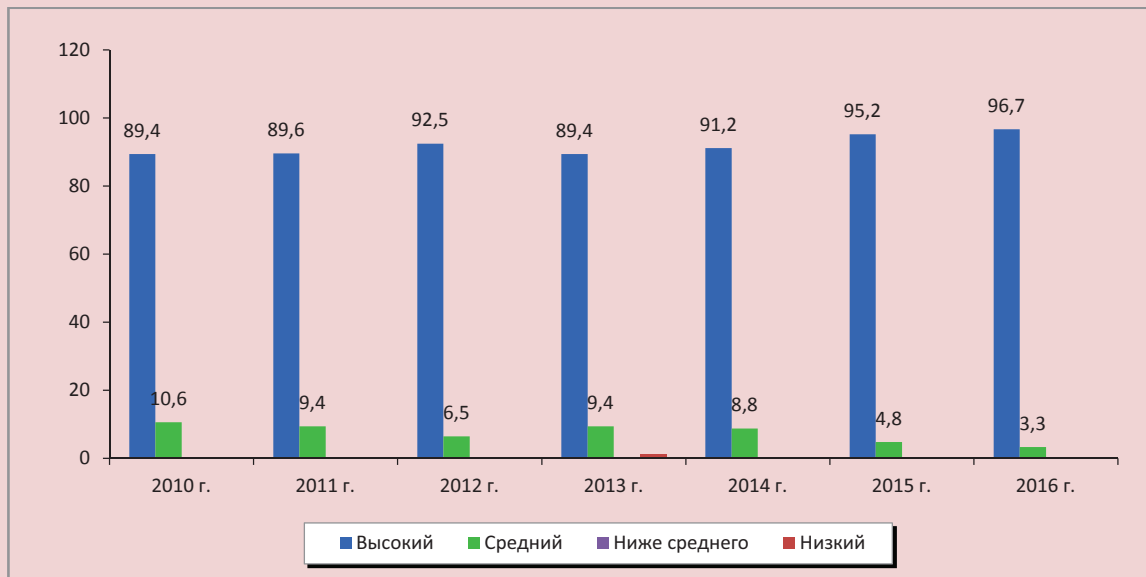

Рисунок 8. Динамика доли респондентов, ответивших на вопрос: «Как бы Вы оценили уровень материалов, опубликованных в журнале?», за период 2010–2016 гг., %

Тематические вопросы, рассматриваемые на страницах журнала, группируются по 20 рубрикам²⁸. Их значительное количество связано, с одной стороны, с комплексным идейным подходом к формированию содержания журнала, с пониманием необходимости разностороннего видения экономических и социальных аспектов развития территорий; с другой стороны, — с предоставлением потенциальным авторам более широких возможностей для направления своих рукописей в редакцию. Так, специальные рубрики существуют для молодых авторов; для лиц, желающих поделиться зарубежным опытом и т.д.

Как показывают результаты ежегодного мониторинга эффективности развития журнала, наибольший интерес для читателей представляют рубрики «От главного редактора» и «Стратегия социально-эко-

номического развития» (табл. 3). При этом по всем рубрикам отмечается положительная динамика экспертных оценок за рассматриваемый период. По итогам последнего опроса ни одна из тематических рубрик не была оценена экспертами ниже 7,8 балла (по 10-балльной шкале).

В настоящее время журнал выходит в четырех версиях: русскоязычной печатной, русскоязычной электронной, англоязычной печатной, англоязычной электронной. Судя по результатам проводимого мониторинга, востребованность каждой из версий все более возрастает. Исключение составляет русскоязычный печатный вариант, что может быть связано с необратимой тенденцией развития информационных технологий и виртуальных сетей, которые всё чаще становятся площадкой для периодических изданий (табл. 4).

Таблица 3. Ответ респондентов на вопрос: «Какие рубрики, на Ваш взгляд, представляют наибольший интерес»? (средний балл по 10-балльной шкале)

Рубрика	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2016 г. +/- к 2010 г.
От главного редактора	8,7	8,4	8,4	8,5	8,7	8,9	9,0	0
Стратегия социально-экономического развития	6,7	8,6	8,2	8,5	8,7	8,9	9,0	+2
Социальное развитие	8,7	8,5	8,5	8,6	8,8	8,8	8,8	0
Региональная экономика	5,6	8,7	8,7	8,4	8,5	8,8	8,8	+3
Инновационное развитие	5,0	8,6	8,3	8,2	8,5	8,6	8,6	+4
Отраслевая экономика	5,6	8,7	8,7	8,4	8,5	8,5	8,3	+3

²⁸ Полный список тематических рубрик журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»:

1. От главного редактора 2. Стратегия социально-экономического развития 3. Вопросы теории 4. Пространственные аспекты территориального развития 5. Отраслевая экономика 6. Региональная экономика 7. Социальное развитие 8. Общественные финансы 9. Экономика и социология общественного здоровья и здравоохранения 10. Актуальные проблемы экономики	11. Инновационное развитие 12. Экономика природопользования 13. Моделирование и прогнозирование социально-экономических процессов 14. Экономика агропромышленного комплекса 15. Экономика труда 16. История экономической и социологической мысли 17. Зарубежный опыт 18. Дискуссионная площадка 19. Молодые исследователи 20. Научные обзоры. Научные рецензии. Отзывы

Таблица 4. Ответ респондентов на вопрос: «Насколько востребованы, на Ваш взгляд, различные версии журнала?»

Варианты ответов	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2016 г., + / - к 2010 г.
	% от общего числа респондентов							
Русскоязычная печатная								
Востребована, очень востребована	93,6	90,5	90,3	87	90,7	93,5	88,8	-4,8
Мало востребована, не востребована	3,3	5,7	5,4	10,6	9,3	6,6	11,2	+7,9
Русскоязычная электронная								
Востребована, очень востребована	90,4	93,4	90,3	92,9	97,1	97,5	98,3	+7,9
Мало востребована, не востребована	5,3	1,9	5,4	3,5	2,8	2,5	1,8	-3,5
Англоязычная печатная								
Востребована, очень востребована	29,8	37,8	31,2	44,7	35,4	48,2	46,1	+16,3
Мало востребована, не востребована	68,1	55,7	62,4	47,1	64,7	51,8	53,8	-14,3
Англоязычная электронная								
Востребована, очень востребована	41,5	59,5	53,8	51,8	59,8	72,8	79,1	+37,6
Мало востребована, не востребована	47,9	34,9	38,8	41,2	40,2	27,3	21	-26,9

Респондентами регулярно вносятся предложения, помогающие редакции учитывать потребности получателей журнала при выстраивании политики его продвижения в научном пространстве. *Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить всех участников мониторинга за постоянную и искреннюю поддержку нашей работы, конструктивную критику и ценные предложения по совершенствованию содержательных и организационных основ журнала.*

Отзывы читателей не нуждаются в комментариях, однако мы не можем обойти их

вниманием, поскольку это один из самых важных критериев оценки нашей деятельности (вкладка 3).

Таким образом, системно организованный подход к получению обратной связи от читателей журнала, экспертов, авторов вносит существенный вклад в его дальнейшее развитие как с точки зрения совершенствования содержательной части, так и с позиций его продвижения в научном пространстве. Результаты мониторинга экспертных оценок позволяют с уверенностью говорить о том, что эта работа проводится успешно и ее следует продолжать.

Отзывы о журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции прогноз»

Автор отзыва	Дата проведения опроса	Содержание отзыва
Витязь П.А. , руководитель Аппарата НАН Беларуси, академик	Сент. 2015	«Настоящей интеллектуальной площадкой для обмена мнениями представителей различных научных школ по вопросам экономического и социально-политического развития регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья стали периодические издания, основанные и выпускаемые усилиями сотрудников ИСЭРТ РАН: журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»; журнал «Проблемы развития территорий»; электронный журнал «Вопросы территориального развития»; информационно-аналитический бюллетень «Эффективность государственного управления в оценках населения». Периодические издания ИСЭРТ РАН за короткое время приобрели широкую международную известность в научном мире, чему в немалой мере способствовало включение в состав редакционных советов этих изданий известных зарубежных ученых.»
Калясин В.М. , председатель Вологодской областной федерации профсоюзов	Дек. 2015	«Востребованы у профсоюзных работников журналы «Проблемы развития территорий» и «Экономические и социальные перемены». В них публикуются статьи, в которых на основе глубокого научного анализа оцениваются актуальность и острота целого ряда существующих социально-экономических проблем, определяются концептуальные подходы к их решению. Полученные знания позволяют нам занимать более точную позицию на переговорах с органами власти и работодателями, защищая социально-трудовые права и интересы работников.»
Татаркин А.И. , академик РАН	Дек. 2015	«Значимость ИСЭРТ РАН как ведущего центра экономических и социологических исследований на Северо-Западе России определяется также и тем, что институт издаёт журналы «Проблемы развития территории» и «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также электронный журнал «Вопросы территориального развития» и бюллетень «Эффективность государственного управления в оценках населения». Наличие полнотекстовых версий публикаций из этих изданий в сети Internet ещё более расширяет круг лиц, интересующихся результатами исследований, проводимых в ИСЭРТ РАН.»
Павлов Б.С. , д.ф.н., проф. (Екатеринбург)	Февр. 2016	«В целом, по ознакомлении с рядом номеров, скажу, что журнал оставляет очень благоприятное впечатление и вёрсткой, и оформлением, и сопряжением с РИНЦ, и культурой общения с авторами и др.»

Пасовец Ю.М. , к.с.н. (Курск)	Февр. 2016	«Работа редакционной коллегии организована на высоком уровне: редакционная коллегия задает необходимые требования к достижению высокого качества научных публикаций в журнале, контролирует их исполнение авторами статей, поэтому пожелание только сохранять этот уровень работы.»
Киреева А.А. , к.э.н. (Казахстан)	Февр. 2016	«Спасибо редколлегии за оперативность и отзывчивость к авторам!»
Сапир Ж. , д.э.н., проф., иностран. член РАН	Февр. 2017	«Очень хороший профессиональный журнал. Есть необходимость расширить охват журнала и увеличить число зарубежных авторов.»
Ларичкин Ф.Д. , д.э.н., проф. (Апатиты)	Февр. 2017	«Уровень журнала достаточно высокий, главное – не снижать его!»
Локосов В.В. , д.с.н., проф. (Москва)	Февр. 2017	«Журнал популярен, имеет свою читательскую аудиторию.»
Зверева Н.В. , д.э.н., проф. (Москва)	Февр. 2017	«По моему мнению, журнал очень хороший! Удачи всем!»
Романова О.А. , д.э.н., проф. (Екатеринбург)	Февр. 2017	«Один из лучших отечественных журналов, желаю дальнейших успехов!»
Бильков В.А. , д.с.-х.н. (Вологда)	Февр. 2017	«На мой взгляд, ИСЭРТ РАН в лице редакционной коллегии с точки зрения качества и оформления публикуемых материалов удалось создать один из лучших журналов данной направленности. Отсюда пожелание – удерживать высокую планку и в дальнейшем.»
Мирошниченко О.С. , д.э.н. (Тюмень)	Февр. 2017	«Выражаю искренние слова благодарности за высочайшую академическую культуру, высочайший профессионализм, уважительное и бережное отношение к авторам, высокое качество публикуемых материалов! Помимо профессионального удовольствия от опубликованных материалов (многие статьи находят отклик, близка позиция авторов), журнал способствует получению и эстетического удовольствия, его приятно брать в руки. Желаю благополучия и процветания Редакционной коллегии Журнала, всем, кто способствует выходу Журнала в свет, повышению рейтингов и различных показателей Журнала!»
Воронов В.В. , д.с.н. (Латвия)	Февр. 2017	«Работа проводится колоссальная (цветная графика, оформление, рецензирование и др.). Поэтому предложение одно: держать планку!»
Дерунова Е.А. , к.э.н. (Москва)	Февр. 2017	«Авторский коллектив выражает огромную благодарность за высокий профессионализм сотрудников, за четкое и системно организованное взаимодействие на всех этапах от момента первой отправки материалов на рецензирование до отправки журнала и соответствующих документов по публикации статьи. На всем этапе чувствовалось сопровождение и желание помочь нашему авторскому коллективу, несмотря на то, что мы обратились в журнал впервые. УСПЕХОВ И ПРОЦВЕТАНИЯ ВАМ!!!»

* * *

Подводя итог, следует отметить, что к настоящему моменту редколлегия удалось решить ряд важных задач в развитии и продвижении журнала как на национальном уровне, так и в международном информационном пространстве. Выстроена устойчивая система, охватывающая весь комплекс факторов, необходимых для обеспечения существования и конкурентоспособности журнального издания. Этот комплекс учитывает глубину и актуальность научной составляющей его содержания; планомерно организованную работу с авторами, рецензентами и потенциальными членами редколлегии; современные тренды пользования информационным контентом (прежде всего, распространение инновационных средств виртуальной среды); способность «держать руку на пульсе» ключевых мировых тенденций издательского дела, сохраняя при этом приверженность классическим российским традициям издания научных журналов.

С ростом достижений мировой науки, по мере технологического прогресса, возникает объективная потребность в спецификации отраслей научного знания. С этой тенденцией связан тот факт, что ИСЭРТ РАН издает наряду с журналом «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» еще несколько других: «Проблемы развития территорий» (входит в перечень ВАК), «Вопросы территориального развития», «Социальное пространство», «Юный экономист». Важной задачей, стоящей сегодня перед институтом, является продвижение этих изданий на общероссийском и международном уровне, что требует выстраивания в этом плане единой идеологической и организационной политики. Накопленный ИСЭРТ РАН опыт редакционно-издательской деятельности позволяет с уверенностью сказать, что такая задача вполне выполнима, и это станет еще одним шагом в укреплении научного потенциала российских территорий.

Литература

1. Балацкий, Е.В. Роль экономических журналов: период неопределенности / Е.В. Балацкий // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 12. – С. 164–166.
2. В.Г. Белинский – журналист и критик // Информационный портал «Русские писатели и поэты». – Режим доступа: http://writerstob.narod.ru/raznoe/raznoe_belinsky.htm
3. Герцен, А.И. Предисловие к журналу «Колокол», 1857, №1 / А.И. Герцен // Информационный портал «Biografia.ru». – Режим доступа: <http://www.biografia.ru/arhiv/600.html>
4. Клейнер, Г.Б. Миссия академического журнала: между фундаментальностью и актуальностью / Г.Б. Клейнер // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 12. – С. 171–173.
5. Ломоносов, М.В. Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии / М.В. Ломоносов // Журнал «Nouvelle Bibliotheque Germanique ou Histoire literaire de l'Allemagne, de la Suisse et des Pays du Nord» (т. 6, ч. V, Амстердам, 1755, стр. 343–366) // Официальный сайт факультета журналистики Московского государственного университета. – Режим доступа: http://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php
6. Осипов, Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! / Г.В. Осипов // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – С. 6–18.
7. Плискевич, Н.М. Междисциплинарный подход к экономическим реалиям / Н.М. Плискевич // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 12. – С. 179–181.
8. Приветствие вице-президента РАН академика А.Д. Некипелова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 1. – С. 8–9.

9. Российские научные журналы в Web of Science // Окна роста: информационно-аналитический бюллетень НИУ ВШЭ. – 2014. – № 19 (95). – С. 1–4.
10. Рохленко, Д.Б. Первая русская печатная газета: О первой печатной газете Ведомости (Куранты) / Д.Б. Рохленко // Наука и жизнь. – №3. – 2007. – С. 112–116.
11. Тощенко, Ж.Т. Время Акме. Социологическим исследованиям – 40 лет / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 3–7.
12. Третьякова, О.В. Экономический журнал: проблемы и перспективы продвижения на национальном и международном уровне / О.В. Третьякова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3. – С. 209–222.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Ольга Валентиновна Третьякова – кандидат филологических наук, заведующий отделом, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: olga.tretyakova@yandex.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Tret'yakova O.V., Morev M.V.

Reflections upon the Results of the Fiftieth Issue of the Journal “Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast“

References

1. Balatskii E.V. Rol' ekonomicheskikh zhurnalov: period neopredelennosti [The role of academic journals: a period of uncertainty]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2011, no. 12, pp. 164-166. (In Russian).
2. V.G. Belinskii – zhurnalist i kritik [V.G. Belinsky – journalist and critic]. *Informatsionnyi portal “Russkie pisateli i poety”* [Information portal “Russian writers and poets”]. Available at: http://writerstob.narod.ru/raznoe/raznoe_belinsky.htm. (In Russian).
3. Herzen A.I. Predislovie k zhurnalu “Kolokol”, 1857, no. 1 [Preface to the journal “Bell”, 1857, no. 1]. *Informatsionnyi portal “Biografia.ru”* [Information portal “Biography.ru”]. Available at: <http://www.biografia.ru/arhiv/600.html>. (In Russian).
4. Kleiner G.B. Missiya akademicheskogo zhurnala: mezhdru fundamental'nost'yu i aktual'nost'yu [The mission of an academic journal: between fundamental approach and topicality]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2011, no. 12, pp. 171-173. (In Russian).
5. Lomonosov M.V. Rassuzhdenie ob obyazannostyakh zhurnalistov pri izlozhenii imi sochinenii, prednaznachennoe dlya podderzhaniya svobody filosofii [Reasoning about the responsibilities of journalists in their writings, designed to maintain freedom of philosophy]. In: “Nouvelle Bibliotheque Germanique ou Histoire literaire de l'Allemagne, de la Suisse et des Pays du Nord” (volume 6, part 5, Amsterdam, 1755, pp. 343-366). *Ofitsial'nyi sait fakul'teta zhurnalistiki Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Official website of the faculty of journalism at Moscow State University]. Available at: http://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php. (In Russian).

6. Osipov G.V. Ne upustit' predostavivshiisya shans! [Do not miss this chance!]. *Sotsiologiya i ekonomika sovremennoi sotsial'noi real'nosti. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2013 godu* [Sociology and economics of contemporary social reality. Social and socio-political situation in Russia in 2013]. Moscow: ISPI RAN, 2014. Pp. 6-18. (In Russian).
7. Plishevich N.M. Mezhdistsiplinarnyi podkhod k ekonomicheskim realiyam [The interdisciplinary approach to economic realities]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2011, no. 12, pp. 179 – 181. (In Russian).
8. Privetstvie vitse-prezidenta RAN akademika A.D. Nekipelova [Welcome address by RAS Vice-President, Academician A.D. Nekipelov]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2008, no. 1, pp. 8-9. (In Russian).
9. Rossiiskie nauchnye zhurnaly v Web of Science [Russian scientific journals in Web of Science]. *Okna rosta: informatsionno-analiticheskii byulleten' NIU VShE* [Windows of growth: information-analytical bulletin of NRU HSE], 2014, no. 19 (95), pp. 1-4. (In Russian).
10. Rokhlenko D.B. Pervaya russkaya pechatnaya gazeta: O pervoi pechatnoi gazete Vedomosti (Kuranty) [The first Russian printed newspaper: about the first printed newspaper "Vedomosti" (Chimes)]. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 2007, no. 3, pp. 112-116. (In Russian).
11. Toshchenko Zh.T. Vremya Akme. Sotsiologicheskim issledovaniyam – 40 let [Acme time. Forty years of sociological research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2014, no. 7, pp. 3-7. (In Russian).
12. Tret'yakova O.V. Ekonomicheskii zhurnal: problemy i perspektivy prodvizheniya na natsional'nom i mezhdunarodnom urovne [Economic journal: problems and prospects of promotion at the national and international level]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 3, pp. 209-222. (In Russian).

Information about the Authors

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Ol'ga Valentinovna Tret'yakova – Ph.D. in Philology, Department Head, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: olga.tretyackova@yandex.ru)

Mikhail Vladimirovich Morev – Ph.D. in Economics, Laboratory Head, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.3

УДК 316.64, ББК 60.028.13

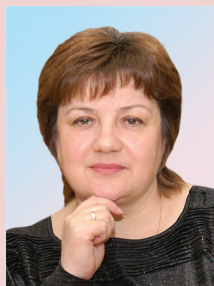
© Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Устинова К.А.

Теоретико-методологические основы исследования ментальности и обусловленных ею стереотипов поведения*

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: aas@vscc.ac.ru

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: galinaleonidova@mail.ru

**Ксения Александровна
УСТИНОВА**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

Для цитирования: Шабунова, А.А. Теоретико-методологические основы Исследования ментальности и обусловленных ею стереотипов поведения / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова, К.А. Устинова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 60-76. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.3

For citation: Shabunova A.A., Leonidova G.V., Ustinova K.A. Mentality and mentality-driven behavior stereotypes: theoretical and methodological foundations of the research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 60-76. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.3

Аннотация. В статье обобщены и систематизированы теоретико-методологические подходы к исследованию категории «ментальность». Рассмотрены историко-философский, культурно-антропологический, психолого-этнографический, социокультурный и социологический, социально-экономический и междисциплинарный подходы. Особое внимание уделено системному подходу, который учитывает проявленность ментальных характеристик в действии. Представлены структурный подход, фокусирующийся на отдельных компонентах ментальности, и подход к исследованию с позиций «уровневой природы ментальности» (понятийно-смысловой, ценностно-целевой и поведенческий уровни). Авторами обосновывается необходимость применения междисциплинарного подхода к определению ментальности. Это обусловлено активным использованием данной научной категории в разных науках (социологических, психологических, гуманитарных), что требует единых концептуальных приемов анализа. Выявлены признаки типологизации ментальности, к которым относятся: 1) уровень анализа (индивидуальная, профессиональная, общественная ментальность); 2) территориальный признак (городская/сельская (провинциальная)); 3) уровень исторического развития (примитивная/современная (цивилизованная)). В качестве критериев также выделены: характер выраженности или проявленности (дописьменная, письменная и медиаментальность); степень отношения к миру (чувственная/идеациональная); сосредоточенность на тех или иных структурных составляющих ментальности: на психологических характеристиках (сознательное/бессознательное), на нормативных характеристиках и т.д. Показано, что при рассмотрении ментальности сквозь призму различных традиций (научных школ) внимание акцентируется на её различных компонентах: мышлении (американская), исторических традициях (германская), чувственной составляющей, социальных аспектах взаимодействия между людьми (французская). Установлена связь между ментальностью и обусловленным ею поведением людей. Эту связь можно характеризовать с позиций «целое—часть», а также «объект—проявленность объекта». В первом случае выделяют такие «поведенческие компоненты» ментальности, как: 1) стереотипы потребления (престижное, демонстративное поведение, с одной стороны, или психология прожиточного минимума — с другой); 2) нормы взаимодействия хозяйствующих субъектов (равенство/неравенство при взаимодействии); 3) общепринятые стереотипы взаимоотношений общества и индивида (самостоятельность или коллективный характер решения задач).

Ключевые слова: ментальность, структура ментальности, этапы эволюции ментальности, поведение.

Исследование ментальности общества и отдельных социальных групп и изучение её влияния на поведение и модернизационные процессы является важной и практической, и научной задачей. Относительно практической значимости рассмотрения данного вопроса следует отметить, что ментальность задает основания национально-культурной идентичности, а также способствует формированию жизненных стратегий и способов самореализации,

предопределяет культурные различия и может выступать фактором межкультурного непонимания. Деформация «ментального базиса» может сопровождаться глобальным кризисом идентичности, различного рода девиациями (деиндивидуализация, деперсонализация), поэтому процессы, связанные с формированием «ментального поля», требуют регулирования [14, с. 23-24]. Неслучайно этим проблемам уделяется особое внимание на государственном уровне.

Так, на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» (19 сентября 2013 года) В.В. Путиным была обозначена идеологическая парадигма развития российского государства: «Наше движение вперёд невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции» [9].

Понятие «ментальность» в своей эволюции прошло ряд этапов, которые различались его употребимостью и содержательной наполняемостью. В обобщенном виде выделяют три таких этапа.

На первом понятие «ментальность» достаточно редко употреблялось в научной литературе в целом. Наиболее широко оно использовалось в философии (такие понятия, как «психика народа», «дух народа», «этническое сознание»). В схоластической философии, например, «ментальность» впервые встречается в XIV в. как производное от прилагательного «умственный» («mens» и «mentis» – ум и мышление соответственно) [27, с. 99-110].

Второй этап характеризуется популяризацией изучения ментальности, активным введением этого термина в научный оборот вследствие формирования и развития французской историографической школы «Анналы», а также применения в общественных науках. К 20–30-м гг. XX в. ментальность выступает как самостоятельный предмет исследования, используется в качестве узкоспециального исторического (Л. Февр [46] и М. Блок [7]) и культурно-антропологического термина (Л. Леви-Брюль [30]) [20, с. 55-78]. В дальнейшем это понятие становится общепризнанным и применяется в исследованиях нематериальной, духовной сферы деятельности человека (Радбиль, 2012 [38]).

На третьем этапе (90-е гг. XX в.), связанном с радикальными политическими и экономическими изменениями, понятие ментальности активно применяется в психологических, социологических и других гуманитарных науках [17], а также рассматривается в качестве объекта не только исследования, но и управления [39, с. 89-102].

Научная значимость исследования ментальности обусловлена тем, что этот термин имеет совершенно разные интерпретации, содержит в себе существенный неиспользованный ресурс для исследования влияния данного феномена на развитие общества [27, с. 99-110; 49, с. 251-262].

Анализ научной литературы позволяет привести ряд примеров, иллюстрирующих различия в толковании ментальности. В таблице 1 они упорядочены по принципу «от абстрактного к конкретному»: вначале даны более общие характеристики (выражение группового сознания в историческом времени и пространстве), затем – более содержательные, конкретизирующие проявленность этого феномена в поведении различных социальных групп, групповые поведенческие стереотипы и т.д.

Исходя из анализа приведенных определений ментальности, можно сделать вывод о широте её трактовок – от социального мышления и ценностных ориентаций групп населения до национального характера. Среди общих черт, относимых авторами к сущности ментальности, можно выделить образ мышления (склад ума), способ видения мира, систему ценностей, особенности психической жизни, национальный характер, регулятор нормативного отношения к миру, модель поведения, принадлежность к определенной общности по социальному или национальному признаку. Наличие общих черт позволяет сгруппировать подходы к исследованию ментальности: 1) с позиций

Таблица 1. Примеры определений понятия «ментальность»

Автор	Определение ментальности
Гершунский Б.С., Грошев И.В., Дубов И.Г., Сонин В.А., Стефаненко Т.Г.	Ментальность – нечто общее для всех людей данной группы, связывающее их и отличающее от представителей других групп.
Иванова Т.В.	Ментальность – это выражение группового сознания в историческом времени и географическом пространстве.
Дюби Ж.	Ментальность – система образов и представлений, различная у разных социальных групп и страт, которой они руководствуются в своем поведении и в которой выражено их представление о мире в целом и об их собственном месте в этом мире.
Метелев А.В.	Ментальность – система наиндивидуальных, устойчивых, преемственных и неосознаваемых предпосылок, представлений, образов и образцов мышления, которые стоят за многочисленными культурными явлениями и фактами, но вместе с тем проявляются в особенностях мышления и поведения.
Микешина Л.А.	Ментальность – неосознанные представления, верования, ценности, традиции, модели поведения и деятельности различных этнических и социальных групп, слоев, классов общества, над которыми надстраиваются теоретические и идеологические системы.
Алефиренко Н.Ф.	Ментальность – совокупность типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества.
Калина Н.Ф., Черный Е.В., Шоркин А.Д.	Ментальность – процесс «вторичной перекодировки» картины мира с помощью знаковых систем, способ реализации модели мира в различных семиотических воплощениях, которые образуют универсальную систему.
Гуревич А.Я., Оборина Д.В.	Ментальность – принятые в конкретном сообществе способы реагирования на окружающую действительность определенным образом или «групповые поведенческие стереотипы».
Источники: составлено по [4; 10; 12, с. 25-46; 13, с. 75-89; 18, с. 20-29; 19, с. 48-59; 21, с. 168-177; 24; 34, с. 145-148; 35; 42, с. 183-191].	

различных научных направлений, 2) с позиций традиций (школ), 3) с позиций структурных составляющих (табл. 2).

Показанные нами подходы к исследованию ментальности подтверждают противоречивость и разноплановость этой категории [6, с. 3-10], невозможность выражения глубины формирующихся в обществе фундаментальных мировоззренческих и исследовательских представлений средствами и методами одного какого-либо научного направления или школы. По мере эволюции данного понятия приходило понимание необходимости междисциплинарного подхода к исследованию этого феномена, поскольку «мы имеем дело с многоаспектными, многоактными рефлексивными переходами содержания ментальности в содержание культуры, а содержания культуры в содержание ментальности, в результате которых образное содержание ментальности усложняется» [43, с. 40].

Междисциплинарные исследования позволяют получить реальное представление о трансформации ментальности, ее объективизации, о воздействии человека на социальную динамику [28]. Например, Е.Я. Таршис выделяет несколько научных дисциплин, которые в той или иной мере связаны с изучением ментальности, таких как история и историческая антропология, социология, философия, лингвистика, социальная психология и т.п.

Мы видим свою нишу в «междисциплинарном поле» исследований ментальности. Это, с одной стороны, определение влияния ментальности населения на модернизационные процессы социально-экономического развития территорий. Поэтому основу исследования будет составлять социально-экономический подход, в котором важное место отводится изучению экономического сознания населения в целом, а также ментальных барьеров инклюзии

Таблица 2. Подходы к исследованию ментальности

Подход (авторы)	Содержание подхода
<i>С позиций различных научных направлений</i>	
<i>Историко-философский и культурно-антропологический</i> (Леви-Брюль Л., Дашковский П.К., Бердяев Н.А. и др.)	Акцент на общем, типичном в духовной жизни человечества с учетом страновых, этнических аспектов, исторических эпох. Изучение ментальности обусловлено необходимостью понимания хода исторических событий.
<i>Социокультурный и социологический</i> (Панарин А.С., Ядов В.А. и др.)	Исследование связи между сознанием индивида и его принадлежностью к определенной социальной группе, между чертами личности и ее местом в обществе. Акцент на специфике ментальности как феномена социальных групп, на анализе социокультурных особенностей и ценностных ориентаций различных социальных общностей. Изучается изменение мотивационно-ценностной сферы личности под влиянием социокультурных факторов. Акцентируется внимание на влиянии внешней среды на внутренний мир личности.
<i>Социально-экономический</i> (Аузан А.А., Латов Ю.В., Новиков А.В., Кожевников В.П. и др.)	Исследование экономических ценностей и норм поведения, характерных для представителей тех или иных групп. Исследование ментальности в рамках данного подхода предполагает анализ отношения к труду, участия в тех или иных формах хозяйственной деятельности, исследование стереотипов потребления. Ментальность в рамках данного подхода отражает экономическое сознание. Изменение ментальности населения рассматривается как один из факторов модернизации экономики.
<i>С позиций традиций (школ)</i>	
<i>Англосаксонский</i> (Маккиндер Х., Мэхэн А., Спикмен Н. и др.)	Акцент на мыслительной составляющей. Ментальность характеризуется как ум, мышление, образ мыслей, культурный код, который связывает между собой людей. Подчеркивается, что ментальность является «личным достоянием индивидуума».
<i>Американский</i> (Кардинер А., Бенедикт Р., Мид М., Липтон Р. и др.)	Акцент сделан на мышлении, предопределяющем разные типы поведения. Учитываются специфические черты национального характера, проявляющиеся в поведении. Рассматривается модель национально-этнической группы, в которой соединены общие для ее представителей черты национальной культуры
<i>Германский</i> (Вунд В., Лацарус М., Штейнталь Х., Берстон А. и др.)	Акцент на исторических традициях, детерминирующие особенности характера. При характеристике ментальности обращается внимание на способы социального поведения, укорененные в исторических традициях. Образ жизни каждого народа управляется господствующими в стране обычаями, определяемыми особенностями характера.
<i>Французский</i> (Блок М., Февр Л., Ле Гофф, Дюби, Вовель и др.)	Помимо мыслительной и чувственной составляющих, значительное место отводится социальному аспекту (социальным взаимосвязям между людьми). В рамках данного подхода ментальность занимает место между осознанным, структурированным (формами общественного сознания, представленными посредством морали, идеологии, религии) и неосознанным, бессознательным (индивидуальная психика людей).
<i>С позиций структурных составляющих</i>	
<i>Психологический</i> (Иванов В.Н. Семигин Г.Ю. Давыдов А.П. и др.)	Ментальность определяется через психологические категории (потребности, эмоции, склонности, мотивы, стереотипы и др.), выделяется сознательный и бессознательный уровень психологии этноса.
<i>Нормативный</i> (Адрианов В.М., Пушкарев Л., Пушкарева Н. и др.)	Сделан акцент на регулятивной функции ментальности, связанной с формированием социокультурных норм, позволяющих индивиду или группе ориентироваться в окружающем мире, обуславливающих специфику способов реагирования на феномены окружающей действительности.
<i>Описательный</i> (Визгин В.П., Гуревич П.С., Шульман О.И. и др.)	При характеристике ментальности выделяются установки и предрасположенности индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом, жизненные позиции, модели поведения.
<i>Генетический</i> (Бех В.П., Додонов Р.А. и др.)	Учитываются аспекты, раскрывающие происхождение феномена «ментальность». Обращается внимание на генетическое наследование информации. Ментальность характеризуется как историческая, родовая память.
Источники: составлено по [1, с. 25-26; 2, с. 47-55; 5; 6, с. 3-10; 7; 8, с. 201-231; 16, с. 205-214; 17; 29; 32, с. 25-30; 40, с. 26-32; 45; 50; 52].	

его социально уязвимых групп [51, с. 29-47] для оценки их потенциальных возможностей включения в процессы модернизации регионального сообщества. Этот подход обоснован ростом понимания той роли, какую играют в истории способы восприятия и мышления людей. С другой стороны, многообразие определений ментальности, отсутствие единых методик её измерения приводят к необходимости использования социологического анализа, методический инструментарий [31] которого позволяет идентифицировать респондентов с ментальными характеристиками российского народа, выявить их социокультурные ценности и т.д.

Изучение ментальности не исчерпывается анализом её структурных компонентов, важное значение имеет изучение её влияния на поведение человека. Необходимость такого рассмотрения обусловлена структурой и иерархическими уровнями

ментальности, среди которых наряду с понятийно-смысловым и ценностным выделяют поведенческий. В данном случае ментальность и поведение соотносятся как «целое – часть» и на поведенческом уровне ментальность рассматривается с позиции готовности действовать определенным образом в соответствии со сложившимися установками (устойчивыми, повторяющимися в различных ситуациях особенностями действий и поступков). Помимо этого, получил распространение и другой подход, когда ментальность и поведение характеризуются с позиций «объект – проявленность объекта вовне». Считаю целесообразным сочетание этих подходов и учёт как структурных компонентов, так и проявленности ментальности в поведении.

В зависимости от особенностей поведения в исследовательской литературе выделено несколько типов ментальности (табл. 3).

Таблица 3. Типы ментальности в зависимости от особенностей поведения

Тип	Основные характеристики	Особенности поведения
Инбредный	– Недостаточно глубокое восприятие абстрактных форм – «Расплывчатость мировоззренческих убеждений», изменяемость взглядов и представлений – Низкая оценка человеческой жизни (отсутствие страха смерти) – Восприятие угрозы ближнему окружению (связь с личной опасностью) – Преобладание коллективных интересов над индивидуальными – Поддержание концепции силы и власти, основанная на физической и военной мощи	– Высокая жизненная активность – Решительность – Стремление к риску – Наличие страхов, комплексов и недовольства в связи с противоречиями, не допускающими однозначного решения
Ноблевский	– Преобладание чувственных способов познания мира – Утонченное восприятие и возвышенное представление о мире – Служение идеалам, стремление к личной независимости – Обособление от других людей, одиночество – Страх показаться слабым – Противоречия между долгом по отношению к разным людям – Направленность на монархическую форму правления	– Демонстративность поступков – Утонченность в манерах и стиле одеваться
Интельский	– Развитие научных способов познания мира – Стремление к абстрагированию, серьезное отношение к понятиям – Высокая значимость накопления информации и обобщения – Высокая ценность познания – Стремление к участию в научных сообществах, политических союзах	– Отсутствие демонстративности – Пренебрежение к комфорту – Высокая работоспособность
Бюргерский	– Предпочтение овеществленных форм восприятия мира – Стремление к функциональности – Преобладание традиционных ценностей (семья, здоровье) – Страх потери социального статуса – Тяготение к демографическим формам правления	– Высокая степень работоспособности – Рациональность и бережливость во всех сферах жизнедеятельности
Источник: составлено по [11, с. 802-819].		

Основными признаками, отличающими приведенные выше типы ментальности, выступают *способ восприятия мира, глубина восприятия, преобладание тех или иных интересов, норм взаимодействия хозяйствующих субъектов* (равенство/неравенство при взаимодействии), *стереотипов взаимоотношений общества и индивида* (самостоятельность или коллективный характер решения задач), *стереотипов потребления* (престижное, демонстративное поведение или психология прожиточного минимума) [33, с. 24-29].

То есть фактически можно говорить о том, что ментальность является своего рода выражением «доминирующих в обществе способов думать и чувствовать и отражением жизни в определенной среде» (Фрумкина, 1999 [47]). В свою очередь, социальная среда формируется на основе образцов социальных практик, которые закрепляются в обществе и становятся социальными институтами. Тем самым существует фактически двусторонняя связь между институтами как структурами общества и индивидами как носителями ментальных моделей. Подобные выводы содержатся, например, в работах П. Штомпки [56] и других ученых [3, с. 3-7].

С учётом взаимосвязи ментальности и господствующих в обществе институтов в научно-исследовательской литературе вы-

деляется два основных типа ментальности — «западный» и «незападный», различающихся по таким параметрам, как *восприятие мира* (холистичность и взаимосвязанность/аналитичность и атомичность), *мерность мира* (континуальность/дискретность), *тип принятия решений* (интуитивный/рациональный). В характеристиках обозначенных типов подчеркивается, что населению с западной ментальностью свойствен рациональный тип мышления и больший акцент на частях, чем на целом, во втором случае, напротив, все аспекты рассматриваются как взаимосвязанные и чаще встречается терпимость к противоречиям. Следствие этого — рациональные, логически обоснованные решения у «приверженцев» западной культуры, иная ситуация у принадлежащих к «незападной» культуре (Buchtel, Norenzayan, 2009 [53]) [3, с. 3-7]. В свете этого любопытны исследования ученых (С.Г. Кирдина, Ю.И. Александров, 2012) [3], которые на основе сопоставительного анализа стран предложили теорию институциональных матриц (X и Y). Характер доминирующих в разных странах типов ментальности и институциональных матриц позволил им сделать вывод о том, что в странах с преобладанием X-матрицы¹ распространена «восточная» ментальность, а в странах с Y-матрицей — «западная». Соответ-

¹ X- и Y-матрицы — это институциональные матрицы, т.е. система экономических, политических и идеологических институтов, находящихся в неизменном соответствии. Для X-матрицы (ранее называемой восточной) характерны следующие базовые институты: в экономической сфере — институты редиистрибутивной экономики, сущностью которых является обязательное опосредование центром услуг, а также прав по их производству и использованию; в политической сфере — институты унитарного (централизованного) политического устройства; в идеологической сфере — доминирование идеи коллективных, надличностных ценностей, приоритет Мы над Я, т.е. коммунитарная идеология. Предполагается, что X-матрица доминирует в России, большинстве стран Азии и Латинской Америки. Y-матрица (западная в более ранней терминологии) образована следующими базовыми институтами: в экономической сфере — институты рыночной экономики; в политической сфере — федеративные начала государственного устройства, т.е. федеративное (федеративно-субсидиарное) политическое устройство; в идеологической сфере — доминирующая идея индивидуальных, личностных ценностей, приоритет Я над Мы, или индивидуалистская идеология, означающая примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, которые, соответственно, имеют субсидиарный, подчинительный по отношению к личности, характер. Предварительные исследования позволили предположить, что Y-матрица доминирует в общественном устройстве большинства стран Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии (см. [26]).

ственно можно констатировать наличие связи между институциональным устройством в стране и преобладающим среди населения типом ментальности. Вместе с тем следует оговориться, что на практике в социальных системах зачастую распространено сосуществование X- и Y-институциональных форм, отчасти потому, что доминирование институтов одного типа может порождать системные риски. Например, преобладание институтов X-матрицы будет приводить к незаинтересованности субъектов рыночной экономики в производстве общественных благ, к формированию образа жизни «каждый сам за себя», к пренебрежению общественными интересами в пользу частных и, как следствие, к отчуждению членов общества [26, с. 322]. Тем самым ментальность оказывается связанной с политическим, экономическим, идеологическим устройством общества. Это подтверждает ряд исследований, в которых представлены результаты оценки влияния институтов на межличностное доверие, а также доказательства положительной связи доверия как структурной компоненты ментальности с экономическим ростом (Guiso, Sapienza, Zingales; 2013 [54], Nunn, Wantchekon; 2011 [55]).

В последние годы стало появляться все больше работ, в которых приводятся аргументы в пользу наличия связи между доминирующей в обществе когнитивной моделью и типом сформированной в нем экономики (Uskul et.al., 2008 [58]; Kitayma, Uskul, 2011 [57]). Опыт развитых стран, осуществивших глубокие социально-экономические преобразования, свидетельствует, что их успех был возможен при одном важном условии — если результаты реформ отражают интересы широких слоев населения и получают их поддержку.

Этот тезис подтверждается и российской практикой. Трансформация социально-экономического строя в 1990-е гг., переход к рыночным отношениям носили новый смысловой характер для населения, что было обусловлено изменением отношений собственности, быстрым ростом кооперативных, совместных, частных предприятий, акционерных обществ, глубокой перестройкой природы и механизмов включения человека в трудовые отношения. Все это актуализировало не только вопросы формирования навыков нового хозяйствования, но и проблему образа жизни вообще, ценностных ориентаций, установок, норм поведения (в частности, см. 44, с. 60-67). Тогда только половина населения (49%) позитивно воспринимала термин «рынок», 67% — «частная собственность» [23]. Через 15 лет (повторно исследование было проведено ВЦИОМ в 2007 г.) позитивные отклики эти термины вызвали уже более чем у двух третей опрошенных (66% — «рынок», 73% — «частная собственность»). При этом отношение к «рынку» и «частной собственности» было заметно хуже в старших возрастных группах — среди респондентов старше 45 лет. Так, понятие «рынок» вызывает положительные эмоции у 73–78% в группе опрошенных до 45 лет, у 65% — в группе 45-59 лет и у 45% — в группе 60 лет и старше; «частную собственность» воспринимают позитивно соответственно 80–84%, 71 и 53%. Надо отметить, что старшее поколение в этом вопросе проявило максимальное невосприятие новых понятий, выразив сомнения в улучшении качества жизни при переходе к рынку и тревогу по поводу утраты ряда социальных гарантий. Это пример боязни нового, сопротивления изменениям, что, несомненно, переносится из сферы сознания в сферу поведения, выступая определенным тормозом обновления общества.

В настоящее время мы можем наблюдать похожую ситуацию, например, в оценках населением приватизации. Ожидания россиян от новой волны преобразования государственной собственности существенно отличаются от тех, что были в 1990-х годах. 25 лет назад половина граждан РФ (51%) ждала, что приватизация поможет стране выйти из экономического кризиса. Сегодня в это верят только 19% населения (молодежь в этом вопросе более оптимистична, чем люди пенсионного возраста: 33% среди 18–24-летних против 12% среди респондентов от 60 лет и старше). Данные исследований показывают, что от нынешних преобразований люди (65%) ждут усугубления проблемы несправедливости распределения доходов, тогда как ранее 43% верили в обратное. Как отмечают эксперты ВЦИОМ, очередная программа приватизации практически не имеет поддержки в российском общественном мнении и для её осуществления необходимо в первую очередь заручиться поддержкой населения [36].

Такое отношение к проводимым в стране преобразованиям не случайно. Например, судя по данным социологического исследования ИСЭРТ РАН² за 2016 г., проведенного в регионах СЗФО, значительная часть общества (46%) сохраняет в себе «дух коллективизма», связанный с приоритетом общественного над личным, а также с сохранением ключевых черт русского народа (доброты, щедрости, простодушия). Это приходит в противоречие с новой реально-

² Социологическое исследование в рамках изучения социокультурного кода населения регионов Северо-Западного федерального округа проведено ИСЭРТ РАН в 2016 г. в 5 регионах СЗФО: в Вологодской, Мурманской, Калининградской, Новгородской областях, а также в Республике Карелия. Объем выборочной совокупности – 3101 чел. Выборочная совокупность репрезентативна по полу, возрасту, в разрезе территорий.

стью, в которой рыночные преобразования требуют индивидуализма, замещения общественных интересов личными. Последние качества постепенно становятся неотъемлемой чертой молодого поколения. Так, в указанном исследовании ИСЭРТ РАН выявлено, что у юношей и девушек снижена мотивация к трудоустройству в государственный сектор с гарантированными, стабильными, но невысокими доходами и увеличена заинтересованность в трудоустройстве в коммерческий сектор с высокими доходами, но без гарантий на будущее. Этим отчасти можно объяснить тот факт, что молодежь чаще дает положительную оценку в отношении проводимых реформ.

Несмотря на их поддержку отдельными слоями населения, сохраняется множество проблем, касающихся механизмов преодоления ущемления прав социально уязвимых групп населения (квотирование рабочих мест для инвалидов, оплата листов временной нетрудоспособности и др.). На отсутствие таких механизмов указали 24% респондентов, на их плохую работу – 44%. Например, в Калининградской и Мурманской областях население пенсионного возраста отмечало, что эти механизмы, несмотря на их наличие, работают плохо (51 и 47% соответственно). А в Республике Карелия такой позиции придерживается другая социально уязвимая группа населения – инвалиды (56%).

Значимый вывод из вышесказанного состоит в том, что при осуществлении социально-экономического развития территорий принципиально важно учитывать ментальность населения. Стратегические цели развития должны принимать во внимание интересы всех его категорий и ориентироваться на консолидацию общества, рост его доверия к государству. Поэтому

исследование ментальности, ее динамики, скорости изменения различных ее составляющих, воздействия на социальные и экономические перемены становится актуальной исследовательской задачей.

В утвержденной в 2015 г. Стратегии национальной безопасности России [37] подчеркивается, что одной из стратегических целей страны является сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей. К таким ценностям отнесены приоритет духовного над материальным, гражданственность, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь,

коллективизм, историческое единство народов России и преемственность истории. Рассматривая в нашем исследовании ментальность как систему устойчивых ценностей, убеждений и норм, которые определяют поведение членов общества и служат выражением исторически сложившегося образа мыслей, детерминирующего характер действий и взаимодействий индивидов, мы акцентируем внимание на необходимости учета ментальности в качестве одного из факторов социально-экономических преобразований – на этапе разработки стратегий социально-экономического развития территорий и во время ее реализации.

Литература

1. Акопов, Г.В. Ментальность как групповое сознание [Текст] / Г.В. Акопов, Л.В. Давыдкина, Т.В. Семенова. – Самара : ПГСГА, 2015. – 76 с.
2. Акопов, Г.В. Феномен ментальности как проблема сознания [Текст] / Г.В. Акопов, Т.В. Иванова // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 1. – С. 47–55.
3. Александров, Ю.И. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход [Текст] / Ю.И. Александров, С.Г. Кирдина // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 3–11.
4. Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова [Текст] : монография / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
5. Ашхамахова, А.А. Феномен менталитета: анализ зарубежных исследований [Электронный ресурс] / А.А. Ашхамахова. – Режим доступа: <https://www.sovremennoopravo.ru/m/articles/view/>
6. Белкин, А.И. Анализ подходов к изучению ментальности в психологической науке [Текст] / А.И. Белкин // Ученые записки (Сер. Психология. Педагогика). – 2010. – Т. 3. – № 1(9). – С. 3–10.
7. Блок, М. Апология истории или ремесло историка [Текст] / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
8. Вунд, В. Проблемы психологии народов [Текст] / В. Вунд. – М.: Космос, 1912.
9. Выступление Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>
10. Гершунский, Б.С. Менталитет и образование [Текст] / Б.С. Гершунский. – М.: Ин-т практ. психологии, 1996. – 144 с.
11. Гриценко, Е.А. Менталитет как элемент институциональной архитектоники [Текст] / Е.А. Гриценко. – Харьков : Форт, 2008. – С. 802–819.
12. Грошев, И.В. Экономические реформы России через призму русской ментальности [Текст] / И.В. Грошев // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 6. – С. 25–46.
13. Гуревич, А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии [Текст] / А.Я. Гуревич. – М., 1989. – С. 75–89.
14. Данилевич, А.И. Национально-культурная ментальность в смысловом пространстве концептосферы (на материале фразеологии русского и английского языков) [Текст] : дис. на соиск. уч. ст. канд. культурологии / А.И. Данилевич. – СПб., 2015. – 24 с.

15. Демкина, Е.В. Предпосылки исследования проблемы «ментальности» и «менталитета» в трудах зарубежных и отечественных мыслителей [Текст] / Е.В. Демкина // Социосфера. – 2011. – № 4. – С. 18–23.
16. Дикарева, А.В. Подходы к определению ментальности как психологического понятия [Текст] / А.В. Дикарева // Социальная политика и социология. – 2012. – № 7. – С. 205–214
17. Додонов, Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования [Текст] / Р.А. Додонов. – Запорожье: РА «Тандем-У», 1998. – 191 с.
18. Дубов, И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ [Текст] / И.Г. Дубов // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 20–29.
19. Дюби, Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года [Текст] / Ж. Дюби // Одиссей. Человек в истории. – М., 1991. – 192 с.
20. Жуковская, Л.И. Семантическое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке [Текст] : дис. на соиск. уч. ст. к. филол. н. : 10.02.01 / Л.И. Жуковская. – Н. Новгород, 2015. – 197 с.
21. Иванова, Т.В. Ментальность, культура, искусство [Текст] / Т.В. Иванова // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 168–177.
22. Ильин, В.А. 13-е Послание Президента: на повестке дня трансформация власти [Текст] / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6(48). – С. 9–20.
23. Исследование ВЦИОМ: Как изменилось отношение россиян к идеологическим ярлыкам с 1992 по 2007 год [Электронный ресурс] / Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/polittech/2007/02/02/550>
24. Калина, Н.Ф. Лики ментальности и поле политики [Текст] / Н.Ф. Калина, Е.В. Черный, А.Д. Шоркин. – Киев: Агропромиздат Украины, 1999. – 183 с.
25. Кассирер, Э. Познание и действительность [Текст]: репринт 1912 г. / Э. Кассирер. – СПб., 1996.
26. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. – Изд. 3-е, перераб., расшир. и иллюстрир. [Текст] / С.Г. Кирдина. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 468 с.
27. Конончук, Д.В. Проблемы исторической антропологии и символическая концепция ментальности / Д.В. Конончук // Россия и АТР. – 2004. – № 1. – С. 99–110.
28. Кочергина, В.И. Введение понятия ментальности в проблемное поле отечественной научной мысли [Электронный ресурс] / В.И. Кочергина. – Режим доступа: <file:///fs/usedfold/kau/Downloads/vvedenie-ponyatiya-mentalnosti-v-problemnoe-pole-otechestvennoy-nauchnoy-mysli.pdf>
29. Лацарус, М. Мысли о народной психологии [Текст] / М. Лацарус, Х. Штейнталь. – Воронеж, 1905.
30. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление [Текст] / Л. Леви-Брюль. – Екатеринбург: Деловая книга, 1999.
31. Леонидова, Г.В. Социологический инструментарий исследования ментальности социально уязвимых групп населения [Текст] / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, Е.О. Смолева // Социальное пространство. – 2016. – № 5(07). – С. 1–12.
32. Магомедова, Э.А. Проблема ментальности в гуманитарном знании [Текст] / Э.А. Магомедова, Ю.Г. Юсупов // Юг России: экология, развитие. – 2011. – № 1. – С. 25–30.
33. Малиновский, Л.Ф. Национальный экономический менталитет как общественный институт [Текст] / Л.Ф. Малиновский // Вестник МГОУ. – 2015. – №3. – С. 24–29.
34. Метелев, А.В. Ментальный аспект культурного синтеза в западноевропейском раннем средневековье (на примере Франкского государства) [Текст] / А.В. Метелев // Философские дескрипты: сборник. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2002. – С. 145–156.
35. Микешина, Л.А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования [Текст] / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция; МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.
36. Новая приватизация: семь бед – один ответ? [Электронный ресурс]: пресс-выпуск ВЦИОМ № 3094. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115674>

37. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ № 683 от 31.12.2015. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 12.01.2017 г.)
38. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета [Текст] / Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 328 с.
39. Ракитянский, Н.М. Понятие сознания и менталитета в контексте политической психологии [Текст] / Н.М. Ракитянский // Вестник Московского университета (Серия 12. Политические науки). – 2011. – № 6. – С. 89–102.
40. Рудакова, О.В. Менталитет современного студенчества как система ценностных установок: исторический аспект [Текст] / О.В. Рудакова // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2015. – № 3(6). – С. 26–32.
41. Сорокин, П.А. Кризис нашего времени [Текст] / П.А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
42. Сонин, В.А. Психолого-педагогический анализ профессионального менталитета учителя [Текст] / В.А. Сонин // Мир психологии. – 2000. – № 2. – С. 183–191.
43. Таршис, Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепциям и постановка задач исследования [Текст] / Е.Я. Таршис. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 88 с.
44. Узлов, Ю.А. Менталитет как институциональный фактор развития экономики [Текст] / Ю.А. Узлов // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 3. – С. 60–67.
45. Усенко, О.Г. К определению понятия «менталитет» [Электронный ресурс] / О.Г. Усенко. – Режим доступа: <http://olegusenko1965.narod.ru/index/0-59>
46. Февр, Л. Бои за историю [Текст] / Л. Февр. – М.: Наука, 1991. – 629 с.
47. Фрумкина, Р.М. Культурно-историческая психология Выготского–Лурия. Взгляд из сегодняшнего дня [Текст] / Р.М. Фрумкина // Человек. – 1999. – № 3. – С. 35–46.
48. Шкуратов, В.А. Искусство экономной смерти [Текст] / В.А. Шкуратов. – Ростов-на-Дону: Наррадиigma, 2006. – 400 с.
49. Шмалей, С.В. Ментальность как объект социально-психологического анализа [Текст] / С.В. Шмалей // Духовність особистості: методологія, теорія і практика. – 2012. – № 5(52). – С. 251–262.
50. Экономическая ментальность россиян: Тула – Россия – мир [Электронный ресурс]: грантовое исследование №КТК- 292-2-02 Ю.В. Латова, Н.В. Латова, Т.С. Вуколовой. – Режим доступа: <http://ecsosman.hse.ru/db/msg/115492.html>
51. Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения [Текст] / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, Г.В. Леонидова, Е.О. Смолева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2(44). – С. 29–47.
52. Ядов, В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций [Текст] / В.А. Ядов. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – 138 с.
53. Buchtel E. Thinking across cultures: implications for dual processes [Text] / E. Buchtel, A. Norenzayan. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 217–238.
54. Guiso, L. Long-Term Persistence [Text]: working paper 23/13 / L. Guiso, P. Sapienza, L. Zingales. – Rome: Einaudi Institute for Economics and Finance, 2013. – 62 p.
55. Nunn, N. The Slave Trade and the Origins of Mistrust in Africa [Text] / N. Nunn, L. Wantchekon // American Economic Review. – 2011. – №101(7). – P. 3221–3252.
56. Sztompka, P. Society in action: A theory of social becoming [Text] / P. Sztompka. – Cambridge: Polity Press, 1991.
57. Uskul, A.K. Culture, mind, and the brain: current evidence and future direction [Text] / A.K. Uskul, S. Kitayma // Annual Review of Psychology. – 2011. – № 62. – P. 419–449.
58. Uskul, A.K. Ecocultural basis of cognition: Farmers and fisherman are more holistic than herders [Text] / A.K. Uskul, S. Kitayma, R.E. Nisbett // Proceedings of the National Academy of the United States of America. – 2008. – №105(25). – P. 8552–8556.

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, врио директора, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, зав. лабораторией, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Shabunova A.A., Leonidova G.V., Ustinova K.A.

Mentality and Mentality-Driven Behavior Stereotypes: Theoretical and Methodological Foundations of the Research

Abstract. The paper summarizes and systematizes theoretical and methodological approaches to the study of the concept of “mentality”. The authors review historical-philosophical, cultural-anthropological, psychological, ethnographic, socio-cultural and sociological, socio-economic and interdisciplinary approaches. Special attention is paid to the system approach that considers how mental characteristics are manifested. The paper presents the structural approach that focuses on individual continents of mentality and an approach to the study from the standpoint of the “level of the nature of mentality” (conceptual-semantic, values-and-target, and behavioral levels). The authors substantiate the necessity of using an interdisciplinary approach to the determination of mentality. This is due to the fact that this scientific category is widely used in different sciences (sociology, psychology, the humanities), which requires unified conceptual analytical methods. The authors reveal distinctive features according to which mentality can be classified; they include: 1) the level of analysis (individual, professional, social mentality); 2) territorial feature (urban/rural (provincial)); 3) the level of historical development (primitive/modern (civilized)). The following features are also highlighted as the criteria: the nature of manifestation (preliterate, literate and media-mentality); the degree of relationship to the world (sensuous/ideational); focus on the structural elements of mentality: on psychological characteristics (conscious/unconscious), normative characteristics, etc. It is shown that when mentality is considered through the prism of various traditions (research schools), then the attention is focused on its various components: thinking (American school), historical traditions (German school), sensuous component, social aspects of interaction between people (French school). The authors reveal the relation between mentality and the resulting behavior of people. This relationship can be characterized in terms of “whole–part” and “object–manifestation of the object”. In the former case there are “behavioral components” of mentality such as: 1) consumption patterns (prestige, demonstrative behavior, on the one hand, or the psychology of the subsistence minimum on the other); 2) the norms of interaction between economic entities (equality/inequality in the interaction); 3) generally accepted stereotypes of relations between society and the individual (self-sufficiency or collective nature of dealing with problems).

Key words: mentality, structure of mentality, stages of evolution of mentality, behavior.

References

1. Akopov G.V., Davydkina L.V., Semenova T.V. *Mental'nost' kak gruppovoe soznanie* [Mentality as group consciousness]. Samara: PGSGA, 2015. 76 p. (In Russian).
2. Akopov G.V., Ivanova T.V. Fenomen mental'nosti kak problema soznaniya [The phenomenon of mentality as a problem of consciousness]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2003, vol. 24, no. 1, pp. 47-55. (In Russian).
3. Aleksandrov Yu.I., Kirdina Tipy S.G. mental'nosti i institutsional'nye matritysy: mul'tidistsiplinarnyi podkhod [Types of mentality and institutional matrix: a multidisciplinary approach]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2012, no. 8, no. 3-11. (In Russian).
4. Alefirenko N.F. *Yazyk poznanie i kul'tura: kognitivno-semiologicheskaya sinergetika slova: monografiya* [Language, cognition and culture: a cognitive-semiological synergetics of word: monograph]. Volgograd: Peremena, 2006. 228 p. (In Russian).
5. Ashkhamakhova A.A. *Fenomen mentaliteta: analiz zarubezhnykh issledovaniy* [The phenomenon of mentality: a review of international studies]. Available at: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/>. (In Russian).
6. Belkin A.I. Analiz podkhodov k izucheniyu mental'nosti v psikhologicheskoi nauke [Analysis of approaches to the study of mentality in psychological science]. *Uchenye zapiski (Ser. Psikhologiya. Pedagogika)* [Scientific notes (series Psychology. Pedagogy)], 2010, vol. 3, no. 1 (9), pp. 3-10. (In Russian).
7. Bloch M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apologie pour l'histoire ou M tier d'historien]. Moscow: Nauka, 1986. 254 p. (In Russian).
8. Wundt W. *Problemy psikhologii narodov* [Problems of psychology of peoples]. Moscow: Kosmos, 1912. (In Russian).
9. *Vystuplenie Putina na zasedanii mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai"* [Vladimir Putin's speech at Valdai International Discussion Club]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>. (In Russian).
10. Gershunskii B.S. *Mentalitet i obrazovanie* [Mentality and education]. Moscow: In-t prakt. psikhologii, 1996. 144 p. (In Russian).
11. Gritsenko E.A. *Mentalitet kak element institutsional'noi arkhitektoniki* [Mentality as an element of institutional architectonics]. Kharkiv: Fort, 2008. Pp. 802-819. (In Russian).
12. Groshev I.V. Ekonomicheskie reformy Rossii cherez prizmu russkoi mental'nosti [Economic reforms in Russia through the prism of Russian mentality]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social-humanitarian knowledge], 2000, no. 6, pp. 25-46. (In Russian).
13. Gurevich A.Ya. *Problema mental'nostei v sovremennoi istoriografii*. [The problem of mentalities in modern historiography]. Moscow, 1989. Pp. 75-89. (In Russian).
14. Danilevich A.I. *Natsional'no-kul'turnaya mental'nost' v smyslovoi prostranstve kontseptsfery (na materiale frazeologii russkogo i angliiskogo yazykov): dis. na soisk. uch. st. kand. kul'turologii* [National-cultural mentality in the semantic space of the concept sphere (on the material of the phraseology of Russian and English languages): Ph.D. in Cultural Studies Dissertation]. Saint Petersburg, 2015. 24 p. (In Russian).
15. Demkina E.V. Predposylki issledovaniya problemy "mental'nosti" i "mentaliteta" v trudakh zarubezhnykh i otechestvennykh myslitelei [Background of the study of the problem of "mentality" and "mindset" in the works of foreign and Russian thinkers]. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2011, no. 4, pp. 18-23. (In Russian).
16. Dikareva A.V. Podkhody k opredeleniyu mental'nosti kak psikhologicheskogo ponyatiya [Approaches to the definition of mentality as a psychological concept]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social policy and sociology], 2012, no. 7, pp. 205-214. (In Russian).
17. Dodonov R.A. *Etnicheskaya mental'nost': opyt sotsial'no-filosofskogo issledovaniya* [Ethnic mentality: the experience of social and philosophical research]. Zaporozhye: RA "Tandem-U", 1998. 191 p. (In Russian).
18. Dubov I.G. Fenomen mentaliteta: psikhologicheskii analiz [Phenomenon of mentality: a psychological analysis]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology], 1993, no. 5, pp. 20-29. (In Russian).
19. Duby G. Razvitie istoricheskikh issledovaniy vo Frantsii posle 1950 goda [The Development of Historical Studies in France Since 1950]. In: *Odissei. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History]. Moscow, 1991. 192 p. (In Russian).

20. Zhukovskaya L.I. *Semanticheskoe napolnenie kontsepta "mentalitet / mental'nost'" i ego yazykovoe voploshchenie v sovremennom russkom yazyk: dis. na soisk. uch. st. k. filol. n.: 10.02.01* [Semantic content of the concept "mentality / mindset" and its linguistic realization in the modern Russian language: Ph.D. in Philology Dissertation]. Nizhny Novgorod, 2015. 197 p. (In Russian).
21. Ivanova T.V. Mental'nost', kul'tura, iskusstvo [Mentality, culture, art]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2002, no. 6, pp. 168-177. (In Russian).
22. Ilyin V.A. 13-e Poslanie Prezidenta: na povestke dnya transformatsiya vlasti [Thirteenth Address of President Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation: Transformation of Power as a Point for Discussion]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 6 (48), pp. 9-20. (In Russian).
23. *Issledovanie VTsIOM: Kak izmenilos' otnoshenie rossiyan k ideologicheskim yarlykam s 1992 po 2007 god* [VTsIOM research: How the attitude of Russians toward ideological labels has changed from 1992 to 2007]. Available at: <http://gtmarket.ru/news/polittech/2007/02/02/550>. (In Russian).
24. Kalina N.F., Chernyi E.V., Shorkin A.D. *Liki mental'nosti i pole politiki* [The faces of mentality and the field of policy]. Kiev: Agropromizdat Ukrainy, 1999. 183 p. (In Russian).
25. Cassirer E. *Poznanie i deistvitel'nost'*: reprint 1912 g. [Cognition and reality: a reprint of 1912]. Saint Petersburg, 1996. (In Russian).
26. Kirdina S.G. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y-teoriyu* [Institutional matrices and development of Russia: an introduction to the X-Y-theory]. 3rd edition, revised, expanded and illustrated. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 468 p. (In Russian).
27. Kononchuk D.V. Problemy istoricheskoi antropologii i simvolicheskaya kontseptsiya mental'nosti [Problems of historical anthropology and a symbolic concept of mentality]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region], 2004, no. 1, pp. 99-110. (In Russian).
28. Kochergina V.I. *Vvedenie ponyatiya mental'nosti v problemnoe pole otechestvennoi nauchnoi mysli* [The introduction of the concept of mentality in the problematic field of domestic scientific thought]. Available at: <file:///fs/usefold/kau/Downloads/vvedenie-ponyatiya-mentalnosti-v-problemnoe-pole-otechestvennoy-nauchnoy-mysli.pdf>. (In Russian).
29. Lazarus M., Steinthal H. *Mysli o narodnoi psikhologii* [Thoughts on folk psychology]. Voronezh, 1905. (In Russian).
30. Levy-Bruhl L. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Yekaterinburg: Delovaya kniga, 1999. (In Russian).
31. Leonidova G.V., Ustinova K.A., Smoleva E.O. Sotsiologicheskii instrumentarii issledovaniya mental'nosti sotsial'no uязvimykh grupp naseleniya [Sociological Techniques for Researching the Mentality of Socially Vulnerable Population Groups]. *Sotsial'noe prostranstvo* [Social Area], 2016, no. 5 (07), pp. 1-12. (In Russian).
32. Magomedova E.A., Yusupov Yu.G. Problema mental'nosti v gumanitarnom znanii [The problem of mentality in the humanities]. *Yug Rossii: ekologiya, razvitie* [The South of Russia: ecology, development], 2011, no. 1, pp. 25-30. (In Russian).
33. Malinovskii L.F. Natsional'nyi ekonomicheskii mentalitet kak obshchestvennyi institut [National economic mentality as an institution]. *Vestnik MGOU* [Moscow Region State University Herald], 2015, no. 3, pp. 24-29. (In Russian).
34. Metelev A.V. Mental'nyi aspekt kul'turnogo sinteza v zapadnoevropeiskom rannem srednevekov'e (na primere Franskogo gosudarstva) [The mental aspect of cultural synthesis in Western Europe in early middle ages (case study of the Frankish state)]. *Filosofskie deskripty: sbornik* [Philosophical descripts: a collection]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2002. Pp.145-156. (In Russian).
35. Mikeshina L.A. *Filosofiya nauki: sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Philosophy of science: contemporary epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. The methodology of scientific research]. Moscow: Progress-Traditsiya; MPSI: Flinta, 2005. 464 p. (In Russian).
36. *Novaya privatizatsiya: sem' bed — odin otvet?: press-vypusk VTsIOM № 3094* [The new privatization: as well be hanged for a sheep as for a lamb: VTsIOM press release No. 3094]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115674>. (In Russian).

37. *O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: Ukaz Prezidenta RF № 683 ot 31.12.2015* [On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the RF President No. 683 dated December 31, 2015]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (accessed 12.01.2017). (In Russian).
38. Radbil' T.B. *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta* [Basics of language mentality]. Moscow: Flinta: Nauka, 2012. 328 p. (In Russian).
39. Rakityanskii N.M. Ponyatie soznaniya i mentaliteta v kontekste politi-cheskoi psikhologii [The concept of consciousness and mentality in the context of political psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta (Seriya 12. Politicheskie nauki)* [Moscow University Bulletin (Series 12. Political Sciences)], 2011, no. 6, pp. 89-102. (In Russian).
40. Rudakova O.V. Mentalitet sovremennogo studenchestva kak sistema tsennostnykh ustanovok: istoricheskii aspekt [Mentality of modern students as a set of value attitudes: the historical aspect]. *Rossiiskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy* [Russian science and education today: problems and prospects], 2015, no. 3 (6), pp. 26-32. (In Russian).
41. Sorokin P.A. Krizis nashego vremeni Crisis of our time]. *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Translated from English. Moscow: Politizdat, 1992. 543 p. (In Russian).
42. Sonin V.A. Psikhologo-pedagogicheskii analiz professional'nogo mentaliteta uchitelya [Psychological-pedagogical analysis of professional mentality of the teacher]. *Mir psikhologii* [World of psychology], 2000, no. 2, pp. 183-191. (In Russian).
43. Tarshis E.Ya. *Mental'nost' cheloveka: podkhody k kontseptsiyam i postanovka zadach issledovaniya* [Mentality of man: approaches to the concepts and the formulation of the objectives of the study]. Moscow: LIBROKOM, 2012. 88 p. (In Russian).
44. Uzlov Yu.A. Mentalitet kak institutsional'nyi faktor razvitiya ekonomiki [Mentality as an institutional factor in economic development]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo* [Society: politics, economics, law], 2011, no. 3, pp. 60-67. (In Russian).
45. Usenko O.G. *K opredeleniyu ponyatiya "mentalitet"* [Revisiting the definition of the concept of "mentality"]. Available at: <http://olegusenko1965.narod.ru/index/0-59>. (In Russian).
46. Febvre L. *Boi za istoriyu* [Battles for the history]. Moscow: Nauka, 1991. 629 p. (In Russian).
47. Frumkina R.M. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya Vygotskogo–Luriya. Vzgl'yad iz segodnyashnego dnya [Cultural-historical psychology of Vygotsky–Luria. The view from today]. *Chelovek* [Man], 1999, no. 3, pp. 35-46. (In Russian).
48. Shkuratov V.A. *Iskusstvo ekonomnoi smerti* [The art of economical death]. Rostov-on-Don: Narradigma, 2006. 400 p. (In Russian).
49. Shmalei S.V. Mental'nost' kak ob"ekt sotsial'no-psikhologicheskogo analiza [Mentality as an object of social-psychological analysis]. *Dukhovnist' osobistosti: metodologiya, teoriya i praktika*, 2012, no. 5 (52), pp. 251-262.
50. *Ekonomicheskaya mental'nost' rossiyan: Tula – Rossiya – mir: grantovoe issledovanie №KTK- 292-2-02 Yu.V. Latova, N.V. Latova, T.S. Vukolovoi* [Economic mentality of Russians: Tula – Russia – the world: the grant study No. KTK - 292-2-02 by Yu.V. Latov, N.V. Latov, T.S. Vukolova]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/db/msg/115492.html>. (In Russian).
51. Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Leonidova G.V., Smoleva E.O. Eksklyuziya kak kriterii vydeleniya sotsial'no uyazvimykh grupp naseleniya [Exclusion as a criterion for selecting socially vulnerable population groups]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 2 (44), pp. 29-47. (In Russian).
52. Yadov V.A. Sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya kak kontseptual'naya baza issledovaniya rossiiskikh transformatsii [Modern theoretical sociology as a conceptual framework for the study of Russian transformations]. Saint Petersburg: Intersotsis, 2009. 138 p. (In Russian).
53. Buchtel E., Norenzayan A. *Thinking across cultures: implications for dual processes*. Oxford: Oxford University Press, 2009. Pp. 217-238.
54. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. *Long-Term Persistence: working paper 23/13*. Rome: Einaudi Institute for Economics and Finance, 2013. 62 p.

55. Nunn N., Wantchekon L. The Slave Trade and the Origins of Mistrust in Africa. *American Economic Review*, 2011, no. 101 (7), pp. 3221-3252.
56. Sztopka P. *Society in action: A theory of social becoming*. Cambridge: Polity Press, 1991.
57. Uskul A.K., Kitayma S. Culture, mind, and the brain: current evidence and future direction. *Annual Review of Psychology*, 2011, no. 62, pp. 419-449.
58. Uskul A.K., Kitayma S., Nisbett R.E. Ecocultural basis of cognition: Farmers and fisherman are more holistic than herders. *Proceedings of the National Academy of the United States of America*, 2008, no. 105 (25), pp. 8552-8556.

Information about the Authors

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Doctor of Economics, Associate Professor, Interim Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Galina Valentinovna Leonidova – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Laboratory, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Kseniya Aleksandrovna Ustinova – Doctor of Economics, Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Статья поступила 12.01.2017.

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.4

УДК 332.145, ББК 65.054

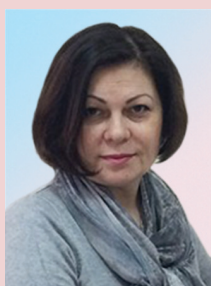
© Гайнанов Д.А., Биглова Г.Ф., Атаева А.Г.

Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем*

**Дамир Ахнафович
ГАЙНАНОВ**

Институт социально-экономических исследований
Уфимского научного центра Российской академии наук
Уфа, Российская Федерация, 450054, Республика Башкортостан,
пр. Октября, д. 71
E-mail: 2d2@inbox.ru

**Гузель Фатиховна
БИГЛОВА**

Институт социально-экономических исследований
Уфимского научного центра Российской академии наук
Уфа, Российская Федерация, 450054, Республика Башкортостан,
пр. Октября, д. 71
E-mail: biglou@list.ru

**Айсылу Гарифулловна
АТАЕВА**

Институт социально-экономических исследований
Уфимского научного центра Российской академии наук
Уфа, Российская Федерация, 450054, Республика Башкортостан,
пр. Октября, д. 71
E-mail: Ice_lu@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме №0253-2014-0001 «Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых социально-экономических систем с позиций обеспечения национальной безопасности» (№ гос. регистрации 01201456661)».

Для цитирования: Гайнанов, Д.А. Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем / Д.А. Гайнанов, Г.Ф. Биглова, А.Г. Атаева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 77-89. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.4

For citation: Gainanov D.A., Biglova G.F., Ataeva A.G. Strategic management of key development potential of split-level territorial socio-economic systems. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, issue 10, no. 2, pp. 77-89. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.4

Аннотация. В статье разработаны методологические положения, в которых на основе определения характера современных отношений, отличающихся высокой интегрированностью «финансовой» экономики и «экономики знаний», выявлены обуславливающие экономическое развитие потенциалы территорий (финансовый, трудовой, инновационный). Выбор обоснован тем, что: инновации в научно-технологической сфере во всех социально-экономических системах задают динамику их развития независимо от уровня их функционирования; финансовый потенциал рассматривается как предпосылка расширения инвестиционного процесса на территории, обуславливающего рост экономической активности хозяйствующих субъектов; трудовой потенциал территориальной социально-экономической системы опосредуется уровнем инноваций и инвестиций, от которых зависит качество и эффективность труда. Предложена концепция, определяющая фундаментальные основы стратегического управления ключевыми потенциалами развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем. Основная идея концепции: стратегия развития территориальной социально-экономической системы базируется на активизации ключевых потенциалов развития той или иной территории, трансформация которых, через использование соответствующих технологий и компетенций в новые ресурсы, обеспечивает достижение параметров качественного экономического роста и качества жизни населения с учетом согласования интересов экономических агентов. В качестве методологических положений концепции определены следующие: 1) целевым ориентиром выстраивания системы стратегического управления ТСЭС является достижение параметров национальной безопасности страны и ее региональных проекций; 2) основой развития территории выступает ее потенциал, представляющий собой совокупность учтенных в экономической системе материальных и нематериальных ресурсов, уникальных технологий и компетенций, определяющих способности территориальной социально-экономической системы к расширенному воспроизводству и обеспечивающих ее конкурентоспособность; 3) выбор вектора развития территории определяется с учетом согласования интересов экономических агентов и разноуровневых территориальных социально-экономических систем в рамках единой системы стратегического планирования в Российской Федерации; 4) методический инструментарий разработки и реализации стратегических документов на различных уровнях управления основывается на программно-проектном подходе, который позволяет обеспечить рациональное распределение ресурсов для достижения стратегических целей развития территории.

Ключевые слова: стратегическое управление, территориальная социально-экономическая система, экономическое развитие, потенциал развития территории, согласование интересов, национальная безопасность.

Роль стратегического управления в России, с учетом разноплановых и разнонаправленных векторов различных социально-экономических институтов, в течение последних двух десятилетий является ключевой. Однако, несмотря на длительность периода его становления и развития, такая проблема стратегического управления, как его качество, не теряет своей актуальности и сегодня. Цели и задачи разрабатываемых

стратегий по этой причине остаются труднодостижимыми, а порой и вовсе нереализуемыми.

В настоящее время система стратегического планирования в России (в том числе на региональном и муниципальном уровнях) начинает формироваться на новой основе. С принятием в 2014 году Федерального закона №172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации»

[9] были установлены правовые основы стратегического планирования на федеральном, региональном и местном уровнях, а также полномочия соответствующих органов государственной власти и органов местного самоуправления. Однако практика показывает, что органы государственной власти (по большей степени на уровне регионов) и особенно органы местного самоуправления не имеют ни опыта качественного стратегического планирования, ни технологий его осуществления с использованием научного инструментария.

На наш взгляд, одним из наиболее общих «узких» мест в большинстве стратегий является отсутствие согласования интересов заинтересованных участников (стейкхолдеров) и проблема определения ключевых потенциалов экономического развития территориальных социально-экономических систем (ТСЭС).

В отечественных научных исследованиях известно значительное число работ, посвященных исследованиям экономического потенциала. Так, Б.М. Мочалов, В.Н. Мосин, Д.М. Крук, Л.И. Лопатников, А.М. Румянцев [6] понимают под ним совокупную способность отраслей народного хозяйства производить промышленную, сельскохозяйственную продукцию, осуществлять капитальное строительство, перевозить грузы, оказывать услуги населению. Б. Плышевский, А. Тодосейчук, Ю. Лычкин, А. Цыгичко отождествляют экономический потенциал с такими категориями, как «ресурсы», «инвестиции», «инвестиционные ресурсы», «национальное богатство», «материально-техническая база». Э. Горбунов, Э. Фигурнов подразумевают под ним «экономическую мощь», «народно-хозяйственный потенциал», а Л. Самоукин, О. Козлова рассматривают его во взаимосвязи со свойственными каждой общественно-экономической форма-

ции производственными отношениями, возникающими между отдельными работниками, трудовыми коллективами, а также управленческим аппаратом предприятия, организации, отраслей народного хозяйства в целом по поводу полного использования их способностей к созданию материальных благ и услуг [6].

В нашем понимании экономический потенциал — это совокупные возможности, способности, скрытые нереализованные резервы экономической системы, которые при изменении окружающих условий могут перейти из возможности в ресурсы и использоваться для достижения целей социально-экономической системы.

На наш взгляд, понятие потенциала развития ТСЭС тесно переплетается с экономическим потенциалом, поскольку развитие территории без экономики немыслимо. При этом стратегическое управление предполагает выбор из всей совокупности структурных составляющих потенциала развития ТСЭС ключевых, концентрация на которых позволит достичь максимальных долгосрочных результатов с учетом ограниченных ресурсов территории. Например, А.А. Аузан определяет, что при исчерпании нефтегазового потенциала в стране остаются три принципиальные возможности использования больших конкурентных ресурсов: военно-технический, пространственный и человеческий потенциалы [3]. С нашей точки зрения ключевыми потенциалами ТСЭС являются инновационный, финансовый, трудовой, обеспечивающие в современных условиях в большей степени, нежели остальные, качественный экономический рост.

И.М. Теняков, исследующий категорию экономического роста, дает такую классификацию: «По трактовке соотношения между экономическим ростом и экономическим развитием в многообразии концеп-

ции и школ экономической мысли можно выделить два подхода, которые можно с некоторыми оговорками охарактеризовать как количественный (линейно-непрерывный) и качественный (циклически-дискретный)» [7]. В рамках первого рост и развитие слабо различаются и характеризуются преимущественно количественными показателями (рост доходов, уровня и продолжительности жизни, грамотности населения, снижение смертности и т.п.). Развитие здесь характеризуется определенными показателями, а сложность его формализации обуславливает необходимость использования большого количества показателей оценки. В свою очередь, экономический рост сводится в основном к росту дохода (в том числе на душу населения) в длительной перспективе. Акцентируется внимание на непрерывности процесса экономического развития и, как следствие, на возможности количественно измерить и сопоставить параметры экономического развития на протяжении длительного исторического периода. Для данного подхода типично стремление к получению статистического описания процесса экономического развития и роста, начиная с промышленной революции или даже раньше [1]. Для этих целей часто используется показатель реального ВВП на душу населения, предполагающий соизмеримость данных как по одной стране на протяжении ста и более лет, так и между разными странами мира. Качественные параметры развития отходят на второй план [7].

Проблематика качественного экономического роста занимает одно из ведущих мест в настоящее время. «С введением понятия „качественный экономический рост снято противоречие между экономическим ростом (количество) и экономическим развитием (качество). Национально-цивилизационные параметры развития также

могут быть отражены в показателях качественного экономического роста» [7]. Мы согласны с такой постановкой вопроса, а более широкое применение понятия «качественный экономический рост» позволит снять дискуссионность применения показателей экономического роста и развития в системе стратегического планирования.

С этих теоретических позиций авторы, придерживаясь концепции непрерывного развития и качественного экономического роста, выделили ряд потенциалов, являющихся ключевыми в структуре современных экономических отношений. Так, учитывая стремительное развитие техники и технологий в мире на протяжении последних 30-ти лет, можно прогнозировать, что инновации в научно-технологической сфере во всех социально-экономических системах будут задавать динамику их развития независимо от уровня их функционирования. Финансовый потенциал территориальных социально-экономических систем предопределяет возможности инвестиционного процесса — двигателя экономической активности хозяйствующих субъектов. Инновации и инвестиции, в свою очередь, опосредованы качеством труда, а его эффективность базируется на трудовом потенциале, обусловленном качеством человеческого капитала.

Рассмотрение трудового потенциала среди ключевых обуславливается также тем, что «политика, направленная на развитие регионов, включение их в модернизационные процессы, слабо учитывает рост человеческого потенциала, а показатели, характеризующие его развитие, не используются как индикаторы эффективности государственного управления, жизнеспособности государства» [4].

Процесс реализации данных потенциалов, с одной стороны, происходит в производственных отношениях и может рассма-

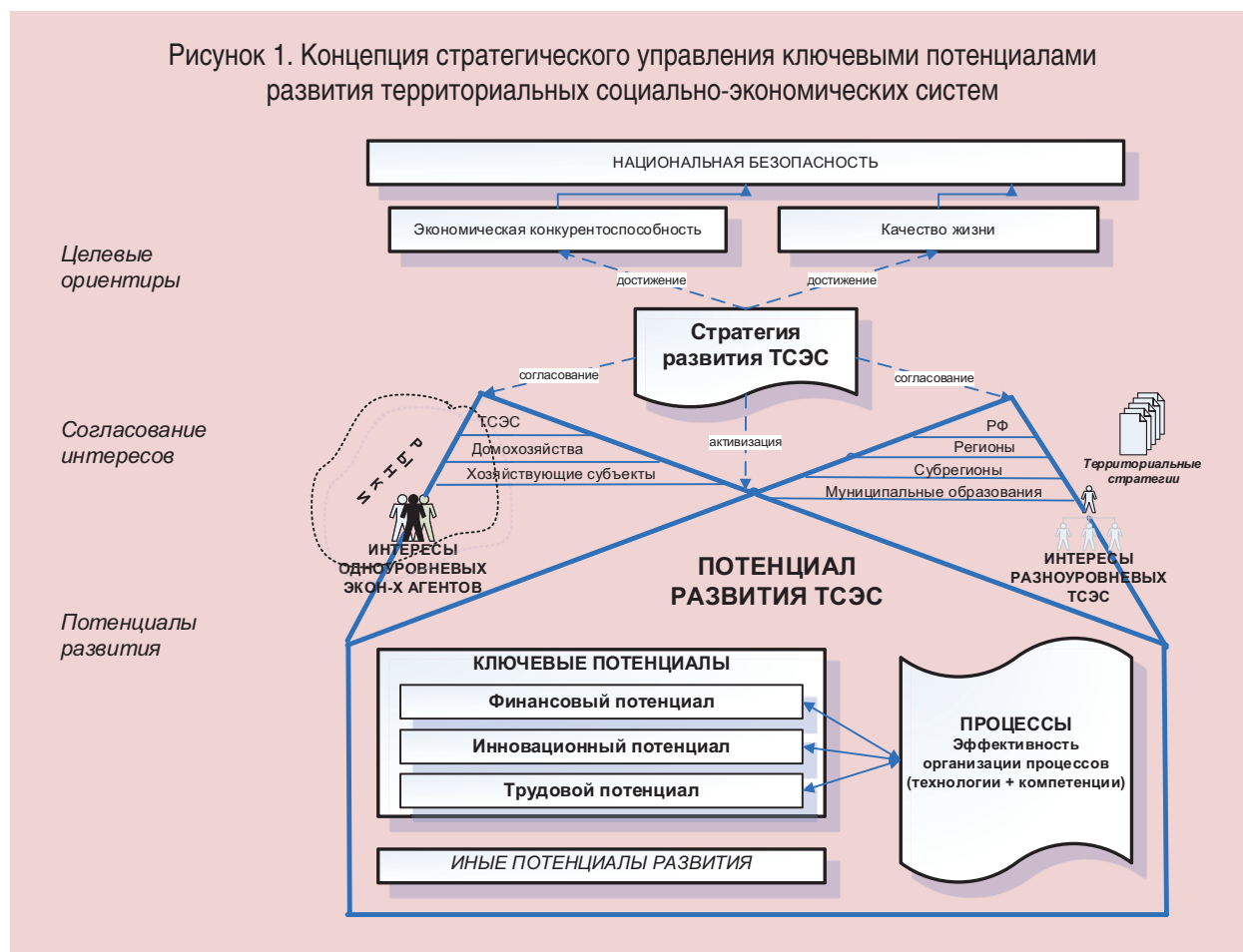
триваться в их рамках как ресурсы; с другой стороны, для обеспечения качественного экономического роста необходимо расширенное воспроизводство, которое помимо ресурсов включает в себя процессы как регуляторы производственных отношений. Другими словами, совокупность финансового, инновационного и трудового потенциала формирует в определенной мере производственный потенциал, что в современных условиях предопределяет развитие как самого производства, так и территориальной социально-экономической системы.

В то же время основной научной проблемой формирования системы стратегического планирования и управления на всех уровнях экономики является непонимание принципов стратегического пла-

нирования и его соотношения с базовыми экономическими категориями: рынок, потенциал, интересы, ресурсы и др. Зачастую происходит «жонглирование» экономическими терминами, путаница дефиниций без системного понимания их соотношения.

Для решения этой проблемы предлагается концепция стратегического управления ключевыми потенциалами развития разноуровневых ТСЭС, представляющая собой совокупность методологических положений о сущности стратегического управления процессами развития ТСЭС, связывающих потенциал территории как основу ее развития и интересы экономических агентов как основу согласованного развития с целевыми ориентирами развития ТСЭС (рис. 1).

Рисунок 1. Концепция стратегического управления ключевыми потенциалами развития территориальных социально-экономических систем

Основная идея концепции: стратегия развития ТЭС основана на активизации ключевых потенциалов развития той или иной территории, трансформация которых, через использование соответствующих технологий и компетенций, в новые ресурсы обеспечивает достижение параметров качественного экономического роста и качества жизни населения с учетом согласования интересов экономических агентов в ТЭС.

Методологические положения Концепции стратегического управления ключевыми потенциалами развития территориальных социально-экономических систем выражаются в следующем.

Положение 1. Целевым ориентиром выстраивания системы стратегического управления ТЭС является достижение параметров национальной безопасности страны и ее региональных проекций.

С позиции стратегирования базовой субъектностью обладает «государство» (федерация, регион), а также органы местного самоуправления, создающие условия для устойчивого развития территории через комплекс мер обеспечения национальной безопасности в зависимости от складывающейся внешней и внутренней экономической ситуации в долгосрочной перспективе.

Согласно этому, основная цель стратегического планирования — рациональное распределение усилий и ресурсов соответствующей ТЭС в интересах устойчивого социально-экономического развития и укрепления национальной безопасности как страны в целом, так и ее социально-экономических параметров на региональном и местном уровнях.

Категория национальной безопасности определяется в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации как состояние защищенности

личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [8]. В комплексе с понятием национальных интересов Российской Федерации национальная безопасность относится к страновому уровню организации ТЭС. Однако ее структурные составляющие (общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная, энергетическая безопасность, безопасность личности) проецируются на субфедеральные и местные уровни территориальной организации населения.

Так как в Стратегии национальной безопасности определены показатели оценки состояния национальной безопасности (ожидаемая продолжительность жизни; валовой внутренний продукт на душу населения; децильный коэффициент; уровень инфляции; уровень безработицы и др.), то в региональных и муниципальных стратегиях, так или иначе, они также должны быть отражены (с учетом возможности воздействия на определяющие факторы). На практике, если сравнить разноуровневые концепции/стратегии/программы, то, во-первых, в них в явном виде не отражаются показатели оценки национальной безопасности, во-вторых, отсутствует их единая согласованная система, отражающая целевые ориентиры социально-экономического развития территорий.

Положение 2. Основой развития территории является ее потенциал, представляющий собой совокупность учтенных в экономической системе материальных и нематериальных ресурсов, уникальных технологий и ком-

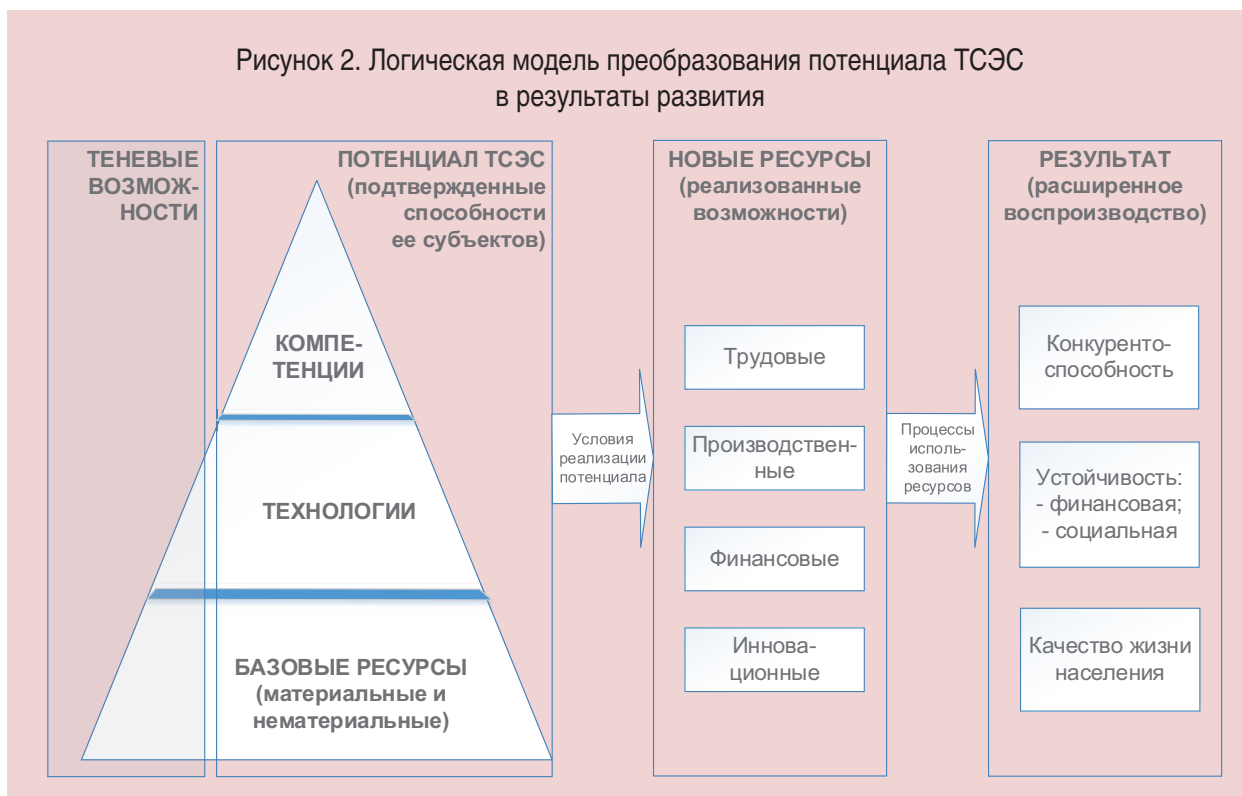
петенций, определяющих способности ТСЭС к расширенному воспроизводству и обеспечивающих ее конкурентоспособность.

В основе нашего понимания потенциала ТСЭС лежит ресурсоориентированный подход, изначально применяющийся в теории фирм в части формирования стабильных конкурентных преимуществ [2]. Значительным преимуществом ресурсоориентированного подхода применительно к ТСЭС является возможность связать потенциал территории с принципами стратегического управления, а именно выбором и концентрацией усилий на приоритетных точках развития, определяющих конкурентные преимущества объекта. С этой точки зрения потенциал ТСЭС – это совокупность учтенных в экономической системе материальных и нематериальных ресурсов, технологий и компетенций, определяющих способности ТСЭС к расширенному воспроизводству и обеспечивающих ее конкурентоспособность (рис. 2).

Как видно, основой потенциала являются базовые ресурсы, представляющие собой совокупность материальных и нематериальных ценностей, используемых для удовлетворения общественных потребностей экономических агентов соответствующей территории. Они могут быть как явными (учтенными, контролируруемыми), так и теньвыми (неучтенными, неконтролируемыми).

Однако совокупность ресурсов не определяет ее способность к саморазвитию и конкурентоспособность в долгосрочной перспективе. Очевиден факт, что в современных условиях главную роль в формировании конкурентных преимуществ как экономических агентов, так и территориальных систем играют не столько их ресурсы (а в некоторых случаях они даже не имеют большого значения), сколько способность эффективно использовать эти ресурсы (наличие высококвалифицированных кадров и имеющегося в их распоряжении высокопроизводительного оборудования).

Рисунок 2. Логическая модель преобразования потенциала ТСЭС в результаты развития

Технологии как компонент системы реализации потенциала ТСЭС представляют собой совокупность организационных и производственных методов и инструментов, позволяющих трансформировать базовые ресурсы территории в новые, в их количественном и качественном выражении. Компетенции – важный элемент системы реализации потенциала ТСЭС – представляют собой организационные и профессиональные навыки, требующиеся для трансформации базовых ресурсов территории в новые при использовании соответствующих технологий.

В системном взаимодействии все указанные элементы опосредуются процессами, которые обуславливают преобразование потенциалов ТСЭС в качественно новые ресурсы.

Целью использования ресурсов является обеспечение расширенного воспроизводства системы для достижения параметров национальной безопасности, социальной и финансовой устойчивости и качества жизни как показателя развития социальной сферы территории.

Положение 3. Выбор вектора развития территории определяется с учетом согласования интересов экономических агентов и разноуровневых территориальных социально-экономических систем в рамках единой системы стратегического планирования в Российской Федерации.

Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» предполагает создание трехуровневой системы стратегических документов. На уровне региона разрабатываются следующие стратегические документы: стратегия социально-экономического развития (далее СЭР) региона; прогноз СЭР региона; бюджетный прогноз региона на долгосрочный период; прогноз СЭР региона на

среднесрочный период; план мероприятий по реализации стратегии СЭР региона; государственные программы региона; схема территориального планирования региона [9].

Такой большой массив документов предполагает необходимость учета интересов самых различных экономических агентов: предприятий, домохозяйств, федеральных, региональных и местных властей. Под интересами экономических агентов понимаются выраженные в формализованном виде потребности экономических агентов в каком-либо благе, являющиеся побудительным мотивом к принятию решений и действий в хозяйственной или иной деятельности. Под реализацией интересов понимается удовлетворение интересов за счет использования тех или иных благ, ведущее к изменению состояния как самого агента, так и ТСЭС в целом.

Основное столкновение экономических интересов в рамках всех организационно-правовых форм хозяйствования разворачивается в трех областях: в сфере отношений собственности, в сфере управления, в сфере распределения доходов.

Зачастую бывает так, что совокупность муниципальных стратегий может по многим позициям вступать в противоречие со стратегией субъекта Российской Федерации, а стратегии субъектов – с федеральными стратегиями. Кроме того, не существует действенного механизма согласования в рамках государственно-частного партнерства стратегий крупных компаний, в том числе естественных монополий. Они могут выступать в роли стратегических партнеров различных уровней власти, а могут ориентироваться на использование тех или иных ресурсов, кадров, инфраструктуры, что часто не согласуется с планами других участников (стейкхолдеров).

И для решения сложнейшей проблемы формирования единой системы стратегического планирования необходимо обеспечить взаимодействие всех уровней конкурентоспособности национальной экономики: макроэкономического (управление хозяйственной системой в целом), мезо- и микроуровней (взаимодействие фирм, предприятий и целых отраслей, а также домохозяйств).

Если на мезо- и микроуровне основную роль берет на себя рынок, как регулятор согласования интересов экономических агентов, то согласование интересов разноразрядных ТСЭС в долгосрочной перспективе является основной задачей территориальных стратегий.

Такое согласование наиболее эффективно осуществляется через организацию диалога между региональными и муниципальными органами исполнительной власти, представителями бизнеса и экспертным сообществом, когда выявляются потребности, интересы и имеющиеся ресурсы основных субъектов территории. Этот момент в системе стратегического управления территориальным развитием представляет принципиальное значение, поскольку от результатов изучения и согласования интересов и ранжирования потребностей зависит процесс целеполагания, следовательно, определение вектора социально-экономического развития ТСЭС.

Главным принципом в этой сфере должно быть обеспечение приоритета параметров национальной безопасности страны в целом при максимально возможном достижении согласованности интересов территорий внутри страны и отдельных экономических агентов. Для разработки технологий согласования интересов нам

важно уяснить, что экономические интересы реализуются путем постановки целей, а цели выражаются в показателях. Следовательно, при взаимодействии экономических интересов становится возможным определить меру и степень их реализации для каждого из участников взаимодействия в той или иной программе территории.

Положение 4. Методический инструментарий разработки и реализации стратегических документов на различных уровнях управления основывается на программно-проектном подходе, который позволяет обеспечить рациональное распределение ресурсов для достижения стратегических целей развития территории.

Традиционным подходом к разработке и реализации территориальных и отраслевых программ выступает программно-целевой подход. В последнее время все чаще появляются мнения, что отечественный опыт использования программно-целевого подхода к управлению развитием территориальными системами значительно дискредитировал эффективность этого инструмента, применение которого не позволило решить ни одной крупной региональной проблемы или переломить хотя бы одну неблагоприятную региональную ситуацию [11]. Разработка программ «под копиру», отсутствие понимания самой сути стратегических документов, сложность фактической реализации программ без привязки к конкретным проектам привели к неэффективности значительного количества отраслевых и территориальных программ.

Выделенные недостатки позволяют устранить программно-проектный подход, реализующий цепочку «программа – проект – план». На уровне стратегического планирования определяется базовый

вектор развития территории, на уровне задач – приоритеты развития территории по конкретным направлениям, на уровне конкретных проектов – необходимые ресурсы и ответственные исполнители; на уровне мероприятий прописываются условия взаимодействия участников. Структура программ и проектов зависит от специфики конкретной локализованной территории, а также от наличия у основных стейкхолдеров территории стратегических документов, которые могут быть интегрированы в стратегию локализованной территории, если имеется хотя бы одна точка пересечения по приоритетным функциям.

С 2016 года переход к проектному управлению официально закреплен на федеральном уровне. Постановлением Правительства РФ принято Положение об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации и утверждена функциональная структура системы управления проектной деятельностью. Соответственно органам государственной власти субъектов Российской Федерации рекомендовано организовать проектную деятельность, руководствуясь Положением, утвержденным Постановлением Правительства [5].

Программно-проектный подход применим также при разработке программ территорий, имеющих срочный характер (программы развития субрегионов, межмуни-

ципальные программы развития и др.), в которых предусмотрены различные источники финансирования проектов.

Таким образом, в представленной концепции управления ключевыми потенциалами развития разноуровневых территориальных систем взаимосвязаны категории экономической теории, региональной экономики и инструментарий стратегического управления территориальным развитием. В качестве ключевых потенциалов определены инновационный, финансовый, трудовой потенциалы, обеспечивающие в современных условиях наибольший качественный экономический рост. Активизация ключевых потенциалов через использование соответствующих технологий и компетенций в новые ресурсы обеспечивает достижение параметров качественного экономического роста с учетом согласования интересов экономических агентов в ТСЭС.

Это позволяет сформировать методологическую основу для разработки документов долгосрочной перспективы развития территорий и выработать комплекс мер оперативного и тактического характера. Документы этого уровня должны быть привязаны к бюджетным ресурсам, конкретизированы в плане действий, увязаны по срокам, исполнителям и объемам финансирования, направлены на решение стратегических приоритетов развития территорий.

Литература

1. Maddison, A. Monitoring the World Economy: 1820-1922 [Text] / A. Maddison. P.: OECD, 1995.
2. Wernerfelt, B. The Resource-Based View of the Firm: Ten Years After [Text] / B. Wernerfelt // Strategic Management Journal. – Vol. 16, No. 3 (Mar., 1995), pp. 171–174.
3. Аузан, А.А. Стратегия долгосрочного развития России: новизна подхода / А.А. Аузан // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2015. – Т. 196. – С. 229–241.
4. Ильин, В.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Социологические исследования. – 2015. – № 8 (376). – С. 34–41.

5. Постановление Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации») [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» (дата обращения: 17.02.2017).
6. Стратегическое управление потенциалом развития территориальных социально-экономических систем: методологические подходы и инструментальное обеспечение: монография / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Д.А. Гайнанова. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. – 244 с.
7. Теняков, И.М. Национальное развитие и экономический рост: теория и российская специфика [Текст] / И.М. Теняков. – М., 2016. – С. 52.
8. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
9. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
10. Хубиев, К.А. Противоречия экономического роста / К.А. Хубиев // Экономист. – 2005. – № 8. – С. 46.
11. Шевцов, А. Новации в инструментах экономического оживления развития территорий [Текст] / А. Шевцов // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – № 10. – С. 6–17.

Сведения об авторах

Дамир Ахнафович Гайнанов – доктор экономических наук, профессор, директор, Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук (Российская Федерация, 450054, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, д. 71; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Гузель Фатиховна Биглова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук (Российская Федерация, 450054, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, д. 71; e-mail: biglou@list.ru)

Айсылу Гарифулловна Атаева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук (Российская Федерация, 450054, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, д. 71; e-mail: Ice_lu@mail.ru)

Gainanov D.A., Biglova G.F., Ataeva A.G.

Strategic management of key development potential of split-level territorial socio-economic systems

Abstract. The authors have elaborated methodological principles based on the nature of modern relations characterized by high degree of “financial” and “knowledge” economy integration, identified factors in the territory’s economic development capacity (financial, labor, innovation). The choice is explained by the fact that scientific innovations in all socio-economic systems set the dynamics of their development regardless of their level of functioning; financial capacity is regarded as a prerequisite for expanding the territory’s investment process which increases economic activity of business entities; employment potential of territorial social-economic systems (hereinafter TSES) is moderated by the level of innovation and investment which influence labor quality and efficiency. The authors also propose the idea defining the fundamental framework for strategic management of key development potential of split-level territorial socio-economic systems. The basic idea of the concept is that the development strategy of territorial

socio-economic system is based on activation of key development potential of a particular territory, the transformation of which by using appropriate technology and competencies of new resources ensures the achievement of qualitative parameters of economic growth and the quality of life in terms of interest alignment of economic actors. The concept's methodological provisions are as follows: 1) the target of building the strategic TSES management system is the achievement of parameters of the country's national security and its regional projections; 2) the territory's development is based on its potential which is a combination of tangible and intangible resources, unique technologies and competencies determining the ability of a TSES to expand the reproduction process and ensuring its competitiveness; 3) the choice of the territory's development vector is determined on the basis of interest alignment of economic actors and split-level territorial socio-economic systems within a unified system of strategic planning in the Russian Federation; 4) the methodological tools for the development and implementation of strategic documents on different levels of management is based on the software-design approach which helps ensure the rational resource allocation to achieve the territory's development strategic objectives.

Key words: strategic management, territorial socio-economic system, economic development, territory's development potential, interest alignment, national security.

References

1. Maddison A. *Monitoring the World Economy: 1820-1922* P.: OECD, 1995.
2. Wernerfelt B. The Resource-Based View of the Firm: Ten Years After. *Strategic Management Journal*, volume 16, no. 3 (March, 1995), pp. 171–174.
3. Auzan A.A. Strategiya dolgosrochnogo razvitiya Rossii: novizna podkhoda [Strategy for long-term development of Russia: an innovative approach]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Research papers of the Russian Free Economic Society], 2015, volume 196, pp. 229–241. (In Russian).
4. Ilyin V.A., Shabunova A.A. O nekotorykh tendentsiyakh v ekonomicheskom razvitii Rossii i regiona [On some trends in economic development of Russia and its regions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 8 (376), pp. 34–41. (In Russian).
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.10.2016 № 1050 «Ob organizatsii proektnoi deyatel'nosti v Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii» (vmeste s «Polozheniem ob organizatsii proektnoi deyatel'nosti v Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii») [Resolution of the RF Government no. 1050 “On project activity administration in the Government of the Russian Federation”, dated October 15th, 2016 (together with “Provision on project activity administration in the Government of the Russian Federation”)]. *Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tant plyus»* [ConsultantPlus legal reference system] (accessed: 17.02.2017). (In Russian).
6. Gainanova D.A. (Ed.) *Strategicheskoe upravlenie potentsialom razvitiya territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: metodologicheskie podkhody i instrumental'noe obespechenie: monografiya* [Strategic management of development potential of territorial socio-economic systems: methodological approaches and instrumental support: monograph]. Ufa: ISEI UNTs RAN, 2016. 244 p. (In Russian).
7. Tenyakov I.M. *Natsional'noe razvitiye i ekonomicheskii rost: teoriya i rossiiskaya spetsifika* [National development and economic growth: theory and Russian specific features]. Moscow, 2016, p. 52. (In Russian).
8. Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 №683 «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» [President's Decree no. 683 “On the Strategy of national security of the Russian Federation”, dated December 31st, 2015]. *Konsul'tant Plyus* [ConsultantPlus]. Available at: <http://www.consultant.ru>. (In Russian).
9. Federal'nyi zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ (red. ot 03.07.2016) «O strategicheskoy planirovaniy v Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law no. 172-FZ “On strategic planning in the Russian Federation”, dated June 28th, 2014]. *Konsul'tant Plyus* [ConsultantPlus]. Available at: <http://www.consultant.ru>. (In Russian).
10. Khubiev K.A. Protivorechiya ekonomicheskogo rosta [Contradictions of economic growth]. *Ekonomist* [The Economist], 2005, no. 8, p. 46. (In Russian).
11. Shevtsov A. Novatsii v instrumentakh ekonomicheskogo ozhivleniya razvitiya territorii [New tools in territory development economic revival]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Theoretical and practical aspects of management], 2015, no. 10, pp. 6–17. (In Russian).

Information about the Authors

Damir Akhnafovich Gainanov – Doctor of Economics, Professor, Director at Institute for Socio-Economic Research at Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71, October Avenue, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 2d2@inbox.ru)

Guzel' Fatikhovna Biglova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute for Socio-Economic Research at Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71, October Avenue, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, biglou@list.ru)

Aisyly Garifullovna Ataeva – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Institute for Socio-Economic Research at Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences, (71, October Avenue, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, Ice_lu@mail.ru)

Статья поступила 17.11.2016.

DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.5

УДК 330.35, ББК 65.050

© Романов Е.В.

Какой капитализм нужен России?: методологические ориентиры «новой индустриализации»

**Евгений Валентинович
РОМАНОВ**

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
Магнитогорск, Российская Федерация, 455000, пр. Ленина, д. 24
E-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

Аннотация. Модернизация российской экономики должна осуществляться с учетом глобальных трендов и противоречий социально-экономического развития страны. Первый тренд предопределен переходом к шестому технологическому укладу: созданием и освоением био-, генно- и нанотехнологий, квантовых компьютеров и новых композиционных материалов. Страны, пропустившие этап подготовки к началу новой кондратьевской волны (потенциал роста закладывается в первые 15–20 лет начала цикла), в лучшем случае войдут в режим догоняющего развития. Второй тренд определяется глобальной конкуренцией за человеческий капитал и состоит в возможности оттока талантливой российской молодежи на Запад. В России должна быть разработана концепция сохранения и приумножения человеческого капитала, которая создаст естественные барьеры против утраты интеллектуального капитала. В основе системообразующего противоречия социально-экономического развития России между продекларированным курсом на инновационное развитие экономики и слабым спросом на инновации со стороны частных предприятий лежит недооцененный «живой труд». Дешевая рабочая сила не стимулирует бизнес к технологическому обновлению производства, увеличивает «разрыв» между доходами «богатых» и «бедных». Усиление социальной дифференциации способствует увеличению уровня коррупции. В статье проанализированы существующие подходы к модернизации экономики России. Авторская позиция состоит в обосновании тезиса о том, что в стратегической перспек-

Для цитирования: Романов, Е.В. Какой капитализм нужен России?: методологические ориентиры «новой индустриализации» / Е.В. Романов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 90-108. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.5

For citation: Romanov E.V. What capitalism does Russia need?: methodological guidelines of the “new industrialization”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 90-108. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.5

тиве должны быть созданы условия для «технологического рывка» на основе инновационного восстановления отраслей индустриальной экономики, занятия лидерских позиций в мире в производстве квантовых компьютеров и наращивания экспорта информационных технологий, трансфера инновационных разработок ВПК в гражданские отрасли промышленности и более полного использования конкурентного преимущества, которое сохраняется у России с точки зрения инновационного развития – человеческого капитала (создание естественных барьеров против «утечки мозгов»). Необходимо увеличение доли государственной собственности и повышение эффективности управления ею в отраслях, имеющих критическое значение, для преодоления деиндустриализации российской экономики и «прорыва» в шестой технологический уклад. Увеличение стоимости «живого труда» и, как следствие, создание условий для расширенного воспроизводства рабочей силы должны стать императивом «новой индустриализации». Привлечение инвестиций (в том числе зарубежных) и оценку их качества следует рассматривать в контексте создаваемых (или несоздаваемых) возможностей по увеличению стоимости «живого труда» и числа отечественных технологий шестого технологического уклада.

Ключевые слова: тренды и противоречия; либеральная концепция модернизации; «новая индустриализация».

При разработке стратегии модернизации экономики России следует учитывать два взаимосвязанных глобальных тренда.

Первый предопределен началом разворачивающейся революции в передовых в технологическом смысле государствах, связанной с созданием и освоением новых медицинских, био-, генно- и нанотехнологий, композиционных материалов и квантовых компьютеров. Восходящая половина очередного цикла Кондратьева начнется после 2018 года, при этом потенциал роста закладывается в первые 15–20 лет новой волны. Исторический опыт показывает, что если страна пропускает латентный период, то есть этап подготовки волны, то она пропускает и сам цикл, в лучшем случае входя в режим догоняющего развития [14, с. 30].

А.Г. Клепач и Г.О. Куранов на основе анализа исторических данных констатировали, что основные научные открытия совершались молодыми учеными в возрасте около 30 лет, и преимущественно теми, кто увлекался наукой в 12–14 лет. Формирование «клипового сознания» [2, с. 74], основы которого закладываются в общеобразо-

вательной школе, когда умение мыслить и творить подменяется умением отвечать на список заготовленных вопросов, позволяет сделать вывод о том, что «если реформа образования затянется еще на пять лет (а сейчас она идет не в сторону творческого мышления), то к 2020-м и даже к 2030-м годам Россия не получит поколения молодых ученых, способных обеспечить настоящие прорывные научные и технологические результаты» [14, с. 30].

Второй тренд определяется глобальной конкуренцией за человеческий капитал, который становится главным фактором решения стратегических задач любой страны [18, с. 10].

По нашему мнению, данный тренд следует рассматривать через призму событий на Украине¹: помимо явных (геополитиче-

¹ Нам представляется возможным сценарий развития событий на Украине, при котором экономика будет доведена до полного коллапса; кредитов с Запада в необходимом объеме страна не получит и будет брошена на произвол судьбы, а точнее, на «содержание» России. Очевидно, что Россия не бросит братский народ. И, вместо того чтобы осуществлять проекты по модернизации собственной экономики, будет вынуждена оказывать экономическую поддержку в условиях крайне ограниченных материальных и финансовых ресурсов.

ских и экономических) целей, которые преследовались (и преследуются) США, существует, как нам видится, неявная цель, обусловленная именно глобальной конкуренцией за человеческий капитал и связанная с исчерпанием в США ресурсов пятого технологического уклада. Создание технологий шестого уклада требует новых идей и людей, способных эти идеи генерировать. И страной, которая обладает соответствующим человеческим ресурсом, является Россия.

Дестабилизация, ухудшение экономического положения в нашей стране на фоне сомнительных реформ в сфере образования и науки должны стать условиями для оттока талантливой молодежи на Запад. Противодействие реализации этой цели и должна оказать стратегия использования человеческого капитала в России, разрабатываемая в рамках концепции модернизации российской экономики.

Очевидно, что новая экономическая политика России должна строиться с учетом понимания отмеченных трендов, явных и неявных целей наших западных «партнеров».

Стратегия модернизации российской экономики должна способствовать разрешению системообразующего противоречия современного этапа социально-экономического развития России: между продекларированным на государственном уровне курсом на инновационное развитие российской экономики и слабым спросом на инновации со стороны промышленных предприятий. Известно, что для внедрения предпринимателем новой техники и технологии издержки на их применение должны быть ниже издержек на труд. При наличии дешевой рабочей силы затраты на технологическое обновление производства экономически нецелесообразны [4, с. 42].

Поэтому именно недооцененный «живой труд» является естественной преградой для инновационного развития российской экономики.

Существенным представляется то, что возможности увеличения производительности труда за счет большей загрузки занятых работников себя исчерпали. Как отмечают Н.В. Орлова и С.К. Егиев, Россия заняла второе место в мире (после Южной Кореи) по количеству рабочих часов на душу населения (985 часов в год) [19, с. 75]. Таким образом, исследователями сделан вывод о том, что низкая производительность труда связана с качеством инвестиций, а не человеческого капитала.

Достаточно высокие издержки на труд (дорогая рабочая сила) за рубежом инициировали разработку концепции внедрения инноваций на рабочем месте как ресурса повышения производительности труда [33]. Установлено, что инновации на рабочем месте повышают не только индивидуальную производительность труда и эффективность организационной деятельности [34], но и уровень эффективности работы организации в целом [31; 32].

Неразрешаемое (не сглаживаемое в должной мере) противоречие между «трудом» и «капиталом» инициирует увеличение социальной дифференциации в России. По некоторым оценкам за последние два года пропасть между доходами 10% «бедных» и 10% «богатых» увеличилась и зашкаливает за отметку 44 раза, которая в 10 раз превышает допустимую мировую норму Международной организации труда (МОТ) [11].

Усиление социальной дифференциации способствует увеличению уровня коррупции (определяемому как все более возрастающим статусом участников коррупционных схем, так и размером «вознаграждения» за оказанные услуги). Сравнительный

анализ 129 стран показывает [36], что неравенство доходов повышает уровень коррупции за счет материальных и нормативных механизмов. Богатые имеют и большую мотивацию, и больше возможностей участвовать в коррупции, в то время как бедные более уязвимы к вымогательству.

Цель данной статьи состоит в обосновании методологических ориентиров модернизации российской экономики, которая должна строиться на учете глобальных трендов и способствовать сглаживанию противоречий.

Модернизация российской экономики: либеральный взгляд

В статье А. Кудрина и Е. Гурвича «Новая модель роста российской экономики» сформулированы 15 важнейших задач, которые нужно решить для построения «модели стимулирования роста». Три задачи мы рассматриваем в качестве системообразующих. Первая состоит в радикальном сокращении нерыночного сектора, включающего «государственные и квазигосударственные государственные компании, которые в основном руководствуются нерыночной мотивацией» [16, с. 29].

Вторая задача, по мнению А. Кудрина и Е. Гурвича, состоит в проведении дальнейшей реформы в бюджетных секторах (избавление от избыточной занятости, увеличение предложения труда, недопущение опережающего повышения заработной платы по сравнению с ростом производительности труда).

Третья задача состоит в необходимости восстановления доверия инвесторов и к макроэкономической устойчивости российской экономики, и к политике институциональных изменений. Например, отмечается, что «важно поддержать ранее сформировавшиеся тенденции, в частности заимствование передовых технологий. Этот путь признан наиболее эффектив-

ным для повышения производительности в странах, находящихся на нашем уровне развития» [16, с. 32].

Проанализируем высказанные позиции.

Что касается роли государства в экономике, то позиция вполне понятна: следует свести до минимума государственное присутствие в экономике, поскольку сама «генетика» государственных компаний такова, что выделенные бюджетные средства всегда будут расходоваться неэффективно. Следует отметить, что задача по снижению присутствия государства в экономике была сформулирована и в Концепции среднесрочной программы развития экономики России «Экономика роста» Столыпинского клуба [15].

Приведенные в работе А. Кудрина и Е. Гурвича ссылки на работы зарубежных исследователей [29], доказывающих, что у предприятий государственной и муниципальной форм собственности значительно хуже показатели, чем у частных, нам представляются не совсем корректными: в качестве примера приводится выполненное Всемирным банком исследование 79 тыс. российских предприятий за период 2003–2008 гг.

Можно привести результаты и других зарубежных исследований, в которых отмечается, что характер связи между размерами государственного сектора и эффективностью инноваций и модернизации страны не является четко установленным [35]. С одной стороны, осуществленные в ЕС исследования показали, что экономическая ситуация в странах с меньшей долей государственного сектора (государственные расходы менее 40% ВВП) лучше, чем в странах с высокой (более 50%) и средней (40...50%) его долей. С другой стороны, инновации в государственном секторе напрямую связываются с экономическим процветанием: НИОКР в го-

сударственном секторе оказывают значительное влияние на разработку новых продуктов и процессов и, таким образом, опосредованно способствуют экономическому росту и повышению производительности [35, с. 21]. При этом государственные НИОКР имеют важное значение в поддержке и стимулировании инноваций в частных фирмах [35, с. 32]. Отмечается, что в государственном секторе можно добиться лучших результатов за счет роста масштаба производства (экономии на масштабе) [28, с. 24].

Для повышения эффективности государственного сектора ставится задача рационализации государственных расходов на НИОКР, укрепления связей между университетами и промышленностью (поощрение создания научных парков, стимулирование университетского патентования) [35, с. 6], что актуально и для России.

Предложения по снижению доли государства в экономике не опираются на результаты анализа доходности российских государственных предприятий в последние годы. В бюллетене аналитического центра при Правительстве Российской Федерации [7] приводятся данные, свидетельствующие об эффективности государственных компаний: доля их выручки в совокупной выручке топ-100 компаний в последние годы устойчиво росла – с 47% в 2009 году до 51% в 2014 году. При этом число государственных компаний в топ-100 рейтинга за этот же период сократилось с 31 до 28. В целом на 28 компаний с государственным участием в 2014 году пришлось 67% выручки всех компаний из топ-100 рейтинга Эксперт РА в рассматриваемых отраслях, где представлены госкомпании.

Как верно отмечает В.И. Россинский, «мировой экономический опыт однозначно свидетельствует о том, что в современных условиях эффективность экономики

в меньшей степени зависит от формы собственности и в большей степени от качества управления» [24, с. 61].

Применительно к государственным компаниям речь должна идти о повышении качества корпоративного управления, при котором обеспечивается эффективное взаимодействие акционеров, Совета директоров и высшего менеджмента компании. Проблемы государственного корпоративного управления, по нашему мнению, определяются тем, что акционеры и Совет директоров (в большинстве своем представители государства²) не обеспечивают должный контроль за высшим менеджментом государственных корпораций. С этим, например, мы связываем отсутствие открытой информации о доходах топ-менеджеров государственных российских компаний. В последние годы за рубежом открытость стратегических решений, партнерство с представителями общества и учет общественного мнения считаются важными стратегическими составляющими [30], определяющими эффективность деятельности компании.

По результатам исследований влияния Совета директоров (СД) на финансовые результаты деятельности российских компаний установлено, что «вопреки агентской теории, пропагандирующей максимальное число независимых директоров в составе СД, для российских компаний важно наличие в составе совета исполнительных директоров, которые обладают уникальными знаниями о специфике функционирования компании: показатель «доля исполнительных директоров в составе совета» оказывает положительное воздействие на эффективность компании» [10, с. 143]. При этом ключевой характеристи-

² Например, девять из двенадцати человек в составе Совета директоров ОАО «РЖД», избранных в 2016 году, являются представителями Правительства РФ.

кой, влияющей на эффективность фирмы, является отраслевой опыт Совета директоров. Исходя из сказанного актуальным представляется анализ составов советов директоров государственных компаний (и внесение корректив в случае необходимости) с целью повышения эффективности деятельности как самих советов, так и компаний в целом.

В контексте дискуссии о мере эффективности государственного или частного бизнеса уместно вспомнить об интервью с А. Чубайсом в 2001 году, которое не было широко известно, а следовательно, и не вызвало в свое время соответствующего общественного резонанса [8].

«А мы знали, что каждый проданный завод — это гвоздь в крышку гроба коммунизма. Дорого ли, дешево, бесплатно, с приплатой — двадцатый вопрос, двадцатый... Приватизация в России до 97 года вообще не была экономическим процессом. Она решала совершенно другого масштаба задачи, что мало кто понимал тогда, а уж тем более на Западе. Она решала главную задачу — остановить коммунизм. Эту задачу мы решили. Мы решили ее полностью», — заявлял в интервью А. Чубайс.

Таким образом, приватизация начала 90-х годов, а позже залоговые аукционы служили основанием для передачи государственной собственности в частные руки и не решали задачи повышения эффективности производства. И кризис конца 90-х годов тому яркое подтверждение. Как справедливо отмечал В.И. Россинский, «в момент начала приватизации, прежде всего, необходимо было определить границу допустимого разгосударствления, т.е. в структуре производительных сил выделить ту часть, которая является общественным достоянием. Задача эта не очень сложная, ибо здесь идет речь о производствах, требующих усилий всего общества через

долговременные программы научных исследований, подготовки высококвалифицированных кадров и огромные капитальные вложения, т.е. создание и поддержание таких производств, которые в принципе неосуществимы в рамках частного капитала. Об этом свидетельствует весь мировой опыт» [24, с. 62].

Именно оттого, что в свое время эта граница не была установлена (такой задачи и не ставилось в принципе), вопрос собственности в России (и ее «моральной легитимизации») не является до конца решенным. Необходима выработка механизмов, которые, не вступая в противоречие с международным правом, сделают невозможным (а точнее бессмысленным) предъявление исков по типу иска «инвесторов» «ЮКОСа» к Российской Федерации.

Для решения второй задачи А. Кудрин и Е. Гурвич предлагают следующий комплекс мер:

- отказ от повышения зарплаты в бюджетном секторе, которое не увязано с ростом его производительности;
- оптимизация численности занятых в бюджетном секторе;
- переход от борьбы с безработицей (размеры которой вряд ли будут значимыми) к борьбе за конкурентоспособность;
- повышение мобильности и расширение переобучения рабочей силы;
- совершенствование механизмов регулирования миграции в интересах привлечения необходимых рынку труда работников;
- поэтапное повышение пенсионного возраста.

В исследовании В.М. Серова [26] обосновано, что для простого воспроизводства рабочей силы в каждой семье должно рождаться в среднем 2,2 ребенка. Минимальная заработная плата квалифицированного рабочего должна быть не ниже 2,1 прожиточ-

точного минимума при условии, что оба родителя работают. При зарплате ниже 2,1 прожиточного минимума численность населения (работников) будет снижаться, и производственный капитал не сможет функционировать, он будет не нужен.

Если же государство хочет иметь здоровое и грамотное поколение работников (а для этого один из родителей должен в течение длительного периода находиться в отпуске «по уходу за ребенком»), то указанная минимальная заработная плата должна равняться 4,2 прожиточного минимума [26, с. 90]. Напомним, что речь идет о простом, а не расширенном воспроизводстве рабочей силы.

Государство, сдерживая рост заработной платы в бюджетном секторе, сдерживает этот рост и во всех отраслях народного хозяйства. Это порождает замкнутый круг: 80% населения тратит 80% своих доходов на продукты питания, оставшиеся 20% не позволяют осуществлять сколько-нибудь крупные покупки, т.е. политика сдерживания роста оплаты труда является тормозом развития потребительского рынка и экономики в целом [22, с. 10].

В отношении роста производительности труда мы уже отмечали выше, что Россия заняла второе место в мире (после Южной Кореи) по количеству рабочих часов на душу населения (985 часов в год) [19, с. 75]. Анализ уровня заработной платы одной из самых крупных категорий бюджетников — учителей общеобразовательных школ — дает основание говорить о том, что рост оплаты труда обеспечивается преимущественно за счет экстенсивных методов (увеличения числа отработанных часов), т.е. нагрузка среднестатистического школьного учителя существенно превышает ставку (18 часов).

Меры по оптимизации занятых в бюджетном секторе (по существу, сокраще-

нию) определенным образом противоречат мере, которая предусматривает расширение переобучения рабочей силы и которую предлагают А. Кудрин и Е. Гурвич. Например, численность штатного профессорско-преподавательского состава государственных и муниципальных вузов последовательно снижалась — с 319,0 тыс. человек в 2011/12 учебном году до 255,8 тыс. человек в 2015/16 учебном году: 2012/13 уч. г. — 312,8 тыс. человек; 2013/14 — 288,2 тыс. человек; 2014/15 уч. г. — 271,5 тыс. человек³.

В соответствии с показателем «численность студентов, обучающихся по программам высшего образования в расчете на одного работника ППС» в государственной программе «Развитие образования» на 2013–2020 годы, который к 2020 году должен увеличиться до 13 человек [21], возможно снижение численности ППС государственных вузов до 184,9 тыс. человек к 2020 году, из которых 150,5 тыс. человек будут работать на полной ставке, а 34,4 тыс. человек — на 0,5 и 0,25 ставки [23, с. 184]. Тренд на снижение численности ППС государственных вузов на фоне увеличения нагрузки на преподавателей в стратегической перспективе негативно скажется на качестве образования. В этой связи вызывает сомнение и возможность реализации концепции «обучение всю жизнь» (life-long learning), которая продекларирована в государственной программе «Развитие образования» на 2013–2020 годы.

Решение третьей задачи — восстановление доверия инвесторов и к макроэкономической устойчивости российской экономики, и к политике институциональных изменений — следует рассматривать в контексте предложений, сделанных А. Кудриным на закрытом заседании президиума

³ Россия в цифрах. 2016: крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — С. 148.

Экономического совета, состоявшемся 25 мая 2016 года. По мнению А. Кудрина, страна должна, пусть и на вторых ролях, встроиться в международные технологические цепочки. Иначе невозможно выполнить ключевое условие для стимулирования российской экономики – привлечение иностранных инвестиций [17]. Естественно, для того чтобы «встроиться в международные технологические цепочки» на вторых ролях, можно только заимствовать технологии. И в этом смысле о «прорыве» в шестой технологический уклад можно забыть. В XXI веке Россия не может себе позволить скатиться к догоняющему развитию.

Позиция А. Кудрина и Е. Гурвича кардинально отличается от того, о чем говорил в Послании Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин 1 декабря 2016 года [20]: «Для выхода на новый уровень развития экономики, социальных отраслей **нам нужны собственные передовые разработки и научные решения** (выделено мной. – Е.Р.). Необходимо сосредоточиться на направлениях, где накапливается мощный технологический потенциал будущего, а это цифровые, другие, так называемые сквозные технологии, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни. Страны, которые смогут их генерировать, будут иметь долгосрочное преимущество, возможность получать громадную технологическую ренту. Те, кто этого не сделает, окажутся в зависимом, уязвимом положении. Сквозные – это те, которые применяются во всех отраслях: это цифровые, квантовые, робототехника, нейротехнологии и так далее».

Что касается привлечения иностранных инвестиций, которые рассматриваются чуть ли не единственной панацеей роста ВВП [18; 27], то следует дать ответ на вопрос: о каких инвестициях идет речь и ка-

ково их качество? В данных Росстата отсутствует информация о поступлениях по типам иностранных инвестиций после 2013 года⁴. Удельный вес прямых иностранных инвестиций в экономику России невелик. Наибольший удельный вес в структуре иностранных инвестиций составляли торговые и прочие кредиты. Подобного рода «инвестиции» являются закамуфлированной формой «утечки капитала» из России.

Позиция А. Кудрина обусловлена игнорированием системного противоречия современного этапа социально-экономического развития России, которое мы сформулировали во введении: между продекларированным на государственном уровне курсом на инновационное развитие российской экономики и слабым спросом на инновации со стороны промышленных предприятий.

Переход от экстенсивной экономической модели, предполагающей усиление эксплуатации за счет увеличения продолжительности и интенсивности труда, к интенсивной (инновационной) модели развития должен стать императивом новой экономической политики. И в этом смысле мы считаем важным, что государство готово «поделиться» с бизнесом изобретениями, патентами и ноу-хау. Подготовительные процедуры для передачи прошли около трех тысяч результатов интеллектуальной деятельности во всех отраслях промышленности [6].

⁴ В сборнике Росстата «Россия в цифрах» (2016) на с. 458 приведены следующие значения объема прямых иностранных инвестиций в экономику России (млн. долл.): 2011 г. – 55984; 2012 – 50588; 2013 г. – 69219; 2014 г. – 22891. Судя по этим данным, прямые инвестиции в 2014 году снизились в 3 раза по сравнению с 2013 годом. Эти данные противоречат значениям, приведенным в сборнике «Россия в цифрах» (2014) на с. 468: прямые иностранные инвестиции в 2011 году составили 18415 млн. долл., в 2012 г. – 18666 млн. долл., в 2013 г. – 26118 млн. долларов.

По нашему мнению, инновационная деятельность является той «лакмусовой бумажкой», которая позволяет провести «разграничительные линии» между национально ориентированным и компрадорским капиталом. Там, где осуществляются поиск, разработка и внедрение инноваций, где реализуется стратегия развития, там нет места спекулятивному капиталу, там бизнес свои интересы увязывает с интересами работников и страны в целом. Реализация стратегии инновационной модернизации экономики России с неизбежностью поставит вопрос о модернизации банковской сферы, которая должна начать выполнять свою функцию в новых условиях хозяйствования – поиск и финансирование проектов, способствующих созданию продуктов с высокой добавленной стоимостью. До момента введения санкций большинство российских банков осуществляли обычные финансовые спекуляции: брались дешевые кредиты на Западе, за счет которых финансировались российские промышленные предприятия (естественно, ставки по кредитам значительно превышали аналогичные ставки на Западе). В известной степени причина данного явления кроется в реализуемой монетарной политике (по крайней мере до последнего времени)⁵.

Методологические ориентиры «новой индустриализации»: какой капитализм нужен России?

Разработка и реализации концепции новой модели экономического роста – концепции реиндустриализации [3; 4; 5], «новой индустриализации» [25], неоиндустриализации [9] – обусловлена необходимостью ликвидации угроз продовольственной, фармацевтической и медицинской безопасности, угроз снижения темпов эко-

номического роста вследствие деиндустриализации экономики России, угроз воспроизводству человеческого капитала. Нам представляется, что понятие «новая индустриализация» наиболее точно отражает цели и объем преобразований, которые необходимо совершить в российской экономике.

Разработка концепции «новой индустриализации» требует всестороннего изучения американского опыта времен «Великой депрессии», опыта Китайской Народной Республики и отечественного опыта новейшей истории России (кризис 1998 года).

Правительством Примакова–Маслюкова были созданы условия нормализации макроэкономической среды для производителей и введены меры по защите внутреннего рынка. В определенной степени успехи этого правительства были обеспечены за счет простаивавших производственных мощностей и незанятой рабочей силы, тем не менее было обеспечено увеличение роста инвестиций в ВВП с 12 до 16,5% [25, с. 21]. В 1999 году был обеспечен рост инвестиций в основной капитал, объем которых составил 670439 млн. руб., из которых 297278 млн. руб. (44,3% от общего объема инвестиций) инвестированы в отрасли, производящие товары⁶. Инвестиции в основной капитал в 1998 году составили 407086 млн. руб., из которых 165092 млн. руб. инвестировано в отрасли, производящие товары (40,6% от общего объема инвестиций). Таким образом, произошло не просто увеличение инвестиционной активности, но и изменение соотношения между инвестициями в отрасли, производящие товары, и отрасли, оказывающие рыночные и нерыночные услуги. При этом объем

⁵ Намечается изменение существующего тренда. Например, с 2017 года аграрии смогут брать кредиты под 5% годовых.

⁶ Российский статистический ежегодник. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2003. – С. 595.

иностранных инвестиций в промышленность в 1999 году увеличился по сравнению с 1998 годом на фоне общего падения объема иностранных инвестиций. Объем иностранных инвестиций в 1998 году составлял 11773 млн. долл., в промышленность инвестировано 4698 млн. долл. (39,9% от общего объема иностранных инвестиций). В 1999 году объем иностранных инвестиций снизился до 9560 млн. долл., в промышленность инвестировано 4876 млн. долл. (51,0% от общего объема иностранных инвестиций)⁷.

В современных условиях санкционное давление создает условия для импортозамещения, включая и глубокую локализацию производства. При этом мы разделяем позицию, согласно которой «лучшее импортозамещение — это производство отечественной продукции, конкурентоспособной как внутри страны, так и на внешних рынках. Способность экспортировать означает способность конкурировать, в том числе и с импортом. Такое импортозамещение может претендовать и на государственную поддержку» [18, с. 19].

В качестве основных методологических ориентиров реализации концепции «новой индустриализации» могут быть приняты высказывания Е.М. Примакова на заседании Меркурий-клуба в январе 2014 года [1].

Первый тезис касается роли государства в построении новой экономики.

«Можно ли считать, что в современной России сам рыночный механизм без государственного участия уже способен обеспечить рост и сбалансированность экономики, а низкий уровень конкуренции достаточен для достижения технико-технологического прогресса? Однозначно нет. Конечно, это не означает навечно доми-

нирования государства в экономике. Но это необходимо в определенные исторические периоды, а я считаю, что сегодня мы находимся именно в таком периоде. Помимо всего прочего наши неолибералы вообще не учитывают уроки кризиса 2008–2009 годов. Известно, что в США и странах Евросоюза во время кризиса было усилено влияние государства на экономику. Такой тренд сохраняется».

Второй тезис касается самой сущности «новой индустриализации»:

«... Неолибералы, по сути, игнорируют необходимость восстановить в России разрушенные в 90-е годы отрасли промышленности, в первую очередь машиностроение. Отказ от реиндустриализации ими нередко рассматривается в виде задачи вхождения России в постиндустриальную стадию. Между тем переход в постиндустриальную экономику в сегодняшней практике отнюдь не предполагает отход от традиционных отраслей, которые в том числе решают и проблему занятости. Естественно, речь идет об оснащении их современной техникой...

Постиндустриальное общество — это не только хайтек и сфера услуг. В тех же постиндустриальных Соединенных Штатах сегодня существует тенденция восстановления для покрытия внутреннего спроса производств, ранее вытесненных в развивающиеся страны. Согласен с выводом, сделанным председателем Совета Федерации Валентиной Матвиенко: «Страна, претендующая на лидерство и обеспечивающая собственную безопасность, не может специализироваться всего лишь на 2–3 высокотехнологичных отраслях. Поэтому перед нами стоит наисложнейшая задача — занять достойное место в новом технологическом укладе при одновременном инновационном восстановлении отраслей промышленности старого уклада».

⁷ Там же. — С. 604.

С.Д. Бодруновым была сформулирована «парадигма развивающейся экономики», которая реализуется в рамках стратегии реиндустриализации. Она определена как «восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты на основе нового технологического уклада путем решения комплекса экономических, организационных и иных задач» [5, с. 8]. При этом особое внимание следует обратить на сырьевой комплекс как источник финансового обеспечения будущей реиндустриализации, усиливая в нем перерабатывающий сегмент. Как отмечают С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг, Д.Е. Сорокин, проблема не в гипертрофированных масштабах сырьевого сектора, а в недоразвитости перерабатывающих отраслей [4, с. 21].

Подобной позиции придерживается С.С. Губанов, который указывает, что, для того чтобы покончить с деиндустриализацией, «необходимо соединить добывающую промышленность с обрабатывающими комплексами, особенно машиностроительными. Основа их организационно-экономического соединения — вертикально-интегрированная собственность, а форма — межотраслевые цепочки производства конечной продукции с высоким мультипликатором добавленной стоимости» [9, с. 39].

«Новая индустриализация» должна трансформироваться в программу реализации основных направлений разворачивающейся в мире революции, связанной с освоением био-, нано- и генетических технологий, созданием квантовых компьютеров и новых композиционных материалов, т.е. всего того, что составляет основу нового (шестого) технологического уклада. Проблема в том, насколько эту стратегическую цель как главное звено текущей политики можно решить «сходу», не вос-

становив разрушенный контур индустриальной экономики [25, с. 19]. Как верно отмечает В.Т. Рязанов, «попытаться совершить «прыжок» в шестой технологический уклад, минуя не развившийся у нас пятый и забывая о деградации сферы производства, — это значит выстраивать политику на основе иллюзий и утопических проектов» [25, с. 19].

Приведенное замечание относительно шестого технологического уклада мы считаем принципиально важным. Иная точка зрения на эту проблему была высказана Е. Каболовым, который отмечал, что структура экономики России в настоящее время далека от постиндустриальной модели⁸. По его мнению, для вхождения России в ближайшие 10 лет в число стран с 6-м технологическим укладом необходимо «перемахнуть» через 5-й технологический уклад [12].

Точка зрения В.Т. Рязанова относительно утопичности совершения «прыжка» через уклад базируется на том, что большинство инноваций нового уклада формируются в фазе **доминирования** предыдущего уклада. Пятый технологический уклад, определяемый обычно как уклад информационных и коммуникационных технологий, не доминирует в российской экономике. Вместе с тем уровень и результаты фундаментальных исследований отечественных ученых в системе РАН дают основание говорить о том, что Россия находится в числе передовых стран по созданию компьютеров, работающих на совершенно иных физических принципах (квантовых) [13]. О положительной динамике в разработке передовых информационных техно-

⁸ В России доля технологий 5-го уклада составляет примерно 10% (в военно-промышленном комплексе и авиакосмической отрасли), 4-го — свыше 50%, третьего — около 30%. В США, например, доля 5-го технологического уклада составляет 60%, 4-го — 20%. И около 5% уже приходится на 6-й технологический уклад.

логий свидетельствует увеличивающийся объем их экспорта, который в 2015 году составил 7 миллиардов долларов («оборонки» 14,5 миллиардов, сельхозпродукции 16,2 миллиарда) [20]. И в этом смысле, **став лидером в производстве квантовых компьютеров и наращивая экспорт информационных технологий, Россия сможет «перескочить» через уклад.**

Нам представляется, что для вхождения России в течение ближайших 10 лет в число стран с шестым технологическим укладом, опираясь на инновационные разработки ВПК и обеспечивая трансфер технологий в гражданские отрасли промышленности, следует наиболее полно использовать конкурентное преимущество, которое сохраняется у России – человеческий капитал. Соответственно должна быть разработана стратегия использования этого конкурентного преимущества.

Для создания условий более быстрого «вызревания» инноваций шестого технологического уклада необходимо объединить усилия со странами-лидерами в области программного обеспечения и управления информацией (Индия), электроники и компьютерной памяти (Китай).

В Послании Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин 1 декабря 2016 года [20] предложил запустить «масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики. В её реализации будем опираться именно на российские компании, научные, исследовательские и инжиниринговые центры страны. Это вопрос национальной безопасности и технологической независимости России, в полном смысле этого слова – нашего будущего. Надо провести инвентаризацию и снять все административные, правовые, любые другие барьеры, которые мешают бизнесу выходить как на суще-

ствующие, так и на формирующиеся высокотехнологичные рынки; обеспечить такие проекты финансовыми ресурсами, в том числе нацелить на эти задачи работу обновлённого ВЭБа («Банка развития»). Нам потребуются квалифицированные кадры, инженеры, рабочие, готовые выполнять задачи нового уровня. Поэтому совместно с бизнесом выстраиваем современную систему среднего профессионального образования, организуем подготовку преподавателей колледжей и техникумов на основе передовых международных стандартов».

Принципиальным вопросом является следующий: способна ли экономика России в условиях многоукладности реализовать те задачи, которые ставит Президент РФ? Мы разделяем точку зрения С.С. Губанова, который указывает на то, что требованиям неоиндустриализации отвечает только стадия капитализма не ниже государственной корпоративной [9, с. 36]: «Совершенно ясно, какая форма собственности должна при этом господствовать – вертикально-интегрированная, какое необходимо основное звено воспроизводства – ТНК, какая целевая функция воспроизводства – добавленная стоимость (а не одна прибыль), какой тип планирования – макроэкономический, адекватный форме собственности».

С этой целью предлагается стратегическая национализация командных высот в экономике. Как верно отмечает С.С. Губанов, национализация нужна не ради национализации. Она нужна для создания вертикально-интегрированной структуры (собственности), которая обеспечит наращивание отечественного производства продукции с высокой долей добавленной стоимости на основе прочной и неразрывной связи между добычей и промышленной переработкой сырья, первичных ресурсов.

Увеличение роли государства в экономике обусловлено и тем, что именно государственные предприятия должны задавать стандарты по воспроизводству рабочей силы (от уровня минимальной оплаты труда до различных аспектов социального обеспечения работников). Институциональным основанием таких стандартов должна стать реализация предложения, связанного с **переходом к почасовой системе регулирования производительности труда и заработной платы**, что предполагает разработку плановых нормативов почасовой производительности машин, рабочих мест и работников. Данное предложение мы рассматриваем в качестве системообразующего в создании условий для расширенного воспроизводства рабочей силы.

Стратегическая национализация командных высот в экономике предполагает повышение качества корпоративного управления на государственных предприятиях и борьбу с коррупцией на всех уровнях. В современных социально-экономических и политических условиях коррупцию следует рассматривать как угрозу национальной безопасности со всеми вытекающими последствиями⁹.

Объем данной статьи не позволяет раскрыть роль образования и науки в решении задач по модернизации российской экономики. Укажем на один из важнейших аспектов, который задает ориентиры дальнейших исследований. Например, применительно к высшему и среднему профессиональному образованию сформулированное нами основное противоречие социально-экономического развития

⁹ Рассмотрение коррупции в качестве угрозы национальной безопасности обусловлено тем, что факты коррупции не просто ставят под сомнение реализацию принципа социальной справедливости, но, что еще более важно, дискредитируют власть в целом.

обуславливает **противоречие** между формированием и финансированием заказа на востребованные экономикой (в первую очередь) технические направления подготовки государством и практическим отсутствием участия в этом процессе бизнес-сообщества. Иными словами, за счет средств налогоплательщиков финансируется потребность в кадрах частных предприятий. По существу это противоречие можно сформулировать как противоречие между общественным характером производства знаний и частной формой присвоения результата (использования знаний). В условиях увеличения доли государства в экономике формирование и финансирование заказа на подготовку кадров со стороны государства выглядит обоснованным и логичным.

Чем в меньшей степени государство представлено в тех или иных отраслях, тем в большей степени должно быть обеспечено участие частных предприятий в подготовке кадров. Это предполагает разработку механизмов государственно-частного партнерства, определяющих целевые индикаторы софинансирования на стратегическую перспективу, прямое участие бизнеса в решении общегосударственных задач (в том числе через создание эндаумент-фондов и т.д.). Частные предприятия должны сформировать своего рода «амортизационный фонд на человеческий капитал», который станет источником финансирования собственных кадровых потребностей. **Отсутствие желания или неспособность инвестировать в подготовку кадров должны стать основанием для передачи доли или всей собственности в пользу того, кто такие инвестиции способен осуществлять.** Соответственно, должен быть разработан правовое и механизм, регламентирующий данные процедуры с учетом мирового опыта.

Заключение

Нам представляется, что вклад данного исследования в развитие теоретической науки состоит в обосновании следующего тезиса: без философского и социологического осмысления объективной реальности, предполагающего выявление противоречий социально-экономического развития, и предложения путей их разрешения (сглаживания) невозможно обеспечить интенсивное (инновационное) развитие российской экономики. Исходя из этого, любые решения следует рассматривать через призму того, в какой степени они способствуют разрешению (сглаживанию) системообразующего противоречия социально-экономического развития России. Данный подход должен быть использован и при разработке вариантов модернизации образования и науки как интеллектуальной основы «прорыва» в шестой технологический уклад.

Основные выводы исследования состоят в следующем.

- Реализация концепции «новой индустриализации» предполагает увеличение доли государственной собственности и повышение эффективности управления ею в отраслях, имеющих критическое значение для преодоления деиндустриализации российской экономики и «прорыва» в шестой технологический уклад: создание вертикально-интегрированных структур в цепочке «добыча сырья – промышленная переработка», которые обеспечат наращивание отечественного производства продукции с высокой долей добавленной стоимости.

- Увеличение стоимости «живого» труда и, как следствие, создание условий для

расширенного воспроизводства рабочей силы должны стать императивом инновационной модернизации российской экономики.

- «Прорыв» России в шестой технологический уклад возможен на основе занятия лидерских позиций в мире в производстве квантовых компьютеров и наращивания экспорта информационных технологий, трансфера инновационных разработок ВПК в гражданские отрасли промышленности при наиболее полном использовании сохраняющегося конкурентного преимущества – человеческого капитала (создание естественных барьеров против «утечки мозгов»).

- Необходимо обеспечить участие частных предприятий в решении задачи финансового и содержательного обеспечения кадровых потребностей модернизируемой экономики. Частные предприятия должны сформировать своего рода «амортизационный фонд на человеческий капитал», который станет источником финансирования собственных кадровых потребностей. Неспособность инвестировать в подготовку кадров должна стать основанием для передачи доли или всей собственности (на основе разработанного правового механизма) в пользу того, кто такие инвестиции способен осуществлять.

- Привлечение инвестиций (в том числе зарубежных) и оценку их качества следует рассматривать в контексте создаваемых (или не создаваемых) за счет этого возможностей по увеличению стоимости «живого» труда и числа отечественных технологий шестого технологического уклада.

Вышеизложенное и является ответом на вопрос: какой капитализм нужен России?

Литература

1. Акопов, П. Примаков разоблачающий [Электронный ресурс] / П. Акопов // Взгляд. Деловая газета. – 2014. – 14 янв. – Режим доступа: <http://vz.ru/politic.../15/668058.htm>

2. Балацкий, Е.В. Новые тренды в развитии университетского сектора / Е.В. Балацкий // Мир России. – 2015. – № 4. – С. 72–98.
3. Бодрунов, С.Д. Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 1(35). – С. 4–14.
4. Бодрунов, С.Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг, Д.Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 1(35). – С. 19–49.
5. Бодрунов, С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2(40). – С. 5–16.
6. В России началась приватизация изобретений [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2016. – 6 июля. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/07/06/v-rossii-nachalas-privatizaciia-izobretenij.html>.
7. Государственное участие в российской экономике: госкомпании, закупки, приватизация [Электронный ресурс] // Бюллетень о развитии конкуренции. – 2016. – Вып. 13 / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8449.pdf>
8. Григорук, Д.А. А. Чубайс: «Приватизация вообще не была экономическим процессом. Она решала главную задачу – остановить коммунизм» [Электронный ресурс] / Д.А. Григорук // Открытая электронная газета Forum.msk.ru. Опубликовано 18.02. 2010. – Режим доступа: <http://forum-msk.org/material/economic/2493684.html>
9. Губанов, С.С. Неоиндустриальная модель развития и ее системный алгоритм / С.С. Губанов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3(33). – С. 23–44.
10. Дуляк, Ю. Эмпирический анализ влияния Совета директоров на финансовые результаты деятельности российских компаний / Ю. Дуляк // Экономическая политика. – 2015. – Т. 10. – № 1. – С. 126–148.
11. Запрети черный вывоз капитала – и доллар в России упадет. [Электронный ресурс] // Накануне.RU. – 2016. – 31 марта. – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/111564>
12. Каболов, Е. Шестой технологический уклад [Электронный ресурс] / Е. Каболов // Наука и жизнь. – 2010. – № 4. – Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/17800/>
13. Карасев, С. Российские ученые нашли способ упростить создание квантового компьютера [Электронный ресурс] / С. Карасев // 3DNews. – 2016. – 24 июля. – Режим доступа: <http://www.3dnews.ru/936599>
14. Клепач, А.Н. О циклических волнах в развитии экономики США и России (вопросы методологии анализа) / А.Н. Клепач, Г.О. Куранов // Вопросы экономики. – 2013. – № 11. – С. 4–33.
15. Концепция среднесрочной программы развития экономики России «Экономика роста» [Электронный ресурс] / Столыпинский клуб. Экспертная площадка рыночников-реалистов. – Режим доступа: <http://stolypinsky.club/economica-rosta/>
16. Кудрин, А. Новая модель роста для российской экономики / А. Кудрин, Е. Гурвич // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 4–36.
17. Кудрин предложил Путину снизить геополитическую напряженность [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2016. – 30 мая. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/05/30/642871-kudrin-putinu>
18. Медведев, Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы / Д.А. Медведев // Вопросы экономики. – 2015. – № 10. – С. 5–29.
19. Орлова, Н.В. Структурные факторы замедления роста российской экономики / Н.В. Орлова, С.К. Егиев // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 69–84.
20. Послание Президента Федеральному Собранию. Москва, Кремль. 1 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>
21. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. №295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Российской газеты». 24 апреля 2014 г. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/04/24/obrazovanie-site-dok.html>.
22. Романов, Е.В. Стратегический менеджмент: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 160 с. – (Высшее образование).

23. Романов, Е.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография / Е.В. Романов. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 302 с. – (Научная мысль).
24. Россинский, В.И. Корпоративное управление : учеб.-метод. комплекс / В.И. Россинский. – Новосибирск : НГУЭУ, 2004. – 128 с.
25. Рязанов, В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты / В.Т. Рязанов // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2(40). – С. 17–25.
26. Серов, В.М. Об экономических основах и социальной ответственности бизнеса / В.М. Серов // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 1(35). – С. 87–91.
27. Улюкаев, А. От экономического кризиса к экономическому росту, или Как не дать кризису превратиться в стагнацию / А. Улюкаев, В. Мау // Вопросы экономики. – 2015. – № 4. – С. 5–19.
28. Afonso, A. Public sector efficiency: An international comparison/ A. Afonso, L. Schuknecht, V.Tanzi// European Central Bank Working Papers – No. 242. – 2003. – Julio. – 37 p. Available at: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp242.pdf>
29. Bogetić, Ž. Drivers of Firm-Level Productivity in Russia's Manufacturing Sector/ Ž. Bogetić, O.Olusi // World Bank Working Paper. – 2013 – No WPS6572.
30. Bordean, Ioan. Strategic planning in public administration/ Ioan Bordean, Alina Răileanu // Proceedings of the fifth «administration and public management» international conference. – Bucharest. – 2009. – P. 141–153. Available at: <http://www.confcamp.ase.ro/2009/14.pdf>.
31. Dhondt, S. Reshaping workplaces: Workplace innovation as designed by scientists and practitioners [Text] / S. Dhondt, G.van Hootegeem// European Journal of Workplace Innovation. – 2015. – No. 1 (1). – P. 17–25.
32. Oeij, P.R.A. Effect of workplace innovation on organisational performance and sickness absence [Text] / P.R.A. Oeij, F. Vaas // World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development. – 2016. – No. 12 (1). – P. 101–129.
33. Pot, F. Social innovation of work and employment / F. Pot, S. Dhondt, P.Oeij, // In: Franz H-W., Hochgerner J. (Eds.). Challenge Social Innovation. Berlin: Springer. – 2012. – P. 261–274.
34. Ramstad, E. Promoting performance and the quality of working life simultaneously [Text] / E. Ramstad// International Journal of Productivity and Performance Management. – 2009. – No. 58 (5). – P. 423–436.
35. Sanchez, A.M. Public sector performance and efficiency in Europe the role of public R&D / A.M. Sanchez, L.R. Bermejo // Institute of Social and Economic Analysis: Madrid. – 2007. – No. 1 – 41 p. – Available at: http://www3.uah.es/iaes/publicaciones/DT_01_07.pdf
36. You, Jong-sung. A Comparative Study of Inequality and Corruption [Text]/ Jong-sung You, Khagram Sanjeev// A American Sociological Review. – 2005. – Vol. 70. – P. 136–157.

Сведения об авторе

Евгений Валентинович Романов – доктор педагогических наук, профессор кафедры менеджмента, Институт экономики и управления, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Российская Федерация, 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 24; e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru)

Romanov E.V.

What Capitalism Does Russia Need?: Methodological Guidelines of the “New Industrialization”

Abstract. Modernization of the Russian economy should be carried out taking into consideration global trends and contradictions of the country's socio-economic development. The first trend is predetermined by the transition to the sixth technological mode: the creation and development of bio-, genetic and nanotechnology, quantum computers and new composite materials. Countries that missed the stage of preparation for the beginning of a new Kondratieff wave (the growth potential is laid in the first 15–20

years of the beginning of the cycle), will at best enter the stage of catching-up development. The second trend is defined by global competition for human capital and consists in the outflow of talented Russian youth to the West. Russia should develop a concept for the preservation and enhancement of human capital, which will create natural barriers against the loss of intellectual capital. The undervalued “live labor” forms the basis of strategic contradictions of Russia’s socio-economic development between the declared policy of innovative development of the economy and a weak demand for innovation on the part of private enterprises. Cheap labor does not encourage the business to upgrade production technology, it increases the “gap” between the incomes of the “rich” and the “poor”. Increasing social inequality increases the level of corruption. The paper analyzes existing approaches to the modernization of the Russian economy. The author supports the thesis that in the long term certain conditions should be created for a “technological breakthrough” based on the innovation-driven recovery of the sectors of industrial economy, reaching leading positions in the global production of quantum computers and increasing the export of information technology, transfer of innovative developments of the military-industrial complex in civil industries and a more comprehensive use of competitive advantages, which Russia still retains from the viewpoint of innovation development – human capital (creation of natural barriers against the “brain drain”). It is necessary to increase the share of state ownership and increase its management efficiency in industries that are critical for overcoming the de-industrialization of the Russian economy and achieving a “breakthrough” in the sixth technological mode. The increase in the cost of “live labor” and, as a consequence, the creation of conditions for expanded reproduction of labor force should be the imperative of a “new industrialization”. Attracting investment (including foreign investment) and assessing its quality should be considered in the context of the created (or not created) opportunities aimed to increase the value of “live labor” and the number of domestic technologies of the sixth technological mode.

Key words: trends and contradictions; liberal concept of modernization; “new industrialization”.\

References

1. Akopov P. Primakov razoblachayushchii [The revealing Primakov]. *Vzglyad. Delovaya gazeta* [View. Business newspaper], 2014, January 14. Available at: <http://vz.ru/politic.../15/668058.htm>. (In Russian).
2. Balatskii E.V. Novye trendy v razvitii universitetskogo sektora [New trends in the development of the university sector]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2015, no. 4, pp. 72-98. (In Russian).
3. Bodrunov S.D. Imperativy, vozmozhnosti i problemy reindustrializatsii [Imperatives, opportunities and challenges of re-industrialization]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2013, no. 1 (35), pp. 4-14. (In Russian).
4. Bodrunov S.D., Grinberg R.S., Sorokin D.E. Reindustrializatsiya rossiiskoi ekonomiki: imperativy, potentsial, riski [Re-industrialization of the Russian economy: imperatives, potential risks]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2013, no. 1 (35), pp. 19-49. (In Russian).
5. Bodrunov S.D. Rossiiskaya ekonomicheskaya sistema: budushchee vysokotekhnologichnogo material'nogo proizvodstva [Russian economic system: the future of high-tech material production]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2014, no. 2 (40), pp. 5-16. (In Russian).
6. V Rossii nachalas' privatizatsiya izobretenii [Privatization of inventions started in Russia]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2016, July 06. Available at: <https://rg.ru/2016/07/06/v-rossii-nachalas-privatizaciia-izobretenij.html>. (In Russian).
7. Gosudarstvennoe uchastie v rossiiskoi ekonomike: goskompanii, zakupki, privatizatsiya [State participation in the Russian economy: state-owned companies, procurement, privatization]. *Byulleten' o razvitii konkurentsii* [Newsletter about the development of competition], 2016, issue 13. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8449.pdf>. (In Russian).

8. Grigoruk D.A. A. Chubais: “Privatizatsiya voobshche ne byla ekonomicheskim protsessom. Ona reshala glavnyu zadachu – ostanovit’ kommunizm” [Chubais: “Privatization in general was not an economic process. It aimed to achieve the main goal – stop communism”]. *Otkrytaya elektronnyaya gazeta Forum.msk.ru*. [Open electronic newspaper Forum.msk.ru]. Published February 18, 2010. Available at: <http://forum-msk.org/material/economic/2493684.html>. (In Russian).
9. Gubanov S.S. Neoindustrial’naya model’ razvitiya i ee sistemnyi algoritm [Neo-industrial development model and its system algorithm]. *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 3 (33), pp. 23-44. (In Russian).
10. Dulyak Yu. Empiricheskii analiz vliyaniya Soveta direktorov na finansovye rezul’taty deyatel’nosti rossiiskikh kompanii [Empirical analysis of the impact of the Board of Directors on the financial performance of Russian companies]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], 2015, no.10, no. 1, pp. 126-148. (In Russian).
11. Zapreti chernyi vyvoz kapitala – i dollar v Rossii upadet. [Ban the illegal export of capital – and the dollar in Russia will fall]. *Nakanune.RU*, 2016, March 31. Available at: <http://www.nakanune.ru/articles/111564>. (In Russian).
12. Kabolov E. Shestoi tekhnologicheskii uklad [Sixth technological mode]. *Nauka i zhizn’* [Science and life], 2010, no. 4. Available at: <http://www.nkj.ru/archive/articles/17800/>. (In Russian).
13. Karasev S. Rossiiskie uchenye nashli sposob uprostit’ sozдание kvantovogo komp’yutera [Russian scientists have found a way to simplify the creation of the quantum computer]. *3DNews*, 2016, July 24. Available at: <http://www.3dnews.ru/936599>. (In Russian).
14. Klepach A.N., Kuranov G.O. O tsiklicheskich volnakh v razvitiie ekonomiki SShA i Rossii (voprosy metodologii analiza) [Cyclical Waves in the Economic Development of the U.S. and Russia (Issues of Methodology and Analysis)]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economy], 2013, no. 11, pp. 4-33. (In Russian).
15. *Kontseptsiya srednesrochnoi programmy razvitiya ekonomiki Rossii “Ekonomika rosta”* [The concept of the medium-term program for development of the Russian economy “Economy of growth”]. Available at: <http://stolybinsky.club/economica-rosta/>. (In Russian).
16. Kudrin A., Gurvich E. Novaya model’ rosta dlya rossiiskoi ekonomiki [A New Growth Model for the Russian Economy]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economy], 2014, no. 12, pp. 4-36. (In Russian).
17. Kudrin predlozhit’ Putinu snizit’ geopoliticheskuyu napryazhennost’ [Kudrin suggested Putin should reduce geopolitical tensions]. *Vedomosti* [News], 2016, May 30. Available at: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/05/30/642871-kudrin-putinu>. (In Russian).
18. Medvedev D.A. Novaya real’nost’: Rossiya i global’nye vyzovy [A new reality: Russia and global challenges]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economy], 2015, no. 10, pp. 5-29. (In Russian).
19. Orlova N.V., Egiev S.K. Strukturnye faktory zamedleniya rosta rossiiskoi ekonomiki [Structural Factors of Russian Economic Slowdown]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economy], 2015, no. 12, pp. 69-84. (In Russian).
20. Poslanie Prezidenta Federal’nomu Sobraniyu. Moskva, Kreml’. 1 dekabrya 2016 g. [Presidential Address to the Federal Assembly. The Kremlin, Moscow. December 01, 2016]. *Sait Prezidenta RF* [Website of the Russian President]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>. (In Russian).
21. Postanovlenie Pravitel’sтва Rossiiskoi Federatsii ot 15 aprelya 2014 g. №295 “Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii “Razvitie obrazovaniya” na 2013–2020 gody [Resolution of the Government of the Russian Federation dated 15 April 2014 No. 295 “On approval of the state program of the Russian Federation “Development of education” for 2013-2020”]. *Internet-portal Rossiiskoi gazety* [Internet portal of the Russian Newspaper.]. April 24, 2014. Available at: <http://www.rg.ru/2014/04/24/obrazovanie-site-dok.html>. (In Russian).
22. Romanov E.V. *Strategicheskii menedzhment: ucheb. posobie* [Strategic management: textbook]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: INFRA-M, 2012. 160 p. (In Russian).
23. Romanov E.V. *Metodologiya i teoriya innovatsionnogo razvitiya vysshego obrazovaniya v Rossii: monografiya* [Methodology and theory of innovative development of higher education in Russia: monograph]. Moscow: INFRA-M, 2016. 302 p. (In Russian).
24. Rossinskii V.I. *Korporativnoe upravlenie: ucheb.-metod. kompleks* [Corporate governance: educational and methodological complex]. Novosibirsk: NGUEU, 2004. 128 p. (In Russian).
25. Ryazanov V.T. Novaya industrializatsiya Rossii: strategicheskie tseli i tekushchie priority [New industrialization of Russia: strategic objectives and current priorities]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2014, no. 2 (40), pp. 17-25. (In Russian).

26. Scrov V.M. Ob ekonomicheskikh osnovakh i sotsial'noi otvetstvennosti biznesa [About the economic foundations and social responsibility of business]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2013, no. 1 (35), pp. 87-91. (In Russian).
27. Ulyukaev A., Mau V. Ot ekonomicheskogo krizisa k ekonomicheskomu rostu, ili Kak ne dat' krizisu prevratitsya v stagnatsiyu [From economic crisis to economic growth, or how to prevent the crisis from turning into stagnation]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economy], 2015, no. 4, pp. 5-19. (In Russian).
28. Afonso A., Schuknecht L., Tanzi V. *Working paper No. 242: Public sector efficiency: An international comparison. European Central Bank Working Papers. July 2003.* Available at: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp242.pdf>
29. Bogetic Ž., Olusi O. Drivers of Firm-Level Productivity in Russia's Manufacturing Sector: World Bank Working Paper No. WPS6572. 2013.
30. Bordean I., Răileanu A. Strategic planning in public administration. *Proceedings of the fifth "administration and public management" international conference.* Bucharest. 2009. Pp. 141-153. Available at: <http://www.confcamp.ase.ro/2009/14.pdf>.
31. Dhondt S., van Hoetegem G. Reshaping workplaces: Workplace innovation as designed by scientists and practitioners. *European Journal of Workplace Innovation*, 2015, no. 1 (1), pp. 17-25.
32. Oeij P.R.A., Vaas F. Effect of workplace innovation on organisational performance and sickness absence. *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*, 2016, no. 12 (1), pp. 101-129.
33. Pot F., Dhondt S., Oeij P. Social innovation of work and employment. In: Franz H-W., Hochgerner J. (Eds.). *Challenge Social Innovation.* Berlin: Springer, 2012. Pp. 261-274.
34. Ramstad, E. Promoting performance and the quality of working life simultaneously. *International Journal of Productivity and Performance Management*, 2009, no. 58 (5), pp. 423-436.
35. Sanchez A. M., Bermejo L. R. *Public sector performance and efficiency in Europe the role of public R&D.* Working paper No. 01/2007. Available at: http://www3.uah.es/iaes/publicaciones/DT_01_07.pdf
36. You Jong-sung, Sanjeev Khagram. A Comparative Study of Inequality and Corruption. *American Sociological Review*, 2005, vol. 70, pp. 136-157.

Information about the Author

Evgenii Valentinovich Romanov - Doctor of Pedagogy, Professor, Department of Management, Institute of Economics and Management, Nosov Magnitogorsk State Technical University (24, Lenin Avenue, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation, evgenij.romanov.1966@mail.ru)

Статья поступила 13.12.2016.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.6

УДК 323.2, ББК 66.05 + 65.049

© Петров А.И.

Пространственно-логическая модель формализации политического выбора американского избирателя: опыт для России

**Артур Игоревич
ПЕТРОВ**

Тюменский индустриальный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625027, ул. Мельникайте, д. 72
E-mail: ArtIgPetrov@yandex.ru

Аннотация. Итоги 58-х президентских выборов в США, прошедших 8 ноября 2016 г., для многих оказались неожиданными. Многочисленные опросы общественного мнения в США на предмет политической лояльности граждан, проводившиеся самыми разными исследователями в период с июля по октябрь 2016 г., демонстрировали устойчивый тренд преимущества кандидата от демократической партии (Х. Клинтон). Однако в ходе непосредственных выборов 08.11.2016 с результатом 306 голосов выборщиков против 232 победил кандидат от республиканской партии Д. Трамп. Почему так произошло? Специалисты-политологи представили уже самые разные версии объяснений такого выбора американских избирателей. В рамках данной статьи автор делает попытку простейшего статистического анализа итогов выбора политических предпочтений американцев с использованием таких базовых социально-экономических категорий, как «качество жизни населения», «валовой внутренний продукт», «занятость населения», «преступность». Гипотеза, которая принята в качестве основы рассуждений автора, подразумевает, что политические предпочтения избирателей в значительной степени определяются фактическим качеством жизни людей, весьма дифференцированным для штатов США. При всем многообразии условий и стиля жизни людей региональные особенности формируют определенное предпочтительное

Для цитирования: Петров, А.И. Пространственно-логическая модель формализации политического выбора американского избирателя: опыт для России / А.И. Петров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 109-129. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.6

For citation: Petrov A.I. Spatial and logical model of American electorate political choice formalization: experience for Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, issue 10, no. 2, pp. 109-129. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.6

отношение граждан к политическому будущему страны. В этой связи, для доказательства этого тезиса, были проанализированы статистические данные по штатам США, характеризующие итоги 58-х президентских выборов и некоторые показатели социально-экономического развития этих территорий. На основе этих данных построена регрессионная модель связи показателя «Отношение голосов выборщиков за кандидата от демократической партии к голосам выборщиков за кандидата от республиканской партии» и показателя «American Human Development Index» (АНДИ), оценивающего обобщенное качество жизни граждан в разных штатах США. Далее рассмотрена регрессионная модель зависимости АНДИ от такого фактора, как валовой внутренний продукт штатов США. С целью подтверждения логичности рассуждений предпринята попытка установления статистической связи между итогом оценки политических предпочтений населения штатов США и уровнем автотранспортной аварийности как одного из индикаторов качества жизни людей. Результаты представленных исследований в целом позволяют сделать вывод о протестном характере голосований на 58-х президентских выборах в США, суть которых в потребности американских граждан в глобальных социально-экономических переменах. В статье рассматриваются возможные последствия для мирового сообщества избрания Д. Трампа президентом США и тот опыт, который может почерпнуть из политического выбора американского избирателя российская власть.

Ключевые слова: президентские выборы в США 2016 г.; итоги выборов; качество жизни населения штатов США; корреляционно-регрессионный анализ; политический выбор избирателей; протестный характер выборов.

Введение. Президентские выборы в США – одно из ключевых мировых событий 2016 г., исход которых может значительно повлиять как на внутреннюю, так и на внешнюю политику страны, оказать влияние планетарного масштаба. Соединенные Штаты Америки – государство, претендующее в конце XX – начале XXI века на доминантные позиции в мире. Валовой внутренний продукт (ВВП) США по номиналу в 2015 г. составил 18037 млрд. долл. или около 24,4% от суммарного ВВП всех стран мира (73891,9 млрд. долл.) [26]. В самих США, многих других странах мира [33] сформировано мнение, что, имея наибольшее экономическое, политическое, культурное и военное влияние в мире, США в настоящее время являются единственной сверхдержавой планеты.

20 января 2017 года состоялась инаугурация вновь избранного президента США;

с этого дня в должность вступил представитель республиканской партии Д. Трамп. Его победа на президентских выборах (08.11.2016) была в значительной степени неожиданной. Практически весь период предвыборной президентской гонки опросы общественного мнения в США констатировали преимущество его соперницы, кандидата от демократической партии Х. Клинтон [25; 27]. Почему так случилось? Какова подоплека этого выбора? Какие штаты и почему голосовали за республиканца Д. Трампа, а какие – за представителя демократической партии Х. Клинтон? Сулит ли это действительные перемены в политике, экономике, стиле жизни американцев? Окажет ли это событие значимое влияние на другие страны и народы? Это малая часть существенных вопросов, ответ на которые мир получит только со временем.

Сегодня же было бы интересно поискать ответ на три важнейших вопроса, сформулировать которые можно было бы следующим образом.

- Был ли выбор Д. Трампа президентом США элементом протестного движения американцев, уставших от политики демократической партии?

- Связан ли этот выбор с сущностной потребностью граждан США в переменах как во внешней, так и во внутренней политике?

- Проявились ли в ходе выборов какие-нибудь пространственные особенности электорального поведения жителей различных штатов США?

В процессе поиска ответов на эти вопросы статистически проверялась гипотеза о том, что *политические предпочтения избирателей в значительной степени определяются фактической удовлетворенностью качеством жизни людей, весьма дифференцированным для штатов США.*

Целью данного исследования является установление наличия статистической зависимости между качеством жизни населения различных штатов США и результатами их электорального поведения.

Задачи, которые ставил перед собой автор, были следующими:

- количественная оценка электоральных предпочтений граждан в различных штатах США посредством показателя «Отношение голосов выборщиков за кандидата от демократической партии к голосам выборщиков за кандидата от республиканской партии» (*% Democratic / % Republican*);

- обоснование в качестве выбора количественной характеристики качества жизни граждан штатов США показателя *American Human Development Index (AHDI)*;

- установление зависимости результатов электоральных предпочтений граждан

США от качества жизни (*% Democratic / % Republican*) = $f(AHDI)$, рассматриваемой в качестве базовой (исходной) для целей исследований;

- установление зависимости второго порядка (последующей) между показателем *American Human Development Index (AHDI)* и фактором, косвенно определяющим базовые основы качества жизни (валовой внутренний продукт штатов США), с целью поиска объяснений полученной базовой зависимости;

- установление зависимости третьего порядка между показателем *American Human Development Index (AHDI)* и одним из проявлений на практике качества жизни населения различных штатов США – автотранспортной аварийностью;

- установление статистической связи результатов политических выборов с характеристикой автотранспортной аварийности – Социальным риском *HR*;

- проведение аналогичных исследований для баз данных по выборам 2000 и 2008 гг., в ходе которых власть брали представители конкурирующей политической партии;

- прояснение логики полученных результатов;

- формулирование итоговых по результатам исследований выводов;

- формулирование выводов, важных с позиции опыта для российской власти.

Количественная оценка электоральных предпочтений граждан в различных штатах США. По итогам заседания коллегии выборщиков (19.12.2016) результаты выборов 08.11.2016 [31] были незначительно скорректированы. Два выборщика-республиканца от Техаса не отдали свои голоса за Д. Трампа [22], однако это не повлияло на итоги выборов. На основе статистики распределения голосов выборщиков для каж-

дого штата можно рассчитать коэффициент «Отношение голосов выборщиков за кандидата от демократической партии к голосам выборщиков за кандидата от республиканской партии» (1):

$$\%Democratic / \%Republican = \frac{\% \text{ голосов выборщиков штата за Х. Клинтон}}{\% \text{ голосов выборщиков штата за Д. Трампа}} \cdot (1)$$

Этот показатель (1) является тем инструментом, вокруг которого будет строиться идеология дальнейших исследований.

Голоса избирателей, отданные за кандидатов от других партий (Г. Джонсон от либертарианской партии, Д. Стайн от партии зеленых, Д. Касл от конституционной партии) и независимого кандидата Э. Макмаллина в расчет не брались.

Результаты [30; 31] количественной оценки электоральных предпочтений граждан в различных штатах США на президентских выборах 2016 г. представлены в табл. 1.

Отметим, что эффективный диапазон значений данного коэффициента определяется как [0,32; 2,07]. District of Columbia выводится из дальнейшего рассмотрения по следующей основной причине: городской округ не может быть идентичен штату как по географическим, так и по социально-политическим соображениям. Именно поэтому значение коэффициента ($\% Democratic / \% Republican$) для округа Колумбия чрезвычайно высоко ($\% Democratic / \% Republican$) = 22,75 и статистически является точкой-выбросом.

Таким образом, в различных штатах США предпочтение электоратом кандидатов от демократической и республиканской партий значительно различается (практически в 7 раз). Для ряда штатов США характерна ситуация относительно

высокого процента (от 10 до 28%) голосов, отданных за кандидатов от других партий (либертарианская, зеленых, конституционная).

Обоснование в качестве выбора количественной характеристики качества жизни граждан штатов США показателя *American Human Development Index (AHDI)*. Качество жизни населения страны корректно оценить практически невозможно, однако многие исследователи пытаются сделать это [7; 15].

Сегодня для глобальной оценки качества жизни граждан различных стран общепризнан показатель *Human Development Index (HDI)* [3; 13]. Однако для внутристрановой регионально-пространственной дифференциации качества жизни людей обычно в каждой стране используют собственные разработки-аналоги *HDI*. Так, в США используют показатель *American Human Development Index (AHDI)* [28; 29], суть которого состоит в комплексной оценке качества жизни населения с учетом среднестатистических показателей продолжительности жизни, уровня образованности и уровня доходов.

Обобщая статистические данные по округам, исследователи из Measure of America [29] определили среднее расчетное значение *AHDI* для каждого штата США (табл. 2). В этой же таблице представлен еще ряд статистических данных по каждому штату США, которые будут использованы на втором этапе исследований – для установления зависимостей второго и третьего порядков (последующих) между показателем *American Human Development Index (AHDI)* и факторами, косвенно определяющими базовые основы качества жизни [24; 28; 30].

Таблица 1. Итоги выборов президента США (2016 г.)*

№ п/п	Штат США (единица административного устройства государства)	Итоги президентских выборов в США, ноябрь 2016 г.				
		% голосов избирателей за кандидата от лидирующих партий в США		Сумма % голосов за 2 сильнейших кандидатов (H. Clinton + D. Trump)	% голосов за других кандидатов	Соотношение % голосов за кандидатов от Democratic Party и Republican Party
		Democratic Party – H. Clinton	Republican Party – D. Trump			
1.	Alabama	34	62	96	4	0,55
2.	Alaska	37	51	88	12	0,73
3.	Arizona	45	48	93	7	0,94
4.	Arkansas	34	61	95	5	0,56
5.	California	62	32	94	6	1,94
6.	Colorado	48	43	91	9	1,12
7.	Connecticut	55	41	96	4	1,34
8.	Delaware	53	42	95	5	1,26
9.	District of Columbia	91	4	95	5	22,75
10.	Florida	47	49	96	4	0,96
11.	Georgia	45	51	96	4	0,88
12.	Hawaii	62	30	92	8	2,07
13.	Idaho	28	59	87	13	0,47
14.	Illinois	56	39	95	5	1,44
15.	Indiana	38	57	95	5	0,67
16.	Iowa	42	51	93	7	0,82
17.	Kansas	36	57	93	7	0,63
18.	Kentucky	33	63	96	4	0,52
19.	Louisiana	38	58	96	4	0,66
20.	Maine	48	45	93	7	1,07
21.	Maryland	48	45	93	7	1,07
22.	Massachusetts	60	33	93	7	1,82
23.	Michigan	47	48	95	5	0,98
24.	Minnesota	46	45	91	9	1,02
25.	Mississippi	40	58	98	2	0,69
26.	Missouri	38	57	95	5	0,67
27.	Montana	36	56	92	8	0,64
28.	Nebraska	34	59	93	7	0,58
29.	Nevada	48	46	94	6	1,04
30.	New Hampshire	47	47	94	6	1,00
31.	New Jersey	55	41	96	4	1,34
32.	New Mexico	48	40	88	12	1,20
33.	New York	59	36	95	5	1,64
34.	North Carolina	46	50	96	4	0,92
35.	North Dakota	27	63	90	10	0,43
36.	Ohio	43	51	94	6	0,84
37.	Oklahoma	29	65	94	6	0,45
38.	Oregon	50	39	89	11	1,28
39.	Pennsylvania	48	48	96	4	1,00
40.	Rhode Island	54	39	93	7	1,38
41.	South Carolina	41	55	96	4	0,75
42.	South Dakota	32	62	94	6	0,52
43.	Tennessee	35	61	96	4	0,57
44.	Texas	43	52	95	5	0,83
45.	Utah	27	45	72	28	0,60
46.	Vermont	57	30	87	13	1,90
47.	Virginia	50	44	94	6	1,14
48.	Washington	53	37	90	10	1,43
49.	West Virginia	26	68	94	6	0,38
50.	Wisconsin	46	47	93	7	0,98
51.	Wyoming	22	68	90	10	0,32

* Составлено по: www.nytimes.com/elections/results/president [30; 31].

Таблица 2. Численные значения показателя политических предпочтений американских избирателей (2016 г.) и различных показателей экономического и социального развития в штатах США*

№ п/п	Штат США (единица административного устройства государства)	Численные значения показателя политических предпочтений американских избирателей (2016 г.) и различных показателей экономического и социального развития в штатах США			
		Голоса избирателей / Коэффициент Democratic Party / и Republican Party	American Human Development Index (AHI) 2013–2014	Gross Domestic Product (GDP) 2014	Human Risk (HR), погибших / 100 тыс. чел., 2014
1.	Alabama	0,55	4,04	36930	16,91
2.	Alaska	0,73	5,06	54582	9,91
3.	Arizona	0,94	4,89	38006	11,44
4.	Arkansas	0,56	3,91	37582	15,71
5.	California	1,94	5,40	50988	7,92
6.	Colorado	1,12	5,53	49768	9,11
7.	Connecticut	1,34	6,17	66716	6,89
8.	Delaware	1,26	5,22	45284	12,93
9.	District of Columbia	Не рассматривается по причине несоответствия штатам			
10.	Florida	0,96	4,82	42868	12,54
11.	Georgia	0,88	4,62	38835	11,53
12.	Hawaii	2,07	5,53	46466	6,69
13.	Idaho	0,47	4,50	37153	11,38
14.	Illinois	1,44	5,31	48508	7,17
15.	Indiana	0,67	4,56	40460	11,31
16.	Iowa	0,82	5,03	44421	10,33
17.	Kansas	0,63	4,96	46393	13,26
18.	Kentucky	0,52	4,02	37059	15,23
19.	Louisiana	0,66	4,12	41811	15,85
20.	Maine	1,07	4,93	41240	9,85
21.	Maryland	1,07	5,94	54036	7,4
22.	Massachusetts	1,82	6,16	59603	4,86
23.	Michigan	0,98	4,76	40940	9,09
24.	Minnesota	1,02	5,69	49133	6,62
25.	Mississippi	0,69	3,81	34139	20,27
26.	Missouri	0,67	4,60	41107	12,63
27.	Montana	0,64	4,54	40599	18,75
28.	Nebraska	0,58	5,11	48321	11,96
29.	Nevada	1,04	4,63	40490	10,21
30.	New Hampshire	1,00	5,73	53629	7,16
31.	New Jersey	1,34	6,12	57728	6,22
32.	New Mexico	1,20	4,52	36656	18,36
33.	New York	1,64	5,66	56683	5,26
34.	North Carolina	0,92	4,57	39365	12,91
35.	North Dakota	0,43	4,90	57900	18,27
36.	Ohio	0,84	4,71	42155	8,68
37.	Oklahoma	0,45	4,14	45117	17,25
38.	Oregon	1,28	4,86	41690	8,99
39.	Pennsylvania	1,00	5,07	47955	9,35
40.	Rhode Island	1,38	5,38	48023	4,93
41.	South Carolina	0,75	4,35	36860	17,05
42.	South Dakota	0,52	4,79	45966	15,94
43.	Tennessee	0,57	4,22	40233	14,69
44.	Texas	0,83	4,65	45755	13,12
45.	Utah	0,60	5,03	37644	8,70
46.	Vermont	1,90	5,31	47144	7,02
47.	Virginia	1,14	5,47	50105	8,44
48.	Washington	1,43	5,4	50357	6,54
49.	West Virginia	0,38	3,95	35778	14,70
50.	Wisconsin	0,98	5,16	44406	8,81
51.	Wyoming	0,32	4,83	56004	25,68

* Составлено по: www.bea.gov/regional/about.cfm [24], www.measureofamerica.org/maps/ [28], <http://www.nytimes.com/elections/results/president> [30].

Установление зависимости результатов электоральных предпочтений граждан США от качества жизни (% Democratic / % Republican) = f(AHDI), рассматриваемой в качестве базовой (исходной) для целей исследований. При статистической обработке данных табл. 2 был использован программный комплекс STATISTICA 6.0, позволяющий проводить корреляционно-регрессионный анализ. На *рис. 1* представлено графическое изображение модели (% Democratic / % Republican) = f(AHDI).

Статистические характеристики ($R^2 = 0,469$; F-критерий Фишера = 42,47; стандартная ошибка аппроксимации = 0,313) модели (% Democratic / % Republican) = f(AHDI) позволяют констатировать, что качество жизни значимо влияет на электоральные предпочтения американцев. В штатах, где AHDI относительно невысок ($AHDI < 4,5$), соотношение голосов выборщиков за Х. Клинтон к голосам за Д. Трампа не превышало 0,8. Наоборот, в штатах с относительно высоким качеством жизни ($AHDI > 5,5$) соотношение (% Democratic /

% Republican) находилось в диапазоне от 1 до 2. Попробуем с помощью корреляционно-регрессионного анализа разобраться, связан ли статистически показатель AHDI в штатах США с такой соответствующей каждому штату базовой социально-экономической характеристикой, как валовой внутренний продукт на душу населения.

Установление зависимости второго порядка между показателем American Human Development Index (AHDI) и фактором, косвенно определяющим базовые основы качества жизни (валовой внутренний продукт штатов США). Используя представленные в табл. 2 данные, построим регрессионную модель (*рис. 2*) зависимости связи между совокупностями данных для штатов AHDI и величиной «ВВП на душу населения» $AHDI = f(GDP/person)$.

Статистические характеристики этой модели ($R^2 = 0,665$; F-критерий Фишера = 95,29; стандартная ошибка аппроксимации = 0,351) позволяют говорить о наличии сильной статистической связи между AHDI и величиной «ВВП на душу населения».

Рисунок 1. Графическое изображение модели (% Democratic / % Republican) = f (AHDI)

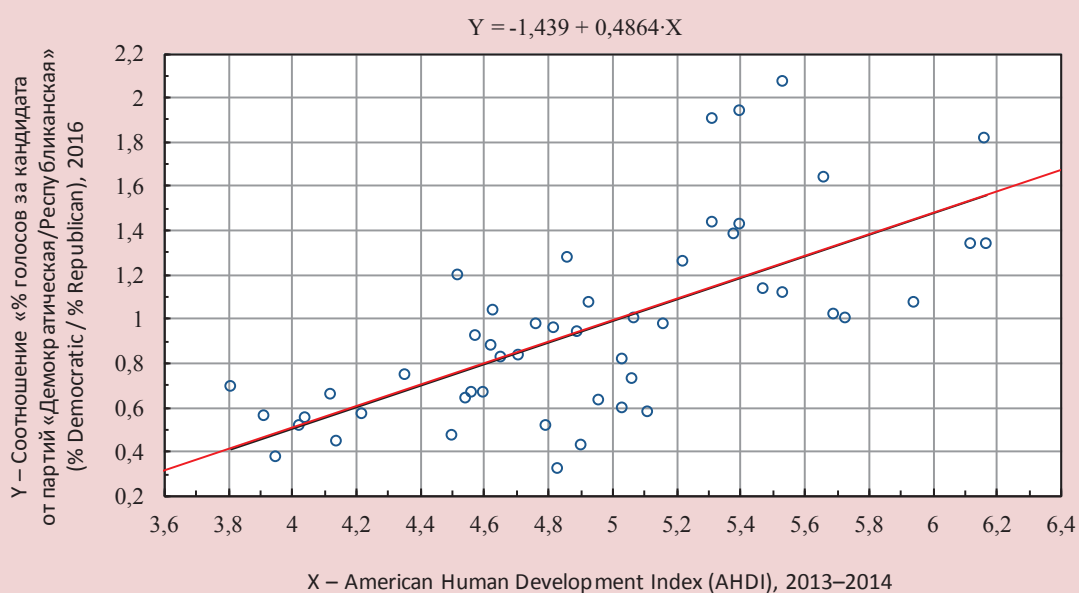
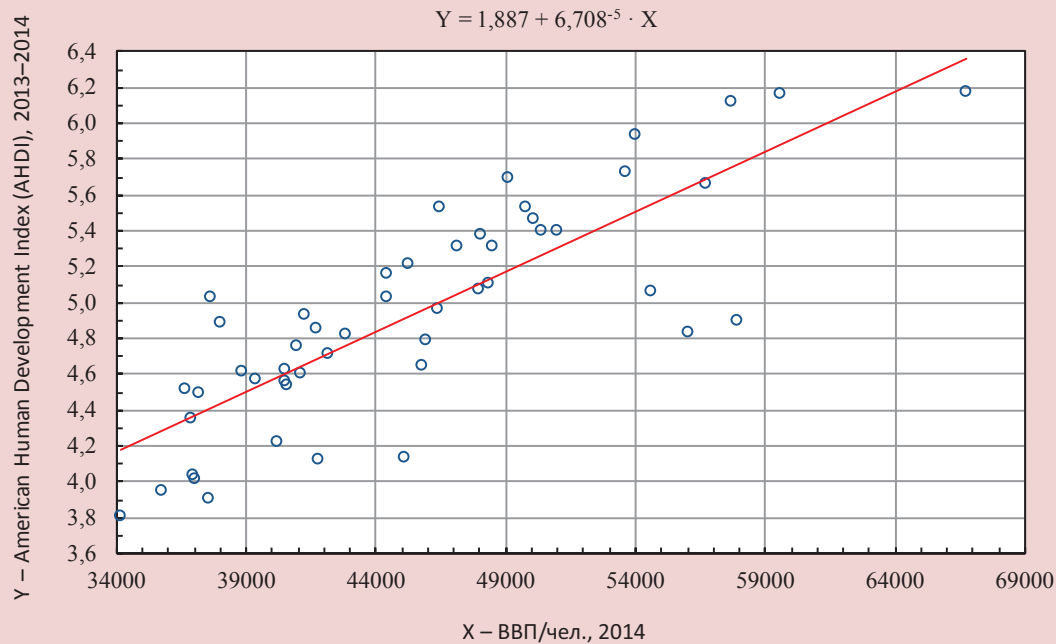

Рисунок 2. Графическое изображение модели $AHDI = f(\text{ВВП/чел.})$

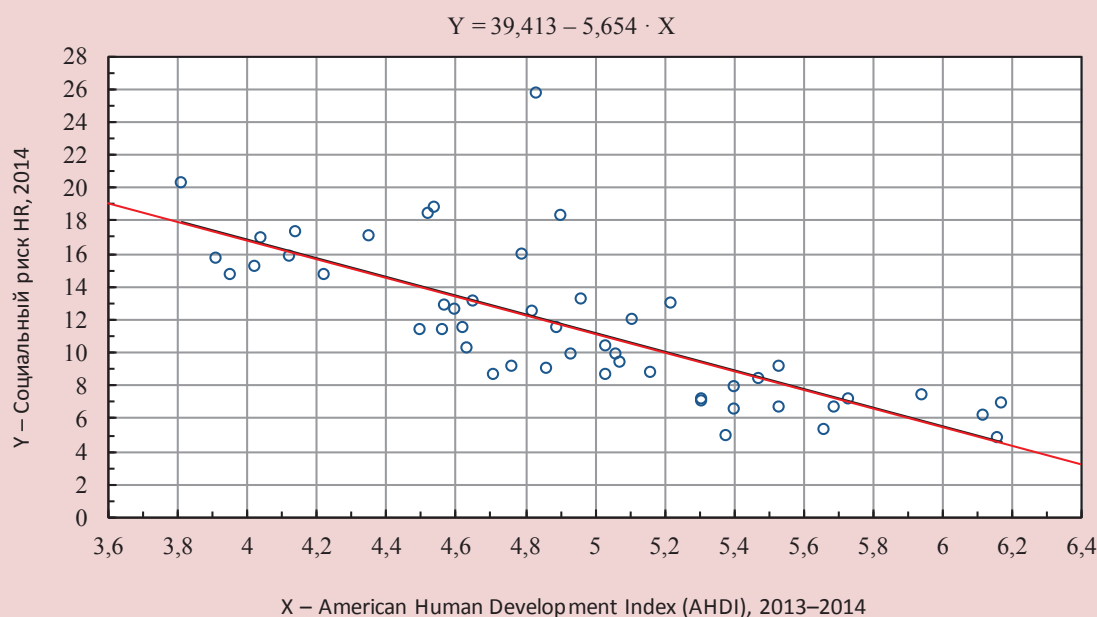
С учетом того, что *AHDI* является комплексным показателем, такой высокий уровень статистической связи между показателем «ВВП на душу населения» и индексом человеческого развития является достаточно неожиданным.

Установление зависимости третьего порядка между показателем *American Human Development Index (AHDI)* и одним из проявлений на практике качества жизни населения различных штатов США – автотранспортной аварийностью. Автотранспортная аварийность не является определяющим *AHDI* фактором, однако также тесно связана с ним. Величина «ВВП на душу населения» во многом определяет в штате структуру автопарка с позиций стоимости автомобилей и, как следствие, их качества и уровня активной, пассивной и послеаварийной безопасности. В этой связи любопытно оценить степень статистической связи показателя «Социальный риск *HR*», широко используемого в мировой практике для сравнительной межстрановой и межре-

гиональной оценки безопасности дорожного движения [11], и показателя *AHDI*. На *рис. 3* представлено графическое изображение модели $HR = f(AHDI)$, построенной по данным 2014 г.

Статистические характеристики этой модели ($R^2 = 0,556$; F-критерий Фишера = 60,04; стандартная ошибка аппроксимации = 3,067) также позволяют утверждать о наличии достаточно сильной статистической связи между дорожно-транспортной аварийностью и качеством жизни населения.

В целом зависимость $HR = f(AHDI)$, представленную на *рис. 3*, можно интерпретировать как иллюстрацию существования связи самых разных аспектов жизнедеятельности человека, включая и эксплуатацию автомобиля, что очень важно для американца, с качеством его жизни. Именно поэтому важно оценить наличие или отсутствие влияния фактического уровня аварийности, как одного из оснований для политического недовольства существующими политическими раскладами в стране.

Рисунок 3. Графическое изображение модели Социальный риск $HR = f(AHDI)$

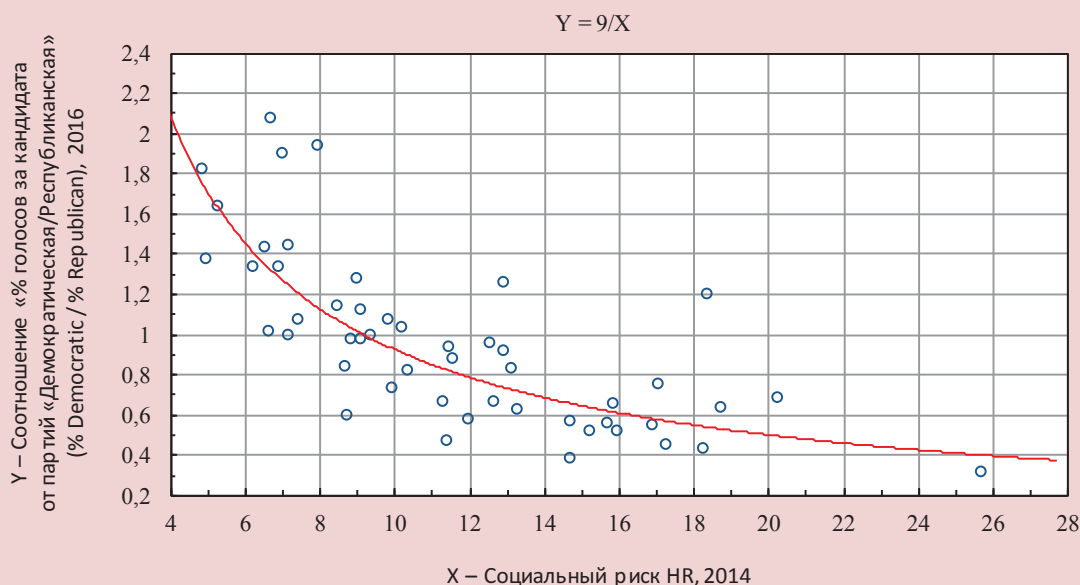
Установление статистической связи результатов политических выборов с характеристикой автотранспортной аварийности – Социальным риском HR. Имея две косвенно связанные модели – модель $(\% Democratic / \% Republican) = f(AHDI)$ и модель $HR = f(AHDI)$, можно связать эти две модели через зависимость $(\% Democratic / \% Republican) = f(HR)$. На рис. 4 представлено графическое изображение модели $(\% Democratic / \% Republican) = f(HR)$.

В данном случае для аппроксимации статистических данных использована не линейная, а обратная модель, которая в большей степени адекватна экспериментальному полигону. Надо сказать, что в этом есть определенный смысл, суть которого в том, что человеческой природе не свойственно линейное восприятие окружающей действительности. Обычная реакция человека на отклонение фактической ситуации от желаемой (от идеальной картины мира) почти всегда не линейна [2].

Зависимость рис. 4 ($R^2 = 0,506$; F-критерий Фишера = 49,17; стандартная ошибка аппроксимации = 0,302) позволяет уверенно констатировать сильную статистическую связь между фактическим уровнем автотранспортной аварийности в штатах страны и политическими раскладами на президентских выборах США–2016.

Проведение аналогичных исследований для баз данных по выборам 2000 и 2008 гг., в ходе которых власть в США брали представители конкурирующей политической партии. Одним из важнейших в рамках данного исследования вопросов является понимание того, насколько полученные по данным президентских выборов в США 2016 г. результаты соответствуют общей долговременной логике политического процесса? Важно понимать, насколько устойчивы паттерны поведения избирателей в момент смены в роли Президента США представителя одной из двух ведущих политических партий страны?

Рисунок 4. Графическое изображение модели $(\% Democratic / \% Republican) = f(HR)$

Для ответа на этот вопрос проведем исследования корреляционных связей между величинами AHDI и соответствующими коэффициентами $(\% Democratic / \% Republican)$ в 2000 и 2008 гг. Эти выборы интересны, главным образом, по причине смены в роли президента страны представителей различных политических партий. В частности, в 2000 году президентская власть перешла от представителя демократической партии (Б. Клинтон) к республиканцу Д. Бушу; в 2008 г. власть в США снова взял представитель демократов (Б. Обама). В табл. 3 представлена необходимая для анализа информация.

На рис. 5 и 6 представлены графические изображения моделей $(\% Democratic / \% Republican) = f(AHDI)$, определенных по данным 2000 и 2008 гг. Зависимости, соответствующие данным выборов 2000 г. (рис. 5) и 2008 г. (рис. 6), по сути, идентичны аналогу, построенному по данным 2016 г. (см. рис. 1). Т.е., очевидно, эти зависимо-

сти достаточно устойчивы и отражают глубинные процессы, характерные для американского общества. Также практически идентичны аналогу, построенному по данным 2016 г., и статистические характеристики моделей $(\% Democratic / \% Republican) = f(AHDI)$, определенных по данным 2000 и 2008 гг.

В этой связи необходимо хотя бы в первом приближении разобраться, в чем причина этой устойчивости. В табл. 4 приведены для сравнения линейные модели $(\% Democratic / \% Republican) = f(AHDI)$, идентифицирующие изучаемые процессы.

Как можно заметить, для моделей 2008 и 2016 гг. величина параметра b модели практически одинакова (0,50 и 0,49 соответственно), что означает, что переход власти от республиканцев к демократам (2008 г.) и от демократов к республиканцам (2016 г.) в равной степени зависел от фактических результатов обеспечения качества жизни населения действующей властью.

Таблица 3. Численные значения показателя политических предпочтений американских избирателей (2000; 2008; 2016 гг.) и различных показателей экономического и социального развития в штатах США*

№ п/п	Штат США (единица административного устройства государства)	Численные значения показателя политических предпочтений американских избирателей (2000, 2008, 2016 гг.) и различных показателей социального развития в штатах США					
		2000 г. [35]		2008 г. [36]		2016 г. [30]	
		Коэффициент Democratic Party / Republican Party 2000	American Human Development Index (AHD) 2000	Коэффициент Democratic Party / Republican Party 2008	American Human Development Index (AHD) 2008	Коэффициент Democratic Party / Republican Party 2016	American Human Development Index (AHD) 2016
1.	Alabama	0,75	3,94	0,65	3,92	0,55	4,04
2.	Alaska	0,47	4,95	0,64	5,24	0,73	5,06
3.	Arizona	0,88	4,59	0,85	4,75	0,94	4,89
4.	Arkansas	0,90	3,71	0,66	3,81	0,56	3,91
5.	California	1,26	5,09	1,65	5,39	1,94	5,40
6.	Colorado	0,82	5,30	1,20	5,44	1,12	5,53
7.	Connecticut	1,47	5,89	1,61	6,18	1,34	6,17
8.	Delaware	1,31	4,96	1,68	5,09	1,26	5,22
9.	District of Columbia	Не рассматривается по причине несоответствия штатам					
10.	Florida	1,00	4,63	1,06	4,81	0,96	4,82
11.	Georgia	0,78	4,45	1,11	4,63	0,88	4,62
12.	Hawaii	1,51	5,32	2,67	5,56	2,07	5,53
13.	Idaho	0,42	4,38	0,59	4,32	0,47	4,50
14.	Illinois	1,28	4,98	1,68	5,24	1,44	5,31
15.	Indiana	0,72	4,45	1,02	4,58	0,67	4,56
16.	Iowa	1,02	4,77	1,23	4,94	0,82	5,03
17.	Kansas	0,64	4,78	0,74	4,79	0,63	4,96
18.	Kentucky	0,73	3,89	0,72	4,06	0,52	4,02
19.	Louisiana	0,85	3,84	0,68	3,82	0,66	4,12
20.	Maine	1,11	4,69	1,45	4,68	1,07	4,93
21.	Maryland	1,43	5,46	1,72	5,74	1,07	5,94
22.	Massachusetts	1,88	5,76	1,72	6,02	1,82	6,16
23.	Michigan	1,11	4,88	1,39	4,94	0,98	4,76
24.	Minnesota	1,07	5,43	1,23	5,61	1,02	5,69
25.	Mississippi	0,71	3,54	0,77	3,55	0,69	3,81
26.	Missouri	0,94	4,37	1,00	4,49	0,67	4,60
27.	Montana	0,57	4,15	0,96	4,28	0,64	4,54
28.	Nebraska	0,53	4,78	0,74	4,91	0,58	5,11
29.	Nevada	0,94	4,41	1,28	4,47	1,04	4,63
30.	New Hampshire	0,98	5,47	1,20	5,63	1,00	5,73
31.	New Jersey	1,40	5,66	1,36	5,99	1,34	6,12
32.	New Mexico	1,00	4,31	1,36	4,29	1,20	4,52
33.	New York	1,71	5,28	1,75	5,62	1,64	5,66
34.	North Carolina	0,77	4,25	1,02	4,46	0,92	4,57
35.	North Dakota	0,54	4,39	0,85	4,79	0,43	4,90
36.	Ohio	0,92	4,68	1,09	4,68	0,84	4,71
37.	Oklahoma	0,63	3,97	0,52	3,93	0,45	4,14
38.	Oregon	1,00	4,72	1,43	4,75	1,28	4,86
39.	Pennsylvania	1,11	4,77	1,23	4,91	1,00	5,07
40.	Rhode Island	1,91	5,04	1,80	5,46	1,38	5,38
41.	South Carolina	0,72	4,05	0,83	4,19	0,75	4,35
42.	South Dakota	0,62	4,39	0,85	4,52	0,52	4,79
43.	Tennessee	0,92	4,00	0,74	4,08	0,57	4,22
44.	Texas	0,64	4,39	0,80	4,50	0,83	4,65
45.	Utah	0,39	4,71	0,55	4,72	0,60	5,03
46.	Vermont	1,24	5,00	2,23	5,24	1,90	5,31
47.	Virginia	0,85	5,01	1,15	5,39	1,14	5,47
48.	Washington	1,14	5,24	1,43	5,26	1,43	5,4
49.	West Virginia	0,88	3,63	0,75	3,82	0,38	3,95
50.	Wisconsin	1,00	4,95	1,33	5,07	0,98	5,16
51.	Wyoming	0,41	4,41	0,51	4,47	0,32	4,83

* Составлено по: https://en.wikipedia.org/wiki/United_States_presidential_election,_2000 [35], https://en.wikipedia.org/wiki/United_States_presidential_election,_2008 [36], www.nytimes.com/elections/results/president [30; 31].

Рисунок 5. Графическое изображение модели $(\% Democratic / \% Republican) = f(AHDI)$

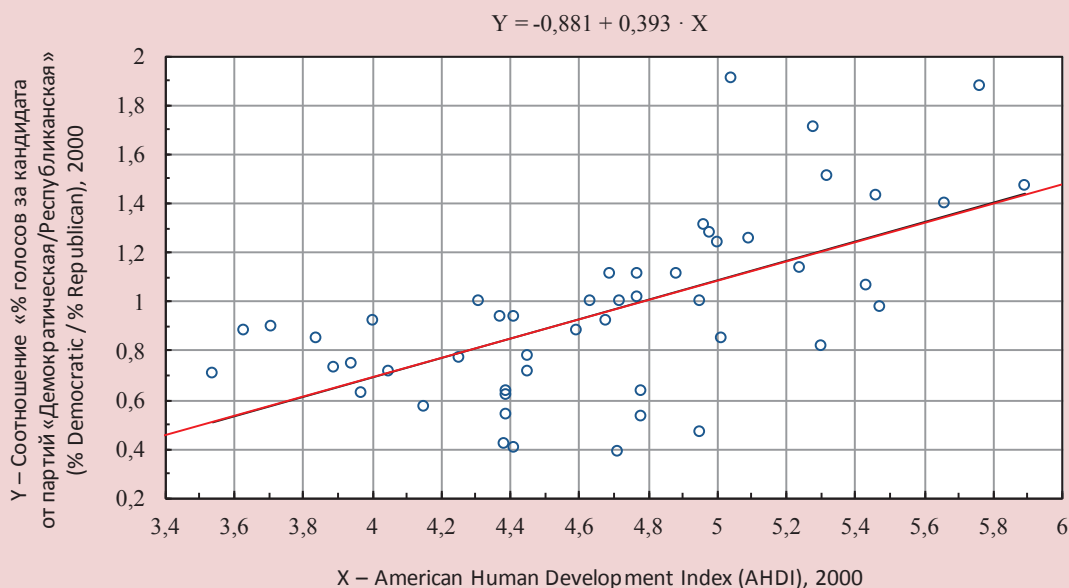

Рисунок 6. Графическое изображение модели $(\% Democratic / \% Republican) = f(AHDI)$

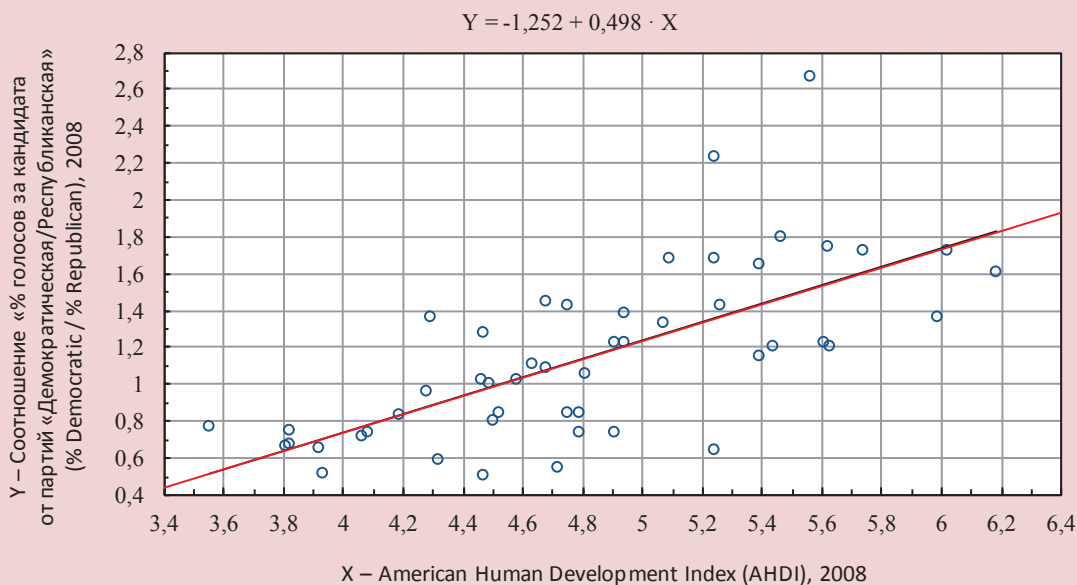

Таблица 4. Модели $(\% Democratic / \% Republican) = f(AHDI)$

Годы президентских выборов в США	Модель типа $\% Ratio = a + b \cdot AHDI$	Значения коэффициентов модели и их смысл		
		a	b	Объяснение физического смысла параметра b
2000	$\% Ratio = -0,88 + 0,39 \cdot AHDI$	-0,88	0,39	b идентифицирует степень выраженности процесса
2008	$\% Ratio = -1,25 + 0,50 \cdot AHDI$	-1,25	0,50	
2016	$\% Ratio = -1,44 + 0,49 \cdot AHDI$	-1,44	0,49	

Вывод. В ходе президентских выборов 2008 и 2016 гг. влияние AHDI на итоги выборов было выражено в большей степени, чем в 2000 г.

Обсуждение результатов исследований. Полученные в ходе исследований корреляционные связи между результатами выборов 2016 г. в штатах США и соответствующими в этих штатах характеристиками *American Human Development Index* ($R^2 = 0,469$) и *Human Risk* ($R^2 = 0,506$) позволяют в целом констатировать наличие статистической зависимости между качеством жизни населения различных штатов США и результатами их электорального поведения.

Рассматривая особенности полученных моделей, попытаемся найти ответы на ранее поставленные вопросы.

- Был ли выбор Д. Трампа президентом США элементом протестного движения американцев, уставших от политики демократической партии? Зависимость $(\% Democratic / \% Republican) = f(AHDI)$, представленная на рис. 1, показывает, что, скорее всего, в этом тезисе есть определенная логика. За Х. Клинтон голосовали в тех штатах, где качество жизни находится на высоком уровне ($AHDI > 5,2$); за Д. Трампа голосовали выборщики штатов с относительно низким уровнем качества жизни ($AHDI < 5,2$).

- Связан ли этот выбор с сущностной потребностью граждан США в переменах как во внешней, так и во внутренней политике? На этот вопрос ответить и просто, и сложно одновременно. С одной стороны, согласно диалектическому закону отрицания отрицания, такое рассуждение вполне правомерно. С другой — неясно, как измерить эти настроения численно. Наверное, предвыборные тезисы Д. Трампа о необходимости разворота акцентов внимания федеральной власти от внешней политики к внутренней импонируют как раз населению штатов, качество жизни в которых оставляет желать лучшего. Надо полагать, что избиратели ждут от республиканской

партии разворота приоритетов не просто от внешней политики к внутренней, но и изменений внутри страны, в частности, предпочтений для тех штатов, где качество жизни оставляет желать лучшего.

- Проявились ли в ходе выборов какие-нибудь пространственные особенности электорального поведения в 2016 г. жителей различных штатов США? Таких особенностей было несколько. В частности, в девяти штатах (около 18% от общего числа) сформировалась ситуация наличия большого числа (10% и более) голосов за третьего кандидата. Это один из факторов отрицания кандидатов и от демократической, и от республиканской партий, т.е. в американской политике постепенно нарастает влияние третьей силы. Другая особенность выборов—2016: в явном виде подтверждается теория Р. Каплана [9] о географическом аспекте экономико-политических пристрастий избирателей. Жители высокоразвитых прибрежных территорий являются приверженцами либерально-демократической идеологии, жители континентальных районов страны более консервативны и поддерживают устоявшиеся нормы жизнеустройства. В качестве третьей особенности может быть признан факт наличия ряда штатов, в которых электоральное поведение населения значительно отличается от общего тренда, характерного в целом для большинства штатов США. Это, прежде всего, штаты Hawaii и California, для которых приверженность ценностям демократической партии значительно выше, чем можно было бы ожидать в соответствии с моделью $(\% Democratic / \% Republican) = f(AHDI)$ (см. рис. 1). Противоположностью этим штатам по особенностям электорального поведения являются штаты North Dakota, South Dakota, Wyoming,

Nebraska (штаты Среднего Запада), для которых характерна ярко выраженная склонность к поддержке республиканцев. Если сравнивать эти группы штатов по фактическому значению коэффициента ($\% Democratic / \% Republican$), то это разница достигает 4 крат. Этот показатель может быть характеризован как уровень серьезного расхождения в первоосновах мировоззрения населения различных штатов. Именно поэтому, по факту выборов Д. Трампа президентом, в ряде территорий страны и особенно в столичном District of Columbia [34] были зафиксированы серьезные общественные беспорядки. Ряд популярных в США личностей, в основном из шоу-бизнеса, при этом заявили о неприятии текущего политического выбора Америки [21]. Наверное, о расколе страны по политическому признаку делать вывод опрометчиво, однако начальные признаки этого в ноябре–декабре 2016 г. в США были проявлены.

Еще одно важное замечание можно сделать, анализируя данные таблицы 3, в которой представлена динамика показателя ($\% Democratic / \% Republican$) в течение периода 2000–2016 гг. в разных штатах. В ряде их (Alabama, Arkansas, Kentucky, Louisiana, Oklahoma, Tennessee, West Virginia) сформировалась устойчивая динамика ухудшения электорального отношения к политике демократической партии, вне зависимости от представительства Президентом. Надо заметить, что эти штаты, большинство из которых территориально относятся к Югу США, и являются аутсайдерами по качеству жизни.

Обобщение результатов. Представленные выше модели и рассуждения могут служить основой для построения пространственно-логической модели формализации политического выбора американского избирателя. Соответствующая

линия поведенческого выбора избирателей в США описывается следующей причинно-следственной моделью (2).

Исторический процесс развития США как государства – освоение территориального пространства страны переселенцами, зачастую пассионариями (по Л.Н. Гумилеву [6]), – формирование национально-демографических и культурно-исторических особенностей поведения населения различных штатов – постепенное образование территориальных кластеров, для населения которых складываются определенные стили мировоззрения, грубо дифференцируемые на консервативный и новаторско-подвижный – возникновение традиций и правил социального и бытового поведения – реализация приверженности этим традициям на практике – сопоставление результатов повседневного проявления освоенного стиля жизни с некими желаемыми субъективными моделями – становление политической культуры – реализация идеологии этой культуры на выборах. (2)

Представленная модель (2) формализации политического выбора избирателя не является уникальной и характерной только для США. Подобные модели связей влияния качества жизни в территориальных образованиях каких-либо стран и итогового согласия или несогласия с политикой правящей партии в более или менее адекватном виде можно формализовать для любой другой страны мира. Протестное политическое движение практически всегда начинается с вопроса «Есть ли какие-то шансы для улучшения моей жизни при руководстве страной правящей партией»? В зависимости от приоритетного ответа на этот вопрос генерируются итоги очередных политических выборов. Применительно к США–2017 мы можем констатировать: американцы желают и ждут перемен.

Что показали первые дни президентской власти Д. Трампа. Несомненно, президентские выборы в США являются событием мирового масштаба, формирующим так называемую «новую реальность». Не случайно А.Б. Чубайс, участвовавший в 47 Всемирном экономическом форуме в Давосе (17–20.01.2017), охарактеризовал психоэмоциональную обстановку форума как «ужас от глобальной политической катастрофы» [19]. Возможно, Д. Трамп и его публичное поведение, обещания и посулы настолько не вписываются в ожидания и стратегию мировой политической «элиты», что ее ярчайшие представители даже на некоторое время, требующееся на осмысление произошедшего и выбор новой стратегии действий, растерялись. Одновременно начались поиски внешнего инициатора победы Д. Трампа. Скандалы вокруг атак на избирательный штаб демократической партии США, в которых якобы были задействованы российские хакеры, могут служить ярким примером таких действий [18].

Известно, что о потенциале действий вновь избранного президента почти всегда можно судить по инициативам первых стадий президентства [17]. Что значимого сделал Д. Трамп и его команда в первые дни власти? Не претендуя на полноту фактов, выделю следующее. Первое – сформировал президентский Кабинет. Второе – инициировал ряд важных событий во внешней и внутренней политике. Третье – сделал ряд громких заявлений, значимо определяющих его стратегию действий. Анализируя произошедшее в январе–феврале 2017 г., аналитики РБК [16] отмечают, что в течение полутора месяцев президентства Д. Трамп издал 15 указов.

К настоящему времени распределены ключевые посты в администрации: госсекретарем стал Р. Тиллерсон, генпрокурором – Д. Сешнс, министром обороны –

Д. Мэттис, директором ЦРУ – М. Помпео. Утверждены также министры транспорта, образования, здравоохранения и внутренней безопасности. На пост верховного судьи США Д. Трамп выдвинул консерватора Н. Горсача. Не остался без внимания и скандал с отставкой советника Д. Трампа по национальной безопасности М. Флинна, который несколько раз встречался с послом России в США С. Кисляком летом 2016 г. и засветился на праздновании юбилея информационного агентства Russia Today 10.12.2015 в Москве непосредственно за одним столом с В.В. Путиным [32].

Важнейшими решениями Д. Трампа во внутренней политике США стали запуск процесса отмены Obamacare – реформы здравоохранения, проведенной его предшественником Б. Обамой, и подписание иммиграционного акта, запрещающего въезд в США гражданам семи стран (Сирии, Ирака, Ирана, Судана, Ливии, Сомали и Йемена).

Важнейшие внешнеполитические действия Д. Трампа и его администрации – проведение встреч с премьер-министрами Великобритании, Японии, Канады и Израиля, а также заявление Белого дома о том, что Д. Трамп ожидает от России возвращения Крыма и уменьшения насилия на Украине.

Показательно и то, что Д. Трамп публично разругался с ведущими американскими медиа, такими как The New York Times, CNN, ABC, NBC и The Washington Post, информировавшими общественность о контактах лиц из окружения Д. Трампа с послом России в США С. Кисляком.

И, наверное, самый показательный факт – анонсированный Д. Трампом запрос Конгрессу США о выделении в марте 2017 г. дополнительных 54 млрд. долл. к самому большому военному бюджету в мире (604,5 млрд. долл.) на «оборонку» [1].

Опыт для России. В контексте итогов президентских выборов в США необходимо ответить на два важнейших для России и россиян вопроса:

- Какие последствия могут иметь результаты президентских выборов в США—2016 для всей мировой политики и для России в частности?
- Какие важнейшие выводы из победы Д. Трампа в президентской гонке в США—2016 должны вынести наши лидеры? Какие обстоятельства должны быть приняты во внимание российской властью в преддверии предстоящих выборов Президента России в 2018 г.?

На неискушенный взгляд автора, Д. Трамп, будучи весьма неординарной личностью с богатым бизнес-опытом, попытается реализовать сценарий переноса в реальность девиза своей избирательной кампании «Сделаем вновь Америку великой» посредством тех наработок и правил, которые вполне успешно срабатывали в его бизнес-карьере. Некоторые поверхностные выводы о его подходах к ведению дел можно сделать из его многочисленных (всего 24) книг [20], носящих весьма говорящие названия (например, «Никогда не сдавайся» или «Искусство заключать сделки»). В этой связи надо ждать, что Д. Трамп, реализуя делом тезис о необходимости возвращения якобы утерянного в последние годы величия своей страны, будет очень энергично формировать во внешнеполитической сфере новые правила игры, целью которых будет дальнейший рост моноцентричности мира в пользу Соединенных Штатов Америки.

Свидетельством возможности таких подходов может быть назначение на важнейшие посты М. Помпео и Д. Мэттия, являющихся в классификации «голуби—ястребы» явными «ястребами», приверженцами силового подхода к ведению дел во внешней политике [5; 10].

Для России и ее руководства, на взгляд автора, эффекты президентства Д. Трампа могут стать весьма неожиданными. Да, он неоднократно заявлял о готовности к поиску вариантов сотрудничества с Кремлем. В то же время никто не может быть уверен в том, что он рассматривает сотрудничество как поиск взаимоприемлемых решений, а не тех, которые он рассматривает как выигрышные для США.

Что касается второго важнейшего вопроса, то здесь богатейшая почва для размышлений о возможной стратегии ближайших действий нашей власти на ближайший год. Кто мог за год до президентских выборов в США представить события 08.11.2016? Даже в сентябре—октябре 2016 г., казалось, у кандидата Д. Трампа не было серьезных оснований для уверенности в победе. Эксперты утверждают [14], что достаточно большую лепту в победу Д. Трампа внесли специалисты компании Cambridge Analytica, специализирующиеся на создании и распространении так называемой таргетированной рекламы. Эта технология основана на сборе данных о пользователях сети Интернет и создании специальной, точно направленной рекламы для них, в том числе и политической. Однако вряд ли этот современный метод информационной войны сработал бы, если бы американское общество было бы удовлетворено той политикой, особенно во внутренних делах, которую проводили представители демократической партии США. Другое соображение заключается в том, что третий закон диалектики — закон отрицания отрицания — на примере американской политической жизни явно свидетельствует о востребованности обществом нового качества жизни, в том числе в сфере политики. Очевидно, отсутствие новизны в практиках общественной жизни рано или поздно формирует атмосферу, которая в нашей стране ранее носила имя «застой»,

Таблица 5. Статистика выборов в Государственную Думу РФ

Характеристика	Выборы в Государственную Думу РФ различных созывов						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
Дата выборов	12.12.1993	17.12.1995	19.12.1999	7.12.2003	2.12.2007	4.12.2011	18.09.2016
Явка избирателей, %	54,81	64,76	61,85	55,75	63,71	60,21	47,88
% голосов партии-лидера	22,92	22,30	24,29	37,56	64,30	49,32	54,20
Партия-лидер	ЛДПР	КПРФ	КПРФ	Единая Россия	Единая Россия	Единая Россия	Единая Россия
Глава партии-лидера	В.В. Жириновский	Г.А. Зюганов	Г.А. Зюганов	Б.В. Грызлов	В.В. Путин	Д.А. Медведев	Д.А. Медведев

и это не та атмосфера, которая способствует развитию гражданского общества, экономики, политики и в целом государства. В этой связи очень тревожным звоночком для нашей власти является тот факт, что в целом интерес к политической жизни в российском обществе постепенно снижается. В табл. 5 представлены данные о явке избирателей на выборы в Государственную Думу Российской Федерации I–VII созывов (1993–2016 гг.).

Трактовать данные таблицы 5 можно по-разному, однако факт остается фактом: итоги выборов в Государственную Думу–2016 оказались очень неоднозначными [8]. Ведущая роль, которую играет в политической жизни страны партия-лидер («Единая Россия»), остается незыблемой. Но в период 2007–2016 гг. серьезнейшим образом снизилась явка избирателей на выборы (практически на четверть по сравнению с выборами–2007).

Это говорит о постепенно формирующейся политической апатии граждан

страны, о подсознательном нежелании россиян разделять с властью радость побед и особенно горечь неудач.

На что обратить внимание российской власти в контексте результатов выборов президента США–2016? Прежде всего, на объективную необходимость перемен. Перемен к лучшему качеству жизни россиян.

Заключение. Пространственно-логическое моделирование формализации политического выбора избирателя в демократическом обществе – лишь один из возможных вариантов аналитики прогноза развития будущих политических событий. Он не является панацеей и не дает однозначно точных оценок. Однако этот инструмент также может быть использован для решения задач изучения динамики общественных настроений наряду с другими подходами к построению моделей оценки изменений в социально-политической жизни общества. Президентские выборы в США–2016 показали это достаточно ярко.

Литература

1. Арбатов, А. Гонка вооружений Трампа: на что хочет потратить миллиарды президент США [Электронный ресурс] / А. Арбатов. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8772#top-content
2. Бодалев, А.А. Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с.
3. Человеческий капитал для социогуманитарного развития / В.В. Бушуев, В.С. Голубев, А.А. Коробейников, Ю.Г. Селюков. – М.: ИАЦ Энергия, 2008. – 96 с.
4. Выборы в ГосДуму–2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/infografika/20160918/1476912507.html#/summary>

5. Генерал не знает слов любви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://spbvedomosti.ru/news/politika/general_ne_nbsp_znaet_slov_nbsp_lyubvi/
6. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 496 с.
7. Давыдянец, Д.Е. Оценка качества жизни человека / Д.Е. Давыдянец // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2006. – Т. 4. – № 1. – С. 98–105.
8. Ильин, В.А. 13-е Послание Президента: на повестке дня трансформация власти / В. А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6(48). – С. 9–20.
9. Каплан, Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / Р. Каплан. – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2015. – 384 с.
10. Новый директор ЦРУ Майк Помпео: «ястреб» против России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2017/01/24/novyyu-direktor-cru-mayk-rompeo-yastrebt-protiv-rossii.html>
11. Петров, А.И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени / А.И. Петров. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. – 254 с.
12. Петров, А.И. Автотранспортная аварийность как идентификатор качества жизни населения / А.И. Петров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 3(45). – С. 154–172.
13. Программа развития ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2015/12/16/7285>
14. Расследование Das Magazin: как Big Data и пара ученых обеспечили победу Трампу и Brexit [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://theins.ru/politika/38490>
15. Садовая, Е.С. Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты / Е.С. Садовая, В.А. Сауткина. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 208 с.
16. Трамп в Белом доме: ежедневник президента США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/textonlines/03/03/2017/589afd179a7947a2674f4afa?from=newsfeed>
17. Трамп рассказал о планах на первые сто дней президентства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20161122/1481859392.html>
18. ФБР и АНБ опубликовали доклад о хакерских атаках из России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/12/30/671781-spetssluzhbi>
19. Чубайс: «Мир перевернулся. Такой ужас в Давосе я припомню только раз» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/344362>
20. Электронная библиотека рунета. Donald J. Trump [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://booksee.org/g/Donald%20J.%20Trump>
21. «Я вся в слезах». Реакция американских звёзд на победу Трампа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://life.ru/t/%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BF/928779/ia_vsia_v_sliezakh_reaktsiia_amierikanskikh_zviozd_na_pobiedu_trampa
22. A Historic Number of Electors Defected, and Most Were Supposed to Vote for Clinton [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/interactive/2016/12/19/us/elections/electoral-college-results.html>
23. American Human Development Index (АНДИ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.measureofamerica.org/maps/>
24. Bureau of Economic Analysis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bea.gov/regional/about.cfm>
25. General Election: Trump vs. Clinton [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/us/general_election_trump_vs_clinton5491.html
26. Gross domestic product 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>
27. Latest Election Polls 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nytimes.com/interactive/2016/us/elections/polls.html?_r=0
28. Mapping the Measure of America [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.measureofamerica.org/maps/>
29. Measure of America. Of the Social Science Research Council [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.measureofamerica.org>

30. Presidential Election Results: Donald J. Trump Wins Clinton [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/elections/results/president>
31. Presidential Election Results: Donald J. Trump Wins Clinton [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/elections/results/president?action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=span-abc-region®ion=span-abc-region&WT.nav=span-abc-region>
32. RT опроверг заявления о том, что Флинну платили за появление в эфире канала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20161213/1483474477.html>
33. United States of America country profile [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/country_profiles/1217752.stm
34. US election 2016 live blog: 'World collapsing before our eyes' [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.news.com.au/world/north-america/us-election-2016-live-blog-record-turnout-in-early-voting/news-story/e820878edf84c0749b734a05130589df>
35. United States presidential election, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/United_States_presidential_election,_2000
36. United States presidential election, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/United_States_presidential_election,_2008

Сведения об авторе

Артур Игоревич Петров – кандидат технических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет (Российская Федерация, 625027, г. Тюмень, ул. Мельникайте, д. 72; e-mail: ArtIgPetrov@yandex.ru)

Petrov A.I.

Spatial and Logical Model of American Electorate Political Choice Formalization: Experience for Russia

Abstract. The results of the 58th US presidential election held November 8th, 2016 turned out a big surprise for many people. Numerous public opinion polls in the USA on political loyalty conducted by various researchers from July to October, 2016, demonstrated a steady trend of an electoral advantage of the Democratic Party's nominee (H. Clinton). However, during election (November 8th, 2016) the Republican Party's nominee D. Trump won with 306 electoral votes against 232. Why did this happen? Experts, political analysts have different explanations of this choice of American voters. In this article, the author makes an attempt to conduct a simple statistical analysis of the results of American electorate political preferences using basic socio-economic categories such as "quality of life", "gross domestic product", "employment" and "crime". The hypothesis accepted as the basis for the author's arguments implies that the voters' political preferences greatly depend on the actual quality of people's lives, which is highly differentiated in the US states. With all the variety of conditions and lifestyles, regional peculiarities form a certain preferred attitude of citizens to the country's political future. In this regard, to prove this thesis the author analyzed statistical data on US states describing the results of the 58th presidential election and some indicators of the socio-economic development of these territories. Based on these data, the author designed a regression model of correlation of indicators "ratio of electoral votes for the Democratic Party's nominee to electoral votes for the Republican Party's nominee" and "American Human Development Index" (AHDI) which evaluates the generalized quality of life of citizens in different states. The author also considers the regression model of AHDI dependence on factors such as US gross domestic product. To confirm the logic the author attempts to establish a statistical link between the outcome of

assessment of the US population's political preferences and the level of road accident rate as one of the indicators of the quality of life. The research results help conclude that electoral votes at the 58th US presidential election are of the protest nature, reflecting Americans' need for the global socio-economic changes. The article discusses the possible implications of D. Trump's presidency for the international community and the experience which can be drawn from political choice of American electorate for the Russian government.

Key words: 2016 US presidential election; election results; quality of life of the US states population; correlation-regression analysis; electorate political choice; protest nature of election.

References

1. Arbatov A. *Gonka vooruzhenii Trampa: na chto khochet potratit' milliardy prezident SShA* [Trump's arms race: what is US President planning to spend billions on]. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8772#top-content. (In Russian).
2. Bodalev A.A. *Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom* [Perception and understanding of a human by a human]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 200 p. (In Russian).
3. Bushuev V.V., Golubev V.S., Korobeinikov A.A., Selyukov Yu.G. *Chelovecheskii kapital dlya sotsiogumanitarnogo razvitiya* [Human capital for socio-humanitarian development]. Moscow: IATs Energiya, 2008. 96 p. (In Russian).
4. *Vybory v GosDumu–2016* [State Duma Election]. Available at: <https://ria.ru/infografika/20160918/1476912507.html#/summary>. (In Russian).
5. *General ne znaet slov lyubvi* [General does not know words of love]. Available at: http://spbvedomosti.ru/news/politika/general_ne_nbsp_znaet_slov_nbsp_lyubvi/. (In Russian).
6. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and Earth's biosphere]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1989. 496 p. (In Russian).
7. Davydyants D.E. Otsenka kachestva zhizni cheloveka [Assessment of the human quality of life]. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic bulleting of Rostov State University], 2006, issue 4, no. 1, pp. 98–105. (In Russian).
8. Ilyin V.A. 13-e Poslanie Prezidenta: na povestke dnya transformatsiya vlasti [Thirteenth address of President Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation: transformation of power as a point for discussion]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 6(48), pp. 9–20. (In Russian).
9. Kaplan R. *Mes' geografii. Chto mogut rasskazat' geograficheskie karty o gryadushchikh konfliktakh i bitve protiv neizbezhnogo* [The revenge of geography: what the map tells us about coming conflicts and the battle against fate]. Moscow: Kolibri, Azbuka-Attikus, 2015. 384 p. (In Russian).
10. *Novyi direktor TsRU Maik Pompeo: «yastreb» protiv Rossii* [New CIA Director Mile Pompeo: a “hawk” against Russia]. Available at: <http://www.mk.ru/politics/2017/01/24/novyiy-direktor-cru-mayk-pompeo-yastreb-protiv-rossii.html>. (In Russian).
11. Petrov A.I. *Osobennosti formirovaniya avtotransportnoi avariinosti v prostranstve i vremeni* [Peculiarities of road accident rate formation in space and time]. Tyumen': TyumGNGU, 2015. 254 p. (In Russian).
12. Petrov A.I. Avtotransportnaya avariinost' kak identifikator kachestva zhizni naseleniya [Road traffic accident rate as an indicator of the quality of life]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 3(45), pp. 154–172. (In Russian).
13. *Programma razvitiya OON: Indeks chelovecheskogo razvitiya v stranakh mira v 2015 godu* [UN Development Program: 2015 Human Development Index]. Available at: <http://gtmarket.ru/news/2015/12/16/7285>. (In Russian).
14. *Rassledovanie Das Magazin: kak Big Data i para uchenykh obespechili pobedu Trampu i Brexit* [Das Magazin investigation: how Big Data and a pair of researchers ensured Brexit and Trump's victory]. Available at: <http://theins.ru/politika/38490>. (In Russian).
15. Sadovaya E.S., Sautkina V.A. *Kachestvo zhizni naseleniya mira: izmerenie, tendentsii, instituty* [Quality of life of the world's population: measurement, trends, institutions]. Moscow: IMEMO RAN, 2012. 208 p. (In Russian).

16. *Trump v Belom dome: ezhednevnik prezidenta SShA* [Trump in the White House: US President's diary]. Available at: <http://www.rbc.ru/textonlines/03/03/2017/589afd179a7947a2674f4afa?from=newsfeed>. (In Russian).
17. *Trump rasskazal o planakh na pervye sto dni prezidentstva* [Trump outlines his plans for the first 100 days of his presidency]. Available at: <https://ria.ru/world/20161122/1481859392.html>. (In Russian).
18. *FBI i ANB opublikovali doklad o khakerskikh atakakh iz Rossii* [FBI and NSA publish a report on Russia's cyber attacks]. Available at: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/12/30/671781-spetssluzhbi>. (In Russian).
19. *Chubais: «Mir perevernulsya. Takoi uzhas v Davose ya pripomnyu tol'ko raz»* [Chubais: "The world has turned upside down. Only once have I seen such an awful situation in Davos"]. Available at: <https://www.bfm.ru/news/344362>. (In Russian).
20. *Elektronnaya biblioteka runeta. Donald J. Trump* [Russian e-library. Donald J. Trump]. Available at: <http://booksee.org/g/Donald%20J.%20Trump>. (In Russian).
21. *«Ya vsya v slezakh». Reaktsiya amerikanskikh zvezd na pobedu Trampa* ["I'm in tears". Reaction of American stars to trump's victory]. Available at: https://life.ru/t/%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BF/928779/ia_vsia_v_sliezakh_rieaktsiia_amierikanskikh_zvioletd_na_pobiedu_trampa. (In Russian).
22. *A Historic Number of Electors Defected, and Most Were Supposed to Vote for Clinton*. Available at: <http://www.nytimes.com/interactive/2016/12/19/us/elections/electoral-college-results.html>
23. *American Human Development Index (AHDI)*. Available at: <http://www.measureofamerica.org/maps/>
24. *Bureau of Economic Analysis*. Available at: <https://www.bea.gov/regional/about.cfm>
25. *General Election: Trump vs. Clinton*. Available at: http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/us/general_election_trump_vs_clinton5491.html
26. *Gross domestic product 2015*. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>.
27. *Latest Election Polls 2016*. Available at: http://www.nytimes.com/interactive/2016/us/elections/polls.html?_r=0
28. *Mapping the Measure of America*. Available at: <http://www.measureofamerica.org/maps/>
29. *Measure of America. Of the Social Science Research Council*. Available at: <http://www.measureofamerica.org>
30. *Presidential Election Results: Donald J. Trump Wins Clinton*. Available at: <http://www.nytimes.com/elections/results/president>
31. *Presidential Election Results: Donald J. Trump Wins Clinton*. Available at: <http://www.nytimes.com/elections/results/president?action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=span-abc-region®ion=span-abc-region&WT.nav=span-abc-region>
32. *RT oproverg zayavleniya o tom, chto Flinnu platili za poyavlenie v efire kanala* [RT channel denied claims that Flynn was paid to appear on TV]. Available at: <https://ria.ru/world/20161213/1483474477.html>. (In Russian).
33. *United States of America country profile*. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/country_profiles/1217752.stm
34. *US election 2016 live blog: 'World collapsing before our eyes'*. Available at: <http://www.news.com.au/world/north-america/us-election-2016-live-blog-record-turnout-in-early-voting/news-story/e820878edf84c0749b734a05130589df>
35. *United States presidential election, 2000*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/United_States_presidential_election,_2000
36. *United States presidential election, 2008*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/United_States_presidential_election,_2008

Information about the Author

Artur Igorevich Petrov – Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Industrial University of Tyumen, Institute for Transport at Tyumen State University of Oil and Gas (72, Melnikaitè Street, Tyumen, 625027, Russian Federation, ArtIgPetrov@yandex.ru)

Статья поступила 13.01.2017.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.7

УДК 316.422, ББК 60.550

© Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Стризов А.Л.

Молодежь в процессах модернизации: оценка состояния (на примере регионов Южного федерального округа)*

**Надежда Васильевна
ДУЛИНА**

Волгоградский государственный технический университет
Волгоград, Российская Федерация, 400005, пр. Ленина, д. 28
E-mail: nv-dulina@yandex.ru

**Екатерина Владимировна
КАРГАПОЛОВА**

Астраханский государственный архитектурно-строительный университет
Астрахань, Российская Федерация, 414056, ул. Татищева, д. 18
E-mail: k474671@list.ru

**Александр Леонидович
СТРИЗОВ**

Волгоградский государственный технический университет
Волгоград, Российская Федерация, 400062, пр. Университетский, д. 100
E-mail: strizoe@yandex.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект 16-03-00463 «Динамика социально-экономического развития региона как гетерархической системы»).

Для цитирования: Дулина, Н.В. Молодежь в процессах модернизации: оценка состояния (на примере регионов Южного федерального округа) / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова, А.Л. Стризов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 130–149. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.7

For citation: Dulina N.V., Kargapolova E.V., Strizoe A.L. Young people in modernization processes: assessment of the state of affairs (case study of Southern Federal District regions). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 130–149. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.7

Аннотация. В статье на основе анализа результатов конкретного социологического исследования, выполненного методом анкетирования, изучаются проблемы включенности современной российской молодежи в процессы модернизации. Под модернизацией в самом широком теоретическом плане понимается комплексный, управляемый процесс обновления общественной системы, ее приближение к качественно новому состоянию на основе глубинных, цивилизационных изменений с целью улучшения условий жизнедеятельности. При этом специфические, традиционно сложившиеся особенности системы ценностей конкретных регионов исследуются как важнейший ресурс модернизационных проектов. Показано, что существует системное отставание темпов и качества модернизационных процессов в регионах Южного федерального округа от общероссийских, что зафиксировано в статистических показателях и ответах представителей молодого поколения макрорегиона. Причина сложившейся ситуации: масштабы отчуждения от результатов трудовой деятельности, которые в большей степени проявлены в ЮФО, чем по России в целом, и во многом вызваны искусственным (институциональным) перекачиванием прибавочной стоимости, произведенной на его территории, в другие регионы страны. Большая часть добавленной стоимости, полученной от созданных на территории округа продуктов и услуг, не идет на развитие его социальной инфраструктуры (в частности, системы образования) и благосостояния населения. При определенных условиях проект под названием «Модернизация» мог бы стать программным образом будущего современной России, что зафиксировано и в ответах современного студенчества. Но в реальности модернизационные проекты по жизненно важным для населения показателям приобретают во многих регионах характер квазимодернизации и даже демодернизации. Это отражается в высоком миграционном запросе студентов, который по ЮФО выше, чем в целом по общероссийскому массиву опрошенных. Таким образом, существуют два феномена, социальная ценность которых во многом заключается в их направленности на перспективу, в будущее, — молодежь и модернизация. Но векторы этой направленности у современной российской молодежи и модернизационных проектов страны разные, что требует корректировки молодежной политики.

Ключевые слова: модернизация, молодежь, студенты, социальные процессы, регион, федеральный округ, Южный федеральный округ, ценности.

Современная Россия находится в периоде социальных трансформаций. При этом остро стоит вопрос идентификации происходящих в стране изменений. Период бурного реформирования соотносится с прогрессом или деградацией? Каковы цель и предполагаемые результаты реформирования на нынешнем этапе? Ведь канули в лету проекты типа «Рыночные отношения за 500 дней», практически исчез из политической риторики термин «капитализм» [10, с. 19], меньше стали употребляться термины «гражданское общество» и «социальное государство», а демократия, судя

по той же политической риторике, у нас уже есть (в основном).

Все эти вопросы очень остро стоят перед всем обществом, но особенно — перед молодежью как социально-демографической группой, выделяемой «на основе возрастных характеристик, особенностей социального положения, обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитанием данного общества, современные возрастные границы от 14–16 до 25–30 лет,

доля в составе населения 20%» [2, с. 147]. Молодежь может также определяться как субъект социальных отношений, который, по Е.М. Бабосову, находится в процессе формирования и развития общественной, психофизиологической, общекультурной и гражданской зрелости, адаптированной к социальным статусам и ролям, которые свойственны и взрослым людям¹, а по П. Бурдые «ничего не имеет» [3]. Действительно, обладая в силу своего возраста физической силой, бурной энергией, но не зрелостью и мудростью, свойственной более старшим поколениям, молодежь ориентирована в будущее, в этом смысле ничего не имеет и должна еще только создавать свои социальные статусы, связанные с обретением семьи, приобретением профессии и устойчивого положения в обществе. С.И. Иконникова и В.Т. Лисовский исследуют молодежь как поколение, отличием которого являются не только возраст, но и совокупность целей, стремлений, убеждений, интересов и ценностей, общие переживания и отношение к жизни [14]. Сможет ли проект под названием «модернизация» стать частью жизненных устремлений современной российской молодежи? Тем более что современную российскую молодежь именуют не только как поколение «путинцев» [25, с. 103], но и как поколение прагматиков [6; 28], разумных эгоистов [33], и цели модернизации должны, по меньшей мере, совпадать с представлениями молодых об их собственных целях. Таким образом, необходимо исследовать социальное самочувствие молодежи, её отношение к социальной реальности для формирования комплекса мероприятий по модернизации российского общества.

¹ Бабосов Е.М. Социология. Энциклопедический словарь. — М.: ИСПИ РАН, 2009. — С. 265.

Чтобы решить данную задачу, необходимо для начала разобраться с сущностью самого понятия «модернизация». Под модернизацией подразумевается прежде всего переход от традиционного аграрного общества к светскому, городскому и индустриальному. Таким образом, в подобном понимании модернизация связывается с конкретным этапом исторического развития социальной системы. Но существует также точка зрения, по которой модернизация — непрерывный и бесконечный процесс, который сопровождает всё развитие человеческой истории [20, с. 468] и трактуется как обновление общественной системы, ее приближение к качественно новому состоянию на основе глубинных, цивилизационных изменений [21, с. 29]. При такой трактовке понятие «модернизация» сближается с понятиями «инновация», «реформирование» [37, с. 190] и противопоставляется архаизации.

Термин «модернизация» происходит от французского слова «modernizer, moderne», что означает «делать современным»². Таким образом, под модернизацией понимается не весь спектр изменений, усовершенствований, а только те из них, которые отвечают «современным требованиям и вкусам современности...»³ Поэтому даже в классическом понимании сам термин «модернизация» не сводится к понятию «индустриализация» и включает более широкий диапазон социальных процессов, которые можно рассматривать одновременно как механизм, условие и некую цель модернизации, детерминирующие выгоды и издержки этого процесса. Так, например, модернизация осмысливается Э. Дюркгеймом

² Краткий словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. — С. 254.

³ Там же.

как процесс социальной дифференциации, М. Вебером – рационализации, К. Марксом – товаризации⁴, теоретиками эволюционизма (структурного функционализма) – социальной дифференциации, включая политический плюрализм «при одновременном обеспечении интеграции, координации, ”органической” связи дифференцированных элементов» [39, с. 527].

Существует также точка зрения, согласно которой «модернизация... предполагает превращение знаний в решающий фактор совершенствования деятельности экономических субъектов и властных структур, социальных формирований и каждой личности» [37, с. 360].

По мнению китайского исследователя Хэ Чуаньци, современная модернизация – целостный социокультурный процесс, основная цель которого – «безопасность государства и общества и предложение сценариев дальнейшего развития для повышения условий жизнедеятельности» [30, с. 7].

Ряд авторов отмечают значимость микросоциального уровня модернизационных процессов в обществе, который «затрагивает «индивидуальный выбор и межличностные отношения» [35, с. 61]. Социальные психологи ищут источники обусловленности модернизационных процессов в росте личностного начала, то есть в изменении «личных, индивидуальных установок, мотиваций, ориентаций отдельных людей» [39, с. 528].

Представление о росте личностного начала связано в теории модернизации с важным (а зачастую и политически ангажированным) вопросом о том, на основе каких ценностей, морально-нравственных норм происходит модернизационный процесс.

⁴ Социология : учебный словарь / под общ. ред. А.О. Бороноева, И.Ф. Кефели. – СПб.: БГТУ, 2009. – С. 72.

Существует точка зрения, согласно которой в ходе модернизации происходит замена традиционных ценностей, враждебных социальному изменению, экономическому росту. И далее в развитие данного постулата теории структурного функционализма, например, опираются на следующие принципы: «а) противопоставление современного общества обществу традиционному, которое рассматривается как препятствие экономическому развитию; б) развитие через эволюционные стадии, весьма похожие для всех обществ; в) потребность стран «третьего мира» в силах, способствующих отходу от традиции; г) как предпочитаемый, так и вероятный результат – общества западного типа, вестернизированные общества»⁵. Появляются термины «запаздывающая», «догоняющая» модернизация. Соответственно в подобном понимании модернизация приобретает достаточно жесткую и деспотичную форму таких глобалистских проектов, как вестернизация и американизация.

Критика подобного понимания модернизации привела к появлению неомодернистских концепций многокультурной модернизации, теории которой отстаивают возможность *перехода от традиционного общества к современному индустриальному с учетом цивилизационной специфики* [16; 19; 26; 31; 41]. Как отмечает И.В. Кутырева, «не существует законов модернизации, по которым все общества развиваются аналогично... Если говорить о социальной модернизации, то следует отметить, что ее основания заключены не только в ценностных ориентациях, но и на более глубоких уровнях, то есть в структурах сознания... В качестве базовых духовных оснований социальной модернизации выступает менталитет» [20, с. 468-469].

⁵ Там же.

Ряд исследователей отмечают, что при отказе от традиционных ценностей одновременно с падением нравственно-культурных характеристик населения происходит кризис социального института семьи, репродуктивное угасание и старение нации [см., напр., 42, с. 462]. Как отмечалось выше, действительно, модернизационные процессы сопровождаются ростом индивидуального развития человека и, как следствие, временным спадом рождаемости, что и наблюдается в современный период. Вопрос заключается в том, насколько глобален этот процесс и при всех ли формах модернизации проявляется. Так, В.Э. Багдасарян отмечает, что при глобализационном варианте развития, идущем вразрез с цивилизационной идентичностью национальных сообществ, снижение уровня рождаемости наблюдается в тех же странах, в которых модернизационный процесс осуществлялся при опоре на традиционные ценности, кризиса репродуктивности не отмечается [1, с. 11-18].

Подобные размышления приводят к переосмыслению соотношения дихотомий «современное – традиционное», «модернизированный – архаичный», «модернизация – архаизация» от их простого противопоставления к более сложному анализу. Современные общественные системы успешно функционируют на основе, в том числе, и существующих в них традиционных элементов [40, с. 170-185], модернизация и традиция выступают в диалектическом взаимодействии, усиливая друг друга, а традиции – и в качестве фактора стабилизации модернизационных процессов.

Существует также точка зрения, что догоняющий вариант модернизации сопровождается архаизацией и кризисом [13, с. 41-42], а процессы модернизации не являются необратимыми и могут

сопровождаться периодами демодернизации и архаизации (неоархаики) [38, с. 3].

Выдвигая тезисы о цивилизационной специфике и отсутствии единых законов и этапов развития модернизационных процессов, исследователи вольно или невольно переходят от рассмотрения влияния фактора времени на модернизационные процессы к фактору пространства. При этом подчеркивается, что региональная модернизация не является аналогом национальной в миниатюре, так же как и модернизация группы стран не является аналогом модернизации отдельной страны в миниатюре [30, с. 105]. По мнению Н.В. Зубаревич, «модернизация быстрее идет там, где лучше условия для диффузии инноваций – выше концентрация населения и его качество, более развита инфраструктура и меньше экономическое расстояние, ниже институциональные барьеры. Необходимость снижения всех трех барьеров пространственного развития очевидна, но они долгосрочны и устойчивы по своему характеру» [12, с. 99].

Вопрос о системе ценностей, соотношении традиции и инноваций встает и в том случае, когда исследователи анализируют вопрос о темпе модернизационных преобразований. Так, например, А. Бек и Э. Гидденс отмечают высокий темп изменений, который приводит к росту рисковенности современного общества [2; 5]. П. Штомпка пишет о травме социальных изменений [39, с. 472-492].

Представления о болезненности, травматичности и рисковенности модернизации актуализируют проблему выгод и издержек, то есть ЦЕНЫ любых социальных процессов, в том числе и модернизационных. И логичным в этом контексте будет вопрос о том, управляемым или спонтанным процессом является модернизация. Так, например, П. Штомпка считает, что

«модернизация не является проявлением, постепенным, спонтанным осуществлением внутренних общественных тенденций, а скорее процессом, задуманным, направленным и стимулированным извне... Модернизацию можно определить как приближение общества через осознанное осуществление определенных намерений, целей и планов к признанной модели современности» [39, с. 527-528]. Идеи о плановости и управляемости модернизации разрабатывает и Хэ Чуаньци [30].

Достаточно противоречивым остается понимание модернизации сквозь призму осмысления процессов в российском обществе и их последствий для современного этапа развития России. Особенно это касается проблем целей, конкретных планов и стратегий, управления и акторов модернизации в конкретный исторический период и конкретной стране — России.

Так, отечественными учеными был критически переосмыслен исторический опыт России в терминологии «ускоренной» или форсированной модернизации как «формы достижения, связанной с актуализацией личных и групповых ресурсов, переопределением иерархии социальных ценностей и предпочтений, наследственностью традиционных форм идентичности» [29, с. 8]. Опыт ускоренной модернизации в сознании россиян якобы ассоциируется «с материальными лишениями и нормированием социальных благ по должностному статусу» [29, с. 22] и следствием этого опыта является групповой эгоизм, который «блокирует усилия по социальной консолидации общества, созданию эффективного государства и продвижению по пути социальной модернизации» [29, с. 3]. Получается, что в результате форсированной модернизации, управляемой (как это и положено), но навязанной россиянину государством,

этот самый россиянин оказывается в проигрыше, он — уставший, вымотанный социальным строительством, он — жертва. Но это ошибка предыдущего периода, а сейчас россиянин нуждается в реализации собственных меркантильных (потребительских) интересов, в заботе, отдыхе, уюте, «слониках на комодке». Групповой эгоизм оправдан, и потреблением нужно «наестся», тем самым потреблением, которое без соответствующей системы ценностей превращается в мещанство, описанное еще в XIX в. А.И. Герценом: «С мещанством стираются личности, но стертые люди сытее; платья дюжинные, не заказные, не по талии, но число носящих их больше. С мещанством стирается красота породы, но растет ее благосостояние» [4, с. 36]. Под влиянием потребительства как ценности в современной России выросло целое поколение, которое вряд ли будет в авангарде модернизации.

В целом развитие теоретических представлений о модернизации привело к ее пониманию как противоречивого и конфликтного процесса [20, с. 468]. Поэтому только часть исследователей считают ее частью процесса социального развития и в целом оценивают ее в позитивном ключе [37, с. 190], а часть — скорее негативно [42, с. 462].

Какую же позицию займет молодежь в современной России? А в масштабах конкретного региона или макрорегиона? В контексте данной статьи мы будем исследовать студенческую молодежь Южного федерального округа. Необходимо отметить особую роль студенчества в когорте молодого поколения. С одной стороны, главной задачей студенчества является получение образования, что несколько дистанцирует ее от других задач, таких как создание семьи, например. Но, с другой стороны, именно дистанцированность

студенчества детерминирует его статусную позицию деятельного субъекта социальных отношений, ориентированного, как и модернизационный проект, на будущее. Участие в этом проекте, на наш взгляд, позволит сформировать молодежи и образ, и конкретную картину будущего. А получение качественного образования повышает возможности бывших студентов в отношении успешного участия в модернизационных процессах.

Для того чтобы выявить специфику задач, стоящих перед молодежью ЮФО, необходимо отметить основные итоги эволюции данного федерального округа Российской Федерации за период 2000–2012 гг. Эти итоги рассчитаны на основе реализации программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (руководители: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева), с использованием методики Центра исследований модернизации АН Китая. Данные по регионам рассчитываются с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда) [более подробно см., напр., 7; 8; 17; 18; 23; 24; 34; 36].

Все регионы ЮФО находятся в стадии первичной модернизации и не вошли в стадию вторичной модернизации. К 2012 г. округ занимает 4-е место среди федеральных округов по сбалансированности модернизационных процессов, 6-е место – по итоговому показателю первичной модернизации, последнее место – по итоговому показателю вторичной и интегрированной модернизации; сохраняется отставание всех индикаторов первичной и вторичной модернизации от среднероссийских. Показатели модернизации округа несколько уступают среднероссийским по индексам трансляции знаний (91,8%

против 93,6%), качества экономики (42,8% против 53,5%), заметно уступают по индексу инновации в знаниях (25,2% против 55,7%), интегрированному индексу сбалансированности модернизации (значение 0,397 против 0,969). Хотя значение последнего показателя повысилось с уровня «ниже среднего» до «среднего». Разница в показателях интегрированного индекса модернизации по округу и стране составляет около 10% (59,1 и 67% соответственно).

Для пяти из шести субъектов ЮФО характерна восходящая мобильность модернизационных состояний. Ростовская область с 2008 г. вошла в фазу первичной модернизации «зрелость» и перешла на более высокий уровень – от типа 2 к типу 3. Краснодарский край с 2005 г. также повышает свое качество процесса первичной модернизации – регион преодолел фазу «традиционный предварительный» и перешел к фазе «ниже срединного», в 2012 г. – к фазе «срединный». Три субъекта – Астраханская и Волгоградская области, Республика Адыгея в 2011 г. вышли из состояния заторможенного роста первичной модернизации: Астраханская и Волгоградская области вошли в стадию «срединный», а Республика Адыгея перешла из стадии «традиционный, предварительный» в стадию «ниже срединного». Республика Калмыкия находится в фазе устойчивой стагнации первичной модернизации – в низшей фазе «традиционный, предварительный». Таким образом, существует системное отставание темпов и качества модернизационных процессов в ЮФО от общероссийских [более подробно см., напр., 7; 8; 17].

Что касается **технико-технологической компоненты модернизации**, то ее сущность состоит в переходе к новым технологическим укладам и связана с состоянием образования и науки в регионе. В этом кон-

тексте представляется важной оценка молодежи макрорегиона состояния системы образования. Некоторые ответы на эти вопросы стало возможно получить на основе анализа результатов всероссийского инициативного социологического исследования⁶.

Образовательная среда является стратегической в обществе знаний, основным капиталом которого становятся интеллект и личностные ресурсы работника. Среди предложенных молодым людям вариантов ответов на вопрос: «А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам?» был и такой – «хорошее образование». Ответы студентов обобщены в итоговый индекс. Значение индекса по этому варианту по всему массиву составило 2,81 балла, по Астрахани – 2,85, по Волгограду – 2,82 балла (при максимально возможном значении 4 балла). Отвечая на вопрос о причинах бедности в российском обществе, молодые люди среди прочих причин указали и на «низкое ка-

чество образования, которое они получают», значение индекса которого в целом по массиву всех опрошенных по России составило 1,99 балла (при максимально возможном значении 4 балла). Вроде бы и не очень много. Но значение этого индекса среди студенческой молодежи двух городов России несколько выше, чем по массиву в целом, и составляет 2,04 балла, причем по Астрахани выше, чем по Волгограду (2,08 против 2,01 балла). Разница с общероссийскими показателями небольшая, но мы помним, что округ отстает по показателям модернизации и больше всего по индексу инновации в знаниях.

При ответе на вопрос о причинах, которые вызвали несправедливое отношение лично к ним, 14,8% опрошенных студентов в целом по России ответили: «Уровень Вашего образования», вместе с тем по городам ЮФО эта цифра несколько больше и составляет 17,8% (и больше опять же за счет ответов астраханцев: 21,8% против, соответственно, 13,8%). Таким образом, мы видим, что студенты осознают значимость образо-

⁶ *Технические параметры исследования:* конкретное социологическое исследование «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» было инициировано и реализовано Российским обществом социологов (РОС). Объект исследования – студенты высших учебных заведений России. Метод сбора информации – анкетирование. Всего опрошено 3964 респондента 71 вуза в 26 городах России. Полевой этап прошел в апреле–мае 2016 г. Полностью технические параметры выполненного исследования представлены на официальном сайте РОС. Южный федеральный округ представлен Волгоградом и Астраханью. В Волгограде опрошено 600 чел. (49,5% девушки и 50,5% юноши), в Астрахани – 300 чел. (57,2 и 42,8%). В Астрахани и Волгограде исследование проводилось под руководством и при непосредственном участии авторов этой статьи. Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на выборочную совокупность либо использоваться как справочные. Однако, как представляется, большой объем выборочной совокупности позволяет сделать вполне обоснованные выводы. Обработка полученных данных проводилась с помощью программного комплекса Vortex (разработчик – Д.В. Шкурин, к.с.н., доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина). Анализ данных включал изучение линейных распределений, шкалирование. Предлагаемые для оценки шкалы были разными: только с положительными числами, с положительными и отрицательными числами. Если респондент положительно оценивает объект в рамках заданной шкалы, его оценка будет приближаться к позитивному полюсу, т. е. иметь числовое выражение в зависимости от интенсивности позитивной оценки. В случае отрицательного оценивания объекта оценка будет смещаться к минусу, принимая числовое выражение в зависимости от интенсивности отрицания. В каждом конкретном случае максимальные и минимальные значения шкалы оговариваются отдельно. Такой вариант шкалы пригоден только в том случае, если полярные признаки (антонимы) имеют четко выраженное положительное или отрицательное значение, как, например, пара признаков «совершенно справедливое» – «совершенно несправедливое». В вопросах, где использование в начертании шкалы знаков «плюс» и «минус» как бы подсказывает респонденту нормативный или желательный ответ, использовались шкалы с положительными числами (как нейтральный по своему выражению) с последующим присвоением различающихся чисел уже на стадии обработки информации.

вания в современную эпоху и недостатки региональной системы образования, снижающие человеческий потенциал молодежи региона. Это особенно ярко проявляется в среднем по численности населения городе Астрахани по сравнению с «миллионником» Волгоградом. Ведь, как показывают исследования, городские системы играют важную роль в экономическом росте и производственном развитии, а соответственно, в темпах и успешности результатов региональной модернизации [30, с. 105].

Региональные различия человеческого потенциала тоже хорошо фиксируются в ответах на вопрос: «Каково образование Ваших родителей?» (табл. 1).

В среднем по двум городам ЮФО существенных отличий от общероссийских результатов нет, но среди отцов студентов Астрахани на 4% больше тех, кто имеет начальное профессиональное образование, по сравнению с отцами студентов Волгограда, на 10% больше отцов со средним техническим образованием, но на 20% меньше – с высшим образованием. По количеству матерей с высшим образованием разница меньше, но также существенна и составляет около 7% не в пользу астраханцев. Матерей с высшим образованием в среднем по двум городам ЮФО практически на 10% больше, чем

среди отцов. Причем среди волгоградцев этой разницы нет, а вот среди астраханцев она составляет 14%. Кроме того, в целом по массиву опрошенных около 2% вообще не знают, каково образование матери, и 7% опрошенных – каково образование отца. Заметим, что по Астрахани эта цифра в два раза больше, чем по Волгограду.

Можно заключить, что результаты исследования фиксируют некоторое отставание системы образования в федеральном округе от общероссийского уровня. Результаты опроса студентов подтверждаются статистическими данными.

Что касается **социоэкономической компоненты модернизации**, то индекс качества экономики свидетельствует о способности региона к реализации в условиях вызовов современности одной из функций социокультурной общности – жизнеобеспечивающей (о функциях региона как социокультурной общности см.: [22]), реализующейся в трудовой деятельности населения. Если вслед за В.Я. Ельмеевым понимать труд как источник прогрессивного развития на основе закона потребительной стоимости, выражающей превышение результатов труда над его затратами, где в качестве потребительной стоимости понимается истинное богатство, приобретение благ, необходимых

Таблица 1. Ответы студентов на вопрос: «Каково образование Ваших родителей?», % от числа опрошенных

Варианты ответов	Отец			Мать		
	Россия	Астрахань	Волгоград	Россия	Астрахань	Волгоград
Начальное, неполное среднее	0,97	0,34	0,89	0,64	1,03	0,22
Среднее общее (средняя школа)	6,68	7,48	5,56	5,68	14,79	5,71
Начальное профессиональное, среднее специальное (ПТУ, СПТУ)	11,55	12,24	8,67	9,26	8,9	7,47
Среднее техническое (техникум)	28,43	32,31	22,44	26,5	26,37	23,96
Неполное высшее (3 курса вуза)	4,18	4,42	4,22	5,5	7,88	6,59
Высшее	38,58	31,63	51,11	48,38	45,55	52,31
Научное – аспирантура, диссертация	2,17	1,36	1,56	2,11	1,71	1,76
Не знаю	7,45	10,2	5,56	1,93	3,77	1,98

для жизни и полезных для социума [9, с. 36], жизнеобеспечивающая функция региона реализуется при социальной полезности результатов труда, их справедливом распределении среди населения региона.

Насколько справедливым считают распределение результатов трудовой деятельности студенты? Или, другими словами, насколько, по их мнению, социально полезны результаты труда? Ответы на вопрос, каковы причины личного обогащения в современной России, обобщены в значении индекса, максимум которого составляет 4 единицы, минимум — 0. Так, вариант «трудолюбие» как причина личного обогащения набрал в целом по массиву 2,85 балла, в среднем по двум городам ЮФО — несколько меньше и составляет 2,74 балла. Разница между ответами астраханцев и волгоградцев в данном случае не существенна (по Астрахани — 2,7 балла, по Волгограду — 2,78 балла). Существенно другое: трудолюбие как причина обогащения не является важнейшей, и по ЮФО она менее важна, чем по России в целом. Это свидетельствует о масштабах отчуждения от результатов трудовой деятельности, которые в большей степени проявлены в ЮФО, чем по России в целом.

Масштабы этого же процесса — отчуждения результатов труда, при котором труд превращается в бесполезную работу, позволяющую не гармонично существовать и всесторонне развиваться, а, скорее, выживать, — можно выявить и на основе результатов ответов студентов на вопрос: «Нас интересует Ваше мнение о том, насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров». Ответы обобщены в итоговый индекс, минимальное значение которого равно «-1», максимальное — «+1». Отрицательное значение индекса означает,

что в ответах студентов преобладают варианты «получает значительно меньше, чем заслуживает» и «получает меньше, чем заслуживает»; положительное — «получает значительно больше, чем заслуживает» и «получает больше, чем заслуживает». Как можно предположить, в идеале оценка труда представителей различных профессий в значении итогового обобщенного индекса должна стремиться к нулю, то есть тогда, когда подавляющее большинство опрошенных выбирают вариант «получает столько, сколько заслуживает». При таких значениях можно сказать, что труд оценивается справедливо.

Как мы видим, в оценках студентов ни одна из представленных профессий не вознаграждается по справедливости (табл. 2). Преобладающим является мнение, что труд оплачивается меньше, чем заслуживает. В этом ряду и хозяин небольшого продуктового магазина, и профессор университета, и рядовой инженер на большом заводе, и хирург высокой квалификации в городской больнице, и дворник, убирающий улицы города, и рабочий на заводе, и врач в поликлинике. И на самом «дне» социальной несправедливости оказывается труд пенсионера, имеющего сорокалетний стаж. Только оценка труда хозяина небольшого продуктового магазина приближается к «идеальной» нулевой отметке справедливости.

Судя по массиву в целом и по ЮФО, министр федерального правительства, рядовой чиновник в местной администрации и руководитель большого завода получают больше, чем заслуживают. При выборе между этими профессиями значения обобщенного индекса отличаются в разы: министр федерального правительства получает в два раза больше, чем заслуживает, чем рядовой чиновник в местной администрации, а рядовой чиновник — соответствен-

Таблица 2. Ответы студентов на вопрос: «Нас интересует Ваше мнение о том, насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров», индексы

Варианты ответов	Единицы административно-территориального деления			
	Россия	ЮФО	Астрахань	Волгоград
Министр федерального правительства	0,626	0,640	0,567	0,714
Рядовой чиновник в местной администрации	0,431	0,475	0,441	0,510
Руководитель большого завода	0,209	0,202	0,191	0,191
Хозяин небольшого продуктового магазина	-0,036	-0,055	-0,068	-0,043
Профессор университета	-0,322	-0,367	-0,374	-0,360
Рядовой инженер на большом заводе	-0,364	-0,384	-0,322	-0,447
Хирург высокой квалификации в городской больнице	-0,398	-0,429	-0,405	-0,453
Дворник, убирающий улицы города	-0,497	-0,481	-0,481	-0,498
Рабочий на заводе	-0,546	-0,549	-0,525	-0,573
Врач в поликлинике	-0,578	-0,642	-0,601	-0,684
Пенсионер, имеющий сорокалетний рабочий стаж	-0,732	-0,730	-0,719	-0,741

но в два раза больше, чем руководитель большого завода. Ответы студентов очень хорошо иллюстрируют их представления о том, какая категория населения больше всего оказывается в выигрыше (причем в несправедливом выигрыше) в последние десятилетия реформирования в современной России.

В ответах студентов ЮФО вырисовывается достаточно четкий макрорегиональный профиль представлений о социальной несправедливости – меньше заслуженного, чем в среднем по стране, в макрорегионе, получают инженер, хозяин магазина, профессор, хирург, врач и дворник, убирающий улицы города. При этом по Астрахани в эту категорию попали хозяин магазина, профессор, хирург и врач; по Волгограду – инженер, хирург, рабочий, врач, хозяин магазина, профессор и пенсионер. Таким образом, волгоградцы более критичны, чем астраханцы.

Больше заслуженного, чем в среднем по стране, по ЮФО, по мнению студентов, получают министр федерального правительства и чиновник местной администрации. В оценке их деятельности, а также руководителя большого завода наиболее

критичны волгоградцы. При этом астраханцы в большей степени считают справедливой оплату руководителя большого завода, чем среднестатистический студент-россиянин и волгоградец, а по мнению и тех, и других, министр федерального правительства работает чуть лучше, чем чиновник местной администрации.

Судя по оценке справедливости оплаты труда семи из одиннадцати представленных социально-профессиональных групп, студенты ЮФО настроены более критично, чем по России в целом. Это свидетельствует об отставании социально-экономической компоненты модернизации в макрорегионе, вызванном во многом искусственным (институциональным) перекачиванием прибавочной стоимости, произведенной на его территории, в другие регионы страны.

Отставание качества экономики приводит к отставанию **социокультурной компоненты модернизации**, так как большая часть добавленной стоимости, полученной от созданных на территории округа продуктов и услуг, не идет на развитие его социальной инфраструктуры и благосостояния населения.

Такая несправедливость в распределении социальных благ находит отражение и в ответах студентов. При ответе на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете, когда размышляете о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве?» – видно, что количество отрицательных эмоций более чем в 2,6 раза превышает количество положительных (табл. 3). При этом по сумме ответов студенты ЮФО проявили в принципе больше эмоций, чем в целом по массиву (176,7% против 168,6% от числа опрошенных), и отрицательных эмоций больше, чем положительных, на 10,8%. И это несмотря на то, что в целом по массиву социально значимая часть опрошенных (12,8% от числа опрошенных) пропустила ответ на этот вопрос. И опять же по ЮФО эта категория на 3,2% меньше. Студенты ЮФО в большей степени, чем в целом по массиву, испытывают раздражение (и больше всего астраханцы), горечь (несколько больше волгоградцы), пессимизм (больше волгоградцы).

Вместе с тем человеческий потенциал астраханцев, несколько сниженный, как мы видели, за счет образования родителей, также является сниженным по сравнению с волгоградцами по уровню доходов родительской семьи. При анализе ответов студентов на вопрос: «К какой категории по уровню доходов относится Ваша родительская семья?» – видно, что среди астраханцев больше на 2% бедных (3,4% против 1,1%), на 7% – «необеспеченных» (18,4% против 11,1%), но меньше на 5% обеспеченных (45,24% против 50,11%) и тоже на 5% – зажиточных (24,5% против 29,9%). Соответственно, лишний раз подтверждается, что чем выше уровень образования, тем выше уровень доходов.

Весьма сложным для оценки с помощью социологического инструментария является анализ состояния **институционно-регулятивной компоненты модернизации**, так как очень мало статистических показателей деятельности социальных институтов власти, а результаты социологических

Таблица 3. Ответы студентов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете, когда размышляете о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве?», % от числа опрошенных

Варианты ответов	Единицы административно-территориального деления			
	Астрахань	Волгоград	ЮФО	Россия
Раздражение	36,47	32,63	34,55	29,38
Отчаяние	27,82	29,81	28,81	27,13
Горечь	23,31	25,59	24,45	22,41
Надежда	22,56	22,77	22,66	21,72
Пессимизм	19,17	20,42	19,79	17,70
Злость	14,29	15,02	14,65	14,81
Безразличие	13,16	10,33	11,74	13,19
Спокойствие	7,89	8,92	8,40	9,80
Оптимизм	5,26	7,28	6,27	5,64
Удовлетворение	2,26	1,41	1,83	3,30
Другие чувства	2,26	1,41	1,83	1,88
Радость	1,88	1,41	1,64	1,65
Отрицательные эмоции	121,06	123,47	122,25	111,43
Положительные эмоции	39,85	41,79	40,82	42,11
Сумма	176,32	177,00	176,66	168,59
Пропущенные	11,33	7,79	9,56	12,76

исследований достаточно трудно однозначно интерпретировать. При ответе студентов на вопрос: «Приходилось ли Вам за последние двенадцать месяцев сталкиваться с проявлением несправедливости по отношению к Вам лично? Как часто это происходило в следующих ситуациях?» – вариант ответа «в общении с местными чиновниками» набрал значение итогового обобщенного индекса по массиву в целом 1,1 балла, тогда как по ЮФО – 1,2 балла. Таким образом, в профиле «личной несправедливости» по ЮФО чиновники являются большим фактором напряженности, чем в среднем по России, и в Астрахани несколько больше, чем по Волгограду (1,23 против 1,19 балла). Мы помним также оценку труда федерального министра и чиновника местной администрации как самую завышенную и несправедливую.

Целью модернизации выступает безопасность страны. Одним из индикаторов эффективности деятельности социальных институтов власти является установление порядка и соблюдение законов для обеспечения безопасности. Но, как показывают результаты опроса среди студентов, в целом по массиву нарушение закона, преступления считаются более значимой причиной приобретения богатства, чем трезвый, разумный образ жизни, наличие талантов и способностей, крепкое здоровье и сила, политика правительства, поощряющая предпринимательство, благоприятствующие законы, везение и развитие экономики (2,33 балла против 2,31; 2,30; 2,10; 2,26; 2,14 и 2,12 балла соответственно). По ЮФО в этот перечень попадает и правильное воспитание в семье, поскольку этот фактор как причина обогащения оценивается несколько ниже, чем нарушения закона, преступления (2,4 балла против 2,3 балла). Причем нарушение закона как причина обогащения более значимо (кри-

тически реалистично?) оценивается волгоградцами (2,5 балла против 2,3 балла). А по ЮФО к нарушениям закона, преступлениям добавляется еще и включенность в криминальные структуры, которая как причина богатства оценивается студентами гораздо выше, чем в целом по России (2,4 балла против 2,2 балла), и волгоградцами выше, чем астраханцами (2,5 балла против 2,3 балла).

Также студенты ЮФО в гораздо меньшей степени, чем в целом по массиву, согласились с утверждением: «В справедливом обществе люди всегда соблюдают законы, даже если считают их неправильными» (0,238 балла против 0,172 балла при максимальном значении индекса один балл), по Волгограду – меньше, чем по Астрахани (0,155 балла против 0,189 балла), а также с утверждением: «В справедливом обществе все острые конфликты и противоречия находят решения в суде» (0,313 балла по массиву в целом против 0,304 балла по ЮФО, причем по Волгограду – гораздо больше, чем по Астрахани (0,36 балла против 0,249 балла). Можно предположить, что астраханец более склонен решать конфликты не в официальной институциональной среде, а в сфере межличностных (первичных) социальных отношений.

Молодым людям было предложено оценить, насколько положительные или отрицательные чувства у них вызывают некоторые слова и выражения в контексте восприятия их как принципов политических программ. Были вычислены индексы отношения к этим словам и выражениям: из количества положительных ответов вычиталось количество отрицательных и делилось на 100. Таким образом, если все ответы положительные, значение индекса равно единице. Среди этих слов нас больше всего интересует слово «модерниза-

ция». Это слово вызывает больше положительных чувств, так как значение индекса по России и ЮФО составляет 0,64 и 0,63 соответственно, хотя и далеко до единицы. Таким образом, при определенных условиях проект под названием «Модернизация» мог бы стать программным образом будущего современной России. Но, как отмечает В.А. Зимин, «сегодня... "образ будущего" России в массовом сознании размыт. Он раздроблен на конкурирующие между собой (и в равной степени слабо подкрепленные научной и идеологической аргументацией) проекты, по большей части воспроизводящие либо прошлый отечественный, либо прошлый зарубежный опыт решения модернизационных задач» [11, с. 18–19]. По мнению Е.И. Пашиной, «государственные рекомендации и призывы к модернизации не обеспечены соответствующими материальными подкреплениями, а работодатели не имеют достаточных мотивов и ресурсов для внедрения наукоемких передовых технологий, развития здоровьесберегающих и экологически безопасных производств» [32, с. 77]. Ряд исследователей подчеркивает, что в реальности модернизационные проекты по жизненно важным для населения показателям приобретают во многих регионах характер квазимодернизации [21, с. 31] и даже демодернизации [15, с. 36].

Как известно, сами по себе цифры молчат, но позволяют по-иному взглянуть на мир, увидеть его глазами других, в нашем случае глазами современных студентов. И их картина мира написана отнюдь не яркими красками: судя по результатам иссле-

дования в целом по массиву опрошенных, уехать из страны хочет каждый четвертый студент. В Южном федеральном округе этот показатель несколько больше за счет ответов астраханцев, среди которых заявляет о своем намерении жить на постоянной основе в другой стране уже каждый третий. Если оценивать миграционные запросы студентов в контексте модернизации, то можно предположить, что уехать из страны стремятся самые активные, то есть авангард модернизации. И одна из главных причин кроется в том, что современная молодежь воспринимает как несправедливое, нелегитимно существующее в России распределение вознаграждений за труд, что является субъективным фактором углубления отчуждения труда, объективными причинами которого служат социально-экономические проблемы: спад производства, снижение уровня благосостояния, низкая цена рабочей силы. По ЮФО эти процессы выражены острее и усугубляются недостатками региональной системы образования, что снижает шансы на выживание и адаптацию в конкретном социальном пространстве региона, не говоря уже об участии в модернизационных проектах.

Таким образом, существуют два феномена, социальная ценность которых во многом заключается в их направленности на перспективу, в будущее, — молодежь и модернизация. Но векторы этой направленности у современной российской молодежи и модернизационных проектов страны — разные, что требует корректировки молодежной политики.

Литература

1. Багдасарян, В.Э. К вопросу о формировании теории демографической вариативности как новой объяснительной модели демографических процессов / В.Э. Багдасарян. — М.: Научный эксперт, 2006. — 40 с.
2. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек // THESIS. — 1994. — № 5. — С. 161-168.

3. Бурдьё, П. Социология политики [Электронный ресурс] / П. Бурдьё. — М.: Logos, 1993. — Режим доступа : <http://bourdieu.name/content/sociologija-politiki> (дата обращения 5.05. 2016).
4. Герцен, А.И. Концы и начала / А.И. Герцен // Интеллигенция — власть — народ. Русские источники современной социальной философии (антология). — М., 1992. — С. 26-45.
5. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. — 1994. — № 5. — С. 107-134.
6. Гуляихин, В.Н. Вхождение российской молодежи в общественно-правовую жизнь: роль правовой социализации [Электронный ресурс] / В.Н. Гуляихин // NB: Вопросы права и политики. — 2013. — № 11. — С. 88–104. — Режим доступа : http://e-notabene.ru/Ir/article_9698.htmlhttp://e-notabene.ru/Ir/article_9698.html (дата обращения: 30.09.2016).
7. Дулина, Н.В. Между заторможенным ростом и развитием модернизации регионов. Южный федеральный округ / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова // Социологические исследования. — 2015. — № 3. — С. 22-29.
8. Дулина, Н.В. Социокультурная модернизация регионов южного федерального округа: преимущества, проблемы, вызовы [Текст] / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова // Дыльновские чтения «Российская идентичность: состояние и перспективы»: материалы научно-практической конференции. — Саратов, 2015. — С. 262-267.
9. Ельмеев, В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии / В.Я. Ельмеев. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. — 576 с.
10. Ельмеев, В.Я. «Я был и остаюсь сторонником материализма в социологии»: интервью / В.Я. Ельмеев // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2007. — Т. 10. — № 2 (39). — С. 5-19.
11. Зимин, В.А. Формирование политико-культурного контекста постсоветской модернизации: автореф. дис. ... д-ра политич. наук по специальности 23.00.01 — теория и философия политики, история и методология политической науки / В.А. Зимин. — Саратов, 2013. — 50 с.
12. Зубаревич, Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н.В. Зубаревич. — М.: Независимый ин-т социальной политики, 2010. — 160 с.
13. Ивченков, С.Г. Деятельность П.А. Столыпина в контексте российской модернизации [Текст] / С.Г. Ивченков // Дыльновские чтения «Повседневная жизнь россиян : социологический дизайн»: материалы научно-практической конференции. — Саратов: Наука, 2014. — С. 41-45.
14. Иконникова, С.И. Молодежь о себе, о своих сверстниках (социологическое исследование) / С.И. Иконникова, В.Т. Лисовский. — Л.: Лениздат, 1969. — 136 с.
15. Имгрунт, И.И. Политическая элита как актор модернизации российского общества: субъектные характеристики и эффективность социальных практик : автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.04 — социальная структура, социальные институты и процессы / И.И. Имгрунт. — Ростов-на-Дону, 2013. — 56 с.
16. Инглхарт, Р. Модернизация и постмодернизация [Электронный ресурс] / Р. Инглхарт. — Режим доступа : http://iir-mp.narod.u/books/inozemcev/page_1261.html (дата обращения: 2.06. 2011).
17. Каргаполова, Е.В. Механизмы модернизации и социальная безопасность / Е.В. Каргаполова, А.Ю. Арясова // Философские науки. — 2012. — № 8. — С. 63-75.
18. Когай, Е.А. Два тренда первичной модернизации регионов. Центральное Черноземье / Е.А. Когай, А.А. Когай // Социологические исследования. — 2015. — № 3. — С. 37-44.
19. Красильщиков, В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века / В.А. Красильщиков // Вопросы философии. — 1993. — № 7. — С. 40-56.
20. Кутырева, И.В. Коммуникативные практики в современном контексте [Текст] / И. В. Кутырева // Дыльновские чтения «Повседневная жизнь россиян : социологический дизайн»: материалы научно-практической конференции. — Саратов: Наука, 2014. — С. 467-470.
21. Лапин, Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии / Н.И. Лапин // Социологические исследования. — 2016. — № 5. — С. 23-34.
22. Лапин, Н.И. Регион: его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования / Н.И. Лапин // Социологические исследования. — 2006. — № 8. — С. 25-34.
23. Лапин, Н.И. Несбалансированность процессов модернизации регионов. Центральный федеральный округ. Центральный район ЦФО / Н.И. Лапин, Н.А. Касавина // Социологические исследования. — 2015. — № 3. — С. 29-36.

24. Ласточкина, М.А. Устойчивая разновекторность модернизации Северо-Западного федерального округа / М.А. Ласточкина // Социологические исследования. – 2015. – № 2 (370). – С. 49-55.
25. Лиходей, О.А. Жизненные ценности «поколения непохожих» // Научные труды кафедры культурологии и глобалистики (к 20-летию кафедры) / О. А. Лиходей. – СПб. : Бал. гос. техн. ун-т, 2009. – С. 102-111.
26. Мартинелли, А. Глобальная модернизация: переосмысляя проект современности / А. Мартинелли. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 260 с.
27. Пределы роста: доклад по проекту Римского клуба / Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз и др. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 312 с.
28. Морозова, Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона : дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.08 – социология управления [Электронный ресурс] / Т. И. Морозова. – Белгород, 2013. – 459 с. – Режим доступа : <http://www.dslib.net/sociologia-upravlenia/regulirovanie-processov-samoorganizacii-molodezhi-v-sociokulturnom-prostranstve.html> (дата обращения: 02.08.2016).
29. Нечушкин, А.Р. Групповой эгоизм в российском обществе: социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.04 – социальные структуры, социальные институты и процессы / А.Р. Нечушкин. – Ростов-на-Дону, 2007. – 46 с.
30. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.
31. Паин, Э.А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. – 2009. – № 6. – С. 37-54.
32. Пашинина, Е.И. Региональные ресурсы управления профессиональными и экологическими рисками / Е.И. Пашинина // Дыльновские чтения «Повседневная жизнь россиян : социологический дизайн»: материалы научно-практической конференции. – Саратов: Наука, 2014. – С. 72-78.
33. Пшишок, А.А. Норма и девиация в молодежной субкультуре: проблемы социализации в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук по специальности 22.00.06 – социология культуры [Электронный ресурс] / А.А. Пшишок. – Майкоп, 2012. – 25 с. – Режим доступа : <http://www.dslib.net/sociologia-kultury/norma-i-deviacija-v-molodezhnoj-subkulture-problemy-socializacii-v-sovremennoj.html> (дата обращения: 1.08.2016).
34. Ромашкина, Г.Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа / Г.Ф. Ромашкина // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 19-26.
35. Стризое, А.Л. Адаптация человека к процессам модернизации / А.Л. Стризое // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – № 3. – С. 60-67.
36. Тарасов, В.Т. Неравномерность модернизации регионов Приволжского федерального округа / В.Т. Тарасов, И.И. Бойко, В.Г. Харитонов // Социологические исследования. – 2015. – №1. – С. 11-19.
37. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. – М.: Медиа-Пресс, 2013. – 664 с.
38. Хачатурян, В.М. Феномен архаизации в культурной динамике : автореф. дис. ... д-ра культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры / В.М Хачатурян. – М., 2011. – 30 с.
39. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка; пер. с пол. С.М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
40. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; пер. с англ. / под ред. В.А. Ядова. – М.: Наука, 1996. – 416 с.
41. Эйзенштадт, Ш. Новая парадигма модернизации / Ш. Эйзенштадт // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 470-479.
42. Ястребова, А.А. Социальные проблемы современной семьи [Текст] / А.А. Ястребова // Дыльновские чтения «Повседневная жизнь россиян : социологический дизайн»: материалы научно-практической конференции. – Саратов: Наука, 2014. – С. 461-465.

Сведения об авторах

Надежда Васильевна Дулина – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой, Волгоградский государственный технический университет (Российская Федерация, 400005, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 28; e-mail: nv-dulina@yandex.ru)

Екатерина Владимировна Каргаполова – доктор социологических наук, профессор, Астраханский государственный архитектурно-строительный университет (Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 18; e-mail: k474671@list.ru)

Александр Леонидович Стризов – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой, Волгоградский государственный технический университет (Российская Федерация, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100; e-mail: strizoe@yandex.ru)

Dulina N.V., Kargapolova E.V., Strizoe A.L.

Young People in Modernization Processes: Assessment of the State of Affairs (Case Study of Southern Federal District Regions)

Abstract. The article considers the issues concerning the inclusion of modern Russian youth in the processes of modernization; the study is based on the analysis of the results of a sociological research carried out using questionnaires. Modernization in the broadest theoretical terms is understood as a comprehensive and manageable process of renewal of the social system, its approximation to a qualitatively new state on the basis of deep civilizational changes with the aim of improving living conditions. In this case the specific and long-established features of the value system of specific regions are investigated as the most important resource of modernization projects. It is shown that there exists a system lag in the pace and quality of modernization processes in the regions of the Southern Federal District of Russia, as recorded in the statistics and responses of the representatives of the young generation of the macro region. The reason for this situation lies in the scale of alienation from the results of labor activity that are more clearly seen in the Southern Federal District than in Russia as a whole, and this is largely caused by the artificial (institutional) pumping of surplus value produced in its territory to other regions of the country. A large part of the added value obtained from the products and services produced in the district is not allocated to the development of its social infrastructure (in particular, education) and people's welfare. Under certain conditions, the project called "Modernization" could become a program image of the future of modern Russia; this idea is registered in the answers of modern students. But in reality, in many regions, modernization projects on the indicators vital for the population acquire a character of quasi-modernization or even de-modernization. This is reflected in the high migration request of students, which in the Southern Federal District is higher than that in the amount of respondents in Russia as a whole. Thus, there exist two phenomena, the social value of which consists largely in their focus on the future – youth and modernization. But the vectors of this orientation among modern Russian youth and modernization projects of the country are different, which requires adjustment of youth policy.

Key words: modernization, youth, students, social processes, region, federal district, Southern Federal District, values.

References

1. Bagdasaryan V.E. *K voprosu o formirovanii teorii demograficheskoi variativnosti kak novoi ob'yasnitel'noi modeli demograficheskikh protsessov* [Revisiting the formation of the theory of demographic variability as a new explanatory model of demographic processes]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2006. 40 p. (In Russian).

2. Beck U. Ot industrial'nogo obshchestva k obshchestvu riska [From industrial society to risk society]. *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 161–168. (In Russian).
3. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [The political sociology]. Moscow: Logos, 1993. Available at: <http://bourdieu.name/content/sociologija-politiki> (accessed 5.05.2016). (In Russian).
4. Herzen A.I. Kontsy i nachala [Ends and beginnings]. *Intelligentsiya – vlast' – narod. Russkie istochniki sovremennoi sotsial'noi filosofii (antologiya)* [Intelligentsia – Power – People. Russian Sources of Modern Social Philosophy: anthology]. Moscow, 1992. Pp. 26–45. (In Russian).
5. Giddens A. Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, risk and security]. *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 107–134. (In Russian).
6. Gulyaikhin V.N. Vkhozhdenie rossiiskoi molodezhi v obshchestvenno-pravovuyu zhizn': rol' pravovoi sotsializatsii [The entry of Russian youth in social and legal life: the role of legal socialization]. *NB: Voprosy prava i politiki* [NB: Matters of law and policy], 2013, no. 11, pp. 88–104. Available at: http://e-notabene.ru/Ir/article_9698.html (accessed: 30.09.2016). (In Russian).
7. Dulina N.V., Kargapolova E.V. Mezhdz zatormozhennym rostom i razvitiem modernizatsii regionov. Yuzhnyi federal'nyi okrug [Between the inhibited growth and development of regions. Southern Federal District]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 3, pp. 22–29. (In Russian).
8. Dulina N.V., Kargapolova E.V. Sotsiokul'turnaya modernizatsiya regionov yuzhnogo federal'nogo okruga: preimushchestva, problemy, vyzovy [Socio-cultural modernization of the Southern Federal District: advantages, problems and challenges]. *Dyl'novskie chteniya "Rossiiskaya identichnost': sostoyanie i perspektivy": materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Dyl'nov readings "Russian identity: status and prospects": proceedings of the scientific-practical conference]. Saratov, 2015. Pp. 262–267. (In Russian).
9. El'meev V.Ya. *Sotsial'naya ekonomiya truda: obshchie osnovy politicheskoi ekonomii* [Social saving of labor: general principles of political economy]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2007. 576 p. (In Russian).
10. El'meev V.Ya. "Ya byl i ostayus' storonnikom materializma v sotsiologii": interv'y u ["I was and remain a supporter of materialism in sociology": an interview]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2007, vol. 10, no. 2 (39), pp. 5–19. (In Russian).
11. Zimin V.A. *Formirovanie politiko-kul'turnogo konteksta postsovetsoi modernizatsii: avtoref. dis. ... d-ra politich. nauk po spetsial'nosti 23.00.01 – teoriya i filosofiya politiki, istoriya i metodologiya politicheskoi nauki* [The formation of political and cultural context of post-Soviet modernization: Doctor of Political Sciences dissertation abstract]. Saratov, 2013. 50 p. (In Russian).
12. Zubarevich N.V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia: inequality, crisis, modernization]. Moscow: Nezavisimy in-t sotsial'noi politiki, 2010. 160 p. (In Russian).
13. Ivchenkov S.G. Deyatel'nost' P.A. Stolypina v kontekste rossiiskoi modernizatsii [The work of P.A. Stolypin in the context of Russian modernization]. *Dyl'novskie chteniya "Povsednevnyaya zhizn' rossiyan: sotsiologicheskii dizain": materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Dyl'nov readings "Everyday life of Russians: sociological design": proceedings of a scientific-practical conference]. Saratov: Nauka, 2014. Pp. 41–45. (In Russian).
14. Ikonnikova S.I., Lisovskii V.T. *Molodezh' o sebe, o svoikh sverstnikakh (sotsiologicheskoe issledovanie)* [Young people about themselves, about their peers (a sociological study)]. Leningrad: Lenizdat, 1969. 136 p. (In Russian).
15. Imgrunt I.I. *Politicheskaya elita kak aktor modernizatsii rossiiskogo obshchestva: sub'ektnye kharakteristiki i effektivnost' sotsial'nykh praktik: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk po spetsial'nosti 22.00.04 – sotsial'naya struktura, sotsial'nye instituty i protsessy* [Political elite as an actor in the modernization of Russian society: subjective characteristics and efficiency of social practices: Doctor of Sociology dissertation abstract]. Rostov-on-Don, 2013. 56 p. (In Russian).
16. Inglehart R. *Modernizatsiya i potsmodernizatsiya* [Modernization and postmodernization]. Available at: http://iir-mp.narod.u/books/inomezcev/page_1261.html (accessed: 2.06. 2011). (In Russian).
17. Kargapolova E.V., Aryasova A.Yu. Mekhanizmy modernizatsii i sotsial'naya bezopasnost' [Mechanisms of modernization and social security]. *Filosofskie nauki* [Issues of philosophy], 2012, no. 8, pp. 63–75. (In Russian).
18. Kogai E.A., Kogai A.A. Dva trenda pervichnoi modernizatsii regionov. Tsentral'noe Chernozem'e [Two trends in the primary modernization of regions. The Central Chernozem region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 3, pp. 37–44. (In Russian).
19. Krasil'shchikov V.A. Modernizatsiya i Rossiya na poroge XXI veka [Modernization and Russia on the threshold of the 21st century]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 1993, no. 7, pp. 40–56. (In Russian).

20. Kutyreva I. V. Kommunikativnye praktiki v sovremennom kontekste [Communicative practices in contemporary context]. *Dyl'novskie chteniya "Povsednevnyaya zhizn' rossiyan: sotsiologicheskii dizain": materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Dyl'nov readings "Everyday life of Russians: sociological design": proceedings of a scientific-practical conference]. Saratov: Nauka, 2014. Pp. 467–470. (In Russian).
21. Lapin N.I. Gumanisticheskii vybor naseleniya Rossii i tsentry vnimaniya rossiiskoi sotsiologii [Humane choice of Russia's population and the centers of attention of Russian sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2016, no. 5, pp. 23–34. (In Russian).
22. Lapin N.I. Region: ego status i funktsii v rossiiskom obshchestve: teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya [Region: its status and functions in Russian society: theoretical and methodological foundations of the research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2006, no. 8, pp. 25–34. (In Russian).
23. Lapin N.I., Kasavina N.A. Nesbalansirovannost' protsessov modernizatsii regionov. Tsentral'nyi federal'nyi okrug. Tsentral'nyi raion TsFO [Imbalance between modernization processes in the regions. The Central Federal District. Central region of the Central Federal District]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 3, pp. 29–36. (In Russian).
24. Lastochkina M.A. Ustoichivaya raznovektornost' modernizatsii Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga [Sustainable multi-vector nature of modernization in the Northwestern Federal district]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 2 (370), pp. 49–55. (In Russian).
25. Likhodei O.A. Zhiznennye tsennosti "pokoleniya nepokhozhikh" [Life values of the "generation of the different"]. In: *Nauchnye trudy kafedry kul'turologii i globalistiki (k 20-letiyu kafedry)* [Scientific papers of the Department of Cultural and Global Studies (commemorating the 20th anniversary of the Department)]. Saint Petersburg: Bal. gos. tekhn. un-t, 2009. Pp. 102–111. (In Russian).
26. Martinelli A. *Global'naya modernizatsiya: pereosmyslyaya proekt sovremennosti* [Global Modernization: Rethinking the Project of Modernity]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2006. 260 p. (In Russian).
27. Meadows D.H., Meadows D.L. et al. *Predely rosta: doklad po proektu Rimskogo kluba* [The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind]. Moscow: Izd-vo MGU, 1991. 312 p. (In Russian).
28. Morozova T.I. *Regulirovanie protsessov samoorganizatsii molodezhi v sotsiokul'turnom prostranstve regiona: dis. ... d-ra sotsiol. nauk po spetsial'nosti 22.00.08 – sotsiologiya upravleniya* [Regulation of processes of self-organization of youth in the socio-cultural environment of the region: Doctor of Sociology dissertation]. Belgorod, 2013. 459 p. Available at: <http://www.dslib.net/sociologia-upravleniya/regulirovanie-processov-samoorganizatsii-molodezhi-v-sociokulturnom-prostranstve.html> (accessed: 02.08.2016). (In Russian).
29. Nechushkin A.R. *Grupповой egoizm v rossiiskom obshchestve: sotsiologicheskii analiz: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk po spetsial'nosti 22.00.04 – sotsial'nye struktury, sotsial'nye instituty i protsessy* [Group selfishness in the Russian society: sociological analysis: Doctor of Sociology dissertation]. Rostov-on-Don, 2007. 46 p. (In Russian).
30. He Chuanqi (Editor-in-Chief). *Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010)* [China Modernization Report Outlook]. Translated from English, under the general editorship of N.I. Lapin. Moscow: Ves' Mir, 2011. 256 p. (In Russian).
31. Pain E.A. Mnogokul'turnaya modernizatsiya: evolyutsiya teoreticheskikh vzglyadov [Multi-Cultural Modernization: Evolution of Theoretical Approaches]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2009, no. 6, pp. 37–54. (In Russian).
32. Pashinina E.I. Regional'nye resursy upravleniya professional'nymi i ekologicheskimi riskami [Regional resources in the management of professional and environmental risks]. *Dyl'novskie chteniya "Povsednevnyaya zhizn' rossiyan: sotsiologicheskii dizain": materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Dyl'nov readings "Everyday life of Russians: sociological design": proceedings of a scientific-practical conference]. Saratov: Nauka, 2014. Pp. 72–78. (In Russian).
33. Pshishok A.A. *Norma i devyatsiya v molodezhnoi subkul'ture: problemy sotsializatsii v sovremennoi Rossii: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk po spetsial'nosti 22.00.06 – sotsiologiya kul'tury* [Norm and deviation in youth subculture: socialization issues in modern Russia: Ph.D. in Sociology dissertation abstract]. Maikop, 2012. 25 p. Available at: <http://www.dslib.net/sociologia-kul'tury/norma-i-devyaciya-v-molodezhnoj-subkul'ture-problemy-socializatsii-v-sovremennoj.html> (accessed: 1.08.2016). (In Russian).
34. Romashkina G.F. Protsessy modernizatsii v regionakh Ural'skogo federal'nogo okruga [Modernization processes in the regions of the Ural Federal district]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 1, pp. 19–26. (In Russian).

35. Strizoe A.L. Adaptatsiya cheloveka k protsessam modernizatsii [Adaptation of man to the processes of modernization]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – Ser. 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Bulletin of Volgograd State University. Series 7. Philosophy, sociology and social technology], 2012, no. 3, pp. 60–67. (In Russian).
36. Tarasov V.T., Boiko I.I., Kharitonova V.G. Neravnomernost' modernizatsii regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga [Unevenness of regions of the Volga Federal District]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 1, pp. 11–19. (In Russian).
37. *Fundamental'nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: mezhdistsiplinarnyi sintez* [Fundamental problems of spatial development of the Russian Federation: an interdisciplinary synthesis]. Moscow: Media-Press, 2013. 664 p. (In Russian).
38. Khachatryan V. M. *Fenomen arkhazatsii v kul'turnoi dinamike: avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii po spetsial'nosti 24.00.01 – teoriya i istoriya kul'tury* [Phenomenon of archaism in the cultural dynamics: Doctor of Culture Studies dissertation abstract]. Moscow, 2011. 30 p. (In Russian).
39. Sztompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. The analysis of modern society]. Translated from Polish by S.M. Chervonnaya. Moscow: Logos, 2005. 664 p. (In Russian).
40. Shtompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [Sociology of social change]. Translated from English; ed by V.A. Yadov. Moscow: Nauka, 1996. 416 p. (In Russian).
41. Eizenstadt S. Novaya paradigma modernizatsii [A new paradigm of modernization]. In: *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii: khrestomatiya* [Comparative Study of Civilizations: Anthology]. Moscow: Aspekt Press, 1998. pp. 470–479. (In Russian).
42. Yastrebova, A. A. Sotsial'nye problemy sovremennoi sem'i [Social problems of the modern family]. *Dyl'novskie chteniya "Povsednevnyaya zhizn' rossiyan: sotsiologicheskii dizain": materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Dyl'nov readings "Everyday life of Russians: sociological design": proceedings of a scientific-practical conference]. Saratov: Nauka, 2014. Pp 461–465. (In Russian).

Information about the Authors

Nadezhda Vasil'evna Dulina – Doctor of Sociology, Professor, Department Head, Volgograd State Technical University (28, Lenin Avenue, Volgograd, 400005, Russian Federation, nv-dulina@yandex.ru)

Ekaterina Vladimirovna Kargapolova – Doctor of Sociology, Professor, Astrakhan State University of Architecture Civil Engineering (18, Tatishchev Street, Astrakhan, 414056, Russian Federation, k474671@list.ru)

Aleksandr Leonidovich Strizoe – Doctor of Philosophy, Professor, Department Head, Volgograd State Technical University (100, Universitetsky Avenue, Volgograd, 400005, Russian Federation, strizoe@yandex.ru)

Статья поступила 19.09.2016.

DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.8

УДК 304.444, ББК 60.028

© Молодов О.Б., Каминский В.С.

Теоретико-методологические подходы к исследованию социальной реальности

**Олег Борисович
МОЛОДОВ**

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: o_young8172@mail.ru

**Вадим Сергеевич
КАМИНСКИЙ**

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: fbcde56b@yandex.ru

Аннотация. Происходящие в России процессы настоятельно требуют поиска новых моделей устройства и социального развития. В условиях продолжающегося кризиса государство и общество должны решать общую для них задачу качественного изменения жизни в стране, развития экономики и социальной сферы. В связи с этим актуальным становится исследование социальной реальности. Цель настоящей работы – анализ основных подходов к понятию, сущности и способам формирования социальной реальности, выступающей объектом изучения социальной философии и социологии. Философские подходы к сущности и конструированию социальной реальности, заложенные европейскими мыслителями XIX–XX вв., по-разному отражают суть данного феномена. Особенностью современного мира является возрастающее значение вир-

Для цитирования: Молодов, О.Б. Теоретико-методологические подходы к исследованию социальной реальности / О.Б. Молодов, В.С. Каминский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 150-163. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.8

For citation: Molodov O.B., Kaminskii V.S. Theoretical and methodological approaches to studying social reality. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, issue 10, no. 2, pp. 150-163. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.8

туальной реальности, возможности которой активно используются для формирования общественного сознания. Как показал анализ, для глубокого социологического изучения социальной реальности необходимо использовать достижения всех философских школ и подходов. Без их интеграции картина социальной реальности будет односторонней, что не позволит применять результаты исследования для эффективного управления обществом.

Ключевые слова: реальность, социальная реальность, виртуальная реальность, структура социальной реальности, теоретико-методологические подходы.

Происходящие в современной России и мире процессы настоятельно требуют поиска новых моделей обустройства и развития различного рода социумов. Регулирование этих процессов становится возможным при условии их научного исследования, реализации эффективного общественного контроля, а также осуществления связи между объектом и субъектом социального управления. В ситуации продолжающегося кризиса государство и общество должны решить общую для них задачу достижения качественного изменения жизни в стране, её экономики, социальной и духовно-культурной сфер [1, с. 100].

Динамизм и сложность современного мира, наполняющегося виртуальными элементами, предоставляющего невиданные возможности конструирования социальной реальности, управления социальными процессами, открывающего новые горизонты социальных возможностей и социального прогресса, требует глубоких знаний относительно социальной реальности, предстающей перед людьми как результат и цель их социальных действий [26, с. 5]. В связи с этим всестороннее исследование социальной реальности становится актуальным вопросом для современной науки — социальной философии и социологии.

Целью настоящей работы является анализ основных подходов к сущности и определению социальной реальности, способам её формирования в современном мире.

Понятие социальной реальности. Понятие «социальная реальность» сравнительно недавно вошло в обиход гуманитарных наук и используется в основном в отечественной социальной философии, социологии и междисциплинарных исследованиях, выполненных на стыке этих наук. В научный дискурс его ввёл основоположник феноменологической социологии Альфред Шюц в 1952 году. Однако термин «социальная реальность» в современной научной литературе до сих пор не имеет чётко определённого значения и довольно часто используется исследователями в качестве синонима таких терминов, как «социальное бытие», «социальная жизнь», «социум», «общество», «социальная действительность» [32].

Социальная реальность — это всё то, что создано человеком и является объективированным результатом его субъективной деятельности. С самого зарождения социологии как науки в ней существуют два противоположных подхода к пониманию общества: оно либо концептуализируется как развивающееся по объективным законам, которые, подобно законам природы, могут являться предметом научного изучения всей человеческой деятельности, либо, напротив, трактуется как поле хаотического действия «стихийных сил» [23, с. 8–9]. Как отмечает Г.В. Осипов, «социальная реальность — это не нечто, данное человеку из потустороннего мира, а продукт его

собственной деятельности. Всё то позитивное и негативное, что характеризует социальную реальность, является результатом социальных действий людей... Законы общественного развития действуют в той объективной реальности, которую создал человек» [23, с. 9].

В более узком, социологическом, смысле социальная реальность – это определённый аспект, свойство общественного бытия, непосредственно связанное с явлениями и процессами человеческого взаимодействия на различных уровнях.

Наиболее узкий смысл предполагает рассмотрение социальной реальности в качестве социума, когда она не сводится ни к одной из сфер общественной жизни, а присутствует в них в виде общих форм взаимодействия людей [20, с. 129].

Роль термина «социальная реальность» заключается в передаче, фиксации именно современного состояния социальности, отличающегося переходным характером, коммуникативной непредсказуемостью, отсутствием социального порядка и стабильности [12, с. 115].

Для философского понимания реальности важно её рассмотрение не только в статическом, зафиксированном во времени состоянии, но и в динамике, в раскрытии механизмов и детерминант её изменения [10, с. 232].

В философской науке нового и новейшего времени можно выделить три способа интерпретации социальной реальности.

1. Классический тип философствования (XVII–XIX вв.) определяет её как трансцендентную реальность.

2. Феноменологическая философия и социология (Э. Гуссерль, А. Шюц) понимают её как имманентную реальность.

В основе феноменологического подхода к пониманию природы социальной реальности, абсолютизирующего её субъектив-

ный аспект, лежит философская теория Э. Гуссерля. По мнению сторонников данной концепции, социальная реальность в обществе не обладает объективным, автономным бытием, а создаётся в ходе коллективного общения между людьми и является совместным внутренним, духовным опытом индивидов.

3. Позднеклассическая философия (постмодернизм) рассматривает её как виртуальную реальность [19, с. 125].

Основополагающим методологическим требованием каждого из типов философствования является возможность получения истинного знания и освобождения от заблуждения и искажения (иллюзорности) реальности, поиск источника иллюзорных форм реальности.

Классическая философия в качестве необходимого условия адекватного протекания процесса познания выдвигает исключение субъективных характеристик реальности. В то же время модель классической науки трактует социальную реальность как изначальную данность, то есть в качестве объекта [7, с. 133]. В рамках этого учения объективное противопоставляется субъективному (индивидуальному, кажущемуся), не зависит от воли субъекта. Методом познания объективной реальности является наблюдение за внешним миром и измерение его сущностных параметров с целью установления устойчивых тенденций и закономерностей [24, с. 178].

В зависимости от типа объективности выделяются три уровня бытия:

- уровень объективной реальности;
- уровень субъективной реальности;
- уровень трансцендентной реальности.

Под первым понимают те свойства и характеристики бытия, которые не зависят от объекта, их воспринимающего или осязающего. Это могут быть как природные, так

и социальные объекты [3, с. 167]. Второй уровень образован объективированными сознанием и волей людей объектами — вещами, явлениями и процессами, имеющими производный характер. По М. Веберу, это «заколдованная реальность», культура, в которой воплощены как духовные, так и вещественные ценности, отражающие первичную реальность [6, с. 212]. Однако, будучи созданной людьми, она способна выступать как чуждая по отношению к ним, навязанная извне сила.

Третий уровень включает трансцендентные объекты, находящиеся вне пространства и времени, недоступные для восприятия и осознания, не познаваемые с помощью научного знания или здравого смысла (например, проявления религиозного фанатизма).

Исследователями выделяются главные значения понятия «социальная реальность».

Во-первых, онтологическое значение, когда она представляет собой все объективно существующие социальные явления и процессы. Важно учитывать, что в современном обществе постоянно происходит процесс взаимоперехода субъективных явлений в объективные. Различные идеи и образы науки, искусства и религии, будучи опредмеченными, становятся явлениями объективного характера, воплощаются посредством человеческой деятельности в реальной действительности [15; 25].

Во-вторых, гносеологическое значение, близкое по смыслу к понятию «жизнь». В данном случае она понимается как духовно и практически освоенный человеком мир общественных взаимосвязей как со стороны объективного, закономерного, сущностного, так и случайного, субъективного [10, с. 237].

В современный период происходят изменения представлений о характере и природе социальной реальности. Она уже не

представляется как некая гомогенная структура, которая при всей своей многогранности и многоаспектности детерминруется единым центром или движущей силой. Принцип методологического плюрализма предполагает, что природа социальной реальности, несмотря на то что в ней заложены некоторые социокультурные универсалии, является гетерогенной и структурно разнообразной [11].

Для социально-философской рефлексии сущности социальной реальности используются различные подходы и методы.

Антропологический подход рассматривает человека в качестве главного критерия создаваемых моделей коммуникации и социальных конструктов. Он позволяет обосновывать микроуровень исследования, изучать социальные межсубъектные связи в общественной системе.

Социокультурный подход представляет собой взгляд на общество как выражение единства культуры и социальности.

Системно-структурный подход отличается целостностью анализа и позволяет видеть в социальной жизни систему, где все аспекты тесно связаны друг с другом.

Деятельностный подход даёт понимание того, что смысл понятий и человеческих представлений порождается характером деятельности и выступает как результат процессов её опредмечивания и распределмечивания.

Функциональный подход в изучении социокультурных феноменов позволяет рассмотреть функции явлений и процессов как системных единиц по отношению к обществу как целостной системе.

Семиотический подход значим тем, что представляет социальную реальность и информационное общество в качестве символически создаваемых индивидом систем, в которых находят яркое выражение различные символы и знаки.

С позиции *синергетического подхода* важным становится изучение закономерностей эволюции сложных динамических систем и их самоорганизации.

Феноменологический метод позволяет рассматривать анализируемые объекты и структуры в качестве «феноменов», значенных, конституированных деятельностью человеческого разума.

Экзистенциальный метод может рассматривать социальную реальность как сменяющиеся друг друга состояния [8, с. 64-65].

Социальная реальность представляет собой многомерный феномен, который лучше всего концептуализируется в виде двух пересекающихся континуумов: субъективно-объективного и микро-макро. Она является объективацией субъективных действий людей, а вместе с тем непредвиденным последствием совокупных действий множества индивидов, каждый из которых действует в своих интересах [23, с. 17], воплощением творческой деятельности людей [22].

В истории философии сформировались различные теоретические подходы к вопросу об источниках изменения социальной реальности, которые можно свести к двум обобщённым позициям. Первая трактует социальные изменения как объективацию духовных смыслов, следствия воздействия культурологических факторов. В частности, М. Вебер объяснял становление капиталистической экономики изменениями религиозно-этических установок. Вторая позиция содержится в марксистско-ленинской философии, связывающей источник социальных изменений с неидеальными факторами, в основном — с противоречиями между производительными силами и производственными отношениями [10, с. 232].

Представители позитивистской социологии близки к отождествлению реально-

сти и социальности, которую понимают как объективную социальную структуру или как социальные функции.

Антипозитивистские тенденции в социальной философии выдвигаются представителями франкфуртской школы в попытке преодолеть различие субъекта и объекта в социальном познании и социальной деятельности [9, с. 6].

В рамках антропологического направления в осмыслении социальной реальности подчёркивается особая роль культуры и субъективного мира человека в формировании реальности.

Э. Гуссерль, П. Бергер, Т. Лукман, А. Шюц рассматривают конструирование социальной реальности как процесс, состоящий из формирования донаучного жизненного опыта и научных теорий.

Современные исследователи выделяют деятельностный аспект конструирования реальности, разрабатывают соотносённость социального бытия и социальной реальности [30, с. 5].

Картина социальной реальности есть продукт смысловотворчества множества социальных субъектов. По П. Бергеру и Т. Луману, в процессе коммуникации социальными агентами осуществляется поддержание социальной реальности, её «проговаривание» [4]. Иными словами, реальность, в которой мы живём, это не просто наша реальность, наше видение общества, это видение, которое формируется в актах коммуникации с другими субъектами [2, с. 1624]. Данный тезис знаменует отказ от классического понимания социальной реальности как объективной данности, не зависящей от человека, а также от понимания коммуникации как простого способа передачи данных.

По мнению П. Бурдьё, определяющую роль в воспроизводстве и овеществлении определённого образа социальной реаль-

ности играет габитус — «система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать ...на события и ситуации» [5, с. 65].

В последние десятилетия тематике социальной реальности посвящено множество научных трудов, в ряде которых содержится философский анализ и рассматриваются проблемы исследования этого феномена. В условиях информатизации современного общества особую актуальность приобретает изучение виртуальной реальности, в том числе её философский анализ.

Некоторые работы касаются изучения отдельных феноменов и свойств социальной реальности. В частности, в поле зрения учёных-философов попали: феномен доверия, риска, мифа, повседневности, массовой моды, социальной рекламы и общественной психологии. Свойствами социальной реальности признаются очевидность и знаковость.

Прикладное значение приобретают научные исследования, посвященные конструированию и моделированию социальной реальности, механизмам и способам её формирования. Например, изучается роль игры, успеха, моды, общественно-политических процессов и манипулятивных практик.

В качестве проявлений социальной реальности исследователями рассматриваются: российская государственность, город и коммуникационное пространство.

Таким образом, исследование социальной реальности в российской науке, судя по соотношению количества исследований, является прерогативой учёных-философов, а сама социальная реальность — предметом социальной философии и в меньшей степени — социологии.

Структура социальной реальности. Со-

циальная реальность понимается не только как результат и цель социальных действий, но и как идеальная конструкция, позволяющая человеку действовать в социуме, то есть социальная реальность конструируется субъектом, обретая форму представлений.

Она является сложноструктурированным бытием, имеющим различные уровни взаимопроникающей элементарной и структурной организации. П. Бурдьё отмечает, что этот мир «предстает как сильно структурированная реальность» [5, с. 195].

Представление о реальности как о сложной структуре придаёт сложность пониманию и интерпретации данного понятия. Одни исследователи в качестве структурных элементов выделяют индивидов, группы и общности (П. Штомпка), взаимодействия, связи и отношения людей; другие — социальные системы, в структуру которых входят идеальные элементы (верования, представления и др.) [27, с. 108].

Теоретический подход П. Штомпки предполагает два уровня социальной реальности: индивидуальностей и общностей. Если к первому относятся отдельные люди, то ко второму — абстрактные социальные целостности, представляющие специфическую социальную реальность (общества, культуры, цивилизации, общественно-экономические формации) [31].

По мнению Ю. Хабермаса, индивид не отделен от социальной реальности и пребывает в постоянном взаимодействии с другими, что, в свою очередь, определяет его самого: «На тождестве моего Я стоит печать коллективных отождествлений, а история моей жизни включена в большие общие жизненные взаимосвязи» [28, с. 14]. Вместе с тем в современном обществе идентичность человека — это его единение не только с реальным миром, но и

с виртуальной средой – воображаемыми, искусственно созданными сообществами [13, с. 111].

Наиболее распространенной трактовкой виртуальной реальности в массовом сознании является её понимание как искусственной реальности, возникающей во взаимодействии человека и компьютера. Именно в таком значении – как отражение новых возможностей информационной техники – понятие виртуальной реальности стало популярным в 80-е гг. XX в. Виртуальная реальность с этой точки зрения существует как совокупный результат воздействия информационной технологии. В самом узком смысле виртуальная реальность определяется как реальность, создаваемая с помощью компьютерных устройств, применяемых для обучения или для выработки требуемой от человека в тех или иных заданных ситуациях реакции. В более общем плане допускается, что компьютерная виртуальная реальность не обязательно должна моделировать свойства физического мира, она может быть условной.

Социально-философский и социологический подходы к изучению социальной реальности. Социологическое исследование социальной реальности, как правило, имеет эмпирический и социально-номиналистический характер. Социально-философский подход даёт возможность установления места социальной реальности в структуре целостной картины мира, а также выяснения её значимости. При этом социальная реальность в большей степени осмысливается, чем познаётся. В этом сильная сторона исследований в сфере социальной философии. К их недостаткам относятся ценностная перегруженность, приводящая к подчинению результатов познания частным интересам отдельных социальных групп и индивидов.

Основное достоинство социологического подхода состоит в стремлении создавать образы социальной реальности исходя из эмпирического материала, а не с помощью умозрительных обобщений, поэтому социологические картины мира имеют высокую степень достоверности [21, с. 285-286]. В то же время в силу многообразия социальных явлений исследователь вынужден постоянно прерывать эмпирическое рассмотрение и переходить к обобщениям, что не позволяет в рамках социологической парадигмы сконструировать целостный образ социальной реальности. Наилучшего результата в её познании можно достигнуть путём синтеза данных подходов.

При исследовании социальной реальности встаёт вопрос о достоверных данных, поставляемых социальными науками. Социальные показатели и индикаторы представляют собой инструменты мониторинга социальной реальности, дающие представление о её текущем состоянии, трансформациях, тенденциях развития и кризисных явлениях.

В настоящее время социальные показатели и индикаторы прочно вошли в инструментарий социальной науки и широко используются как на национальном, так и на международном уровнях. В основном это показатели официальной статистики.

Мониторинг общественного развития и прогноз его тенденций являются необходимыми элементами социального конструирования, направленного на предупреждение негативных и создание желательных последствий. Особый характер инструментов измерения социальной реальности определяется сложностью измеряемого объекта, который представляет собой многомерный субъективно-объективный феномен [23, с. 17].

Субъективно-объективный характер социальной реальности предполагает, что в дополнение к объективной стороне социальных явлений, которым традиционно уделяет внимание социальная статистика, должно также фиксироваться субъективное отношение к этим явлениям индивидов и групп. То есть социальные показатели и индикаторы должны давать представление не только об объективных условиях жизни людей (их доходах, жилищных условиях и др.), но и указывать на отношение к ним людей (удовлетворённость, соответствие ожиданиям, желание изменений и др.). Если первые дают главным образом количественные характеристики условий социальных изменений, фиксируют общее направление процессов и относятся, как правило, к так называемой «социальной инфраструктуре», то вторые указывают на качественные характеристики происходящих изменений с точки зрения реализации социальных целей.

Приведём пример из практики Института социально-экономического развития территорий РАН. Он регулярно проводит мониторинг общественного мнения¹, в котором детально отражается субъективная сторона социальной реальности. Мониторинг позволяет фиксировать: оценки населением политической и экономической ситуации в стране, регионе; восприятие актуальных проблем современной жизни;

¹ Мониторинг проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в двух крупных городах — Вологде и Череповце, а также в 8 муниципальных районах (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

самооценки материального положения; уровень потребления и потребительские настроения; социальное самочувствие и удовлетворённость жизнью; отношение к политике властных структур; уровень социального доверия общественным и политическим институтам; степень социальной напряжённости и потенциал социального протеста; социальный капитал и потенциал развития гражданского общества; оценку личной безопасности и правопорядка; отношение к деятельности СМИ [18].

В частности, жители области характеризуются довольно слабой тягой к переменам. Доля полагающих, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», с 2005 г. не превышает 20% (таблица). Стабильным остаётся настроение людей: соответствующий индекс не снижается с 2009 года (колеблясь в диапазоне от 129 до 145 п.).

Однако стабильность социального самочувствия не означает, что поставленные социальные цели достигнуты. Оценки материального положения в 2016 г. находятся на низком уровне: почти треть жителей региона характеризуют его как «плохое» (33%), и лишь примерно каждый десятый даёт противоположные отзывы (9%). В период с 2005 по 2016 г. соответствующий индекс не достигает отметки в 100 пунктов.

Исследователи отмечают, что в современной России, как и во многих других странах, возник и укрепляется цивилизационный синдром «двойной реальности»: «улучшенная» и подстроенная под реципиента «вторая» реальность выгодна власти, поскольку помогает избегать ответственности за нерешение назревших проблем и невыполнение своих обязательств [1, с. 100].

В социальной реальности Союза ССР существовали разнообразные стратегии имитации: «постановочный стиль» жизнедеятельности; символическое конструиро-

Оценка населением Вологодской области личного материального положения и социального самочувствия, в % от числа опрошенных

Вариант ответа	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
<i>Оценка запаса терпения</i>												
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	71,7	70,6	74,1	78,1	71,8	71,3	74,8	76,5	79,3	80,8	78,4	78
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	19,1	17,5	13,6	12,5	17,9	17,5	15,3	15,8	14,2	12,5	14,5	15,6
Индекс*	152,6	153,1	160,5	165,6	153,9	153,8	159,5	160,7	165,1	168,3	163,9	162,4
<i>Оценка социального настроения</i>												
Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние	58,0	59,3	63,6	67,0	53,0	62,1	63,1	67,3	68,6	69,4	68,6	68,0
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	36,5	33,3	28,3	26,8	38,2	33,0	29,0	27,1	26,5	24,9	25,9	26,2
Индекс*	121,5	126,0	135,3	140,2	114,8	129,1	134,1	140,2	142,1	144,5	142,7	141,8
<i>Оценка материального положения</i>												
Хорошее	9,2	14,9	14,7	14,3	9,0	8,1	9,6	10,1	10,5	11,2	7,8	9,3
Плохое	36,6	23,3	22,2	24,0	32,8	32,9	29,8	27,4	28,2	28,1	31,2	32,6
Индекс*	72,6	91,6	92,5	90,3	76,2	75,2	79,8	82,7	82,3	83,1	76,6	76,7
* Для расчёта большинства индексов (если не указано иное) из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой. Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.												

вание; мифологизация и примитивизация; идеологическая индоктринация [29, с. 292]. Этого не избежал и процесс глобализации современного мира, основанный на развитии промышленных, информационных и социальных технологий. Для манипуляции общественным сознанием стали использоваться виртуальные технологии, подменяющие реальность, апробированные в качестве компьютерных моделей и придающие общественным отношениям имитационный характер [19, с. 127].

В формировании социальной реальности ведущая роль принадлежит медийным источникам. Хотя воссоздание картины мира базируется в значительной степени на представлениях о реальности, человек всё чаще имеет дело с реальностью второго порядка – медиареальностью. В насто-

ящее время медиа открывают значительно больший, чем ранее, доступ к познанию социальной реальности. При этом создаётся впечатление, что СМИ «замалчивают» наиболее важные и острые социально-экономические проблемы [14, с. 23; 16; 17].

В то же время масс-медиа оказывают частичное и селективное влияние на общество. Согласно теориям фрейминга, аудитория создаёт свою версию социальной реальности и свою схему восприятия и действия, частично основанную на селективно усвоенных сообщениях СМИ, но по большей части опирающуюся на личный опыт и межличностную коммуникацию.

Таким образом, социальная реальность представляет собой сложное и структурированное явление, определение сущности которого обуславливается выбором фи-

лософских подходов из всего их разнообразия. Поэтому для получения значимых результатов, дающих возможность их прикладного использования для повышения эффективности управления обществом, при изучении социальной реальности необходимо опираться на разработанные различными философскими школами теоретико-методологические подходы. Без их интеграции картина социальной реальности будет односторонней, что не позволит применять результаты исследования для эффективного управления обществом.

Нами определены магистральные направления изучения социальной реальности: это её отдельные свойства и феномены (доверие, риск, миф, массовая мода, повседневность, социальная реклама, общественная психология); механизмы и спо-

собы её формирования (игра, успех, мода, общественно-политические процессы, манипулятивные практики); виртуальная реальность и т.д.

Как нами установлено выше, социальная реальность чаще изучается в рамках социальной философии, нежели социологии. Мы полагаем, что для совершенствования социологических исследований наиболее целесообразно применять деятельностный подход, опирающийся прежде всего на человека, отражающий его роль в создании «контекста» своего существования. Он позволяет более результативно исследовать динамические характеристики объектов и социальных механизмов, максимально адекватно оценивать социальные процессы и описывать содержание социальной реальности.

Литература

1. Андреев, Э.М. Социальный реализм и «двойная реальность» в контексте формирования новой социально-политической реальности [Текст] / Э.М. Андреев, Л.В. Данченко-Морозова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 11-1. – С. 97–102.
2. Армер, Е.В. Социальные коммуникации и картина социальной реальности: классические и современные подходы к пониманию связи [Текст] / Е.В. Армер // Фундаментальные исследования. – 2013. – №10-7. – С. 1621–1625.
3. Балдицына, Е.И. Онтологические основания теории социальных изменений: детерминизм и индетерминизм социальной реальности [Текст] / Е.И. Балдицына // Наука. Инновации. Технологии. – 2010. – № 3. – С. 167–171.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман; пер. Е. Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
5. Борисова, А.В. Имидж как феномен социальной реальности [Текст] / А.В. Борисова // Вестник УРАО. – 2012. – № 1. – С. 68–70.
6. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл.: Ю.Н. Давыдова; предисл.: П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
7. Грицанов, А.А. Социальная реальность: осмысление основных парадигм [Текст] / А.А. Грицанов // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2. – С. 133–147.
8. Карлсон, Ю.В. Социальная реальность в условиях современного информационного общества: социально-философская рефлексия [Текст] / Ю.В. Карлсон // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2012. – № 1. – С. 62–71.
9. Качалкина, А.В. Социальная реальность как объект философского анализа [Текст]: дис. ... канд. филос. наук (09.00.11) / А.В. Качалкина. – Волгоград, 1999. – 154 с.
10. Клименко, А.И. Социальная реальность как поле образовательных объективаций жизни [Текст] / А.И. Клименко, В.В. Балахонский // Вестник СПбГУ МВД России. – 2015. – № 1 (65). – С. 232–238.
11. Колосова, О.Ю. Социальная синергетика в управлении социальными системами [Текст] / О.Ю. Колосова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и социология. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1. – С. 118–120.

12. Комарова, З.И. Понятие «социальная реальность» в современном отечественном научном и философском дискурсе [Текст] / З.И. Комарова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 4. – С. 111–116.
13. Лакизо, Е.А. Направления и ориентиры социальной идентификации личности [Текст] / Е.А. Лакизо // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия, социология и социальные технологии. – 2015. – № 2. – С. 108–115.
14. Лычковская, О.Р. Масс-коммуникативные практики в рамках когнитивной парадигмы: процессы проблематизации и депроблематизации социальной реальности [Текст] / О.Р. Лычковская // Вісник Одеського національного університету. – 2010. – Т. 15. – Вып. 7. Соціологія і політичні науки. – С. 15–24.
15. Макаров, В.В. Онтологическая природа социальной реальности [Текст] / В.В. Макаров // Вестник Волгоградского государственного технического университета. – 2004. – № 7. – С. 5–12.
16. Молодов, О.Б. Региональные и местные СМИ Вологодской области: контент-анализ [Текст] / О.Б. Молодов // Проблемы развития территории. – 2014. – № 2 (70). – С. 127–136.
17. Молодов, О.Б. Социальная консолидация в условиях новой реальности: проблема общественной активности и идентичности населения региона [Текст] / О.Б. Молодов // Проблемы развития территории. – 2016. – № 2(82). – С. 82–87.
18. Морев, М.В. Опыт региональных социологических исследований [Текст] / М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 5 (41). – С. 54–74.
19. Морозов, М.Г. Типология подходов к анализу социальной реальности и проблема иллюзорности [Текст] / М.Г. Морозов // Успехи современного естествознания. – 2014. – № 11. – С. 125–127.
20. Мусиец, П.В. «Социальная реальность» в системе релевантных понятий [Текст] / П.В. Мусиец // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 1 (63). – С. 125–129.
21. Нарыкова, С.П. К вопросу о понимании социальной реальности как объекта политической власти [Текст] / С.П. Нарыкова // Общество и право. – 2014. – № 4 (50). – С. 285–290.
22. Овчарова, Е.В. Социальная реальность как воплощение творческой деятельности людей [Текст] / Е.В. Овчарова // Ценности и смыслы. – 2014. – № 3 (31). – С. 92–96.
23. Осипов, Г.В. Измерение социальной реальности. Показатели и индикаторы [Текст] / Г.В. Осипов. – М.: ИСПИ РАН, 2011. – 194 с.
24. Отрешко, Н.Б. Определение концепта «социальная реальность» в социальной науке и социальной теории: от моно- к метадисциплинарному подходу [Текст] / Н.Б. Отрешко // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2. – Вып. 1 (2). – С. 176–191.
25. Пахарь, Л.И. Социальная реальность: сравнительный анализ механизма функционирования [Текст] / Л.И. Пахарь // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – №5. – С. 135–143.
26. Терентьев, И.А. Социальная реальность как объект социально-философского анализа [Текст]: дис. ... канд. филос. наук (09.00.11) / И.А. Терентьев. – Краснодар, 2007. – 152 с.
27. Товуу, С.С. Методологические аспекты исследования социальной реальности [Текст] / С.С. Товуу // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 14. – С. 107–109.
28. Хабермас, Ю. О прагматическом, этическом и моральном употреблении практического разума [Текст] / Ю. Хабермас // Демократия. Разум. Нравственность. – М.: АО «КАМИ», 1995. – 245 с.
29. Шалюгина, Т.А. Феномен имитации в советской социальной реальности [Текст] / Т.А. Шалюгина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регинология: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2012. – № 1. – С. 291–296.
30. Шарипова, Р.Р. Социальная реальность: философский анализ понятия [Текст]: дис. ... канд. филос. наук (09.00.11) / Р.Р. Шарипова. – Уфа, 2001. – 162 с.
31. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка; пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
32. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом [Текст] / А. Шюц; пер. с нем. и англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

Сведения об авторах

Олег Борисович Молодов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, г. Вологда, 160014, ул. Горького, д. 56а; e-mail: o_young8172@mail.ru)

Вадим Сергеевич Каминский – инженер-исследователь, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, г. Вологда, 160014, ул. Горького, д. 56а; e-mail: fbcde56b@yandex.ru)

Molodov O.B., Kaminskii V.S.

Theoretical and Methodological Approaches to Studying Social Reality

Abstract. The processes occurring in Russia are pressing for the search for new infrastructure development and social development models. In the context of the ongoing crisis the government and the society must solve the common issue of qualitative changes in the life of the country, economic and social development. In this regard, studying social reality is becoming more relevant. The purpose for this research is to analyze the main approaches to the concept, nature and ways of forming social reality as the research object of social philosophy and sociology. Philosophical approaches to the nature and formation of social reality, which are based on works of European scholars of the 19-20th century, reflect the essence of this phenomenon in a number of ways. Modern world is characterized by an increasing importance of virtual reality, the opportunities of which are widely used for the formation of public consciousness. According to analysis results, profound sociological study of social reality requires the use of achievements of all philosophical schools and approaches. Without their integration, the image of social reality will be one-sided, which will make it impossible to apply the research results for effective social management.

Key words: reality, social reality, virtual reality, structure of social reality, theoretical and methodological approaches.

References

1. Andreev E.M., Danchenko-Morozova L.V. Sotsial'nyi realizm i «dvoynaya real'nost'» v kontekste formirovaniya novoi sotsial'no-politicheskoi real'nosti [Social realism and “double reality” amid formation of new socio-political reality]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, social-economic and social sciences], 2014, no. 11–1, pp. 97–102. (In Russian).
2. Armer E.V. Sotsial'nye kommunikatsii i kartina sotsial'noi real'nosti: klassicheskie i sovremennye podkhody k ponimaniyu svyazi [Social communications and a picture of social reality: classical and modern approaches to interpretation the connection]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2013, no.10–7, pp. 1621–1625. (In Russian).
3. Balditsyna E.I. Ontologicheskie osnovaniya teorii sotsial'nykh izmenenii: determinizm i indeterminizm sotsial'noi real'nosti [Ontological foundation of the theory of social changes: determinism and indeterminism of social reality]. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii* [Science. Innovation. Technology.], 2010, no. 3, pp. 167–171. (In Russian).
4. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge]. Translated by Rutkevich E.D. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (In Russian).
5. Borisova A.V. Imidzh kak fenomen sotsial'noi real'nosti [Image as a phenomenon of social reality]. *Vestnik URAO* [Bulletin of Institute of the Russian Academy of Education], 2012, no. 1, pp. 68–70. (In Russian).
6. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Ed. By Davydova Yu.N. Translated from German. Moscow: Progress, 1990. 808 p. (In Russian).

7. Gritsanov A.A. Sotsial'naya real'nost': osmyslenie osnovnykh paradigim [Social reality: understanding basic paradigms]. *Voprosy sotsial'noi teorii* [Issues of social theory], 2008, volume 2, pp. 133–147. (In Russian).
8. Karlson Yu.V. Sotsial'naya real'nost' v usloviyakh sovremennogo informatsionnogo obshchestva: sotsial'no-filosofskaya refleksiya [The social reality in modern informational society: socio-philosophical reflection]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva* [Philosophical problems of IT and cyberspace], 2012, no. 1, pp. 62–71. (In Russian).
9. Kachalkina A.V. *Sotsial'naya real'nost' kak ob"ekt filosofskogo analiza: dis. ... kand. filos. nauk (09.00.11)* [Social reality as an object of philosophical analysis: Ph.D. in Philosophy dissertation (09.00.11)]. Volgograd, 1999. 154 p. (In Russian).
10. Klimenko A.I., Balakhonskii V.V. Sotsial'naya real'nost' kak pole obrazovatel'nykh ob"ektivatsii zhizni [Social reality as a ground for educational objectivization of life]. *Vestnik SPbGU MVD Rossii* [Bulletin of Saint-Petersburg State University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2015, no. 1 (65), pp. 232–238. (In Russian).
11. Kolosova O.Yu. Sotsial'naya sinergetika v upravlenii sotsial'nymi sistemami [Social synergy in social system management]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i sotsiologiya. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, culture and sociology. Theory and practice], 2011, no. 1, pp. 118–120. (In Russian).
12. Komarova Z.I. Ponyatie «sotsial'naya real'nost'» v sovremenном otechestvennom nauchnom i filosofskom diskurse []. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of Turgenev Orel State University. Series: humanities and social sciences], 2012, no. 4, pp. 111–116. (In Russian).
13. Lakizo E.A. Napravleniya i orientiry sotsial'noi identifikatsii lichnosti [Directions and benchmarks for personal identification]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya, sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Bulletin of Volgograd State University. Series 7: philosophy, sociology and social technology], 2015, no. 2, pp. 108–115. (In Russian).
14. Lychkovskaya O.R. Mass-kommunikativnye praktiki v ramkakh kognitivnoi paradigmy: protsessy problematizatsii i deproblematizatsii sotsial'noi real'nosti [Mass-communication practices in the framework of cognitive paradigm: processes of social reality problematization and deproblematization]. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu* [Bulletin of Odessa National University], 2010, volume 15, issue 7, pp. 15–24. (In Russian).
15. Makarov V.V. Ontologicheskaya priroda sotsial'noi real'nosti [Ontologic nature of social reality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State Technical University], 2004, no. 7, pp. 5–12. (In Russian).
16. Molodov O.B. Regional'nye i mestnye SMI Vologodskoi oblasti: kontent-analiz [Regional and local mass media in the Vologda Oblast: content analysis]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2014, no. 2 (70), pp. 127–136. (In Russian).
17. Molodov O.B. Sotsial'naya konsolidatsiya v usloviyakh novoi real'nosti: problema obshchestvennoi aktivnosti i identichnosti naseleniya regiona [Social consolidation in the new reality: the problem of social activity and identity of regional population]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2016, no. 2(82), pp. 82–87. (In Russian).
18. Morev M.V. Opyt regional'nykh sotsiologicheskikh issledovaniy [Regional sociological research experience]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 5 (41), pp. 54–74. (In Russian).
19. Morozov M.G. Tipologiya podkhodov k analizu sotsial'noi real'nosti i problema illyuzornosti [Typology of approaches to social reality analysis and problem of illusiveness]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Advances in current natural sciences], 2014, no. 11, pp. 125–127. (In Russian).
20. Musiets P.V. «Sotsial'naya real'nost'» v sisteme relevantnykh ponyatii [Social reality in the system of relevant concepts]. *Vestnik VEGU* [Bulletin of Eastern Academy for Economics and Law], 2013, no. 1 (63), pp. 125–129. (In Russian).
21. Narykova S.P. K voprosu o ponimaniy sotsial'noi real'nosti kak ob"ekta politicheskoi vlasti [Revisiting the understanding of social reality as an object of political power]. *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 2014, no. 4 (50), pp. 285–290. (In Russian).
22. Ovcharova E.V. Sotsial'naya real'nost' kak voploshchenie tvorcheskoi deyatel'nosti lyudei [Social reality as the embodiment of creative activities of human beings]. *Tsennosti i smysly* [Values and meaning], 2014, no. 3 (31), pp. 92–96. (In Russian).

23. Osipov G.V. *Izmerenie sotsial'noi real'nosti. Pokazateli i indikatory* [Measurement of social reality]. Moscow: ISPI RAN, 2011. 194 p. (In Russian).
24. Otreshko N.B. Opredelenie kontsepta «sotsial'naya real'nost'» v sotsial'noi nauke i sotsial'noi teorii: ot monok metadistsiplinarnomu podkhodu [Defining the concept of social reality in social science and social theory: from a mono- to interdisciplinary approach]. *Voprosy sotsial'noi teorii* [Issues of social theory], 2008, volume 2, issue 1 (2), pp. 176–191. (In Russian).
25. Pakhar' L.I. Sotsial'naya real'nost': sravnitel'nyi analiz mekhanizma funktsionirovaniya [Social reality: comparative analysis of the operational mechanism]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of Turgenev Orel State University. Series: humanities and social sciences], 2014, no. 5, pp. 135–143. (In Russian).
26. Terent'ev I.A. *Sotsial'naya real'nost' kak ob'ekt sotsial'no-filosofskogo analiza: dis. ... kand. filos. nauk (09.00.11)* [Social reality as an object of socio-philosophical analysis: Ph.D. in Philosophy dissertation (09.00.11)]. Krasnodar, 2007. 152 p. (In Russian).
27. Tovuu S.S. Metodologicheskie aspekty issledovaniya sotsial'noi real'nosti [Methodological aspects of studying social reality]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University], 2010, no. 14, pp. 107–109. (In Russian).
28. Habermas J. O pragmaticheskom, eticheskom i moral'nom upotreblenii prakticheskogo razuma [On pragmatic, ethical and moral use of practical reason]. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost'* [Democracy. Reason. Morality], Moscow: AO «KAMI», 1995. 245 p. (In Russian).
29. Shalyugina T.A. Fenomen imitatsii v sovetskoj sotsial'noi real'nosti [The phenomenon of imitation in the Soviet social reality]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionologiya: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of Adygeya State University. Series 1. Regional studies: philosophy, history, sociology, law, political science and cultural studies], 2012, no. 1, pp. 291–296. (In Russian).
30. Sharipova R.R. *Sotsial'naya real'nost': filosofskii analiz ponyatiya [Tekst]: dis. ... kand. filos. nauk (09.00.11)* [Social reality: philosophical analysis of the concept: Ph.D. in Philosophy dissertation (09.00.11)]. Ufa, 2001. 162 p. (In Russian).
31. Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [The sociology of social change]. Ed. By Yadov V.A. Translated from English. Moscow: Aspekt Press, 1996. – 416 s. (In Russian).
32. Schutz A. *Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected works: world full of meaning]. Translated from English and German. Moscow: ROSSPEN, 2004. 1056 p. (In Russian).

Information about the Authors

Oleg Borisovich Molodov – Ph.D. in History, Research Engineer at the Department for Living Standards and Lifestyle Studies, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, o_young8172@mail.ru)

Vadim Sergeevich Kaminskii – Research Engineer at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, fbcde56b@yandex.ru)

Статья поступила 30.06.2016.

Внедрение инновационных технологий как фактор экологической модернизации арктических регионов России*

**Светлана Артуровна
ЛИПИНА**

Высшая школа государственного управления «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Москва, Российская Федерация, 119571, пр. Вернадского, д. 82, корп. 9
E-mail: s.lipina@mail.ru

**Константин Сергеевич
ЗАЙКОВ**

Арктический центр стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д. 17
E-mail: k.zaikov@narfu.ru

**Александра Валерьевна
ЛИПИНА**

Высшая школа государственного управления «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Москва, Российская Федерация, 119571, пр. Вернадского, д. 82, корп. 9
E-mail: a.v.lipina@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках исследования по теме «Региональный конкурс «Русский Север: история, современность, перспективы» 2016 – Архангельская область» (грант РГНФ № 16-12-29004).

Для цитирования: Липина, С.А. Внедрение инновационных технологий как фактор экологической модернизации арктических регионов России / С.А. Липина, К.С. Зайков, А.В. Липина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 164-180. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.9

For citation: Lipina S.A., Zaikov K.S., Lipina A.V. Introduction of Innovation Technology as a Factor in Environmental Modernization in Russian Arctic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 164-180. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.9

Аннотация. В статье рассматриваются основы формирования и реализации современной Российской государственной экологической политики в Арктике, анализируются экологические угрозы и вызовы, в том числе последствия воздействий предприятий горно-металлургического комплекса на окружающую среду. Угольная, черная и цветная металлургия отмечаются как доминирующие по образованию и накоплению отходов. При выплавке металлов формируются шлаки, основу которых составляют оксиды. Одно из первых мест по отрицательному воздействию на окружающую среду занимают оксиды серы. В работе говорится об экологически ответственной модели хозяйствования в Арктике, когда приоритет в управленческих решениях отдается вопросам сохранения природы, а не только получению прибыли. Основная экологическая проблема связана с накоплением отходов в местах концентрации объектов промышленности, транспорта, энергетики и социальной сферы на ограниченных пространствах в районах Арктики, где осваиваются месторождения полезных ископаемых, осуществляется переработка сырья и транспортировка. Вопросы промышленной переработки вторичных ресурсов и утилизации серы в соответствии с принципами экологически чистого производства (рециклинга) представляют особый научный интерес. Предлагаются инновационные методы решения проблем экологической модернизации в Арктической зоне Российской Федерации: утилизация серосодержащих отходов, рециклинг техногенных отходов, анализируются эксплуатационные и физико-механические свойства сероасфальтобетонов и серобетонов, возможности производства нового поколения строительных материалов и дорожных покрытий. Высокие потребительские свойства серосодержащих строительных материалов – низкая стоимость исходного сырья, технологичность серобетонных и растворных смесей, быстрый набор прочности, стойкость к радиационным и другим агрессивным средам, высокая морозо- и водостойкость – делают их конкурентоспособными по отношению к традиционным строительным материалам, которые зачастую не выдерживают сложных климатических условий Севера. Использование серосодержащих отходов в различных отраслях народного хозяйства Арктической зоны позволит значительно снизить себестоимость изделий и конструкций и будет способствовать решению одной из важнейших задач современности – защите окружающей среды от загрязнения промышленными отходами.

Ключевые слова: стратегическое планирование, инновационное развитие, серосодержащие отходы, Арктика, переработка отходов, рециклинг.

В настоящее время приоритетом государственной экологической политики в Арктике является сохранение уникальных арктических экосистем, ликвидация накопленных загрязнений, изучение и защита ценных природных территорий и экосистем от негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности. Важность изучения и обеспечения экологической безопасности природных объектов и экосистем Арктической зоны Российской Федерации определяется в Основах государственной политики Российской Феде-

рации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, утвержденных Президентом Российской Федерации 18.09.2008 (Пр № 1969).

К экологическим вызовам и угрозам в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) мы относим прогрессирующее загрязнение и деградацию компонентов природной среды в условиях усиливающейся антропогенной нагрузки, накопление отходов и поступление загрязняющих веществ в результате трансграничного переноса, риски и затраты при освоении при-

родных ресурсов, высокую степень износа основных производственных фондов, глобальные климатические изменения и их влияние на зону распространения многолетнемерзлых грунтов, развитие опасных гидрометеорологических, ледовых и других природных процессов, увеличение риска и ущерба от этих процессов, техногенных аварий и катастроф (рисунки).

По локализации экологических вызовов непосредственно на арктической природной территории, характеризующейся наличием природных объектов и экосистем, уязвимых к любым техногенным воздействиям, находятся следующие приоритетные «горячие точки» и импактные районы (СПД-Арктика, 2009): в Мурманской

области – города Мурманск, Заполярный, Никель; Кольский залив и Печорская губа в Баренцевом море; Обская губа и Енисейский залив в Карском море; в Ямало-Ненецком автономном округе – Ямбургское и Уренгойское месторождения; в Чукотском автономном округе – пос. Певек и Билибинский комплекс. Среди муниципальных образований АЗРФ приоритетное значение имеет определение экологических угроз на территории муниципальных образований, расположенных на арктическом побережье. Увеличение экологических рисков связано с развитием морской и прибрежной хозяйственной деятельности, концентрацией оборонной и пограничной инфраструктуры. На арктическом

Пилотная блок-схема состояния экологических вызовов территорий Арктической зоны России

побережье находятся крупные города и поселения. Приоритетом является определение экологических угроз в «горячих точках», расположенных за пределами территории АЗРФ и оказывающих на АПТ трансграничное негативное воздействие. Наибольшему антропогенному воздействию подвержены экосистемы внутренних морских вод. Наиболее сильные антропогенные воздействия на арктические моря сосредоточены на их берегах, в заливах, губах и в прибрежных водах. Основная экологическая проблема связана с накоплением отходов в местах концентрации объектов промышленности, транспорта, энергетики и социальной сферы на ограниченных пространствах в районах Арктики, где осваиваются месторождения полезных ископаемых, осуществляется переработка и транспортировка сырья. Отметим, что источники загрязнения окружающей среды, отходов производства и потребления в Арктической зоне в основном локализованы на землях поселений, промышленности, обороны, энергетики и транспорта. Значительные накопления загрязняющих веществ были образованы в 1930–1980-х годах в период мировой интенсивной индустриализации, широкомасштабной добычи природных ресурсов, что актуально и в наши дни.

Основные негативные изменения в ландшафтах Арктики связаны со следующими причинами:

- хозяйственное освоение, не соответствующее экологической емкости природной среды при практическом отсутствии адекватных мер по ее реабилитации;
- монопрофильный спектр использования природных ресурсов территории с преобладанием добычных отраслей;
- увеличение природно-техногенных рисков в условиях развития альтернатив-

ных видов природопользования (транспорт, добыча ресурсов, рыболовство, традиционное природопользование).

Исследованиями последних лет в Арктике удалось выявить территории с сильными изменениями и нарушениями природной среды^{1,2,3,4}. Эти негативные процессы связаны с загрязнением наземных и прибрежных морских и речных экосистем тяжелыми металлами, нефтепродуктами, органическими соединениями различного происхождения, соединениями азота и серы и т.д., механическими нарушениями почв и грунтов, перевыпасом на оленьих пастбищах. Кризисные ситуации сложились в Западно-Кольском, Центральном-Кольском, Норильском районах, критические — в Архангельском, Тимано-Печорском, Новоземельском, Воркутинском, напряженные — в Западно- и Восточно-Чукотском, а также в Яно-Индигирском (район гп. Депутатский) районе, находящемся в стадии становления. Ситуация в Билибинском районе в настоящее время характеризуется как условно-потенциально-острая, но при вероятных авариях разного масштаба на АЭС положение может мгновенно измениться вплоть до катастрофического (это относится и к АЭС в Кольском районе), что и послужило основанием для выделения этого импактного района.

¹ Евсеев А.В., Красовская Т.М. Эколого-географические особенности природной среды районов Крайнего Севера России. — Смоленск: СГУ, 1996.

² Природная среда тундры в условиях открытой разработки угля: монография / М.В. Гецен, А.В. Логинов, А.И. Рубцов и др.; Мин-во прир. рес-в и охраны окр. среды респ. Коми; под общ. ред. М.В. Гецен. — Сыктывкар, 2005. — 246 с.

³ Красовская Т.М. Природопользование Севера России. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 288 с.

⁴ Душкова Д.О. Медико-экологическое состояние промышленных центров Европейского Севера России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — М., 2008. — 22 с.

Таблица 1. Локализация экологических вызовов в Российской Арктике

№ п/п	Импактный район	Источники загрязнения
1.	Западно-Кольский	Цветная металлургия, горнодобывающая промышленность
2.	Центрально-Кольский	Цветная металлургия, горнодобывающая промышленность, АЭС, транспорт
3.	Архангельский	Целлюлозно-бумажная промышленность, машиностроение, лесопромышленный комплекс, теплоэнергетика, транспорт
4.	Тимано-Печорский	Добыча и транспортировка углеводородного сырья
5.	Воркутинский	Горнодобывающая промышленность, теплоэнергетика, стройиндустрия
6.	Новоземельский	Военные объекты (ЦИП), затопление ядерных установок и других радиоактивных отходов
7.	Нижне-Обский	Добыча и транспортировка углеводородного сырья
8.	Средне-Обский	Добыча и транспортировка углеводородного сырья
9.	Норильский	Цветная металлургия, горнодобывающая промышленность
10.	Яно-Индигирский	Горнодобывающая промышленность
11.	Западно-Чукотский	Горнодобывающая промышленность, АЭС
12.	Восточно-Чукотский	Горнодобывающая промышленность

Источники: Красовская Т.М. Природопользование Севера России. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.; Евсеев А.В., Красовская Т.М. Новые подходы к природопользованию на Севере России. География, общество, окружающая среда. – Т. 3: Природные ресурсы, их использование и охрана / под ред. А.Н. Геннадиева, Д.А. Криволицкого. – М.: Городец, 2004.

Анализ групп локализации экологических угроз показал, что химическое загрязнение обуславливает формирование импактных районов в центрах развития цветной металлургии, целлюлозно-бумажной промышленности, добычи углеводородного и других видов сырья. Комплексные химические и механические нарушения характерны для импактных районов горнодобывающей промышленности. Механические нарушения преобладают в местах развития золотодобычи, добычи алмазов, перевыпаса оленей и т.д. К потенциальным импактным районам относятся и зоны радиационного риска. Наиболее обширные импактные районы сформировались в результате химического загрязнения. В ряде случаев уровень загрязнения достаточно высок и превышает предельно допустимые концентрации (ПДК), что отрицательно сказывается на экологической обстановке.

Однако следует отметить, что, хотя партнеры Российской Федерации по Арктическому совету нередко используют экологические вопросы в качестве инструментов

«мягкой» силы для вытеснения России из Арктики, оценка российских специалистов [2, 8, 14] и международных экспертов [17] свидетельствует, что окружающая среда большей части арктической природной территории России остается менее загрязненной и сравнительно мало нарушенной в отличие от многих районов Северного полушария.

Именно экологическая составляющая позволяет говорить об ответственной модели хозяйствования в Арктике, когда приоритет в управленческих решениях отдается вопросам охраны природы, а не только получению прибыли. Фактически экономика Арктики и в настоящее время ориентирована в основном на добычу природных ресурсов, что приводит к формированию импактных районов с сильными техногенными нарушениями природной среды, пагубно сказывающимися не только на перспективах сохранения природно-ресурсного потенциала, но и на здоровье и благополучии населения, включая коренных жителей Арктики. Отметим, что удельный вес предприятий по добыче и

переработке природных ресурсов, функционирование которых сопровождалось образованием значительного количества твердых, жидких и газообразных отходов, составлял около 70% [3]. Как и в других индустриальных регионах России, эти процессы оставили наследие в виде серьезного экологического ущерба и угроз для здоровья населения.

Увеличение объемов производства во всех субъектах АЗРФ, наблюдаемое с начала XXI века и прогнозируемое на перспективу, несомненно, приведет к усилению техногенной нагрузки на окружающую среду региона, которая будет усугубляться планируемым интенсивным развитием нефтегазодобычи, геологоразведочных работ, трубопроводного транспорта. Поэтому требуется разработка неотложных мер по предотвращению возрастающих экологических угроз в связи с расширением экономической деятельности в Арктике и применению инновационных методов экологической модернизации в Арктической зоне Российской Федерации в ликвидации экологического ущерба.

Арктика, как одна из самых хрупких экосистем планеты, в большей степени, чем другие регионы, подвержена изменениям климата. Ее отличает высокая уязвимость природной среды к антропогенному воздействию. Окружающая среда находится в экстремальном положении, возможность самовосстановления природных систем крайне ограничена⁵.

При оценке эффективности эволюционного подхода к освоению Арктической зоны Российской Федерации следует обозначить одну неприятную особенность: скорость потепления в Арктике в два раза выше среднемировой. По данным Русско-

⁵ ГОСТ 17.4.2.03. Охрана природы. Почвы. Паспорт почв. — М.: Стандартинформ, 2008. — URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/gost-17-4-2-03-86>

го географического общества и Межправительственной группы экспертов по изменению климата при ООН (МГЭИК), в настоящее время сокращение площади морских льдов и вечной мерзлоты в Арктическом регионе составляет около 1% в год. В итоге площадь арктического льда с 1978 года по настоящее время уменьшилась на 8%, а температура верхнего слоя вечной мерзлоты повысилась⁶ на 3°C. При сохранении тенденции потепления прогнозируется повышение температуры на 6,4°C, подъем уровня моря на 0,59 м, а полное освобождение океана ото льда в летнее время не такое уж далекое будущее⁷. То есть прогнозируемое потепление климата для Арктики грозит неоднозначными (как положительными, так и отрицательными) последствиями, а развитие отдельных секторов экономики неизбежно будет сопровождаться ростом антропогенного воздействия. Поэтому особого подхода требуют вопросы, связанные с перспективой освоения ресурсов, экологическим состоянием отдельных прибрежных территорий АЗРФ, вытеснением вечной мерзлоты — термокарст и безопасностью инфраструктуры (разрушения фундаментов зданий, насыпей автомагистралей и железных дорог, покрытий аэродромов; разрывы трубопроводов).

Отметим, что наблюдаемый в последние десятилетия ускоренный процесс потепления демонстрирует миру огромный импульс реакции со стороны различных групп интересантов, предлагающих самые амбициозные меры по укрощению климата. Парижское соглашение — как раз одно

⁶ Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. — М.: Росгидромет, 2008. — URL: <http://www.climate2008.igce.ru>

⁷ Арктика как индикатор изменения климата в мире. — URL: <http://www.rgo.ru/2010/04/arktika-kak-indikator-izmeneniya-klimata-v-mire>

из универсальных и юридически обязывающих соглашений об изменении климата, которое направлено на укрепление потенциала для борьбы с его последствиями. Однако подписание — жест международной солидарности, который не накладывает никаких серьезных финансовых обязательств. А вот сокращение выбросов парниковых газов или низкоуглеродное развитие — выбор технологий, которые ведут к наименьшим выбросам CO₂, диоксида серы (SO₂) и других газов. В этих условиях следует отметить, что Арктика чрезвычайно уязвима перед техногенным и антропогенным воздействиями из-за экстремальности природно-климатических условий, хрупкости экосистем. Следует отметить, что особенно актуальны экологические проблемы на территориях, прилегающих к Норильску, в Мурманской и Архангельской областях⁸.

Исследования антропогенного воздействия медно-никелевого производства на заполярных предприятиях горно-металлургического комплекса «Норильский никель» позволили сделать вывод, что главные экологические проблемы связаны с выбросами диоксида серы, создающими дополнительную техногенную нагрузку на близлежащие и прибрежные экосистемы. Рассматривая последствия воздействия предприятий горно-металлургического комплекса на окружающую среду, следует отметить, что доминирующими по образованию и накоплению отходов являются угольная, черная и цветная металлургия. В процессе обжига медных, цинковых, свинцовых руд и концентратов, а также руд, содержащих другие цветные металлы, образу-

ется твёрдый остаток — огарок и отходящие газы, которые являются крупномасштабным промышленным отходом. Газы в своём составе содержат сернистый ангидрид и обладают высокой токсичностью [16].

Отходы, сопутствующие металлургическим переделам, включают несколько видов. При выплавке металлов формируются шлаки, основу которых составляют оксиды, а оксиды серы занимают одно из первых мест по отрицательному воздействию на окружающую среду. Мировой вклад металлургии в выбросах оксида серы составляет 15% (более половины из них дает цветная металлургия) [15]. На стадии добычи руды образуются твердые отходы в виде вскрышных и вмещающих пород, пустых шахтных пород, некондиционных руд; на стадии обогащения добытого сырья — отходы флотации, гравитации, отвалы промывки россыпей. На стадии переработки обогащенного сырья в товарную продукцию (концентраты) на металлургических предприятиях образуются различные шлаки, пыли, огарки, шламы, в которых, помимо элементов, присущих перерабатываемому сырью, накапливаются полезные компоненты из материала подшихтовки, кокса или угля. Оксиды серы, а также образующиеся при соединении в атмосфере с водяным паром кислоты (H₂SO₃ и H₂SO₄) оказывают вредное воздействие на здоровье людей, являются причиной гибели хвойных лесов, плодовых деревьев, снижения урожайности сельскохозяйственных культур, закисления водоемов. Кроме того, оксиды серы являются причиной коррозии стальных конструкций и разрушения различных строительных материалов [5]. С целью сокращения огромного экономического ущерба, наносимого выбросами оксидов серы, в 1983 г. была подписана Конвенция Организации Объединенных

⁸ Комплексные климатические стратегии для устойчивого развития регионов российской Арктики в условиях изменения климата (модельный пример Мурманской области). Резюме. — М.: Программа развития ООН в России, Российский региональный экологический центр, 2009.

Наций по сокращению трансграничного переноса оксидов серы на территории Европы. В соответствии с этой Конвенцией страны-участницы (в том числе Россия) обязались сократить выбросы сернистых соединений в атмосферу к 1993 г. на 30% (по сравнению с 1980 г.). Россия свои обязательства выполнила.

Технологические процессы горной металлургии [1] – добыча, обогащение руд и выплавка из них металлов, медно-никелевое производство характеризуются выбросами в атмосферу больших количеств диоксида серы (SO₂) – сернистого газа и частиц тяжелых металлов, образующих в совокупности техногенные серосодержащие отходы (ССО). Поэтому современные методы очистки газообразных промышленных выбросов от диоксида серы имеют первостепенное значение.

Результаты исследований антропогенного воздействия медно-никелевого производства с 30 характерными для цветной металлургии видами выбросов показали, что среднегодовой выброс серы на предприятиях Норильского горно-металлургического комбината имени А.П. Звениягина, ныне Заполярного филиала ОАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель» (ГМК «Норильский никель»), составляет на Медном заводе примерно 340–350 тыс. т/год, на Надеждинском металлургическом заводе – 420–430 тыс. т/год, на Никелевом заводе – 250–260 тыс. т/год [10, 11, 12].

На долю ГМК «Норильский никель» приходится 25% российских промышленных серосодержащих выбросов. Среднемесячное содержание диоксида серы SO₂ в Норильске в 50–60 раз превышает фоновый уровень региона. Росстат ставит Норильск на первое место по выбросам в атмосферу среди городов России. И уровень фактически не снижается: в 2010 году предприятия «Норникеля» выбросили в атмосферу города 1,8 млн. т диоксида серы, в 2013 – 1,9 млн т, в 2014 – 1,8 млн. т, что следует из годовых отчетов ГМК [8].

Данные, приведенные в табл. 2, показывают что медно-никелевое производство характеризуется выбросами в атмосферу большого количества диоксида серы (SO₂) или, как его еще называют, сернистого газа и частиц тяжелых металлов [9].

На долю работающего ОАО «ГМК «Норильский никель» приходится 25 % российских промышленных выбросов SO₂. В 2009 году «Норильский никель» выбросил в атмосферу около 979 тыс. т серы. А экономические расчёты показали, что для ОАО «ГМК «Норильский никель» переработка отходящих на серную кислоту газов не выгодна по сравнению с переработкой их на элементарную серу. В Норильске около 350 дней в году фиксируется повышенный уровень загрязнения атмосферы вредными веществами: в 80% уровень превышает ПДК в 5 раз, в 20% – в 10 раз, что позволяет оценить степень загрязнения как «сильная» и «очень сильная» [10, 12].

Таблица 2. Характеристика выбросов в атмосферу основных загрязняющих веществ на предприятиях ОАО «ГМК «Норильский никель» в 2009 г., тыс. тонн

Основные показатели	Заполярный филиал ОАО «ГМК «Норильский никель»	ОАО «Кольская ГМК»
Диоксид серы	1917,40	136,16
Твердые вещества	10,68	9,48
Оксид азота	1,71	1,09
Масса выбросов загрязняющих веществ, всего	1949,77	148,36

Источник: http://ecodelo.org/3126-obrabatyvayushchie_proizvodstva-vozdveistvie_osnovnykh_vidov_ekonomicheskoi_i_drugoi_deyatelnost

С учетом такой негативной ситуации в регионе, в начале юбилейного для «ГМК «Норильский никель» 2015 года, был принят масштабный экологический проект по утилизации диоксида серы, который реализуется последовательно. Сначала технологию, которая позволит улавливать не менее 90% серы из отходящих газов, опробуют на Надеждинском заводе, затем перенесут на Медный. Технология позволит выпускать около 600 тыс. тонн серы в год, через год установка с производительностью 280 тыс. тонн серы в год появится на Медном заводе.

Дочернее предприятие ОАО ГМК «Норильский Никель» ОАО «Кольская ГМК» (КГМК), образованное 16 ноября 1998 года, является ведущим производственным комплексом Мурманской области, созданным на базе её старейших предприятий – комбинатов «Североникель» и «Печенганикель», расположенных на Кольском полуострове, введенных в строй в 30–40-х годах прошлого столетия. Одним из видов промышленных отходов в Кольском регионе являются не только металлургические шлаки, но и серосодержащие выбросы, которые утилизируются в небольших количествах. Следует отметить, что при пирометаллургическом способе производства меди технологический процесс включает несколько стадий переработки сырья с получением соответствующего полупродукта, при этом в каждом имеются серосодержащие отходы и выбросы, которые в ходе соответствующих технологических операций накапливаются в отвалах и хвостохранилищах на территориях этих предприятий. Хотя в последние годы темпы роста и развития ряда загрязняющих производств существенно замедлились, огромное количество серных отходов складировается на полигонах и отвалах, а значит, есть осно-

вания полагать, что в ближайшие десятилетия запасы серы возрастут в несколько раз и локализируются в техногенных грунтах. В то же время, являясь важным резервом пополнения объемов минерального сырья, техногенные образования при хранении агрессивно воздействуют на природную среду.

Поэтому в тех странах, где производство технической серы значительно опережает спрос и наблюдается стабильная тенденция к ее перепроизводству, широкое применение нашло новое направление: использование серного вяжущего и ССМ в дорожно-строительных работах. К таким странам относятся Канада, США, Германия, Польша, Саудовская Аравия и ряд других. Одним из ведущих в мире разработчиков, поставщиков и пользователей серополимерасфальтов является компания «Shell». Рецептуры дочерней «Shell Bitumen» успешно применяются в США, Великобритании, Ирландии, Франции и Нидерландах. В последние годы в строительстве стали активно использовать многокомпонентные мелкозернистые бетоны, эффективность применения которых связана с возможностью широкого использования вторичного сырья. То есть у экологически опасных предприятий появилась серьезная причина приступить к экологической модернизации на инновационной основе⁹.

В связи с актуальностью разработки научных основ создания здоровой среды обитания особый интерес представляют вопросы промышленной переработки серосодержащих отходов (ССО) в соот-

⁹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования вопросов ликвидации экологического ущерба, в том числе связанного с прошлой хозяйственной деятельностью)». – URL: <http://www.mnr.gov.ru>

ветствии с принципами экологически чистого производства и внедрением инновационных малоотходных технологических процессов. Новыми для российской системы государственного регулирования ООС являются изменения в сфере обращения с отходами производства и потребления, которые уже получили широкое распространение в странах Европейского союза и США. Их перенос на отечественную почву можно признать одним из самых удачных зарубежных заимствований.

Особый научный интерес в соответствии с принципами экологически чистого производства (рециклинга) представляют вопросы промышленной переработки вторичных ресурсов, то есть одновременно поднимается вопрос утилизации серы. Принятый «Норникелем» экологический так называемый «Серный проект» предусматривает в среднесрочной перспективе снижение выбросов в атмосферу диоксида серы с нынешних 1,8 млн. т до 1,4–1,5 млн. т благодаря внедрению новой технологии очистки газов, позволяющей улавливать не менее 90% серы. Из диоксида серы «Норникель» собирается производить около 1 млн. т элементарной серы в год¹⁰. Однако эксперты говорят, что продать 1 млн. т серы (это более 30% от объема внутреннего потребления серы в России) «Норникелю» будет очень непросто. А это значит, что отработанная сера будет храниться неограниченное время на спецплощадках, складах и хранилищах.

С другой стороны, в настоящее время производство технической серы значительно опережает спрос и наблюдается стабильная тенденция к ее перепроизводству. Заслуживает внимания высокоэффективная, но довольно трудно выполнимая за-

дача: уменьшение количества серных залежей с применением инновационных технологических процессов, когда в результате технологического цикла изготавливается определенный продукт. С этой целью необходимо использовать такой эффективный экономический рычаг, как создание условий, при которых накопленные серные отходы становятся материальным ресурсом, превращающимся на основе инновационных технологий в высококачественные серобетоны, сероасфальтобетоны и серные композиты специального назначения. Это существенно расширит области применения серы и серных отходов, а также степень их утилизации – использование серного вяжущего и серосодержащих строительных материалов (ССМ) в дорожно-строительных работах. Высокие потребительские свойства серосодержащих строительных материалов – низкая стоимость исходного сырья, технологичность серобетонных и растворных смесей, быстрый набор прочности, стойкость к радиационным и другим агрессивным средам, высокая морозо- и водостойкость – делают их конкурентоспособными по отношению к традиционным строительным материалам, которые зачастую не выдерживают сложных климатических условий Севера. А особенность процесса отверждения ССМ позволяет использовать их для бетонирования при отрицательных температурах, значительно сократить сроки выполнения ремонтных работ в условиях действующего производства, где традиционные конструкционные материалы имеют короткий срок эксплуатации, неэффективны, требуют частых ремонтов и более дорогостоящие.

Несомненно, переработка отходов производства в целях оздоровления экологической обстановки является показателем прогресса экоэффективности. Такой

¹⁰ URL: <http://www.izvestia.ru/news/586779#ixzz45vHSUG7R>

положительный экономический ресурс подтверждается опытом северных стран Европы¹¹, которые уже сегодня используют от 50 до 70% отходов производства и потребления. К таким странам относятся Канада, США, Норвегия, Финляндия.

Поэтому более реально и плодотворно проблему освоения северных территорий можно решать созданием и применением уникальных технологий в интересах экономического освоения Арктики, народов Севера и их социально-экономических вопросов, для создания инфраструктуры и строительства в суровых условиях.

В связи с освоением Арктики и стратегическими планами развития северных прибрежных территорий для обеспечения национальной безопасности РФ на период до 2020 года¹² предусматривается реконструкция и строительство терминалов, обеспечивающих работу Северного морского пути (СМП). А береговая инфраструктура СМП и основные порты, расположенные вдоль него – Игарка, Дудинка, Диксон, Тикси, Певек, Провидения, по мнению большинства российских специалистов, не отвечают ни сегодняшним, ни будущим потребностям их эксплуатации. Поэтому начинать надо с создания специализированных производств, которые дадут возможность применения в строительстве высококоррозионных строительных композиций, содержащих серу и серосодержащие отходы, позволят значительно усовершенствовать технологию и сократить сроки проведения строительных работ, повысить эксплуатационную надежность сооружений, существенно снизить энерго- и трудо-

затраты, вовлечь в строительный процесс крупномасштабное техногенное сырье, решая тем самым не только технологические, но и экологические проблемы.

Очевидно, что специфика северных арктических портов, строящихся и запланированных новых перегрузочных комплексов в Арктической зоне России в связи с освоением месторождений углеводородов, в том числе на континентальном шельфе, потребуют защитных и коррозионно-стойких новых модифицированных строительных материалов. И здесь на многих участках строительных, ремонтных работ могут широко использоваться серобетон и сероасфальт, причем объемы их использования будут зависеть только от возможностей поставки. Кроме того, модифицированные ССМ найдут применение в различных сооружениях: массивах всех видов, применяемых в оградительных или причальных сооружениях, кубах, тетраподах, а также фасонных волногасящих блоках.

Таким образом, важнейшими экономическими предпосылками для организации в северных регионах России производства ССМ и их применения в стройиндустрии и дорожном строительстве являются, с одной стороны, обширная сырьевая база в виде технической серы, серосодержащих отходов (ССО) промышленных производств, сульфидных руд и, с другой стороны, большая потребность народного хозяйства в новых экономичных, долговечных, химически стойких материалах для использования в сложных климатических условиях и в агрессивных средах взамен дорогостоящих материалов на базе портландцементов.

Так как компания «Норильский никель» начала вкладывать серьезные финансовые средства в модернизацию производства («Серный проект» по улавливанию сернистого газа и производству элементар-

¹¹ Экологическая программа для Европы. – URL: <http://www.base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=16073>

¹² URL: <http://www.fb.ru/article/162045/osvoenie-arktiki-rossiy-istoriya-strategiya-osvoeniya-arktiki>

ной серы), то, по мнению авторов, можно решить сразу вопросы комплексного крупномасштабного освоения инновационных технологий по переработке серных техногенных отходов и получению долговечных, химически стойких серосодержащих материалов (ССМ), которые на сегодняшний день являются важными и все более востребованными в связи с освоением арктических прибрежных территорий и решают технические, экологические вопросы и задачи экономической безопасности Арктики.

Организацию производства ССМ целесообразнее проводить на базе уже действующих предприятий (АБЗ, заводы ЖБИ), что не требует высоких затрат и ограничивается только модернизацией заводов. На таких предприятиях уже существует инфраструктура приемки, отгрузки и хранения сырьевых материалов и продукции. В настоящее время в стадии завершения находятся работы по технологическому обновлению оборудования, использованию новых технологий на Цементном заводе ЗФ ОАО ГМК «Норильский Никель», которые позволят повысить конкурентоспособность продукции. Создание опытного производства ССМ при этом заводе или на заводе строительных материалов будет способствовать решению целого ряда актуальных экологических задач, в том числе задачи комплексной переработки крупнотоннажных техногенных отходов и попутного сырья (ССО, хвосты обогатительных фабрик, шлаки, золы и многое другое), существенного сокращения отходов. Физические свойства серосодержащих материалов (ССМ) прямо указывают на необходимость их использования в гидростроительстве, водоотведении и водораспределении (мелиорации). При этом существенный недостаток серобетонов —

низкая термостойкость, которая не имеет значения для гидротехнических бетонов, всегда эксплуатируемых при температурных условиях воды и воздуха окружающей среды.

К гидросооружениям отнесены плотины, водохранилища, собственно гидроэлектростанции, каналы и порты. Для строительства этих сооружений потенциально возможно применение серобетона. Серобетоны в морских гидросооружениях могут быть предпочтительнее цементобетонов в силу их высокой коррозионной стойкости.

Значительные количества серы требуются в процессах пропитки деталей и конструкций из традиционных строительных материалов для придания им большей долговечности. Внедрение этого метода в практику обеспечивает высокий экономический эффект за счет продления жизненного цикла бетонных и особенно деревянных конструкций.

Серный бетон не содержит ни портландцемента, ни воды и быстро усаживается при охлаждении, что делает его пригодным для суровых условий Арктики. Он идеален для использования при изготовлении морских соединительных труб, пригрузов для газо- и нефтепроводов и в случаях, когда трубопровод находится в экстремальных условиях. Водонепроницаемость, способность твердеть под водой, быстрый набор прочности, связанный только с периодом остывания смеси, низкая стоимость исходного сырья определяют высокую востребованность модифицированных серосодержащих строительных материалов (ССМ) в гидротехническом строительстве. Таким образом, наиболее целесообразно применять такие композиционные серобетоны при аварийных работах для предотвращения фильтрации воды под давлением.

Использование ССО позволяет значительно снизить себестоимость изделий и конструкций из серного бетона, расширить сырьевую базу производства стройматериалов за счет рационального использования попутных продуктов и отходов, а также способствует решению одной из важнейших задач современности – защите окружающей среды от загрязнения промышленными отходами.

В связи с экологической очисткой прибрежных территорий и островов Арктической зоны крайне востребованы контейнеры для захоронения радиоактивных и токсичных отходов, вызывающих серьезную озабоченность Запада. Утилизация ядерных отходов и захоронение ядерных реакторов российских подводных лодок, по мнению специалистов из разных стран, работавших по программе арктического мониторинга и оценки, вызывают локальное радиоактивное загрязнение¹³. Однако их негативное влияние сказывается только на российской территории. Основной причиной считается неудовлетворительное техническое состояние специальных объектов хранения на Северном флоте РФ. Возрастает опасность поступления токсичных веществ из мест захоронения химических и радиоактивных отходов на Новой Земле, из накопителей отходов Норильского комбината, содержащих сульфаты, хлориды, медь, никель и другие токсичные вещества.

По мнению Е.В. Королева [6], специфические свойства полимерсерных композиций, в том числе низкий естественный радиоактивный фон, защитные свойства от электромагнитного и радиоактивного излучений создают возможности применения технической серы из специальных составов на основе серного вяжущего. Это одно из

самых перспективных направлений: могут быть созданы коррозионностойкие элементы конструкций специального назначения (контейнеры для захоронения радиоактивных и химических отходов, экранирующие элементы). Созданный материал [15] обладает повышенной прочностью, морозостойкостью, стойкостью к воздействию знакопеременных температур. В предлагаемой технологии в силу высокого сцепления (более 1,7 МПа) обеспечивается надежная совместная работа серобетона с бетонными поверхностями при схожести их деформативных характеристик.

Также эффективно могут применяться серобетоны в «горячих» технологиях, в устройствах отдельных конструктивных элементов гидротехнических сооружений при замене ими традиционных для этой области материалов [11].

В этой связи новые задачи модернизации Севера и более высокие риски внедрения малоотходных технологий не только значимы экологически, но и экономически эффективны. Следует начинать с интеграции современных технологий (хвостовых природоохранных и ресурсосберегающих, основанных на использовании отходов) в производственном процессе, где одной из главных задач является разработка рациональных методов утилизации отходов, в практическую реализацию инновационных продуктов производства серосодержащих материалов [7].

Знаменательным стало бы объединение на одной площадке технологии очистки отходящих газов и производства элементной серы с технологиями получения серосодержащих материалов. Реализация столь масштабной программы в условиях сурового климата Заполярья и колоссальной удаленности промышленных объектов от основных транспортных узлов решила бы многие проблемы снабжения Арктической зоны дорожно-строительными материалами.

¹³ Очистка Земли Франса-Иосифа. – URL: <http://www.barentsobserver.com/cppage.823336-116321.htm>

Литература

1. Борисович, В.Т. Геолого-экономическая оценка техногенных месторождений / В.Т. Борисович, В.В. Чайников // Итоги науки и техники. Сер. «Техника геолого-разведочных работ» / ВИНТИ. – М., 2001. – Т. 15. – С. 85.
2. Диагностический анализ состояния окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации (Расширенное резюме) / Б.А. Моргунов, В.В. Гордеев, А.И. Данилов, А.В. Евсеев, Ю.В. Кочемасов и др. – М.: Научный мир, 2011. – 200 с.
3. Евсеев, А.В. Методологические аспекты регионального природопользования. Региональные проблемы природопользования. Север России / А.В. Евсеев // Региональное природопользование. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 10–67.
4. Технично-экономическое обоснование целесообразности строительства опытно-промышленной установки по производству серного полимербетона (термопластбетона) и изделий из него на территории Оренбургского ГПЗ ООО «Газпром добыча Оренбург» / Е.А. Журавлев и др. – М.: НИИГазэкономика, 2009.
5. Зайцев, А.К. Рециклинг. Технологии переработки и утилизации техногенных образований и отходов в черной металлургии / А.К. Зайцев. – М.: МИСиС, 2011. – С. 428.
6. Радиационно-защитные и коррозионно-стойкие серные строительные материалы / Е.В. Королев, А.П. Прошин, Ю.М. Баженов, Ю.А. Соколова. – М.: Палеотип, 2006. – 272 с.
7. Липина, А.В. Исследование инновационных технологических методов утилизации серосодержащих отходов и технической серы / А.В. Липина // Успехи современной науки и образования. – 2016. – № 2. – С. 73–76.
8. Липина, С.А. Приоритетные направления и возможности сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского Региона / С.А. Липина, К.С. Зайков // Арктика и Север. – 2015. – № 21. – С. 33–41.
9. Личман, Н.В. Применение серы и золы ТЭЦ Норильского региона при строительстве и реконструкции гидротехнических сооружений / Н.В. Личман // Инженерно-строительный журнал. – 2011. – № 8 – С. 29–34.
10. Личман, Н.В. Создание строительных связующих серных композиций как один из путей утилизации золы ТЭЦ / Н.В. Личман, В.Л. Уголков // Сухие строительные смеси. – 2010. – № 3. – С. 32–33.
11. Новиков, Н.И. Использование отходов железорудного сырья на горнорудных предприятиях ОАО «Евразруда» для производства первичного концентрата, строительных материалов и товаров народного потребления / Н.И. Новиков, В.И. Килин, Ю.Г. Матвеев // Второй международный конгресс «Цветные металлы – 2010». – Красноярск, 2010. – Р. 9. – С. 762.
12. Пат. 2276115 Российская Федерация, МПК С 04 В 12/00. Серное вяжущее / Л.В. Кухаренко, Н.В. Личман, И.В. Никитин. – № 2003136225/03. – 2006. – Бюл. № 13.
13. Пат. 2448924 Российская Федерация, МПК С04В 28/36. Состав для серного бетона / В.Г. Васильев, Е.В. Владимирова, Т.С. Чистякова, А.П. Носов, В.Л. Кожевников, О.М. Шанникова, А.Г. Осминин, Е.С. Агеева, Д.С. Медведева, М.Г. Койтеева, Е.С. Герасимова; заявитель и патентообладатель Учреждение Российской академии наук Институт химии твердого тела Уральского отделения Российской академии наук (RU), ООО НПФ «ВОСтЭП». – № 2010125787/03. – 2012. – Бюл. № 12–6. – 117 с.
14. Стратегическая программа действий по охране окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации («СПД-Арктика»): одобрена Морской коллегией при Правительстве РФ (протокол от 19 июня 2009 г. № 2 (11), раздел I, пункт 2).
15. Федеральная целевая программа «Ликвидация накопленного экологического ущерба» на 2014–2025 гг. – Режим доступа: http://natbibl.baitek.org/content/402/programma_fzp.pdf (дата обращения: 25.01.2015).
16. Ческидов, В.В. Проектирование сетей инженерно-геологических изысканий на объектах горнодобывающей промышленности / В.В. Ческидов // Горный журнал. – 2011. – № 12. – С. 24–26.
17. AMAP Assessment 2006: Acidifying Pollutants, Arctic Haze and Acidification in Arctic. Oslo: Published by Arctic Monitoring Programme (AMAP). 112 p.

Сведения об авторах

Светлана Артуровна Липина – доктор экономических наук, заведующий лабораторией, директор Центра стратегического управления и пространственного развития, Высшая школа государственного управления «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; ФГБНИУ Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН (СОПС) (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, корп. 9; Российская Федерация, 117312, г. Москва, ул. Вавилова, д. 7; e-mail: s.lipina@mail.ru)

Константин Сергеевич Зайков – кандидат исторических наук, директор, Арктический центр стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета (Российская Федерация, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 17; e-mail: k.zaikov@narfu.ru)

Александра Валерьевна Липина – аспирант, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»; Высшая школа государственного управления «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, корп. 9; e-mail: a.v.lipina@mail.ru)

Lipina S.A., Zaikov K.S., Lipina A.V.

Introduction of Innovation Technology as a Factor in Environmental Modernization in Russian Arctic

Abstract. The paper considers the fundamentals of formation and realization of the modern Russian state environmental policy in the Arctic and analyzes environmental threats and challenges, including the impact of the mining and metallurgical complex on the environment. Coal industry and ferrous and nonferrous metallurgy are considered to be major producers and accumulators of waste. In the smelting of metals slags are formed, which are based on oxides. Sulfur oxides occupy one of the first places according to their negative impact on the environment. The present paper considers environmentally responsible business models in the Arctic, when the priority in management decisions is given to the issues of preserving nature and not just making profit. The main environmental issue is associated with the accumulation of waste in the places of concentration of objects of industry, transport, energy and social sphere in the confined spaces in those areas of the Arctic, where mineral deposits are exploited, raw materials are processed and transported. The industrial processing of secondary resources and recycling of sulfur in accordance with the principles of green production (recycling) are of special scientific interest. The authors propose the following innovative methods for solving the problems of ecological modernization in the Arctic zone of the Russian Federation: utilization of sulfur-containing waste, recycling of technogenic wastes; the paper also analyzes operational and physical-mechanical properties of sulfur-extended asphalt concrete and sulfur concrete, and the possibilities of production of a new generation of building materials and road surfaces. High consumer properties of sulfur-containing construction materials – low cost of raw materials, workability of sulfur concrete and mortar mixes, fast development of strength, resistance to radiation and other aggressive environments, high frost and water resistance – make them competitive with traditional building materials that often cannot withstand the difficult climatic conditions of the North. The use of sulfur-containing waste in various economic sectors in the Arctic zone will significantly

reduce the cost of products and designs and will contribute to the solution of one of the most important tasks of our time – protection of the environment from industrial pollution.

Key words: strategic planning, innovation development, sulfur-containing waste, Arctic, waste treatment, recycling.

References

1. Borisovich V.T., Chainikov V.V. Geologo-ekonomicheskaya otsenka tekhnogennykh mestorozhdenii [Geological and economic evaluation of technogenic deposits]. *Itogi nauki i tekhniki. Ser. "Tekhnika geologo-razvedochnykh rabot"* [Results of science and technology. Series "Technology of geological exploration"]. Moscow, 2001. Vol. 15. P. 85. (In Russian).
2. Morgunov B.A., Gordeev V.V., Danilov A.I., Evseev A.V., Kochemasov Yu.V. et al. *Diagnostichekii analiz sostoyaniya okruzhayushchei sredy Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii (Rasshirennoe rezюме)* [Diagnostic analysis of the environmental state of the Arctic zone of the Russian Federation (Extended summary)]. Moscow: Nauchnyi mir, 2011. 200 p. (In Russian).
3. Evseev A.V. Metodologicheskie aspekty regional'nogo prirodopol'zovaniya. Regional'nye problemy prirodopol'zovaniya. Sever Rossii [Methodological aspects of regional environmental management. Regional problems of environmental management. The North of Russia]. *Regional'noe prirodopol'zovanie* [Regional environmental management]. Moscow: Izd-vo MGU, 2004. Pp. 10–67. (In Russian).
4. Zhuravlev E.A. et al. *Tekhniko-ekonomicheskoe obosnovanie tselesoobraznosti stroitel'stva opytно-promyshlennoi ustanovki po proizvodstvu sernogo polimerbetona (termoplastbetona) i izdelii iz nego na territorii Orenburgskogo GPZ OOO "Gazprom dobycha Orenburg"* [Feasibility study the for constructing a pilot plant for the production of sulfur polymer concrete (thermoplastic concrete) and its products on the territory of Orenburg gas processing plant OOO "Gazprom dobycha Orenburg"]. Moscow: NIIGazekonomika, 2009. (In Russian).
5. Zaitsev A.K. Retsikling. *Tekhnologii pererabotki i utilizatsii tekhnogennykh obrazovaniy i otkhodov v chernoi metallurgii* [Recycling. Technology for processing and recycling of technogenic formations and wastes in steel industry]. Moscow: MISiS, 2011. P. 428. (In Russian).
6. Korolev E.V., Proshin A.P., Bazhenov Yu.M., Sokolova Yu.A. *Radiatsionno-zashchitnye i korrozionno-stoikie sernye stroitel'nye materialy* [Radiation-protective and corrosion-resistant sulfur construction materials]. Moscow: Paleotip, 2006. 272 p. (In Russian).
7. Lipina A.V. Issledovanie innovatsionnykh tekhnologicheskikh metodov utilizatsii serosoderzhashchikh otkhodov i tekhnicheskoi sery [Investigation of innovative technological methods of disposal of sulfur waste and industrial sulfur]. *Usp ekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Achievements of modern science and education], 2016, no. 2, pp. 73–76. (In Russian).
8. Lipina S.A., Zaikov K.S. Prioritetnye napravleniya i vozmozhnosti sotrudnichestva Rossii so stranami Aziatsko-Tikhookeanskogo Regiona [Priorities and capabilities of Russia's cooperation with countries of the Asia-Pacific Region]. *Arktika i Sever* [Arctic and the North], 2015, no. 21, pp. 33–41. (In Russian).
9. Lichman N.V. Primenenie sery i zoly TETs Noril'skogo regiona pri stroitel'stve i rekonstruktsii gidrotekhnicheskikh sooruzhenii [The use of sulfur and ash at cogeneration plants of Norilsk region in the construction and reconstruction of hydraulic structures]. *Inzhenerno-stroitel'nyi zhurnal* [Journal of civil engineering], 2011, no. 8, pp. 29–34. (In Russian).
10. Lichman N.V., Ugolkov V.L. Sozdanie stroitel'nykh svyazuyushchikh sernykh kompozitsii kak odin iz putei utilizatsii zoly TETs [Creation of construction binding sulfur compositions as one of the ways of recycling ash at cogeneration plants]. *Sukhie stroitel'nye smesi* [Dry building mixes], 2010, no. 3, pp. 32–33. (In Russian).
11. Novikov N.I., Kilin V.I., Matveev Yu.G. Ispol'zovanie otkhodov zhelezorudnogo syr'ya na gornorudnykh predpriyatiyakh OAO "Evrazruda" dlya proizvodstva pervichnogo kontsentrata, stroitel'nykh materialov i tovarov narodnogo potrebleniya [Use of waste iron ore by mining enterprises of JSC "Evrazruda" for the production of primary concentrate, construction materials and consumer goods]. *Vtoroi mezhdunarodnyi kongress "Tsvetnye metally – 2010"* [Second international congress "Non-ferrous metals – 2010"] Krasnoyarsk, 2010. P. 762. (In Russian).
12. Kukharenko L.V., Lichman N.V., Nikitin I.V. Sernoe vyazhushchee [Sulfuric binding]. Russian Federation Patent No. 2003136225/03. IPC S 04 V 12/00. 2006. Bulletin No. 13. (In Russian).

13. Vasil'ev V.G., Vladimirova E.V., Chistyakova T.S., Nosov A.P., Kozhevnikov, V.L. Shannikova O.M., Osminin A.G., Ageeva E.S., Medvedeva D.S., Koiteeva M.G., Gerasimova E.S. Sostav dlya sernogo betona [Composition for sulfur concrete]. Russian Federation Patent No. 2448924. IPC S04V 28/36; applicant and owner: Institute of Solid State Chemistry, Ural Branch of RAS, OOO NPF "VOsTEP". No. 2010125787/03. 2012. Bulletin No. 12–6. 117 p. (In Russian).
14. *Strategicheskaya programma deistvii po okhrane okruzhayushchei sredy Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii ("SPD-Arktika")*: odobrena Morskoj kollegiei pri Pravitel'stve RF (protokol ot 19 iyunya 2009 g. № 2 (11), razdel I, punkt 2) [Strategic action program for environmental protection of the Arctic zone of the Russian Federation ("SAP-Arctic")]: approved by the Marine Board under the Government of the Russian Federation (Protocol of 19 June 2009 No. 2 (11), Section 1, Paragraph 2)]. (In Russian).
15. *Federal'naya tselevaya programma "Likvidatsiya nakoplennoego ekologicheskogo ushcherba" na 2014 – 2025 gg.* [Federal target program "Elimination of accumulated environmental damage" for 2014 – 2025]. Available at: http://natbibl.baitek.org/content/402/programma_fzp.pdf (accessed: 25.01.2015). (In Russian).
16. Cheskidov V.V. Proektirovanie setei inzhenerno-geologicheskikh izyskanii na ob"ektakh gornodobyvayushchei promyshlennosti [Design of networks for engineering-geological surveys for the mining industry]. *Gornyi zhurnal* [Mining journal], 2011, no. 12, pp. 24–26. (In Russian).
17. *AMAP Assessment 2006: Acidifying Pollutants, Arctic Haze and Acidification in Arctic*. Oslo: Published by Arctic Monitoring Programme (AMAP). 112 p.

Information about the Authors

Svetlana Arturovna Lipina – Doctor of Economics, Higher School of Public Administration under the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Council for the Study of Productive Forces under the Ministry of Economic Development and the Russian Academy of Sciences, Laboratory Head, Director of the Center for Strategic Management and Spatial Development (82, building 9, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; 7, Vavilov Street, Moscow, 117312, Russian Federation; e-mail: s.lipina@mail.ru)

Konstantin Sergeevich Zaikov – Ph.D. in History, Director, Arctic Center for Strategic Studies, Northern (Arctic) Federal University (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: k.zaikov@narfu.ru)

Aleksandra Valer'evna Lipina – Postgraduate Student, Junior Research, Associate, National University of Science and Technology MISiS; Higher School of Public Administration under the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, building 9, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: a.v.lipina@mail.ru)

Статья поступила 09.09.2016.

Малые города в пространственной структуре размещения населения региона*

**Мария Никитична
МАКАРОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: Maria_makarova87@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль малых городов в пространственной структуре размещения населения региона. Цель исследования – оценить неравномерность пространственного размещения населения городов Свердловской области и обосновать перспективы динамики региональной системы расселения с использованием методов математического моделирования. Автором проанализированы различные отечественные и зарубежные теоретические и методические подходы к анализу пространственных диспропорций в размещении экономического потенциала и человеческого капитала по территории регионов и стран. Авторский подход состоит в применении в качестве методического инструментария закона Ципфа, который доказал свою эффективность при изучении динамики городского населения в практике как зарубежных, так и отечественных ученых, для исследования тенденций и перспектив демографического развития городов Свердловской области. В результате проведенного исследования получены фактические и идеальные распределения Ципфа для городов Свердловской области за период 1989–2015 гг. На основе авторской методики рассчитаны значения оптимальной численности населения городов Свердловской области в каждый период и сделан вывод о том, что за 25 лет снизилось отклонение фактического распределения от распределения Ципфа. Выявлено, что самый большой

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-32-01041 «Методический инструментарий оценки факторов и перспектив социально-демографического развития малых и средних городов России».

Для цитирования: Макарова, М.Н. Малые города в пространственной структуре размещения населения региона / М.Н. Макарова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 181-194. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.10

For citation: Makarova M.N. Small towns in the spatial structure of regional population distribution. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, no. 1, pp. 181-194. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.10

город региона – Екатеринбург – уже исчерпал возможности для наращивания численности жителей. Также обосновано, что малые города являются городами-донорами населения для роста численности средних и крупных городов в Свердловской области не только в текущий период, но и на перспективу. Указанная роль малых городов в пространственном размещении городского населения региона является одним из факторов, формирующих интенсивные внутрирегиональные миграционные потоки. В результате сделан вывод о том, что требуется продуманная региональная политика по привлечению населения в средние и крупные города региона и сдерживание роста Екатеринбурга с учетом продолжающейся депопуляции малых городов. Полученные результаты могут быть использованы заинтересованными специалистами для обоснования мер по регулированию социально-демографического и пространственного развития региона.

Ключевые слова: малые города, население, пространственное размещение, закон Ципфа, социально-демографическое развитие, диспропорции развития, Свердловская область.

Введение

Развитие системы расселения и активные процессы урбанизации в мире привели к формированию не только крупных, но и малых населенных пунктов городского типа. В настоящее время малые и средние города играют существенную роль в общественном развитии, являясь хранителями культурного наследия и национального колорита страны. В России к малым городам относятся города с численностью 10–50 тыс. чел. с несельскохозяйственной специализацией экономики (промышленность, торговля, сервисные отрасли). Малые города составляют около 2/3 всех городов страны, а суммарная численность жителей в них – 16,6 млн. чел., или 16% городского населения страны. Кроме того, в зоне влияния малых городов оказывается и 38,2 млн. человек сельского населения, т.к. большинство малых городов являются центрами муниципальных образований, становясь также социокультурными центрами для этого населения [2]. Таким образом, именно социально-экономической ситуацией в малых городах во многом определяется уровень развития страны в целом (особенно ее сибирской и дальневосточной частей), социально-экономическое благополучие её граждан.

Большая часть малых городов формировались как административные, социально-культурные или производственные центры. Многие остаются таковыми и по сей день. Вместе с тем, несмотря на их важнейшую связывающую роль в экономическом пространстве России, нарастают диспропорции в развитии малых и средних городов, с одной стороны, и больших и крупных – с другой. Эти диспропорции связаны не только с различиями в экономическом потенциале городов разного масштаба, но и с противоречиями демографического развития. В то время как крупные и крупнейшие города активно наращивают численность населения, малые и средние ее стремительно теряют. Традиционно среди причин такой динамики выделяют объективные социально-демографические и экономические процессы, а также процессы агломерирования, которые способствуют оттоку населения в крупные, более развитые и привлекательные города, обладающие развитой социальной инфраструктурой и предоставляющие более широкие возможности для трудовой и социальной реализации индивида [6, с. 15; 9, с. 15-16; 1]. Однако, на наш взгляд, причины такого положения несколько глубже. В связи с

этим целью исследования является моделирование пространственного размещения населения в регионе, включая оценку его неравномерности, определение роли малых городов в пространственной структуре размещения населения и обоснование дальнейших перспектив изменения численности населения в малых городах.

Изучение пространственного размещения населения и его отдельных групп проводилось как зарубежными, так и отечественными исследователями. Так, У. Изард предлагает оценивать равномерность/неравномерность размещения населения, вычисляя коэффициент локализации, который отражает относительную степень концентрации определенной группы населения по сравнению с каким-либо иным параметром национальной экономики. Он предоставляет возможность сопоставления процентного распределения двух параметров в порайонном разрезе. Величина коэффициента может колебаться в пределах от 0 до 1. Например, если распределение данной группы населения точно совпадает с распределением базисной величины, то коэффициент будет равен 0; если же вся

группа населения сконцентрирована в одном (небольшом) районе, то коэффициент будет близок к 1 [3, с. 212-213].

Разновидностями коэффициентов локализации являются коэффициенты географической ассоциации, концентрации населения, перераспределения, а также индексы неподобия, сегрегации, централизации, описания которых даны У. Изардом на примере американских исследований (табл. 1).

В отечественных исследованиях вопрос пространственного размещения населения исследуется, например, в контексте агломерационных процессов. По определению Ю.С. Селяевой, агломерация – это сложная, пространственно-локализованная, динамично развивающаяся социально-экономическая система, формирование которой предполагает получение положительного эффекта не только за счет привлечения инвестиций в развитие городского хозяйства как целостной экономической системы; увеличения налогового потенциала и повышения эффективности бюджетных расходов, но и за счёт количественного и качественного укрупнения региональ-

Таблица 1. Разновидности коэффициентов локализации

Показатель	Автор	Сопоставляемые показатели
Коэффициент географической ассоциации	П.С. Флоренс	Распределение по штатам занятости в обрабатывающей промышленности: отрасль i по отношению к отрасли j .
Коэффициент концентрации населения	Э.М. Гувер	Процентное распределение по штатам: население по отношению к территории.
Коэффициент перераспределения	Э.М. Гувер, П.С. Флоренс	Распределение населения или занятости в исследуемых отраслях обрабатывающей промышленности: год b по отношению к году a .
Коэффициент отклонения	Э.М. Гувер	Распределение населения по штатам: белые по отношению к неграм.
Коэффициент урбанизации	Э.М. Гувер	По городам: соотношение между занятостью в отдельных отраслях и суммарной численностью населения.
Индекс неподобия	О.Д. Дункан	Распределение работающих по районам: число работающих группы А по отношению к числу работающих группы В.
Индекс сегрегации	О.Д. Дункан	Распределение работающих по районам: группа определенной профессии по отношению ко всем прочим группам.
Индекс централизации	О.Д. Дункан	По переписным участкам: соотношение между численностью определенных профессиональных групп и суммарной численностью всех групп (альтернативно: занятость в определенной отрасли к суммарной занятости во всех отраслях).
Цит. по: [3, с. 217-218].		

ных рынков [8], возникающего в результате концентрации населения на территории агломерации.

Ключевым критерием, определяющим наличие и глубину агломерационных процессов, является соотношение численности населения в структурных элементах агломерации, например:

- коэффициент развитости агломерации, предложенный П.М. Поляном [5], зависит от численности городского населения агломерации, числа городов и поселков городского типа и их доли в суммарной численности населения агломерации;

- индекс агломеративности, разработанный ЦНИИП градостроительства и представляющий собой отношение численности городского населения внешней зоны к городскому населению всей агломерации [5].

Вместе с тем такой подход ограничивается только территорией агломерации и не позволяет изучать пространственное размещение населения в регионе в целом. На наш взгляд, эффективным инструментом, позволяющим решить эту задачу, является закон Ципфа, который представляет собой эмпирическую закономерность в распределении городов и демонстрирует высокую устойчивость. В соответствии с ней размер города обратно пропорционален его рангу. Закон был впервые применён для описания распределения размеров городов немецким физиком Феликсом Ауэрбахом в работе «Закон концентрации населения» в 1913 году и носит имя американского лингвиста Джорджа Ципфа, который в 1949 году активно популяризировал данную закономерность, впервые предложив использовать её для описания распределения экономических сил и социального статуса [20, с. 484-490].

Н. Маура и М. Рибейро называют закон Ципфа проявлением динамики сложных

систем: «Демографическое распределение индивидуумов по поверхности земли, имеющее резкие пики концентрации населения в городах, чередующихся с относительно большими протяженностями, где плотность населения гораздо ниже, следует степенному закону типичной динамики сложных систем» [18]. Использование этого инструмента – достаточно популярный метод в зарубежной практике городских исследований, результаты которых подтверждают справедливость закона Ципфа для различных стран [11, 13, 19].

Исследование городского расселения в Российской Федерации в соответствии с законом Ципфа [10] показало, что:

- большинство малых и средних городов России лежат выше идеальной кривой Ципфа, поэтому ожидаемая тенденция – продолжение сокращения численности и людности в них за счёт миграции в крупные города;

- соответственно 7 городов-миллионников (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Самара), находящиеся ниже идеальной кривой Ципфа, имеют существенный резерв роста населения и ожидают прироста населения за счет миграционного притока, что позволит им компенсировать естественную убыль своего населения;

- существуют риски депопуляции первого города в ранге (Москва), поскольку второй город (Санкт-Петербург) и последующие крупные города сильно отстают от идеальной кривой Ципфа в связи со снижением спроса на рабочую силу при одновременном росте стоимости проживания, включая, прежде всего, стоимость покупки и аренды жилья.

Изучая проявления закона Ципфа в городах России, С.Н. Растворцева и И.В. Магнаева приходят к выводу, что в целом этот

закон выполняется для малых (8 600–15 300 чел.) и крупных (66 700 – 331 000 чел.) городов. В выборке городов, численность населения которых превышает 100 тыс. чел., закон Ципфа не выполняется для городов свыше 1 млн. чел. (исключением является Санкт-Петербург) [7].

В нашей работе моделируется пространственное размещение населения в Свердловской области и определяется роль малых городов в системе расселения данного региона. Актуальность этой темы исследования подтверждается утверждённой Стратегией социально-экономического развития Свердловской области до 2030 г. (Закон Свердловской области от 15.12.2015), в которой одной из целей закреплено сбалансированное развитие муниципальных образований (большинство из которых сформированы вокруг малых городов), расположенных на территории региона, включая: снижение дифференциации качества жизни в муниципальных образованиях, расположенных на территории Свердловской области, усиление внутрирегиональной связанности территории Свердловской области, содействие формированию эффективного взаимодействия между центрами формирующихся агломераций (муниципальное образование «Город Екатеринбург», город Нижний Тагил, Серовский городской округ) и прилегающими к ним муниципальными образованиями, формирование единой полицентрической планировочной и социально-экономической системы. Возможность решения указанных задач определяется в том числе тем, какие демографические процессы происходят на территориях региона, т.к. именно они во многом определяют качество жизни населения, с одной стороны, и пространственную структуру региона (связанность, агломерированность территорий) – с другой.

Применение закона Ципфа для анализа динамики численности населения в городах Свердловской области позволит оценить перспективы трансформации системы расселения региона и обосновывать стратегические направления социально-экономической и пространственной политики в части сохранения и развития потенциала малых городов Свердловской области.

Данные и методы

Данные. Для исследования использовались данные о численности населения городов и поселков городского типа Свердловской области по результатам переписей населения 1989, 2002, 2010 годов и оценки численности населения на 1 января 2015 года¹. В выборку попали 73 населенных пункта, из которых в 2015 году:

- свыше 1000 тыс. чел. – 1 город (Екатеринбург);
- от 250 до 1000 тыс. чел. – 1 город (Н. Тагил);
- от 100 до 250 тыс. чел. – 2 города (Каменск-Уральский, Первоуральск);
- от 50 до 100 тыс. чел. – 8 городов;
- от 10 до 50 тыс. чел. – 33 населенных пункта (из них 3 пгт.);
- менее 10 тыс. чел. – 28 населенных пунктов (из них 5 городов).

Методы. Закон Ципфа представляет собой статистическую закономерность распределения размера городов в стране и хорошо аппроксимируется Парето-распределением. Содержательная трактовка закона следующая: вероятность того что размер города больше S , пропорциональна $1/S$ и коэффициент пропорциональности равен β . Если $\beta = -1$, то самый большой город в 2 раза больше второго по численности насе-

¹ City population. Population Statistics for Countries, Administrative Areas, Cities and Agglomerations – Interactive Maps and Charts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.citypopulation.de/php/russia-sverdlovsk.php> (дата обращения 26.05.16).

ления города, в 3 раза больше третьего по величине и т.д. В результате в регрессии:

$$\ln(S_i) = \alpha + \beta \ln(R_i) + \varepsilon_i,$$

где $\ln(S_i)$ – логарифм численности населения i -того города, а $\ln(R_i)$ – логарифм порядкового номера i -го города в упорядоченной по убыванию последовательности, коэффициент β равен -1 [4].

Таким образом, города, расположенные ниже идеальной кривой Ципфа, характеризуются недостатком численности населения, а расположенные выше – избытком. Для расчета «идеальной» численности населения и оценки ее избытка/недостатка в конкретном городе были использованы полученные регрессии.

Результаты и обсуждение

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области суммарная численность городского населения в регионе с 1989 по 2015 г. снизилась с 4011,3 до 3648,9 тыс. чел. (на 9 п.п.). Сокращение численности коснулось всех населенных пунктов городского типа Свердловской области, за исключением городов формирующейся агломерации «Большой Екатеринбург»: Екатеринбург, В. Пышма, Среднеуральск, Арамиль имеют прирост численности населения в среднем на 14 п.п. В результате перераспределения городского населения по территории региона выросло количество поселков городского типа (с численностью населения менее 10 тыс. чел.) с 18 до 28 ед., сократилось количество малых городов (с численностью населения 10–50 тыс. чел.) с 39 до 33 ед., а также средних и крупных городов (с численностью населения более 50 тыс. чел.) с 16 до 12 ед. Причем переток населения, как уже отмечалось выше, осуществлялся преимущественно в Екатеринбург и его города-спутники, а также за пределы региона.

По данным о численности населения в городах и поселках городского типа (пгт.) Свердловской области было построено распределение Ципфа за четыре периода (см. рис. 1–4). Регрессии, указанные на этих рисунках, позволяют рассчитать оптимальную численность населения для каждого из включенных в исследование населенных пунктов и дать количественную оценку избытка или недостатка населения в различные годы (табл. 2). Следует отметить, что 2010 и 2015 годы имеют схожую картину распределения городского населения по территории области с некоторой тенденцией к усилению, поэтому данные за 2010 год не представлены.

Как видно на рис. 1, в 1989 году размещение городского населения по территории Свердловской области имело значительные отклонения от распределения Ципфа. Для городов с численностью 10–50 тыс. чел. среднее отклонение составило 24,9%; для городов с численностью свыше 50 тыс. чел. – 30,5%. Это объясняется тем, что жесткое регулирование внутренней миграции препятствовало свободному перемещению населения и не позволяло сглаживать межтерриториальные различия в социально-демографическом развитии.

Переход к рыночным механизмам регулирования в 1990-е гг. характеризовался поляризацией социально-демографического развития городов Свердловской области.

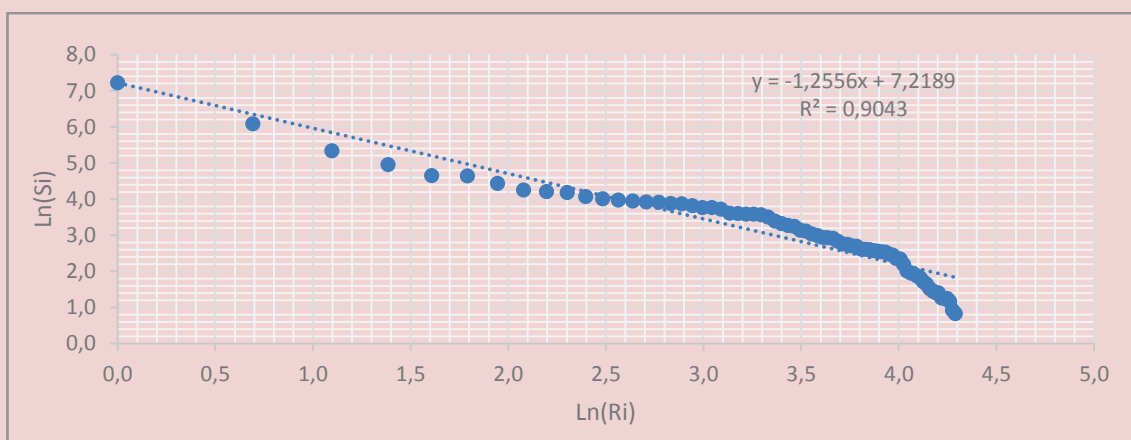
На рис. 2 видно, что отклонение от закона Ципфа усилилось и в сторону недостатка населения в крупных и средних городах (с численностью населения свыше 50 тыс. чел.), составив в среднем 32% (или суммарно 568,0 тыс. чел.), и в сторону сокращения избытка населения в малых городах (10–50 тыс. чел.), составив 24% в среднем (или суммарно 239,6 тыс. чел.). Вместе с тем следует отметить, что пере-

Таблица 2. Фактическая и оптимальная численность населения в городах и поселках городского типа Свердловской области, тыс. чел.

Населенный пункт	1989			2002			2015		
	Фактич. числ-ть	Оптимальная числ-ть	Избыток/недостаток	Фактич. числ-ть	Оптимальная числ-ть	Избыток/недостаток	Фактич. числ-ть	Оптимальная числ-ть	Избыток/недостаток
Екатеринбург	1364,6	1365,0	-0,4	1293,5	1296,7	-3,2	1428,0	1257,4	170,6
Нижний Тагил	439,5	571,7	-132,2	390,5	537,8	-147,3	356,8	515,4	-158,7
Каменск-Уральский	207,8	343,6	-135,8	186,2	321,4	-135,2	170,9	305,9	-135,0
Первоуральск	142,2	239,4	-97,2	132,3	223,1	-90,8	125,5	211,3	-85,8
Новоуральск	104,9	180,9	-76,1	99,8	168,0	-68,2	98,0	158,6	-60,5
Серов	104,1	143,9	-39,8	95,4	133,3	-37,9	82,6	125,4	-42,8
Асбест	84,5	118,6	-34,1	76,3	109,6	-33,3	66,1	102,8	-36,7
Полевской	70,6	100,3	-29,6	66,8	92,5	-25,8	65,8	86,6	-20,8
Красноуральск	67,3	86,5	-19,2	64,9	79,7	-14,8	62,7	74,4	-11,7
Ревда	65,8	75,8	-10,0	62,7	69,7	-7,0	62,2	65,0	-2,8
Лесной	58,5	67,2	-8,8	58,0	61,7	-3,7	58,6	57,5	1,1
Верхняя Салда	55,2	60,3	-5,0	53,2	55,3	-2,1	56,1	51,4	4,6
Верхняя Пышма	53,1	54,5	-1,4	51,2	49,9	1,3	49,3	46,4	3,0
Ирбит	51,7	49,7	2,0	46,7	45,5	1,3	43,9	42,2	1,7
Тавда	50,7	45,5	5,1	44,7	41,6	3,0	40,0	38,6	1,5
Алапаевск	50,1	42,0	8,1	44,3	38,4	5,9	39,3	35,5	3,8
Канканар	48,3	38,9	9,3	43,6	35,5	8,1	37,9	32,8	5,0
Берёзовский	47,9	36,2	11,7	43,3	33,0	10,3	37,7	30,5	7,2
Красноуральск	45,6	33,8	11,8	40,7	30,8	9,8	37,7	28,5	9,2
Реж	43,4	31,7	11,7	39,9	28,9	11,0	34,2	26,6	7,6
Кушва	43,1	29,9	13,2	36,4	27,2	9,2	34,1	25,0	9,1
Артёмовский	41,2	28,2	13,1	35,6	25,6	9,9	31,2	23,6	7,6
Карпинск	37,0	26,6	10,3	35,0	24,2	10,8	29,4	22,3	7,2
Сухой Лог	36,6	25,2	11,3	34,7	22,9	11,7	29,1	21,1	8,1
Североуральск	36,1	24,0	12,1	32,9	21,8	11,1	27,6	20,0	7,6
Богданович	36,0	22,8	13,2	31,2	20,7	10,5	27,6	19,0	8,6
Красноуральск	35,3	21,8	13,5	29,0	19,7	9,2	27,1	18,1	9,0
Камышлов	33,5	20,8	12,7	28,9	18,9	10,1	26,6	17,3	9,3
Невьянск	29,8	19,9	9,9	27,9	18,0	9,9	23,8	16,5	7,2
Заречный	27,7	19,1	8,6	26,6	17,3	9,4	23,5	15,8	7,7
Нижняя Тура	26,3	18,3	8,0	24,2	16,6	7,7	22,0	15,2	6,8
Кировград	25,6	17,6	8,0	23,2	15,9	7,3	21,0	14,6	6,4
Туринск	23,2	16,9	6,3	22,2	15,3	6,8	20,8	14,0	6,8
Сысерть	22,5	16,3	6,2	19,6	14,7	4,8	20,3	13,5	6,8

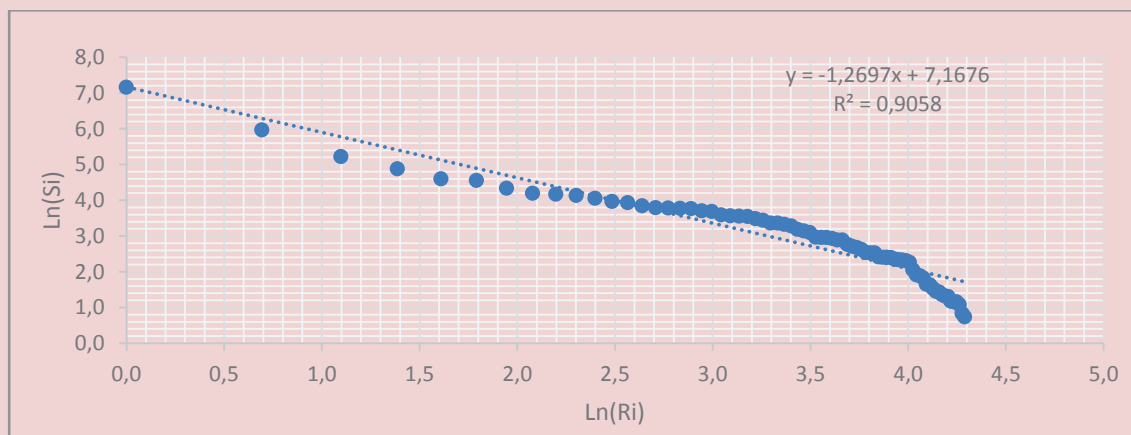
Нижняя Салда	20,9	15,7	5,2	Ивдель	19,3	14,2	5,1	Нижняя Салда	17,4	13,0	4,4
Талица	19,9	15,2	4,7	Туринск	19,3	13,7	5,6	Туринск	17,3	12,5	4,8
Ивдель	19,0	14,7	4,4	Талица	18,9	13,2	5,6	Ивдель	16,4	12,1	4,3
Среднеуральск	18,8	14,2	4,6	Нижняя Салда	18,1	12,8	5,3	Рефтинский	16,2	11,7	4,5
Детярск	18,4	13,7	4,7	Рефтинский	18,0	12,4	5,6	Талица	16,1	11,3	4,8
Рефтинский	17,1	13,3	3,8	Детярск	15,9	12,0	3,9	Детярск	16,0	10,9	5,1
Арти	15,8	12,9	2,9	Арамилль	15,1	11,6	3,5	Арамилль	14,8	10,6	4,2
Новая Ляля	15,7	12,5	3,2	Новая Ляля	14,6	11,3	3,3	Арти	12,9	10,3	2,6
Нижние Серги	14,9	12,1	2,8	Арти	13,8	10,9	2,9	Белоярский	12,1	10,0	2,1
Волчанск	14,8	11,8	3,0	Белоярский	12,6	10,6	2,0	Новая Ляля	12,1	9,7	2,4
Белоярский	13,7	11,5	2,2	Верхний Тагил	12,6	10,3	2,2	Верхний Тагил	11,4	9,4	2,0
Арамилль	13,6	11,2	2,4	Нижние Серги	12,6	10,0	2,5	Бисерть	9,8	9,1	0,7
Верхняя Тура	13,6	10,9	2,7	Бисерть	11,3	9,8	1,5	Пышма	9,8	8,9	0,9
Верхний Тагил	13,1	10,6	2,6	Верхняя Сиячиха	11,1	9,5	1,6	Верхняя Сиячиха	9,8	8,6	1,1
Михайловск	12,9	10,3	2,6	Верхняя Тура	11,1	9,3	1,8	Нижние Серги	9,6	8,4	1,1
Малышева	12,7	10,0	2,6	Волчанск	11,0	9,0	2,0	Малышева	9,4	8,2	1,2
Бисерть	12,6	9,8	2,8	Михайловск	10,5	8,8	1,7	Волчанск	9,4	8,0	1,4
Верхняя Сиячиха	12,0	9,6	2,4	Сосьва	10,3	8,6	1,8	Михайловск	9,3	7,8	1,5
Пышма	11,5	9,3	2,2	Пышма	10,3	8,4	1,9	Верхняя Тура	9,2	7,6	1,6
Свободный	10,6	9,1	1,5	Малышева	10,1	8,2	1,9	Верхотурье	8,7	7,4	1,3
Сосьва	10,4	8,9	1,5	Свободный	9,7	8,0	1,7	Сосьва	8,7	7,2	1,4
Верхотурье	9,0	8,7	0,3	Верхотурье	7,8	7,8	0,0	Свободный	8,4	7,1	1,3
Верхние Серги	7,5	8,5	-1,0	Шаля	6,8	7,6	-0,8	Шаля	6,5	6,9	-0,4
Шаля	7,1	8,3	-1,2	Верхние Серги	6,6	7,5	-0,8	Верхние Серги	5,9	6,8	-0,9
Тугулым	6,9	8,2	-1,3	Тугулым	6,2	7,3	-1,1	Тугулым	5,8	6,6	-0,8
Верх-Нейвинский	6,5	8,0	-1,4	Верх-Нейвинский	5,2	7,2	-1,9	Верх-Нейвинский	5,2	6,5	-1,3
Горноуральский	6,2	7,8	-1,7	Ачит	5,1	7,0	-1,9	Верхнее Дуброво	5,0	6,3	-1,4
Ачит	5,6	7,7	-2,1	Верхнее Дуброво	4,7	6,9	-2,2	Ачит	5,0	6,2	-1,2
Верхнее Дуброво	5,2	7,5	-2,3	Горноуральский	4,3	6,7	-2,5	Мартош	4,0	6,1	-2,1
Мартош	4,6	7,4	-2,8	Мартош	4,2	6,6	-2,4	Дружинино	3,7	6,0	-2,2
Атиг	4,3	7,2	-2,9	Атиг	3,9	6,5	-2,6	Горноуральский	3,7	5,8	-2,2
Махнёво	4,1	7,1	-3,0	Махнёво	3,8	6,3	-2,6	Пельым	3,3	5,7	-2,5
Пельым	4,1	7,0	-2,9	Пельым	3,7	6,2	-2,5	Махнёво	3,2	5,6	-2,4
Старотуткинский	3,6	6,8	-3,3	Старотуткинский	3,2	6,1	-2,9	Атиг	3,2	5,5	-2,3
Гари	3,5	6,7	-3,2	Гари	3,2	6,0	-2,8	Старотуткинский	3,1	5,4	-2,3
Пионерский	3,5	6,6	-3,1	Пионерский	3,2	5,9	-2,7	Пионерский	3,0	5,3	-2,3
Дружинино	3,2	6,5	-3,2	Дружинино	2,9	5,8	-2,8	Уральский	2,4	5,2	-2,8
Уральский	2,5	6,4	-3,8	Уральский	2,3	5,7	-3,4	Гари	2,2	5,1	-2,9
Натальинск	2,3	6,2	-3,9	Натальинск	2,1	5,6	-3,5	Натальинск	1,6	5,0	-3,4
ИТОГО	4011,3	4372,7	-361,4		3706,6	4072,7	-366,2		3648,9	3858,5	-209,6

Рисунок 1. Распределение Ципфа для городов и пгт. Свердловской области на 12.01.1989

Источник: City population. Population Statistics for Countries, Administrative Areas, Cities and Agglomerations – Interactive Maps and Charts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.citypopulation.de/php/russia-sverdlovsk.php> (дата обращения: 26.05.16).

Рисунок 2. Распределение Ципфа для городов и пгт. Свердловской области на 09.10.2002

Источник: City population. Population Statistics for Countries, Administrative Areas, Cities and Agglomerations – Interactive Maps and Charts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.citypopulation.de/php/russia-sverdlovsk.php> (дата обращения: 26.05.16).

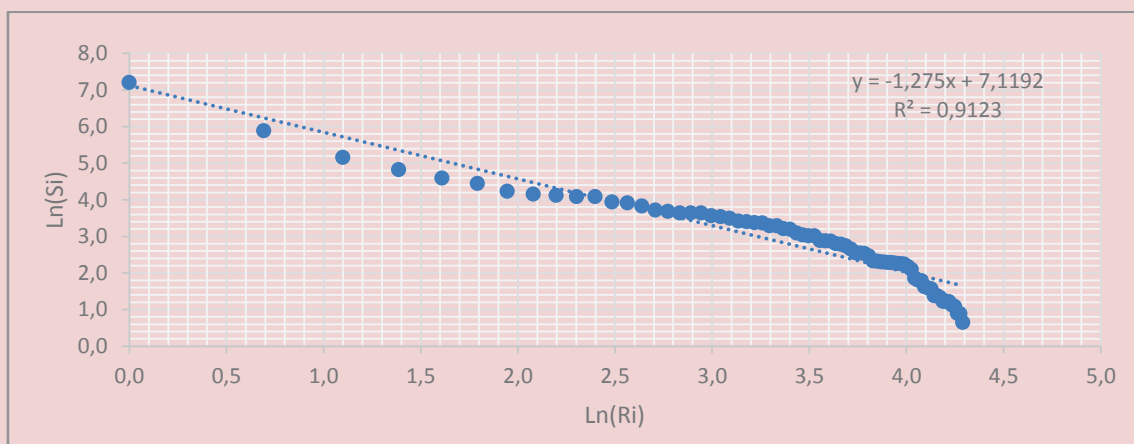
мещение населения в этот период привело как к снижению избытка/недостатка численности населения (в 55 населенных пунктах), так и к увеличению (в 19 населенных пунктах).

Период 2010–2015 годов (рис. 3–4) характеризуется дальнейшим снижением поляризации социально-демографического развития и приближением распределения

численности населения в городах Свердловской области к распределению Ципфа.

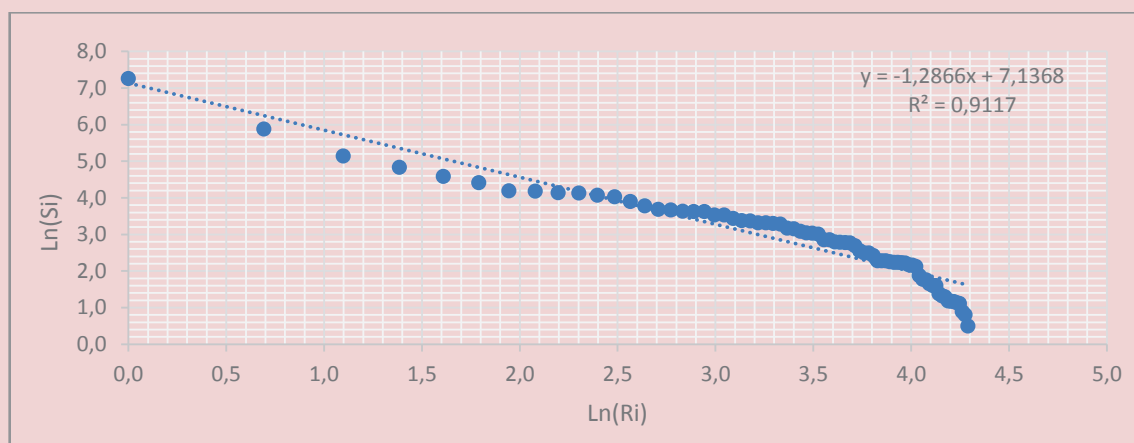
Однако следует отметить два факта пространственного размещения городского населения по территории Свердловской области на начало 2015 года. Во-первых, значительная прибыль численности населения сформировала в Екатеринбурге ее значительный избыток с точки зрения раз-

Рисунок 3. Распределение Ципфа для городов и пгт. Свердловской области на 14.10.2010

Источник: City population. Population Statistics for Countries, Administrative Areas, Cities and Agglomerations – Interactive Maps and Charts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.citypopulation.de/php/russia-sverdlovsk.php> (дата обращения: 26.05.16).

Рисунок 4. Распределение Ципфа для городов и пгт. Свердловской области на 01.01.2015

Источник: City population. Population Statistics for Countries, Administrative Areas, Cities and Agglomerations – Interactive Maps and Charts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.citypopulation.de/php/russia-sverdlovsk.php> (дата обращения: 26.05.16).

мещения населения в регионе. Во-вторых, малые города (за исключением городов-спутников г. Екатеринбурга) характеризуются сокращением избытка численности населения. Вместе с тем, хотя этот избыток еще достаточно значителен (188,5 тыс. чел.), он может быть свободно поглощен средними и крупными городами, испытывающими потребность в 554,8 тыс. чел.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что перемещение населения из малых городов в средние и крупные продолжится в ближайшей перспективе и еще больше приблизит пространственное размещение населения в регионе к закону Ципфа.

Наши расчеты подтверждают выводы других исследователей [12, 14, 15, 16, 17] о том, что пространственное размещение на-

селения является сложной системой, стремящейся к некоторому равновесному состоянию (распределение Ципфа) и имеющей способность возвращаться в него после катастроф различной природы (в том числе искусственных барьеров для свободного перемещения населения).

Если сравнивать линии тренда, указанные на рис. 1–4, то за исследуемый период величина свободного члена и модуль коэффициента регрессии увеличились, что соответствует повороту линии тренда по часовой стрелке и ее подъему вверх, т.е. ускорению процессов роста контрастности расселения и сокращения людности малых и средних городов. Данный факт соответствует сложившейся общероссийской тенденции опережающего роста более крупных городов, при этом доля населения, проживающего в городах с меньшей численностью населения, значительно снижается [10]. Следовательно, в ближайшей перспективе малые города сохранят свою функцию источника человеческого капитала для средних и крупных городов. Вместе с тем отметим, что Екатеринбург уже исчерпал возможности для наращивания численности населения. Следовательно, требуется продуманная политика региональных властей по регулированию миграции населения и повышению привлекательности городов региона (кроме Екатеринбурга) – потенциальных приемщиков избытка населения из малых городов.

Заключение

Пространственная структура размещения населения в регионе является динамической системой, претерпевающей изменения под воздействием демографических и социально-экономических факторов в сторону некоторого равновесного состояния. Многочисленные зарубежные и отечественные исследования доказали, что данное равновесное состояние определя-

ется законом Ципфа и обнаруживается во многих странах мира. Это позволяет делать обоснованные выводы о тенденциях, факторах и перспективах развития исследуемых систем расселения.

В нашем исследовании проведен анализ пространственного размещения городов Свердловской области. Полученные распределения для 1989, 2002, 2010 и 2015 годов показали, что распределение городского населения по территории региона в целом подчиняется закону Ципфа, причем с течением времени фактическое распределение постепенно сдвигается в сторону идеального распределения Ципфа.

Также было определено, что для крупных и средних городов характерен недостаток численности населения, а для малых – ее избыток. При этом следует отметить, что в результате перераспределения населения по городам региона наблюдается сокращение положительного или отрицательного отклонения численности населения исследуемых городов от «оптимального», т.е. соответствующего закону Ципфа.

Таким образом, причинами сокращения численности населения в малых городах и роста в больших и крупных городах являются не только социально-экономические факторы (диспропорции в экономическом и социально-культурном потенциале), но и стремление пространственной структуры размещения населения региона как динамической самоорганизующейся системы к более равновесному состоянию. В этой ситуации малые и средние города являются донорами человеческого капитала для больших и крупных городов области. Более того, эта тенденция продолжится в ближайшем будущем и должна быть учтена при разработке региональной социально-экономической политики в части сохранения и развития потенциала малых городов Свердловской области.

Кроме того, подчеркнем, что крупнейший город региона – Екатеринбург с численностью около 1,5 млн. чел. при существующей системе расселения уже исчерпал свои возможности для наращивания численности жителей без ущерба для остальных территорий Свердловской области. Этот факт также должен быть принят во внимание региональными властями,

которым следует сосредоточить усилия на повышении привлекательности других городов региона (как крупных, так и в особенности малых и средних), чтобы стимулировать перемещение жителей области и внешних мигрантов таким образом, чтобы повышалась устойчивость и равновесность пространственной структуры размещения населения.

Литература

1. Булдакова, Н.Б. Проблемы и перспективы развития малых городов России / Н.Б. Булдакова [Текст] // Вестник Шадринского государственного педагогического института. – 2011/1. – Вып. 1. – С. 166–169. – (Проблемы истории и права).
2. Зыкова, Н.В. Малые города в системе социально-экономического развития региона: современные тенденции и проблемы [Текст] / Н.В. Зыкова, С.В. Хозяинова // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 4 (40). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3837> (дата обращения: 20.09.2016).
3. Изард, У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах [Текст] / У. Изард. – М.: Прогресс, 1966. – 660 с.
4. Коломак, Е.А. Развитие городской системы России: тенденции и факторы. [Текст] / Е.А. Коломак // Вопросы экономики. – 2014. – № 10. – С. 82–96.
5. Лаппо, Г. Агломерации России в XXI веке [Текст] / Г. Лаппо, П. Полян, Т. Селиванова // Демоскоп Weekly. – 2010. – № 407–408. – С. 45–52.
6. Плюснин, Ю.М. Малые города России. Социально-экономическое поведение домохозяйств, ценностные установки и психологическое состояние населения в 1999 г. [Текст] / Ю.М. Плюснин. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – Вып. 27. – 147 с.
7. Растворцева, С.Н. Анализ проявления закона Ципфа в городах России [Текст] / С.Н. Растворцева, И.В. Манаева // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 46 (445). – С. 56–66.
8. Селяева, Ю.С. Формирование городских агломераций как инструмент динамичного социально-экономического развития территорий [Текст] / Ю.С. Селяева // Инженерный вестник Дона. – 2012. – № 3 (21). – С. 765–769.
9. Социально-экономическое развитие малых городов России [Текст] / под ред. Г.Ю. Ветрова. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2002. – 102 с.
10. Фаттахов, Р.В. Пространственное развитие России: вызовы современности и формирование точек экономического роста. Национальный доклад / Р.В. Фаттахов, П.В. Строев // Панельная дискуссия «Пространственное развитие России: вызовы современности и формирование точек экономического роста». 22.06.2015. Финансовый университет при Правительстве РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fa.ru/projects/forum24/discussion/Pages/Prostranstvennoe-razvitie-Rossii-vyzovy-sovremenno.aspx> (дата обращения: 20.09.2016).
11. Benguigua L., Blumenfeld-Lieberthal E. A dynamic model for city size distribution beyond Zipf's law [Text] // Physica A. – 2007. – № 384. – P. 613–627.
12. Brakman S., Garretsen H., Schramm M. The Strategic Bombing of German Cities During World War II and Its Impact on City Growth [Text] // Journal of Economic Geography. – 2004. – Vol. 4. – № 2. – P. 201–208.
13. Chen Y., Zhou Y. Multi-fractal measures of city-size distributions based on the three parameter Zipf model [Text] // Chaos, Solitons & Fractals. – 2004. – № 22. – P. 793–805.
14. Davis D., Weinstein D. A Search for Multiple Equilibria in Urban Industrial Structure [Text] // Journal of Regional Science. – 2008. – Vol. 48. – № 1. – P. 29–65.
15. Davis D., Weinstein D. Bones, Bombs, and Break Points: The Geography of Economic Activity [Text] // American Economic Review. – 2002. – Vol. 92. – № 5. – P. 1269–1289.
16. Mansury Y., Gulyar L. The emergence of Zipf's Law in a system of cities: An agent based simulation approach [Text] // Journal of Economic Dynamics & Control. – 2007. – № 31. – P. 2438–2460.

17. Miguel E., Roland G. The Long-run Impact of Bombing Vietnam [Text] // *Journal of Development Economics* – 2011. – Vol. 96. – № 1. – P. 1–15.
18. Moura N.J., Ribeiro M.B. Zipf law for Brazilian cities. [Text] // *Physica A*. – 2006. – № 367. – P. 441–448.
19. Xu Z., Harriss R. A Spatial and Temporal Autocorrelated Growth Model for City Rank-Size Distribution [Text] // *Urban Studies*. – 2010. – № 47 (2). – P. 321–335.
20. Zipf G.K. *Human Behavior and the Principle of Least Effort*. – Boston: Addison-Wesley Press, 1949. – 573 с.

Сведения об авторе

Мария Никитична Макарова – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: Maria_makarova87@mail.ru)

Makarova M.N.

Small Towns in the Spatial Structure of Regional Population Distribution

Abstract. The article discusses the role of small towns in the spatial structure of the regional population. The purpose for the study is to assess the irregularity of spatial distribution of urban population in the Sverdlovsk Oblast and substantiate the prospects for regional distribution system dynamics by using the methods of mathematical modeling. The author analyzes various domestic and foreign theoretical and methodological approaches to analyzing spatial disparities in deployment of economic potential and human capital throughout regions and countries. The author's approach is to apply the methodological tools of Zipf's law, which proved its effectiveness during the study of urban population dynamics in the works of both foreign and domestic scholars, to study trends and prospects for demographic development in the Sverdlovsk Oblast. The research has helped reveal actual and ideal Zipf's distribution for towns of the Sverdlovsk Oblast during 1989–2015. Based on the methodology the author calculates the values of optimal population in the towns of the Sverdlovsk Oblast in each period and concludes that over the past 25 years the deviation of actual distribution from Zipf's distribution has decreased. It has been revealed that the largest city of the region – Yekaterinburg, has already exhausted the opportunities for increasing the number of its residents. It has also been proved that small towns are population donors for the growth of medium and large towns in the Sverdlovsk Oblast not only in the current period, but also in the future. The specified role of small towns in the spatial distribution of urban population in the region is one of the factors generating intense intraregional migration flows. The author concludes that the regional policy of attracting population to medium and large towns of the region and restraining of the expansion of Yekaterinburg considering continuous depopulation of small towns. The obtained results may be used by the experts for justifying measures on management of the region's socio-demographic and spatial development.

Key words: small towns, population, spatial distribution, Zipf's law, socio-demographic development, development disparities, Sverdlovsk Oblast.

References

1. Buldakova N.B. Problemy i perspektivy razvitiya mal'kikh gorodov Rossii [Issues and prospects of small town development in Russia]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Buletin of Shadrinsk State Pedagogical University], 2011/1, issue 1, pp. 166–169. (In Russian).
2. Zykova N.V., Khozyainova S.V. Mal'ye goroda v sisteme sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona: sovremennye tendentsii i problemy [Small towns in the system of socio-economic development of a region: contemporary tendencies and problems]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of modern economics],

- 2011, no. 4 (40). Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3837> (accessed: 20.09.2016). (In Russian).
3. Izard U. *Metody regional'nogo analiza: vvedenie v nauku o regionakh* [Methods of regional analysis: introduction to regional science]. Moscow: Progress, 1966. 660 p. (In Russian).
 4. Kolomak E.A. Razvitie gorodskoi sistemy Rossii: tendentsii i factory [Development of Russian urban system: tendencies and determinants]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2014, no. 10, pp. 82–96. (In Russian).
 5. Lappo G., Polyan P., Selivanova T. Aglomeratsii Rossii v XXI veke [Russian agglomerations in the 21st century]. *Demoskop Weekly* [Demoscope weekly], 2010, no. 407–408, pp. 45–52. (In Russian).
 6. Plyusnin Yu.M. Malye goroda Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskoe povedenie domokhozyaistv, tsennostnye ustanovki i psikhologicheskoe sostoyanie naseleniya v 1999 g. [Small towns in Russia. Socio-economic behavior of households, value attitudes and psychological condition of the population in 1999]. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 2000, issue 27. 147 p. (In Russian).
 7. Rastvortseva S.N., Manaeva I.V. Analiz proyavleniya zakona Tsipfa v gorodakh Rossii [Analyzing the effect of Zipf's law in Russian cities]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2015, no. 46(445), pp. 56–66. (In Russian).
 8. Selyaeva Yu.S. Formirovanie gorodskikh aglomeratsii kak instrument dinamichnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii [Formation of urban agglomeration as a tool for the territory's dynamic socio-economic development]. *Inzhenernyi vestnik Dona* [Engineering journal of Don], 2012, no. 3(21), pp. 765–769. (In Russian).
 9. Vetrov G.Yu. (Ed.). Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie malykh gorodov Rossii [Socio-economic development of small towns in Russia]. M: Fond «Institut ekonomiki goroda», 2002. 102 p. (In Russian).
 10. Fattakhov R.V., Stroev P.V. Prostranstvennoe razvitie Rossii: vyzovy sovremennosti i formirovanie tochek ekonomicheskogo rosta. Natsional'nyi doklad [Spatial development of Russia: modern challenges and formation of economic growth points. National report]. *Panel'naya diskussiya «Prostranstvennoe razvitie Rossii: vyzovy sovremennosti i formirovanie tochek ekonomicheskogo rosta»*. 22.06.2015. *Finansovyi universitet pri Pravitel'stve RF* [Panel discussion “Spatial development of Russia: modern challenges and formation of economic growth points”. 22.06.2015. Financial University under the Government of the Russian Federation]. Available at: <http://fa.ru/projects/forum24/discussion/Pages/Prostranstvennoe-razvitie-Rossii-vyzovy-sovremenno.aspx> (data obrashcheniya: 20.09.2016). (In Russian).
 11. Benguiguia L., Blumenfeld-Lieberthal E. A dynamic model for city size distribution beyond Zipf's law. *Physica A*, 2007, no. 384, pp. 613–627.
 12. Brakman S., Garretsen H., Schramm M. The Strategic Bombing of German Towns During World War II and Its Impact on City Growth. *Journal of Economic Geography*, 2004, volume 4, no. 2, pp. 201–208.
 13. Chen Y., Zhou Y. Multi-fractal measures of city-size distributions based on the three parameter Zipf model. *Chaos, Solitons & Fractals*, 2004, no. 22, pp. 793–805.
 14. Davis D., Weinstein D. A Search for Multiple Equilibria in Urban Industrial Structure. *Journal of Regional Science*, 2008, volume 48, no. 1, pp. 29–65.
 15. Davis D., Weinstein D. Bones, Bombs, and Break Points: The Geography of Economic Activity. *American Economic Review*, 2002, volume 92, no. 5, pp. 1269–1289.
 16. Mansury Y., Gulyar L. The emergence of Zipf's Law in a system of towns: An agent based simulation approach. *Journal of Economic Dynamics & Control*, 2007, no. 31, pp. 2438–2460.
 17. Miguel E., Roland G. The Long-run Impact of Bombing Vietnam. *Journal of Development Economics*, 2011, volume 96, no. 1, pp. 1–15.
 18. Moura N. J., Ribeiro M. B. Zipf law for Brazilian towns. *Physica A*, 2006, no. 367, pp. 441–448.
 19. Xu Z., Harriss R. A Spatial and Temporal Autocorrelated Growth Model for City Rank-Size Distribution. *Urban Studies*, 2010, no. 47 (2), pp. 321–335.
 20. Zipf G.K. *Human Behavior and the Principle of Least Effort*. Boston: Addison-Wesley Press, 1949. 573 p.

Information about the Author

Mariya Nikitichna Makarova – Ph.D. in Economics, Junior Research Associate, Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Maria_makarova87@mail.ru)

Статья поступила 21.06.2016.

DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.11

УДК 338.48, ББК 75.8

© Яшалова Н.Н., Акимова М.А., Рубан Д.А.,
Бойко С.В., Усова А.В., Мустафаева Э.Р. кызы

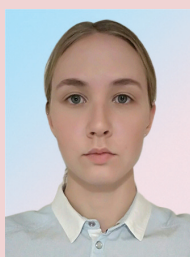
Перспективы регионального развития промышленного туризма в свете анализа основных экономических показателей российской туриндустрии

**Наталья Николаевна
ЯШАЛОВА**
Череповецкий
государственный
университет
Череповец, РФ
E-mail: natalij2005@mail.ru

**Станислав Владимирович
БОЙКО**
Филиал Санкт-Петербург-
ского государственного эко-
номического университета
Череповец, РФ
E-mail: sboiko938@mail.ru

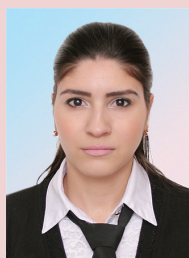
**Мария Андреевна
АКИМОВА**
Южный федеральный
университет
Ростов-на-Дону, РФ
E-mail: empuza@mail.ru

**Анна Вадимовна
УСОВА**
Череповецкий
государственный
университет
Череповец, РФ
E-mail: Annvadim75@yandex.ru

**Дмитрий Александрович
РУБАН**
Южный федеральный
университет
Ростов-на-Дону, РФ
E-mail: ruban-d@mail.ru

**Эллада Рамис кызы
МУСТАФАЕВА**
Череповецкий
государственный
университет
Череповец, РФ
E-mail: ellada-mustafaeva@bk.ru

Для цитирования: Перспективы регионального развития промышленного туризма в свете анализа основных экономических показателей российской туриндустрии / Н.Н. Яшалова, М.А. Акимова, Д.А. Рубан, С.В. Бойко, А.В. Усова, Э.Р. Мустафаева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 195-213. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.11

For citation: Yashalova N.N., Akimova M.A., Ruban D.A., Boiko S.V., Usova A.V., Mustafaeva E.R. Prospects for regional development of industrial tourism in view of the analysis of the main economic indicators of Russian tourism industry. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 195-213. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.11

Аннотация. Проблема развития индустрии туризма на региональном уровне актуальна для всех субъектов Российской Федерации. Особенно остро она стоит в тех из них, которые не имеют богатого культурно-исторического наследия и уникальных природно-климатических условий. В частности, к таким территориям можно отнести высокоурбанизированные промышленные регионы страны, которые в настоящий временной период малоэффективно используют свой потенциал для развития внутреннего и въездного туризма. Предметом исследования в статье выступает туристическая деятельность в федеральных округах Российской Федерации. Целью статьи является анализ объема туристических услуг в Российской Федерации и обоснование необходимости развития промышленного туризма в регионах для привлечения в них дополнительных туристических потоков. В работе использованы системный подход, основные общенаучные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, а также методы статистического анализа. Одним из нововведений в туристическом бизнесе Российской Федерации может стать организация и проведение экскурсий на предприятия страны не только для официальных делегаций и партнеров по производству, но и для обычных туристов. В статье выделены возможности и угрозы для развития промышленного туризма в субъектах Российской Федерации. В результате проведенного статистического анализа экономических показателей развития туристической индустрии за 2011–2015 гг. было выявлено снижение темпов роста объемов туристических услуг. Недостаток новых туристических предложений снижает возможности для увеличения этого показателя. В этом случае авторам видится целесообразным продвигать новый вид внутреннего туризма, связанный с посещением производственных предприятий. Развитие промышленного туризма предоставляет региональной экономике мультипликативный эффект, включая стимулирующее влияние на деятельность смежных секторов, и способствует активизации туристического импортозамещения. Основные положения статьи ввиду их универсального характера могут быть использованы в образовательном процессе учебных заведений, а также рекомендованы для применения органами власти в целях эффективного продвижения регионального туризма.

Ключевые слова: промышленный туризм, предприятие, SWOT-анализ, регион, аналитика.

Введение. В настоящее время сфера отечественного туризма, как и многие другие отрасли народного хозяйства, ощутила на себе все фазы системного экономического кризиса. При этом из-за сложившейся в Российской Федерации экономической ситуации, антироссийских санкций, повышения курса иностранной валюты приоритеты россиян стали сдвигаться в пользу внутреннего туризма. Изучение соответствующей проблематики отечественными специалистами выявило как ряд интересных тенденций, так и ряд острых проблем. В частности, таковые обозначены Е.Ф. Гонтаревой и Д.А. Рубаном [6], Т.Н. Григоренко и Л.Н. Казьминой [7], Т.В. Усковой, В.К. Егоровым и Е.Г. Леони-

довой [19]. Туристическая индустрия в последние годы активно пыталась повысить эффективность своей деятельности за счет привлечения местных туристско-рекреационных ресурсов, что прописано в федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)»¹. Однако стоит констатировать, что серьезной проблемой туристического импортозамещения на текущем временном этапе является неспособность внутреннего отечественного туризма стопроцентно удовлетворить потребности населения нашей страны в туристических услугах. Связано

¹ Заседание президиума Государственного совета. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/50138>

это не только со слабым продвижением туристских продуктов, низким качеством дорожной сети, высокой стоимостью гостиничных услуг, плохо организованным досугом, проблемами в сфере общественного питания и т.д., но и отсутствием необходимого количества действительно интересных, инновационных туристических предложений.

Целью статьи является статистический анализ объема туристических услуг в Российской Федерации и обоснование необходимости развития нового вида туризма для регионов, не обладающих богатым культурно-историческим наследием и уникальными природно-климатическими условиями, в целях привлечения туристических потоков. При этом последовательно решаются следующие задачи: 1) концептуальное обобщение представлений о промышленном туризме; 2) анализ рынка туристических услуг, что необходимо для обоснования необходимости диверсификации предложения на нем; 3) анализ сильных и слабых сторон развития промышленного туризма в регионах России. Принципиальная новизна авторского взгляда на проблему развития промышленного туризма заключается в том, что в качестве существенной предпосылки рассматривается не столько наличие в регионах достаточной ресурсной базы, сколько объективная необходимость развития промышленного туризма в связи с ситуацией на рынке туристических услуг, что предопределяет также оригинальность проведенного анализа.

Промышленный туризм как новое направление отечественной туристической индустрии. В последние несколько лет тенденции туристического рынка связаны с ростом внутреннего регионального туризма на фоне снижения объема внешнего выездного туризма, что в целом является благоприятным конъюнктурообразующим фактором

для данной отрасли. Руководство страны и Министерство культуры Российской Федерации, следуя этой тенденции, предлагают внедрение поощрительных программ и мероприятий, способствующих развитию туризма в регионах. На заседании Государственного совета по развитию туризма в Российской Федерации в 2015 г. Президентом страны был озвучен перечень поручений, направленный на расширение туристических услуг, инвентаризацию санаторно-курортных объектов, привлечение туристов на туристические объекты в период «низкого сезона», популяризацию мест отдыха в отечественных и зарубежных средствах массовой информации².

Во всем мире туристическая отрасль в XXI в. начала активно осваивать новые виды туристических услуг. Связано это с тем, что многих современных любителей путешествий уже перестал устраивать стандартный ассортимент услуг и выбор туров, предлагаемых туристическими фирмами. Туристы в настоящее время стремятся совмещать отдых с участием в познавательных и деловых программах для приобретения глубоких, полезных и комплексных знаний о тех местах и краях, в которых они проводят свой отдых, санаторно-курортное лечение, научно-практическую конференцию и пр. В частности, в Российской Федерации территории для такого времяпрепровождения, как правило, охватывают Черноморское побережье, озеро Байкал, Карелию, города «Золотого кольца» и другие известные туристические места, при этом в список туристических предложений долгое время не включались крупные промышленные города с небогатым культурно-историческим наследием и отсутствием уникальных природно-климатических особенностей. По сей день многие россияне полагают, что туризм должен раз-

² Заседание президиума Государственного совета. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/50138>

виваться вдали от промышленности. Однако за рубежом пошли по другому пути в поисках новых уникальных туристических предложений, разработав востребованные маршруты, в которых особую роль играют промышленные предприятия. По нашему мнению, промышленный туризм в субъектах Российской Федерации имеет значительный потенциал для своего развития, поэтому крайне необходима заинтересованность органов государственной власти и туристских агентств в его продвижении.

Часто понятие «туризм» ассоциируется в массовом сознании с природной средой, поэтому такое словосочетание, как «промышленный туризм», кажется не совсем обычным и уместным. В то же время стоит заметить, что в последние годы людей начинают привлекать не только уникальные природные экологически чистые уголки с живописными ландшафтами, но и, как ни странно, промышленные объекты. Учитывая нарастающую популярность у россиян приобретения путевок по кратковременным туристическим маршрутам, можно констатировать, что промышленный туризм должен занять особое место в перечне предлагаемых турфирмами актуальных продуктов. Промышленный туризм связан с организацией экскурсий и регулярных туров на передовые действующие или когда-то действовавшие промышленные предприятия страны. Принято считать, что основоположниками этого вида туризма являются американские компании. Общеизвестно, что в 1866 г. на заводе *Jack Daniel's* была проведена первая экскурсия по производству, после которой промышленный туризм получил общественное признание во многих зарубежных странах. В настоящее время он широко распространён. Так, например, в г. Шанхае (Китай) для посещения открыты завод по производству автомобилей *Shanghai Volkswagen Automobile Co.*, сталелитейное производ-

ство *Shanghai Baosteel Group Corporation*, пищевой завод *Shanghai TOTOLE Food Co., LTD.*, ряд инновационных промышленных площадок («садов»)³ и т.д. В качестве примера также можно привести широко известный центр компании *Coca Cola* в г. Атланте (США), ознакомиться с функционированием которого имел возможность один из авторов. Посетителям предлагается возможность не только узнать об истории компании и используемых ею технологиях, но и лично ознакомиться с линейкой продуктов, в т. ч. попробовать все известные в мире сорта (несколько десятков) этого известного напитка. Важно отметить, что центр функционирует не как отдельно взятый музей, но и тесно интегрирован в туристическую инфраструктуру города. Несмотря на большую популярность и отсутствие недостатка посетителей, центр все равно активно продвигает групповые экскурсии для школьников.

Прежде всего, систематизируем представления о промышленном туризме в свете работ зарубежных и отечественных исследователей. Концептуализация промышленного туризма представлена в статье австралийского специалиста Э. Фрю (*E.A. Frew*) [24], где отмечается необходимость его широкой трактовки; при этом говорится о том, что этот вид туризма требует особых подходов к управлению, т.к. предполагает сочетание собственно туристической и производственной деятельности. Привлекательность объектов промышленного туризма, как показывает опыт Тайваня, связана с наличием действительно интересных особенностей, обеспечением безопасности и возможностью внешнего доступа [29]. А. Отгаар (*A. Otgaar*) определил три предпосылки, достаточные для обеспечения интереса владельцев предпри-

³ URL: <http://www.topchinatravel.com/shanghai/where-to-do-industrial-tour-in-shanghai.htm>

ятий к участию в промышленном туризме. К ним относятся достаточная величина потока туристов, возможность кобрендинга (комбинированного франчайзинга) производства, потенциал продукта промышленного туризма [30]. Как показало исследование группы сербских специалистов, проблемы развития промышленного туризма могут быть связаны с недостаточной поддержкой местным населением, необходимостью обустройства сложной инфраструктуры, неопределенностью в аутентичности объектов показа [25]. Интересно отметить, что промышленный туризм рассматривается не только как инструмент диверсификации деятельности действующих предприятий, но и как средство реабилитации территорий промышленного упадка. В частности, П. Буйок (*P. Bujok*) и др. [22] приводят в качестве успешного примера металлургический комбинат в чешском городе Витковице, вовлечение которого в туристическую деятельность создает предпосылку для экономического возрождения территории. Однако наиболее ярким примером подобного рода ситуации является, безусловно, немецкий Рур, где туристическое использование закрывающихся или закрытых горнодобывающих и сталелитейных предприятий вывело регион на траекторию устойчивого развития, о чем свидетельствуют результаты недавнего исследования [23]. В частности, туристам предлагается посещение шахт, заводов. С одной стороны, это выглядит как своего рода аттракцион, но, с другой – речь идет о приобщении посетителей к индустриальному наследию, что важно в т.ч. и для патриотического воспитания, а также более целостного восприятия пространства Рурского региона. Важно понять, что промышленный туризм при этом меняет культурный ландшафт последнего. Промышленные объекты приобретают ценность как

объекты наследия, а сам регион начинает восприниматься как культурно значимый, современный, инновационный.

При этом Г.-Й. Хосперс (*G.-J. Hospers*) изначально высказывал определенный скептицизм относительно той роли, которую промышленный туризм может сыграть в обновлении экономики Евросоюза [26]. Ряд специалистов отмечают особую роль промышленного туризма в сохранении наследия индустриального общества. Так, Ф. Бран (*F. Bran*) и Г. Маня (*G. Manea*) [21] обращают внимание на необходимость полноценной оценки такого наследия, чтобы последующие управленческие действия не приводили к его частичной утрате. Заслуживает внимания план развития бельгийского региона Лимбург, проанализированный в статье М. Йонсен-Фербеке (*M. Jonsen-Verbeke*) [28]. Целью этого плана является трансформация экономики из индустриальной в постиндустриальную, основанную на туризме, для обретения должной устойчивости. Особого внимания заслуживает опыт изучения промышленного туризма в Китае, проанализированный И. Дзя (*Y. Jia*) [27]. В частности, в отмеченной работе развивается идея о необходимости разработки действительно уникального туристического продукта, специфика которого связана с особенностями производства и возможностями их переосмысления при вовлечении в туризм. Более того, в китайской науке речь идет о т.н. «туризме опыта» (*experience tourism* в англоязычной терминологии), который призван обеспечить своего рода сопричастность туриста к производству.

Из отечественных специалистов теоретическое обоснование развития промышленного туризма предложили С.К. Волков и И.А. Морозова [3], А.П. Гарнов и О.В. Краснобаева [5], А.В. Медяник и С.В. Тарабановская [12], Н.В. Погоре-

лова [14] и Г.В. Струзберг [17]. Согласно С.К. Волкову, проанализировавшему немецкий опыт, развитие данного вида деятельности тесно связано с использованием региональных маркетинговых стратегий с учетом интересов стейкхолдеров [4]. Маршруты промышленного туризма в Оренбургской области предложили Г.В. Струзберг и Л.В. Докашенко [16]. Потенциал этого вида деятельности рассматривался также Т.Н. Белентьевой и Я.С. Нарута для Приморского края [2], Р.В. Кадыровым для Республики Татарстан [9], А.А. Косяковой для Вологодской области [11]. Согласно Г.С. Дмитриеву [8], М.В. Корешкову и С.Е. Деревниной [10], Ю.Н. Никулиной [13], данный вид туризма вполне способен повысить обеспеченность производства высококвалифицированными кадрами, равно как и обеспечить связь производства и образовательной среды. Можно дополнить, следуя логике этих рассуждений, что эти кадры окажутся еще и дополнительно мотивированными, что особо важно в российских условиях. С.А. Складенко и др. показывают, как законсервированные предприятия отдельной отрасли промышленности (в данном случае сахарная отрасль) могут использоваться в целях промышленного туризма, что, в свою очередь, содействует переходу к постиндустриальной экономике [15]. Н.В. Тимофеев на примере судостроительного кластера г. Санкт-Петербурга удачно продемонстрировал, какой вклад промышленный туризм может вносить в повышение благосостояния территории [18]. При этом он отмечает, что данный вид деятельности благоприятствует инновационной производственной деятельности.

Обобщая сказанное выше, отметим, что промышленный туризм имеет две формы проявления. Во-первых, он предполагает вовлечение в туризм действующих предприятий, что означает проведение соот-

ветствующих экскурсий, устройство музеев, экспозиций, организацию открытых мероприятий. В этом случае он сблизится с деловым туризмом, предполагающим посещение этих предприятий официальными делегациями и бизнес-партнерами, образовательным туризмом (посещение студентами и школьниками), познавательным (городским, экскурсионным) туризмом (посещение местным населением и прибывшими из других мест туристами), ивент-туризмом (посещение в ходе открытых мероприятий). Положительными следствиями оказываются диверсификация деятельности как предприятий, так и туристической индустрии, продвижение индустриального бренда региона (и информации о конкретном предприятии), подготовка высокопрофессиональных кадров и т.д. Во-вторых, промышленный туризм предполагает вовлечение в него закрытых, законсервированных, заброшенных предприятий. В этом случае он сблизится с историко-культурным, приключенческим и экстремальным туризмом, а также конгрессно-выставочной деятельностью, если последняя использует помещения и/или инфраструктуру ранее существовавших производств. Отметим, что современная классификация экстремального туризма, предложенная М.А. Акимовой и Д.А. Рубаном, предполагает выделение индустриального туризма как одного из направлений экстремального туризма [1], хотя, конечно, речь идет об узкой трактовке первого. Тем не менее конструкции заброшенных промышленных предприятий, а также подземные сооружения и горные выработки представляют огромный интерес для лиц, интересующихся экстремальными формами времяпрепровождения, число которых возрастает. При обеспечении должной безопасности организация соответствующей деятельности может быть и популярной, и, вероятно, экономически прибыльной.

Положительными следствиями второй формы проявления промышленного туризма становятся диверсификация деятельности туриндустрии, сохранение индустриального наследия, социально-экономическое восстановление территории и т.д.

Безусловно, массовое развитие промышленного туризма способствует преобразованию социального пространства региона. Речь идет не просто о появлении нового вида деятельности, частичной реабилитации экономики, новых рабочих местах, сохранении индустриального наследия и т.п. В действительности массовое развитие промышленного туризма меняет культурный ландшафт, что обсуждалось выше на примере Рурского региона. Связано это с тем, что данный вид деятельности предполагает переход к устойчивому развитию в постиндустриальном мире. Территория позиционируется и воспринимается (и туристами, и местным населением) как, с одной стороны, особо ценная (развитие туризма означает приобретение объектами показа ценности в качестве общественно значимого наследия), а с другой — активно «окультуриваемая». Это происходит даже в тех случаях, когда промышленный туризм основывается на действующих производствах. Иными словами, он обеспечивает интеграцию производственной деятельности с общественной жизнью и культурной средой. Можно предполагать, что такая интеграция должна способствовать не только качественному изменению отношения жителей к действующим в их регионе предприятиям, но и в конечном счете активно формировать образ сопричастности к инновационному развитию, что особо важно для построения экономики нового типа.

Анализ основных показателей туристического бизнеса в России. Чтобы судить о перспективах регионального развития промышленного туризма в России, необ-

ходимо прежде всего проанализировать основные экономические показатели отечественной туриндустрии. Это важно, чтобы понять, насколько современные тренды располагают или, напротив, препятствуют становлению данного специального вида деятельности. Тенденции рынка, формирующие структуру туроператорского бизнеса, привели к тому, что за период с 2011 по 2015 г. доля операторов, занимающихся международным туризмом, сократилась более чем на треть в сегменте международного въездного и выездного туризма и почти вдвое в сегменте международного въездного туризма (*табл. 1*), что свидетельствует о сжатии внешних потоков туристов. В то же время удельный вес количества туроператоров, работающих в сегменте внутреннего туризма, за этот период вырос приблизительно на 2/3. Выявленные структурные изменения вряд ли можно связывать только с уменьшением общего количества туроператоров за 2011–2015 гг. на 516 единиц (или 10,9%). Напротив, можно сделать заключение о системной переориентации туроператоров на обслуживание отечественного туризма, что в целом соответствует национальной политике импортозамещения. На российском рынке остаются наиболее сильные туроператоры, которые сумели переориентироваться на внутренний туризм.

При анализе динамики объёма туристических услуг за 2011–2015 гг. в Российской Федерации наблюдается положительная динамика: активный рост на 7% и 20% в 2012 и в 2013 годах соответственно по отношению к предыдущему периоду, замедлившийся в 2014 году и составивший 1% и увеличившийся на 7% в 2015 году по отношению к 2014 году (*табл. 2*).

В целом за рассматриваемый временной период объём туристических услуг в номинальных денежных единицах вырос в Рос-

Таблица 1. Динамика и профилизация туроператоров в Российской Федерации

Год	Количество туроператоров	Доля внутреннего туризма, %	Доля международного въездного и выездного туризма, %	Доля международного въездного туризма, %
2011	4718	34,1	53,7	12,2
2012	4685	35,9	53,1	11,0
2013	4608	50,1	45,3	4,6
2014	4275	59,2	37,2	3,6
2015	4202	60,1	33,4	6,5

Источник: составлено и рассчитано авторами по: ЭМИСС. Государственная статистика. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/37253.do>

Таблица 2. Объём и динамика туристических услуг по федеральным округам, млрд. руб.

Федеральный округ	2011	2012	2013	2014	2015	Темп прироста, %	Индекс роста цен за 2011–2015 гг. по РФ
В целом по РФ	112,8	121,5	145,8	147,5	158,3	40,3	1,51
Центральный	33,2	32,3	44,2	40,3	43,7	31,6	
Северо-Западный	13,1	14,9	17,5	17,8	16,3	24,4	
Южный	6,9	7,9	8,6	9,9	11,8	71,0	
Северо-Кавказский	6,2	5,9	4,5	4,6	5,0	-19,4	
Приволжский	16,5	20,0	24,8	26,4	26,7	61,8	
Уральский	16,6	17,6	19,8	22,3	24,6	48,2	
Сибирский	15,5	17,2	19,4	18,8	18,0	16,1	
Дальневосточный	4,8	5,8	6,8	7,1	7,4	54,2	

Источник: составлено и рассчитано авторами по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: <http://http://www.gks.ru>

сии на 40%, однако с учетом индекса цен можно констатировать спад рассматриваемого показателя более чем на 10%. В разрезе федеральных округов динамика туристических услуг имеет более неравномерный характер с тенденцией к росту. Положительная динамика за весь рассматриваемый период наблюдается во всех округах, за исключением Северо-Кавказского (Крымский федеральный округ не рассматривался из-за отсутствия статистических данных за 2011–2013 гг.). Но с учетом инфляции реальный рост объема туристических услуг наблюдается только в Южном, Приволжском и Дальневосточном федеральных округах. По объективным причинам (исключительное богатство природно-климатических ресурсов и удобное географическое расположение по отношению к наиболее населенным территориям страны) лидирует среди них Южный федеральный округ. Такие федеральные округа, как Цен-

тральный, Северо-Западный, Уральский, Сибирский, в номинальных денежных единицах демонстрируют рост объема туристических услуг, хотя в реальных величинах наблюдается снижение анализируемого показателя.

Анализ статистических данных позволяет нам сделать вывод о реальном снижении темпов роста объемов туристических услуг в большинстве федеральных округов Российской Федерации. Причина сложившейся ситуации, на наш взгляд, связана не столько с ухудшением конъюнктуры рынка, сколько со снижением покупательной способности населения, особенно в 2014–2015 гг.

При рассмотрении общего объема туристических, гостиничных и санаторно-оздоровительных услуг ситуация в целом по Российской Федерации обстоит лучше, чем в отдельности по туристическим услугам (табл. 3). Учитывая темпы прироста

Таблица 3. Объем и динамика туристических, гостиничных и санаторно-оздоровительных услуг по федеральным округам в 2011 и 2015 гг., млрд. руб.

Федеральный округ	2011	2015	Темп прироста, %%	Индекс роста цен за 2011–2015 гг. по РФ
В целом по РФ	306,9	457,8	49,2	1,51
Центральный	92,9	120,2	29,4	
Северо-Западный	35,0	48,9	39,7	
Южный	37,3	68,8	84,5	
Северо-Кавказский	20,5	28,1	37,1	
Приволжский	43,3	66,4	53,3	
Уральский	33,2	46,8	41,0	
Сибирский	30,9	39,0	26,2	
Дальневосточный	13,7	20,3	48,2	

Источник: составлено и рассчитано авторами по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: <http://www.gks.ru>

объемов туристических услуг, приведенные в табл. 2, и сопоставляя их с результатами, полученными в табл. 3, можно увидеть наибольший рост гостиничных и санаторно-оздоровительных услуг в Северо-Западном, Южном, Северо-Кавказском и Сибирском федеральных округах.

Мы считаем, что подобная динамика может быть вызвана как переориентацией потребительского спроса на внутренние виды туристических услуг, так и интенсивным развитием инфраструктуры в данных округах. Стоит заметить, что с учетом инфляции реальный рост объема туристических, гостиничных и санаторно-оздоровительных услуг наблюдается только в Южном и Приволжском федеральных округах.

Успешность развития индустрии туризма зависит от большого ряда факторов, среди которых экономическая ситуация в стране, потребительские предпочтения и др. [20]. Немаловажными факторами, как нам видится, являются возможности самого региона и его туристический потенциал, а также количество новых предложений на рынке туристических услуг. В частности, проблема развития сферы туризма на региональном уровне приобретает особую актуальность для субъектов

Российской Федерации, не имеющих богатого культурно-исторического наследия и уникальных природно-климатических условий. К таким территориям можно отнести высокоурбанизированные промышленные регионы страны, которые в настоящий временной период малоэффективно используют свой туристический потенциал для развития внутреннего и въездного туризма. Представим более подробно аргументацию одной из возможностей для решения данной проблемы.

Возможности и препятствия для успешного развития промышленного туризма. Для анализа потенциала развития промышленного туризма в субъектах Российской Федерации проведем *SWOT*-анализ, широко используемый как в российской, так и зарубежной практике для анализа отрасли или нового продукта. Применение данного метода позволяет оценить «силу», «слабость», «возможности» и «угрозы» (*Strengths, Weaknesses, Opportunities, Threats*) определенного вида деятельности, в нашем случае – промышленного туризма. Полученные в табл. 4 результаты можно применить при разработке стратегии развития промышленного туризма как нового предложения в сфере туристских услуг.

Таблица 4. Матрица SWOT-анализа для промышленного туризма

Сильные стороны (<i>Strengths</i>)	Возможности (<i>Opportunities</i>)
– Новый вид туризма на рынке туристических услуг – Малозатратный и конкурентоспособный вид туризма – Наличие достаточного количества в субъектах страны промышленных объектов для показа – Наличие составляющих познавательного, образовательного и делового туризма, способствующего повышению уровня знаний местного населения и туристов о собственной стране и регионе – Заинтересованность местного населения в развитии и продвижении новых видов туризма – Увеличение внутреннего и въездного потока туристов в российские регионы	– Возможность продвижения конечной продукции предприятия, в том числе за счет расширения рынков сбыта – Укрепление имиджа хозяйствующего субъекта и муниципального образования – Привлечение будущих кадров за счет экскурсий на производство в рамках профориентационной деятельности учебных заведений – Дополнительный источник дохода для взаимодействующих организаций, связанный с проведением экскурсий, продажей сувениров, оказанием гостиничных услуг, организацией питания, транспортным сопровождением и пр. – Повышение интереса иностранных туристов к субъектам Российской Федерации – Усиление деловой активности – Содействие продвижению региона как инновационно успешного – Реабилитация территорий промышленного спада – Создание новых рабочих мест – Сохранение индустриального наследия
Слабые стороны (<i>Weaknesses</i>)	Угрозы (<i>Threats</i>)
– Отсутствие туристического имиджа у хозяйствующих субъектов – Недостаток маркетинговых мероприятий по продвижению нового продукта в сфере туризма – Промышленный туризм является немассовым видом туризма – Неготовность к приему туристов руководства предприятий снижает открытость промышленных объектов – Дополнительные затраты на создание музея предприятия, разработку сувенирной продукции – Недостаточный уровень квалификации персонала принимающих предприятий, включая низкий уровень знания иностранных языков – Отсутствие законодательной базы, государственных и региональных программ поддержки развития промышленного туризма – Недостаточность изученности интереса населения к познавательным видам туризма и соответствующего спроса	– Неудовлетворительное состояние объектов показа – Снижение туристического спроса из-за низкого уровня организации экскурсий на предприятия; – Низкий уровень развития дополнительных услуг (в частности, экскурсоводов со знанием иностранных языков) – Жесткая конкуренция со стороны других видов туризма – Нарушение производственных циклов действующих предприятий – Проблемы обеспечения безопасности – Проблема нарушения коммерческой тайны
Источник: составлено авторами.	

Уровень возможностей промышленного туризма определяется уровнем потенциала туристической сферы в целом, имеющим тесную взаимосвязь с экономическим благополучием страны, регионов и конкретных хозяйствующих субъектов. Для активизации развития промышленного туризма в российских регионах необходимо, на наш взгляд, решение следующих задач:

Совершенствование системы организации экскурсий на промышленные объекты действующего производства. В настоящее вре-

мя в Российской Федерации отсутствует единый информационно-консультационный центр, который давал бы полную информацию о производственных предприятиях, готовых принять на своей территории туристические группы. Разрабатывая тот или иной маршрут в хозяйствующий субъект, необходимо четко регламентировать время посещения, разработать мастер-класс по участию туристов в изготовлении конкретной продукции, разработать игровые модули (соревновательные конкурсы),

подготовить гида-экскурсовода, вручить туристам сувенирную продукцию, изготовленную на данном предприятии. Финансовые затраты при организации экскурсионного маршрута на действующих предприятиях обычно являются незначительными, т.к. отсутствует необходимость создания материально-технической базы для приема туристов и демонстрации производственного процесса.

Повышение уровня подготовки ответственных предприятий к приему туристов на своей территории. В настоящее время в субъектах Российской Федерации на конструктивный диалог в сфере производственного туризма идут в основном предприятия народных художественных промыслов. И наоборот, крупные промышленные хозяйствующие субъекты с интересными машинно-технологическим обеспечением и инновационными процессами остаются в стороне от возможности повышения собственной туристической привлекательности. В российской практике, в отличие от зарубежного опыта, предприятия не практикуют открытость и гостеприимность для посторонних лиц. В определенной мере это связано с тем, что в некоторых хозяйствующих субъектах обязательно предусмотрен инструктаж по безопасности или действует пропускная система. Однако стоит заметить, что принцип открытости производственного процесса для экскурсионных групп позволяет улучшить репутацию фирмы. Как правило, такие хозяйствующие субъекты имеют более презентабельный вид, демонстрируя своим посетителям чистоту рабочего места, применение современного технологического оборудования.

Разработка туристического бренда в промышленных регионах. Узнаваемый региональный бренд существенно упрощает задачу позиционирования и продвижения

промышленного туризма для туристической сферы. В свои эксклюзивные возможности регион может включить определенную продукцию, выпускаемую на его территории. Как правило, бренд субъекта Российской Федерации и выпускаемая в регионе продукция взаимосвязаны – производимые товары продвигают регион, а региональный бренд способствует стимулированию продаж этой продукции на межрегиональном рынке. Таким образом, и субъектам федерации, и предприятиям должно быть выгодно присвоение фирменного знака или логотипа, создающего положительное мнение о регионе и выпускаемой в нем продукции.

Создание интерактивных корпоративных музеев на предприятиях. Музей, отражающий все важные факты из жизненного цикла предприятия, является неотъемлемой частью его имиджа. Многие крупные промышленные предприятия в субъектах Российской Федерации сохранили свою производственную базу. Стоит заметить, что сбор уникальных и оригинальных экспонатов вызывает у организаторов музея существенные трудности. Среди различных видов музеев наибольшую популярность у туристов в наши дни приобретают интерактивные музеи, способные удивлять всех своих посетителей. Их характерными чертами являются понятная для всех возрастов и профессий тематика, а также возможность взаимодействия туристов с представленными производственными экспонатами. Основная цель корпоративных музеев – обосновать необходимость деятельности хозяйствующего субъекта для общества в целом.

Развитие промышленного туризма имеет ряд «побочных» следствий в дополнение к отмеченным выше. Во-первых, это повышение инвестиционной привлекательности территорий. Не секрет, что она обеспе-

чивается не только (и, возможно, даже не столько) реальными успехами региональной экономики, сколько ее позиционированием в информационном пространстве. Промышленный туризм открывает новый канал для распространения позитивной информации о производственном комплексе региона. Во-вторых, речь идет о комплексировании самой туристической деятельности. Дело в том, что в охарактеризованных в настоящей работе экономических условиях диверсификация деятельности является жизненно важной задачей для отечественной туристической индустрии. Решить ее можно не только за счет приложения значительных усилий для становления отдельных видов туризма, но и за счет стимулирования одних видов другими. Выше уже отмечалась связь промышленного и делового, познавательного и прочих видов туризма. Приведем два примера. Использование территории и зданий ранее действовавшего или частично реорганизованного предприятия позволяет расширить конгрессно-выставочную деятельность, что выступает в качестве катализатора развития делового туризма. Это само по себе повышает инвестиционную привлекательность территории и стимулирует развитие промышленного производства. Фактически такого рода «цепочка» уже реализована в промышленной зоне г. Ростова-на-Дону. Второй пример касается заброшенных подземных сооружений. Использование их туристами-экстремалами составляет суть спелестологии — одного из направлений экстремального туризма. Следовательно,

речь идет о «естественном» комплексировании двух видов туризма (промышленного и экстремального), когда развитие одного означает появление и второго. Помимо этого с ними, вероятно, связан спортивный и приключенческий туризм. С точки зрения туристической индустрии это означает диверсификацию через указанное комплексирование, а несколько видов деятельности дают гораздо больше возможностей (в т.ч. в экономическом аспекте), чем один.

Динамика ресурсной базы промышленного туризма. Безусловно, развитие промышленного туризма требует соответствующей ресурсной базы. Рассмотрим ее на примере двух регионов — Вологодской и Ростовской областей. Они обладают богатым туристическим потенциалом, однако не относятся к числу наиболее важных дестинаций страны. Для повышения их привлекательности требуется диверсификация туристических услуг, чему хорошо может послужить развитие промышленного туризма.

В обоих отмеченных регионах число предприятий и организаций в последние годы устойчиво росло (табл. 5). Это указывает на некоторую экспансию региональных экономик в целом. Последнее даже важнее, чем рост числа промышленных производств, по причине того, что новые промышленные производства вводятся в строй медленно, подчас редко, тогда как интерес туристов должен стимулироваться постоянно. В массовом сознании экономика — это прежде всего производство (даже если фактически это и не так), а потому именно ее экспансия воспринимается

Таблица 5. Динамика числа предприятий и организаций в Вологодской и Ростовской областях

Регион	Кол-во предприятий и организаций, ед.			
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Вологодская область	40316	42148	43302	45435
Ростовская область	87457	88144	89473	91701

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. — URL: <http://http://www.gks.ru>

как успешность производственной сферы. Как следует из приводимых данных, это явно должно иметь место в случае с Вологодской и Ростовской областями.

Оба региона обладают хорошо развитой промышленной базой, пусть даже и отличающейся. В Вологодской области широко известны металлургические производства в г. Череповце, тогда как в Ростовской области производства, как правило, меньше. Однако предприятия местного машиностроения, строительного сектора и т.п. широко известны. Следовательно, имеются конкретные промышленные объекты, потенциально привлекательные для туристов. При этом отсутствуют проблемы с транспортной доступностью, т.к. эти объекты обычно расположены в крупных и средних городах. Более того, опыт Ростова-на-Дону, где популярностью пользуются экскурсии на т.н. «ретро-поезде» и действует музей железнодорожной техники, показывает, что сам по себе транспорт может стать отличным дополнением промышленного туризма. Вызвано это тем, что история развития транспорта в городах изначально была связана с их промышленным развитием, а индустриальное и транспортное наследие неразрывно связаны. При этом поездка на «ретро-поезде» и т.п. аттракционы вполне стимулируют интерес к технике, что важно для формирования спроса на промышленный туризм, а их комбинация с промышленными турами разнообразят и делают увлекательнее последние.

Вполне очевидно, что для развития промышленного туризма важно социально-экономическое положение регионов. С одной стороны, они должны быть промышленно ориентированными и позиционировать себя в средствах массовой информации. С другой стороны, эти регионы должны действительно играть большую роль в промышленном развитии страны.

Оба эти условия выдерживаются для Вологодской и Ростовской областей (в первом случае – металлургические производства, а во втором – производство сельскохозяйственной техники), пусть даже их известность и как аграрных регионов несколько нивелирует промышленную ориентацию.

В обоих регионах уже предлагаются услуги по промышленному туризму. Так, в Череповце действует Музей металлургической промышленности, а в Ростове-на-Дону завод «Ростсельмаш» организует экскурсии для всех желающих. Анализ этого и прочего опыта заставляет обратить внимание на следующее. Большой интерес вызывают экскурсии, туры, которые могут быть охарактеризованы как высокотехнологичные. Еще одним залогом интереса туристов является возможность не только пассивного наблюдения, но и участия. Современному туристу важнее осмотр экспозиций и внимание к объяснениям экскурсовода, а не возможность глубоко понять, как устроено производство, и сделать что-то самому. Всё это означает, во-первых, необходимость устройства своего рода аттракционов, а во-вторых, важность привлечения специалистов по организации туризма вместо попыток развивать промышленный туризм силами самих предприятий. Именно так может быть достигнут такой положительный эффект, как в Рурском регионе.

Заключение. Подводя итоги исследования, можно отметить, что статистический анализ показал спад реального объема туристических услуг в Российской Федерации за 2011–2015 гг. Недостаток новых туристических предложений снижает возможности для увеличения этого показателя. Стоит отметить, что каждый субъект Российской Федерации стремится разработать собственную региональную модель развития сферы туризма, диверсифицируя при этом пакет предлагаемых туристических

услуг, одной из которых, в частности, может являться промышленный туризм. В настоящее время работа по активизации его развития практически в каждом российском регионе находится на начальной стадии. Сложность продвижения такого специфического туристического продукта связана с особенностью промышленного туризма, в котором основное внимание уделено производственному процессу хозяйствующего субъекта.

Важно также отметить следующее. Обычно при анализе перспектив развития конкретных видов туризма, не пользующихся большим распространением в отдельных странах и регионах, специалисты исходят из имеющейся для этого ресурсной базы. Такой подход определяется традиционным доминированием «географического» подхода к пониманию туризма в отечественной науке. Однако обращение к современной литературе однозначно указывает на актуальность использования «социологического» или, правильнее говорить, «социо-экономического» подхода, суть которого состоит в поиске предпосылок, связанных со спросом на данный вид

туризма и объективными предпосылками, складывающимися на рынке туристических услуг. В настоящей работе была сделана попытка использовать именно такой подход, и полученные результаты указывают на его эффективность. Перспективы развития промышленного туризма в некоторых регионах России связаны не только с наличием подходящих для этого объектов, но и с ожидаемым ростом спроса населения на специфические виды туристических услуг в условиях ориентации на внутренний туризм, а также с тем, что нормализация ситуации на рынке туристических услуг возможна только путем диверсификации последних, в т.ч. и за счет развития промышленного туризма.

С полной уверенностью можно утверждать, что большинство промышленных субъектов Российской Федерации потенциально интересны туристам, поэтому стабильный поток актуальных предложений по промышленному туризму будет формировать спрос на него. Следовательно, новые туристические услуги на российском рынке будут способствовать увеличению туристических потоков в регионы.

Литература

1. Акимова, М.А. Экстремальный туризм: совершенствование классификации [Текст] / М.А. Акимова, Д.А. Рубан // Географический вестник. – 2016. – № 1. – С. 95–103.
2. Белентьева, Т.Н. Анализ состояния промышленного туризма в Приморском крае [Текст] / Т.Н. Белентьева, Я.С. Нарута // Вестник современной науки. – 2015. – № 11-2. – С. 23–28.
3. Волков, С.К. Нужно ли развивать в России промышленный туризм? [Текст] / С.К. Волков, И.А. Морозова // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2016. – № 8-1. – С. 26–30.
4. Волков, С.К. Промышленный туризм: обзор немецкого опыта и перспективы для российских регионов [Текст] / С.К. Волков // Менеджмент в России и за рубежом. – 2015. – № 5. – С. 68–75.
5. Гарнов, А.П. Актуальность системного формирования отечественного промышленного туризма [Текст] / А.П. Гарнов, О.В. Краснобаева // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2012. – № 2. – С. 60–63.
6. Гонтарева, Е.Ф. Развитие гостиничного хозяйства в России: пространственная динамика основных параметров [Текст] / Е.Ф. Гонтарева, Д.А. Рубан // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2016. – № 1. – С. 8–29.
7. Григоренко, Т.Н. Приоритеты в области развития внутреннего и въездного туризма России на современном этапе [Текст] / Т.Н. Григоренко, Л.Н. Казьмина // Вестник Национальной академии туризма. – 2015. – № 4. – С. 14–16.

8. Дмитриев, Г.С. Хабаровский край – территория развития промышленного туризма [Текст] / Г.С. Дмитриев // Молодой ученый. – 2016. – № 15-1. – С. 60–62.
9. Кадыров, Р.В. Предприятия полимерного производства Татарстана как рекреационный ресурс промышленного туризма: постановка проблемы [Текст] / Р.В. Кадыров // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – № 10. – С. 123–125.
10. Корешков, М.В. Промышленный туризм: знакомство с производством [Текст] / М.В. Корешков, С.Е. Деревнина // Профессиональное образование и рынок труда. – 2015. – № 9–10. – С. 42–43.
11. Косякова, А.А. Перспективы развития промышленного туризма в России [Текст] / А.А. Косякова // Научная мысль. – 2016. – № 1. – С. 56–59.
12. Медяник, А.В. К вопросу о значении промышленного туризма в развитии региона [Текст] / А.В. Медяник, С.В. Тарабановская // Тенденции науки и образования в современном мире. – 2016. – № 18-3. – С. 30–33.
13. Никулина, Ю.Н. Развитие промышленного туризма как способ повышения качества подготовки молодых специалистов для экономики региона [Текст] / Ю.Н. Никулина // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 3. – С. 46–52.
14. Погорелова, Н.В. Перспективы развития туризма в регионе с промышленной и аграрной специализацией [Текст] / Н.В. Погорелова // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: экономика. – 2012. – № 24. – С. 35–39.
15. Перспективы развития промышленного туризма в России [Текст] / С.А. Скляренко, Т.М. Панченко, И.А. Селиванов, М.В. Головенко // Российское предпринимательство. – 2011. – № 10-1. – С. 146–150.
16. Струзберг, Г.В. Потенциал Оренбургской области в сфере промышленного туризма [Текст] / Г.В. Струзберг, Л.В. Докашенко // Новый университет. Серия: Экономика и право. – 2014. – № 4. – С. 122–125.
17. Струзберг, Г.В. Современное состояние и перспективы развития промышленного туризма [Текст] / Г.В. Струзберг // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. – 2013. – № 3. – С. 147–151.
18. Тимофеев, Н.В. Концепция развития промышленного туризма как способ повышения экономического благосостояния Санкт-Петербурга (на примере судостроительного кластера) [Текст] / Н.В. Тимофеев // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2014. – № 2. – С. 142–145.
19. Ускова, Т.В. Туризм в Российской Федерации: возможности для импортозамещения [Текст] / Т.В. Ускова, В.К. Егоров, Е.Г. Леонидова // Проблемы развития территории. – 2016. – № 4. – С. 32–46.
20. Фролова, Е.В. Развитие туристической привлекательности российских территорий: современные тенденции и управленческие практики / Е.В. Фролова, Е.Е. Кабанова [Текст] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1. – С. 153–169.
21. Bran, F. The industrial tourism [Text] / F. Bran, G. Manea // Quality - Access to Success. – 2012. – Vol. 13, suppl. 3. – P. 1–6.
22. Bujok, P. Industrial tourism in the context of the industrial heritage [Text] / P. Bujok, M. Klempa, J. Jelinek, M. Porzer, Rodriguez Gonzalez M.A.G. // Geojournal of Tourism and Geosites. – 2015. – Vol. 15. – P. 81–92.
23. Copic, S. Transformation of industrial heritage -an example of tourism industry development in the Ruhr area (Germany) [Text] / S. Copic, J. Dordevic, T. Lukic, V. Stojanovic, S. Dukicin, S. Besermenji, I. Stamenkovic, A. Tumaric // Geographica Pannonica. – 2014. – Vol. 18. – P. 43–50.
24. Frew, E.A. Industrial tourism theory and implemented strategies [Text] / E.A. Frew // Advances in Culture, Tourism and Hospitality Research. – 2008. – Vol. 2. – P. 27–42.
25. Garaca, V. Aspects of industrial heritage tourism: Case of Novi Sad [Text] / V. Garaca, A. Trifkovic, N. Curcic, S. Vukosav // Revista de Cercetare si Interventie Sociala. – 2014. – Vol. 44. – P. 181–198.
26. Hospers, G.-J. Industrial heritage tourism and regional restructuring in the European union [Text] / G.-J. Hospers // European Planning Studies. – 2002. – Vol. 10. – P. 397–404.
27. Jia, Y. Analysis and Suggestions on Chinese Industrial Tourism Development [Text] / Y. Jia // International Business Research. – 2010. – Vol. 3. – P. 169–173.
28. Jonsen-Verbeke, M. Industrial heritage: A nexus for sustainable tourism development [Text] / M. Jonsen-Verbeke // Tourism Geographies. – 1999. – Vol. 1. – P. 70–85.

29. Lee, C.-F. An investigation of factors determining industrial tourism attractiveness [Text] / C.-F. Lee // *Tourism and Hospitality Research*. – 2016. – Vol. 16. – P. 184–197. № 24. – С. 35–39.
30. Otgaar, A. Towards a common agenda for the development of industrial tourism [Text] / A. Otgaar // *Tourism Management Perspectives*. – 2012. – Vol. 4. – P. 86–91.

Сведения об авторах

Наталья Николаевна Яшалова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления Бизнес-школы, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, пр. Советский, д. 10; e-mail: natalij2005@mail.ru)

Мария Андреевна Акимова – магистрант Высшей школы бизнеса, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344019, г. Ростов-на-Дону, ул. 23-я линия, д. 43, e-mail: empuza@mail.ru)

Дмитрий Александрович Рубан – Philosophiae Doctor, кандидат геолого-минералогических наук, доцент Высшей школы бизнеса, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344019, г. Ростов-на-Дону, ул. 23-я линия, д. 43; e-mail: ruban-d@mail.ru)

Станислав Владимирович Бойко – кандидат философских наук, профессор кафедры экономики и менеджмента, Филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Череповце (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, ул. Сталеваров, д. 44; e-mail: sboyko938@mail.ru)

Анна Вадимовна Усова – кандидат психологических наук, доцент кафедры экономики и управления Бизнес-школы, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, пр. Советский, д. 10; e-mail: Annvadim75@yandex.ru)

Эллада Рамис кызы Мустафаева – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Бизнес-школы, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, пр. Советский, д. 10; e-mail: ellada-mustafaeva@bk.ru)

Yashalova N.N., Akimova M.A., Ruban D.A.,
Boiko S.V., Usova A.V., Mustafaeva E.R. kzy

Prospects for Regional Development of Industrial Tourism in View of the Analysis of the Main Economic Indicators of Russian Tourism Industry

Abstract. The development of tourism industry at the regional level is relevant for all the subjects of the Russian Federation. The issue is especially acute in those of them that do not have rich cultural-historical heritage and unique natural-climatic conditions. In particular, these areas include highly urbanized industrial regions of the country, which at present do not make an effective use of their potential for the development of domestic and inbound tourism. The subject of the research in this paper is tourist activity in federal districts of the Russian Federation. The purpose of the paper is to analyze the volume of tourist services in the Russian Federation and to substantiate the development of industrial tourism in the regions for the purpose of attracting additional tourist flows. The study uses the system approach, the basic scientific methods of analysis and synthesis, deduction and induction, and statistical analysis methods. One of the innovations in the tourism business of the Russian Federation could be the organization and conducting of excursions to the enterprises of the country not only for official delegations and business partners, but also for ordinary tourists. The article highlights the opportunities and threats for the development of

industrial tourism in the Russian Federation. As a result of the statistical analysis of economic indicators of tourism industry development for 2011–2015, the authors identify a decline in the growth rate of the volume of tourist services. The lack of new tourist offerings reduces opportunities for growth. In this case the authors find it appropriate to promote a new type of domestic tourism associated with visiting industrial enterprises. The development of industrial tourism provides the regional economy with the multiplier effect including the stimulating effect on the activity of related sectors, and promotes import substitution in tourism. Main provisions of the present paper, due to their universal character, can be used in educational process by educational institutions; they can also be recommended for use by the authorities in order to promote regional tourism.

Key words: industrial tourism, enterprise, SWOT analysis, region, analytics.

References

1. Akimova M.A., Ruban D.A. Ekstremal'nyi turizm: sovershenstvovanie klassifikatsii [Extreme tourism: improving the classification]. *Geograficheskii vestnik* [Geographical bulletin], 2016, no. 1, pp. 95-103. (In Russian).
2. Belent'eva T.N., Naruta Ya.S. Analiz sostoyaniya promyshlennogo turizma v Primorskom krae [Analysis of the state of industrial tourism in Primorsky Krai]. *Vestnik sovremennoi nauki* [Bulletin of modern science], 2015, no. 11-2, pp. 23-28. (In Russian).
3. Volkov S.K., Morozova I.A. Nuzhno li razvivat' v Rossii promyshlennyyi turizm? [Is it necessary to develop industrial tourism in Russia?]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire* [Current research in the modern world], 2016, no. 8-1, pp. 26-30. (In Russian).
4. Volkov S.K. Promyshlennyyi turizm: obzor nemetskogo opyta i perspektivy dlya rossiiskikh regionov [Industrial tourism: a review of the German experience and the opportunities for Russian regions]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad], 2015, no. 5, pp. 68-75. (In Russian).
5. Garnov A.P., Krasnobaeva O.V. Aktual'nost' sistemnogo formirovaniya otechestvennogo promyshlennogo turizma [The relevance of the system-wide formation of domestic industrial tourism]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova* [Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics], 2012, no. 2, pp. 60-63. (In Russian).
6. Gontareva E.F., Ruban D.A. Razvitie gostinichnogo khozyaistva v Rossii: prostranstvennaya dinamika osnovnykh parametrov [Development of the hotel industry in Russia: spatial dynamics of the main parameters]. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie* [Vestnik UrFU. Series economics and management], 2016, no. 1, pp. 8-29. (In Russian).
7. Grigorenko T.N., Kaz'mina L.N. Prioritety v oblasti razvitiya vnutrennego i v'ezdnoogo turizma Rossii na sovremennom etape [Priorities in the development of domestic and inbound tourism of Russia on the modern stage]. *Vestnik Natsional'noi akademii turizma* [Bulletin of the National Academy of Tourism], 2015, no. 4, pp. 14-16. (In Russian).
8. Dmitriev G.S. Khabarovskii kraj – territoriya razvitiya promyshlennogo turizma [Khabarovsk Krai – the territory of development of industrial tourism]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2016, no. 15-1, pp. 60-62. (In Russian).
9. Kadyrov R.V. Predpriyatiya polimernogo proizvodstva Tatarstana kak rekreatsionnyi resurs promyshlennogo turizma: postanovka problemy [Enterprises of polymer processing in the Republic of Tatarstan as a recreational resource of industrial tourism: formulation of the problem]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan National Research Technological University], 2012, no. 10, pp. 123-125. (In Russian).
10. Koreshkov M.V., Derevnina S.E. Promyshlennyyi turizm: znakomstvo s proizvodstvom [Industrial tourism: an introduction to the production]. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda* [Vocational education and the labor market], 2015, no. 9-10, pp. 42-43. (In Russian).
11. Kosyakova A.A. Perspektivy razvitiya promyshlennogo turizma v Rossii [Prospects for the development of industrial tourism in Russia]. *Nauchnaya mysl'* [Scientific thought], 2016, no. 1, pp. 56-59. (In Russian).
12. Medyanik A.V., Tarabanovskaya S.V. K voprosu o znachenii promyshlennogo turizma v razvitii regiona [Revisiting the issue concerning the significance of industrial tourism development of the region]. *Tendentsii nauki i obrazovaniya v sovremennom mire* [Trends in science and education in the modern world], 2016, no. 18-3, pp. 30-33. (In Russian).

13. Nikulina Yu.N. Razvitie promyshlennogo turizma kak sposob povysheniya kachestva podgotovki molodykh spetsialistov dlya ekonomiki regiona [The development of industrial tourism as a way to improve the quality of training of young specialists for the regional economy]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investment], 2016, no. 3, pp. 46-52. (In Russian).
14. Pogorelova N.V. Perspektivy razvitiya turizma v regione s promyshlennoi i agrarnoi spetsializatsiei [Prospects for the development of tourism in the region with industrial and agricultural specialization]. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seriya: ekonomika* [Bulletin of Volga Region State University of Service. Series economics], 2012, no. 24, pp. 35-39. (In Russian).
15. Sklyarenko S.A., Panchenko T.M., Selivanov I.A., Golovenko M.V. Perspektivy razvitiya promyshlennogo turizma v Rossii [Prospects for development of industrial tourism in Russia]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship], 2011, no. 10-1, pp. 146-150. (In Russian).
16. Struzberg G.V., Dokashenko L.V. Potentsial Orenburgskoi oblasti v sfere promyshlennogo turizma [The potential of the Orenburg Oblast in the sphere of industrial tourism]. *Novyi universitet. Seriya: Ekonomika i pravo* [New University. Series: Law and Economics], 2014, no. 4, pp. 122-125. (In Russian).
17. Struzberg G.V. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya promyshlennogo turizma [Current state and development prospects of industrial tourism]. *Infrastrukturnye otrasli ekonomiki: problemy i perspektivy razvitiya* [Infrastructure sectors of the economy: problems and prospects], 2013, no. 3, pp. 147-151. (In Russian).
18. Timofeev N.V. Kontsepsiya razvitiya promyshlennogo turizma kak sposob povysheniya ekonomicheskogo blagosostoyaniya Sankt-Peterburga (na primere sudostroitel'nogo klastera) [The concept for development of industrial tourism as a way to improve economic well-being of Saint Petersburg (on the example of the shipbuilding cluster)]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saint Petersburg State University of Economics], 2014, no. 2, pp. 142-145. (In Russian).
19. Uskova T.V., Egorov V.K., Leonidova E.G. Turizm v Rossiiskoi Federatsii: vozmozhnosti dlya importozameshcheniya [Tourism in the Russian Federation: opportunities for import substitution]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development.], 2016, no. 4, pp. 32-46. (In Russian).
20. Frolova E.V., Kabanova E.E. Razvitie turisticheckoi privlekatel'nosti rossiiskikh territorii: sovremennye tendentsii i upravlencheskie praktiki [The development of tourist attractiveness of Russian territories: modern trends and management practices]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 1, pp. 153-169. (In Russian).
21. Bran F., Manea G. The industrial tourism. *Quality - Access to Success*, 2012, vol. 13, suppl. 3, pp. 1-6.
22. Bujok P., Klempa M., Jelinek J., Porzer M., Rodriguez Gonzalez M.A.G. Industrial tourism in the context of the industrial heritage. *Geojournal of Tourism and Geosites*, 2015, vol. 15, pp. 81-92.
23. Copic S., Dordevic J., Lukic T., Stojanovic V., Dukicin S., Besermenji S., Stamenkovic I., Tumaric A. Transformation of industrial heritage -an example of tourism industry development in the Ruhr area (Germany). *Geographica Pannonica*, 2014, vol. 18, pp. 43-50.
24. Frew E.A. Industrial tourism theory and implemented strategies. *Advances in Culture, Tourism and Hospitality Research*, 2008, vol. 2, pp. 27-42.
25. Garaca V., Trifkovic A., Curcic N., Vukosav S. Aspects of industrial heritage tourism: Case of Novi Sad. *Revista de Cercetare si Interventie Sociala*, 2014, vol. 44, pp. 181-198.
26. Hospers G.-J. Industrial heritage tourism and regional restructuring in the European union. *European Planning Studies*, 2002, vol. 10, pp. 397-404.
27. Jia Y. Analysis and Suggestions on Chinese Industrial Tourism Development. *International Business Research*, 2010, vol. 3, pp. 169-173.
28. Jonsen-Verbeke M. Industrial heritage: A nexus for sustainable tourism development. *Tourism Geographies*, 1999, vol. 1, pp. 70-85.
29. Lee C.-F. An investigation of factors determining industrial tourism attractiveness. *Tourism and Hospitality Research*, 2016, vol. 16, pp. 184-197; no. 24, pp. 35-39.
30. Otgaar A. Towards a common agenda for the development of industrial tourism. *Tourism Management Perspectives*, 2012, vol. 4, pp. 86-91.

Information about the Authors

Natal'ya Nikolaevna Yashalova – Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management, Business School, Cherepovets State University (10, Sovetsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation, natalij2005@mail.ru)

Mariya Andreevna Akimova – Master Degree Student, Higher School of Business, Southern Federal University (43, 23rd Liniya Street, Rostov-on-Don, 344019, Russian Federation, empuza@mail.ru)

Dmitrii Aleksandrovich Ruban – Philosophiae Doctor, Doctor of Geology and Mineralogy, Higher School of Business, Southern Federal University (43, 23rd Liniya Street, Rostov-on-Don, 344019, Russian Federation, ruban-d@mail.ru)

Stanislav Vladimirovich Boiko – Ph.D. in Philosophy, Professor, Department of Economics and Management, Branch of Saint Petersburg State University of Economics in Cherepovets (44, Stalevarov Street, Cherepovets, 162600, Russian Federation, sboyko938@mail.ru)

Anna Vadimovna Usova – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Department of Economics and Management, Business School, Cherepovets State University (10, Sovetsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation, Annvadim75@yandex.ru)

Ellada Ramis kyzy Mustafaeva – Ph.D. in Economics, Department of Economics and Management, Business School, Cherepovets State University (10, Sovetsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation, ellada-mustafaeva@bk.ru)

Статья поступила 01.11.2016.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.12

УДК 519.23, 330.46, ББК 22.172, 65.051

© Жгун Т.В.

Построение интегральной характеристики качества жизни субъектов Российской Федерации с помощью метода главных компонент*

**Татьяна Валентиновна
ЖГУН**

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Российская Федерация, 173003, ул. Большая Санкт-
Петербургская, д. 41
E-mail: zhtv@mail.ru

Аннотация. Социальная политика, как и любая политика вообще, является элементом системы управления. Для проведения эффективной социальной политики важно знать тенденции и количественные характеристики динамики общественного развития. Целью исследования является построение объективного составного индекса для измерения и сравнения качества жизни регионов Российской Федерации. Такой интегральный показатель особенно полезен в Российской Федерации, находящейся в процессе преобразований в условиях усиливающегося социального и экономического неравенства. Объективная комплексная оценка качества жизни населения может играть важную роль в сглаживании этих различий в субъектах Российской Федерации. В работе реализован алгоритм построения латентной интегральной характеристики изменения качества системы на основе статистических показателей для ряда последовательных наблюдений на основе метода главных компонент с учетом наличия шума в измеряемых данных (ОСШ-алгоритм). В отличие от классического метода главных компонент, где информативность вычисленной интегральной характеристики задается априорно и обеспечивается выбором числа главных компонент, в предлагаемом алгоритме информативность решения оценивается апосте-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке проектной части государственного задания в сфере научной активности Министерства образования и науки Российской Федерации, проект № 1.949.2014/К.

Для цитирования: Жгун, Т.В. Построение интегральной характеристики качества жизни субъектов Российской Федерации с помощью метода главных компонент / Т.В. Жгун // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 214–235. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.12

For citation: Zhgun T.V. Building an integral measure of the quality of life of constituent entities of the Russian Federation using the principal component analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, issue 10, no. 2, pp. 214-235. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.12

риорно на основании дисперсионного критерия и выбранного параметра отношения сигнал/шум, характеризующего вариативность данных. В процессе построения объективного показателя качества жизни использовались методы многомерного анализа и теории обнаружения сигналов на фоне помех. С помощью предложенного алгоритма построены интегральные индикаторы качества жизни субъектов Российской Федерации за 2007–2014 годы. Сделан вывод о том, что при построении интегрального показателя качества жизни населения для субъектов Российской Федерации следует применять объективный подход. Предлагаемый алгоритм устойчив к изменению входных данных. Методика может быть использована для оценки качества жизни в территориальных образованиях любого уровня и для вычисления интегральных оценок изменения качества любой плохо формализуемой системы.

Ключевые слова: интегральный индекс, погрешность измерения, качество жизни населения, развитие, метод главных компонент.

Введение

Несмотря на достаточно солидную историю исследований, к настоящему времени не сложилось ни общепризнанного определения «качества жизни населения», ни подхода к его диагностике, опирающегося на достоверную, проверяемую и воспроизводимую информационную базу, позволяющую учесть специфику функционирования социально-экономических систем. Это обстоятельство фактически является препятствием для формирования эффективной государственной региональной политики. Между тем научно обоснованная методология комплексной оценки качества жизни населения в регионах Российской Федерации должна рассматриваться как действенный инструмент выявления острых социальных проблем, определения приоритетных направлений, масштабов и механизмов оказания государственной поддержки, нацеленной на выравнивание уровней и повышение качества жизни населения в регионах России.

В начале 70-х годов XX века Экономический совет при ООН (ЭКОСОС), обобщив предложения специалистов — социологов, демографов, экономистов, экологов и др. — подготовил документ по стратегии дальнейшего развития человечества, в котором одним из ключевых положений яв-

ляется ориентированность на «качество жизни». Применявшийся ранее экономико-центристский подход, когда представления об успешном развитии общества сводились к сравнению показателей экономического роста и материального положения населения, в современных условиях был признан не вполне корректным, так как уровень удовлетворенности населения жизнью, качество жизни не связаны прямой зависимостью с макроэкономическими показателями. Экономический рост не устраняет автоматически избыточную социальную дифференциацию, не устраняет бедность, преступность, безработицу, а скорее усиливает эти проблемы.

В современных социально-экономических концепциях качество жизни людей является критерием прогрессивности социально-экономических преобразований в обществе, главной целью общественного развития. В 2004 г. Президент России в Послании к Федеральному Собранию впервые определил качество жизни как целевой критерий социально-экономического развития России¹. С этого времени проблема измерения и оценки

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.05.2004 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47851 (дата обращения: 13.06.2016).

качества жизни населения России перешла в плоскость практических задач. В последующие годы в выступлениях первых лиц государства² неоднократно³ подчёркивалась важность ориентации социально-экономической политики на повышение качества жизни населения. Сегодня приоритеты и цели политики Правительства Российской Федерации в области социального и экономического развития определяются «Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года»⁴. В этом документе указано, что «Правительству Российской Федерации предстоит ... обеспечить устойчивое и динамичное **повышение качества жизни россиян**».

При построении интегральных индикаторов качества систем переменные, предположительно определяющие латентный показатель качества, агрегируют с учетом вклада (веса) переменных в определяемый показатель. Существует несколько подходов к построению интегральных индикаторов. Субъективный подход (подход «с учителем») использует для определения важности показателей экспертные оценки или результаты социологических исследований. Объективный подход (подход «без учителя») определяет весовые коэффициенты показателей, не используя челове-

ские предпочтения для оценки ситуации, на основании выбранного формального метода.

При построении интегральных индикаторов существует несколько этапов, где должно быть принято решение: выбор номенклатуры показателей, методов предварительной обработки данных, способа агрегации данных (аддитивный или мультипликативный), выбор весовых коэффициентов. Однако основным возражением противников интегральных индикаторов является субъективный характер определения весов. Очевидно, что к измерению категорий социального бытия по субъективным показателям следует относиться с крайней осторожностью. Выборы президентов в США и Австрии осенью 2016 года, когда все социологические опросы и оценки экспертов накануне выборов показывали убедительное преимущество проигравшего кандидата, убедительно демонстрируют ограниченную применимость таких методик.

Международные организации ведут непрерывную работу по совершенствованию методик построения интегральных индикаторов [19–22]. В 2008 году Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD) совместно с Объединенным исследовательским центром (*Joint Research Centre European Commission*) подготовлен справочник [11], который являлся итогом многолетних исследований в этой области [19–22, 24], и в котором для широкого круга заинтересованных лиц изложен набор технических принципов, которые должны помочь исследователям в формировании составных показателей. Основным методом агрегации данных авторы выбирают линейную свертку показателей, а основным инструментом построения сводных показателей — факторный анализ.

² Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2009. — 13 ноября 2009. — Федеральный выпуск № 5038 (214). — URL: <https://rg.ru/2009/11/13/poslanie-tekst.html> (дата обращения: 13.06.2016).

³ Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. — URL: [КонсультантПлюс, contact@consultant.ru](http://consultant.ru) (дата обращения: 13.06.2016).

⁴ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция) [Электронный ресурс]: утв. Правительством РФ 14 мая 2015 г. // Система ГАРАНТ. — URL: <http://base.garant.ru/70309020/#ixzz4FKawUiEh> (дата обращения: 13.06.2016).

Значение интегрального показателя в этом случае определяют значимые нагрузки выбранных главных факторов после вращения [15, 19, 20]. Эта методика является альтернативой способу построения интегрального показателя как проекции на первую главную компоненту [1, 2, 14, 15, 18, 23, 25]. Де-факто именно линейная свертка как способ агрегации и многомерный анализ для определения весов показателей становятся стандартом при построении интегральных индикаторов.

К сожалению, российские исследователи практически не используют методы многомерного анализа для построения интегральных индикаторов качества жизни. Наиболее известны методики оценки качества жизни, выполненные во Всероссийском научно-исследовательском институте технической эстетики (ВНИИТЭ), Институте макроэкономических исследований (ИМЭИ) и Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ) РАН.

В рамках методики, предлагаемой специалистами ИМЭИ, в оценку качества жизни населения включены индикаторы материальной обеспеченности, социальной защищенности и экологических условий проживания. Используется 9 индикаторов, которые сначала унифицируются (переводятся на отрезок $[0, 1]$ по принципу: «чем больше, тем лучше») в соответствии с методикой, принятой ООН при построении индекса человеческого развития (ИЧР), а потом участвуют в линейной свертке с равными весами [12,13]. В разработанный ВНИИТЭ показатель качества жизни населения входят отдельно объективный и субъективный показатели [6]. Значения переменных выбираются из данных Росстата и опросов общественного мнения (данные ВЦИОМ и др.). Номенклатура показателей не фиксирована. Показатели унифицируют и вычисляют

линейную свертку. Веса задаются экспертами либо определяются исследователем произвольно. Методики имеют ограниченную применимость из-за субъективности выбора переменных и весовых коэффициентов.

Более востребован формальный подход к оценке качества жизни населения, разработанный в ЦЭМИ под руководством С.А. Айвазяна [1, 2]. Выбор переменных в этой методике тщательно обосновывается, веса в линейной свертке определяются алгоритмом на основе метода главных компонент (МГК).

Но следует отметить, что методика определения весовых коэффициентов с помощью многомерного анализа (факторного анализа и метода главных компонент) не может применяться для сравнения характеристик объектов в динамике, так как даже при фиксированных методах извлечения факторов и способах вращения, многомерный анализ для разных наблюдений системы определяет структуру главных компонент и главных факторов (значимые нагрузки) по-разному, что делает бессмысленным межвременные сравнения [7]. В работах [3, 4, 10] интегральный показатель строится по методике С.А. Айвазяна [1, 2]. К сожалению, построенные в [3, 4, 10] интегральные характеристики, как минимум, не являются устойчивыми к изменению показателей по годам, поэтому их нельзя назвать качественными.

Задача вычисления интегральной характеристики системы

Рассмотрим построение интегральной оценки системы из m объектов, для которой известны таблицы из n описаний объектов для ряда наблюдений $t = 1, \dots, p$ — матрицы размерностью $m \times n$ $A^t = \{a_{ij}\}_{i,j=1}^{n,m}$. Численные характеристики системы предварительно подвергнуты унификации — приведению значений переменных на от-

резок $[0, 1]$ по принципу: «чем больше, тем лучше». Для каждого момента t вектор интегральных показателей имеет вид:

$$q^t = A^t \cdot w^t, \quad (1)$$

где $q^t = \langle q_1^t, q_2^t, \dots, q_m^t \rangle^T$ – вектор интегральных индикаторов момента t ,

$w^t = \langle w_1^t, w_2^t, \dots, w_m^t \rangle^T$ – вектор весов показателей для момента t , A^t – матрица преобразования данных для момента t .

Для построения интегрального индикатора качества системы требуется найти веса показателей w^t для каждого момента времени. Для фиксированного t интегральную оценку чаще всего записывают для каждого рассматриваемого объекта с номером i в виде аддитивной свертки данных с некоторыми весами:

$$q_i = \sum_{j=1}^n w_j \cdot a_{ij}, \quad i = 1, 2, \dots, m. \quad (2)$$

Методы многомерного анализа позволяют оценивать весовые коэффициенты (2), не используя субъективную информацию. При этом базовым является предположение, что наиболее информативными для оценивания интегральной характеристики являются переменные, демонстрирующие наибольшую вариабельность. В качестве весовых коэффициентов выступают коэффициенты первой главной компоненты или факторные нагрузки после вращения. Метод главных компонент формально не требует использования вращений, но для облегчения интерпретации компонент в качестве стандартного подхода рекомендуется вращение варимакс [17], которое приводит к увеличению больших и уменьшению малых значений факторных нагрузок. При вычислении интегрального индикатора после процедуры вращения значимые нагрузки выделенных факторов участвуют в определении весовых коэффициентов, а незначимые обнуляются [15, 20].

Интегральная характеристика системы при наличии шума в измеряемых данных

Недостаточное удовлетворение исследователей качеством построенных интегральных индикаторов основывается не только на методических проблемах построения, но и на недостаточном качестве используемых данных. Тем не менее именно статистические данные, содержащие неустранимые погрешности, в настоящее время представляют собой наилучшие оценки реальных величин, имеющих в социальных системах⁵ [19].

Получение точных характеристик объекта на основании однократного измерения, неизбежно содержащего неизвестную погрешность, не представляется возможным. Однако вычисление неизвестной характеристики по серии таких измерений вполне вероятно. Такую задачу, в частности, с успехом решает астрофотометрия, определяющая основные числовые параметры астрономических объектов не по однократному наблюдению (изображению), а по **серии** зашумленных изображений. Используя основные идеи, лежащие в основе астрофотометрии, будем рассматривать построение интегральной характеристики изменения качества сложной системы как решение задачи выделения полезного сигнала по серии наблюдений, содержащей описание неизвестного параметра.

Любое измерение, в том числе и статистическое, неизбежно связано с точностью измерительного прибора, поэтому результат измерения неизбежно содержит случайную неустранимую ошибку. Построение интегральной характеристики изменения качества системы можно рассматривать как задачу выделения полезного сигнала на фоне шумов при наличии нескольких ре-

⁵ Human Development Reports. 1990–2014 / United Nations Development Programme, 1990-2014. – URL: <http://hdr.undp.org/en/reports/> (дата обращения: 13.06.2016).

лизаций измеряемого процесса. Эта задача аналогична задаче восстановления цифровых изображений, искаженных белым гауссовским шумом. Метод главных компонент (МГК) позволяет выделить структуру в многомерном массиве данных и с успехом применяется для распознавания изображений и для шумоподавления.

Количественные характеристики конкретной системы, функционально связанные с ее структурными особенностями и условиями работы, зависят от отношения сигнала к шуму. Это отношение часто используется для количественной оценки эффективности различения сигналов в оптико-электронных, телевизионных автоматических системах, в средствах контроля и диагностики и пр.

ОСШ – отношение сигнал/шум (англ. *signal-to-noise ratio*, сокр. *SNR*) представляет собой отношение сигнала (а если точнее, суммы сигнала и шума) к шуму. Величина может быть вычислена либо как безразмерное отношение амплитуды сигнала к амплитуде шума $SNR = A_s / A_n$, либо в децибелах $SNR (dB) = 20 \cdot \log_{10}(A_s / A_n)$. Эта величина наиболее полно описывает качество воспроизведения сигнала в телевизионных системах, в системах мобильной связи, в астрофотометрии. В статистике обратное значение этой величины есть коэффициент вариации, характеризующий изменчивость данных.

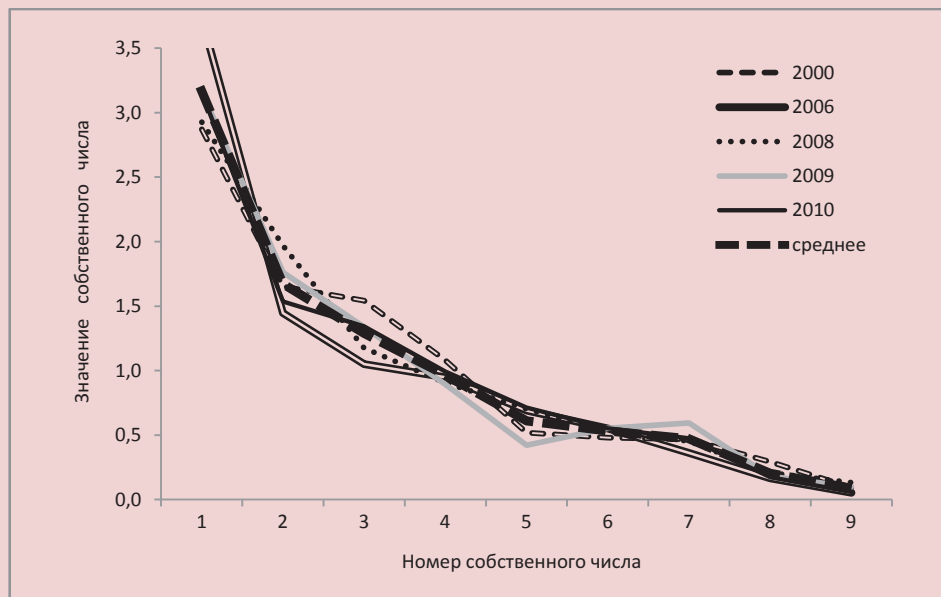
Выбор порогового значения отношения полезного сигнала к шуму фона, позволяющего различить сигнал на фоне шума, обоснован в [8]. Современные технические системы (и человеческий глаз) уверенно выделяют сигнал из шума, если уровень ОСШ системе составляет около 7 дБ (или в безразмерных единицах – 2,2). Такое пороговое значение используется в фотометрии слабых объектов: при регистра-

ции сигнала от тусклых звезд необходимо, чтобы отношение сигнал/шум превышало 2,2. Именно это значение $SNR = 2,2$ и будет использоваться далее в работе в качестве пороговой величины, хотя можно рассматривать и несколько бóльшие значения. Кстати, отметим, что такая величина соответствует коэффициенту вариации 45% или менее.

Любой результат, полученный на основании статистических данных, будет содержать случайную неустранимую ошибку – погрешность измерения. Переход к другому моменту времени означает изменение данных, которое при неизменной структуре системы, вызвано как изменением ситуации, так и случайными ошибками. Метод главных компонент на основании различных для разных моментов значений собственных векторов и собственных значений описывает неизменную структуру системы. Следовательно, именно значения собственных чисел и собственных векторов будут тем сигналом, который нужно выделить из зашумленных данных по имеющимся реализациям. Предположение о том, что при вариации входных данных у собственных чисел имеется общая тенденция, иллюстрирует рисунок 1, где представлены значения упорядоченных по убыванию собственных чисел для разных наблюдений.

В среднем значении рассматриваемых величин хорошо просматривается тенденция (сигнал) и случайное отклонение от нее. Именно усреднение значений используется в астрофотографии для подавления шумов. Усреднение работает на основе предположения об абсолютно случайной природе шума. Соответственно, случайные отклонения данных от истинных величин будут последовательно снижаться по мере возрастающего числа наблюдений.

Рисунок 1. Собственные значения ковариационной матрицы переменных для различных моментов наблюдения

Усреднение для собственных векторов не может быть использовано, так как они в методе главных компонент определяются с точностью до направления, в отличие от собственных чисел, определяемых однозначно. Среднее значение факторных нагрузок переменных зависит от направления векторов и не может однозначно характеризовать сигнал. Следовательно, на основе вычисленных для различных наблюдений собственных векторов (упорядоченных в порядке убывания собственных чисел) нужно согласовать направления собственных векторов, чтобы распознать случайные и неслучайные компоненты этих векторов и определить значения координат неслучайных переменных.

Наличием неслучайного (т.е. значимого) вклада переменной в структуру главных компонент будем считать не большую величину факторной нагрузки после вращения, как в факторном анализе,

а **инвариантность** факторной нагрузки при возмущениях (для разных наблюдений), признаком которой будет величина отношения сигнал/шум, определяемая отношением среднего значения переменной (сигнал) и среднеквадратичного отклонения (шум). Если это отношение выше порогового значения, такую переменную считаем неслучайной и значимой. При невыполнении такого соотношения переменная характеризуется шумовой составляющей сигнала и не участвует в дальнейшем рассмотрении. Для проверки этого условия нужно согласовать направления собственных векторов на основании некоторого критерия. После определения значимых переменных они, как и в факторном анализе, будут участвовать в дальнейшем рассмотрении, а незначимые переменные обнуляются. Подробное описание алгоритма приведено в [7, 8].

Вычисление интегральных индикаторов качества жизни населения

Проиллюстрируем работу алгоритма для вычисления интегральных индикаторов качества жизни населения субъектов Российской Федерации. Выбор переменных и деление их на блоки лежат вне рассматриваемого обсуждения. Поэтому воспользуемся списком переменных (табл. 1) из исследования М.А. Исакина [5]. Интегральный показатель качества жизни вычисляется на основе трех систем показателей, отражающих интегральные категории качества жизни населения: уровень благосостояния населения, качество населения и качество социальной сферы. Модель интегрального индикатора качества жизни разработана проф. С.А. Айвазяном [1, 2]. Неизменный набор из 36 переменных автор [5] использовал на протяжении длительного времени. Отсутствующие в открытом доступе данные заменим на близкие к ним (выделено цветом в табл. 1). Например, переменные 36 и 37 заменили отсутствующую в открытой статистике для всех наблюдений переменную «Число самоубийств на 100 000 населения». Все значения переменных взяты из справочников Росстата ⁶.

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели, 2015 (2008–2014) : стат. сб. [Эл. рес.] / Федер. служба гос. статистики (Росстат). – Офиц. изд. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156, свободный. – Загл. с тит. экрана (дата обращения: 10.02.2016);

Труд и занятость в России, 2015 (2009, 2011, 2013) : стат. сб. [Эл. рес.] / Федер. служба гос. статистики (Росстат). – Офиц. изд. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766, свободный. – Загл. с тит. экрана (дата обращения: 10.02.2016);

Демографический ежегодник России, 2015 (2008–2014) : стат. сб. [Эл. рес.] / Федер. служба гос. статистики (Росстат). – Офиц. изд. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312, свободный. – Загл. с тит. экрана (дата обращения: 10.02.2016).

Вменение отсутствующих значений является уязвимым местом методик вычисления интегральной характеристики. Наличие ряда наблюдений во многом снимает эту проблему. Единичные отсутствующие значения восстановлены линейной интерполяцией по соседним имеющимся, в случае отсутствия показателей для ряда лет дополняем их средними значениями по тому федеральному округу, к которому относится рассматриваемый субъект Федерации.

Далее набор исходных переменных подвергается унификации по следующим правилам. Если исходный показатель связан с анализируемым интегральным свойством качества монотонной зависимостью, то при приведении их на отрезок [0, 1] переменные x_{ij} для каждого момента наблюдения преобразовываются по правилу:

$$a_{ij} = s_j + (-1)^{s_j} \cdot \frac{x_{ij} - m_j}{M_j - m_j},$$

где $s_j = 0$, если оптимальное значение j -го показателя максимально и $s_j = 1$, если оптимальное значение j -го показателя минимально, m_j – наименьшее значение j -го показателя по всей выборке (глобальный минимум), M_j – наибольшее значение j -го показателя по всей выборке (глобальный максимум).

В случае, когда существует иное оптимальное (не минимальное или максимальное) значение показателя, используется формула:

$$a_{ij} = \left(1 - \frac{|x_{ij} - x_j^{opt}|}{\max((M_j - x_j^{opt}), (x_j^{opt} - m_j))} \right)$$

Среди перечисленных переменных переменные 1, 2, 5, 7, 9, 10, 12, 21, 22, 23 связаны с вычисляемой характеристикой монотонной возрастающей зависимостью, когда оптимальное значение j -го показателя

Таблица 1. Переменные для вычисления интегральных индикаторов качества жизни населения

Блок 1: Уровень благосостояния населения	
1	Отношение ВРП на душу населения к прожиточному мин, единиц
2	Покупательская способность среднедушевых денежных доходов по отношению к прожиточному минимуму, %
3	Доля численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, %
4	Отношение совокупных доходов 20% самых богатых и 20% самых бедных
5	Обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями на 1 000 чел.
6	Доля семей, состоящих на учете на получение жилья, %
7	Приходится общей площади жилищного фонда на одного жителя (кв. м/10 чел.)
8	Доля ветхого и аварийного жилья, %
9	Плотность автомобильных дорог общего пользования (км/10 000 кв. км)
Блок 2: Качество населения	
10	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет
11	Число умерших детей в возрасте до 1 года на 1000 чел.
12	Коэффициент естественного прироста, на 1000 чел.
13	Число умерших от инфекционных, паразитарных болезней и туберкулеза на 100 000 чел.
14	Число умерших от новообразований на 100 000 чел.
15	Число умерших от болезней системы кровообращения на 100 000 чел.
16	Число умерших от болезней органов дыхания на 100 000 чел.
17	Число умерших от болезней органов пищеварения на 100 000 чел.
18	Заболеваемость от травм, отравлений и других внешних причин на 100 000 чел.
19	Число инвалидов на 1 000 чел.
20	Зарегистрировано случаев заболевания врожденными аномалиями на 1 000 чел.
21	Доля специалистов с высшим образованием среди занятых в экономике, %
22	Приведенная производительность труда (ВРП на среднегодовую численность занятых в экономике, тыс. руб./чел.)
23	Количество выпускников высших и средних учебных заведений на 1000 чел.
Блок 3: Качество социальной сферы	
24	Уровень безработицы, %
25	Доля работников занятых во вредных и опасных условиях труда в среднегодовой численности занятых в экономике, %
26	Численность пострадавших на производстве со смертельным исходом или с утратой трудоспособности на 1 раб. день и более на 1 000 работающих
27	Коэффициент миграционного прироста на 10 000 населения
28	Число зарегистрированных умышленных убийств на 100 000 чел.
29	Число фактов умышл. Причинения тяжкого вреда здоровью на 100 000 чел.
30	Число зарегистрированных изнасилований на 100 000 чел.
31	Число разбоев, грабежей, краж из квартир граждан в расчете на 100 000 чел.
32	Число зарегистрированных присвоений или растрат в расчете на 100 000 чел.
33	Число состоящих на учете с диагнозом наркомания и токсикомания на 100 000 чел.
34	Число состоящих на учете с диагнозом алкоголизм в расчете на 100 000 чел.
35	Число больных, инфицированных туберкулезом в расчете на 100 000 чел.
36	Смертность от внешних причин, на 100 000 чел.
37	Число больных психическими расстройствами на 100 000 чел.

теля максимально. Для остальных показателей, кроме переменной 27, оптимальное значение показателя минимально. Для переменной 27 «Коэффициент миграционного прироста» примем $x_j^{opt} = 0, j=27$.

Значение соответствует ситуации, когда количество выбывших из региона совпадает с количеством приехавших, что, по мнению автора, является условием обеспечения наилучшего качества жизни в регионе.

В табл. 2 представлено определение эмпирических собственных чисел как среднего значения собственных чисел ковариационных матриц стандартизированных данных для разных наблюдений первого блока.

Определение третьей эмпирической главной компоненты, полученной определением значимых и незначимых переменных одноименных главных компонент, представлено в табл. 3. Нужно максимизировать сумму отношений сигнал/шум для

Таблица 2. Определение эмпирических собственных чисел Блока 1

Наблюдение	Собственные числа								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
2007	3.38	2.02	1.03	0.87	0.61	0.48	0.30	0.27	0.04
2008	3.41	2.07	0.95	0.87	0.65	0.48	0.29	0.22	0.05
2009	3.24	2.08	0.97	0.89	0.66	0.55	0.32	0.28	0.03
2010	3.25	1.98	1.14	0.82	0.67	0.49	0.33	0.29	0.03
2011	3.26	2.03	1.25	0.73	0.57	0.52	0.35	0.25	0.04
2012	3.30	2.00	1.30	0.73	0.60	0.48	0.34	0.21	0.03
2013	3.42	2.00	1.21	0.77	0.59	0.50	0.27	0.21	0.03
2014	3.43	2.15	1.27	0.65	0.51	0.47	0.28	0.20	0.03
Эмпирические собственные числа	3.34	2.04	1.14	0.79	0.61	0.50	0.31	0.24	0.03

Таблица 3. Определение третьей эмпирической главной компоненты Блока 1

Согласование направления 1-й переменной									
3	Переменные								
ГК	1	2	3	4	5	6	7	8	9
2007	-0.07	-0.10	0.26	0.38	0.08	-0.21	0.67	-0.28	-0.44
2008	-0.05	0.19	0.04	-0.14	-0.33	-0.18	-0.41	0.20	0.77
2009	-0.16	0.22	0.19	-0.06	-0.49	-0.20	-0.24	0.04	0.74
2010	-0.17	0.22	0.24	-0.06	-0.37	-0.25	-0.14	0.16	0.79
2011	-0.24	0.18	0.31	0.07	-0.23	-0.20	0.00	0.21	0.82
2012	-0.25	0.18	0.28	0.07	-0.40	-0.23	-0.03	0.17	0.76
2013	-0.20	0.17	0.20	0.01	-0.47	-0.17	-0.03	0.12	0.79
2014	-0.30	0.14	0.18	0.00	-0.38	-0.22	0.04	0.18	0.79
<i>Среднее, m</i>	-0.18	0.15	0.21	0.03	-0.32	-0.21	-0.02	0.10	0.63
<i>Выб. ср. квадр. откл., s</i>	0.09	0.10	0.08	0.16	0.18	0.03	0.32	0.16	0.43
ОСШ	2.10	1.47	2.51	0.22	1.76	7.94	0.06	0.61	1.45
	Сумма ОСШ по строке								18.13
	Сумма ОСШ у действующих переменных								10.45
Согласование направления 2-й переменной									
3	Переменные								
ГК	1	2	3	4	5	6	7	8	9
2007	0.07	0.10	-0.26	-0.38	-0.08	0.21	-0.67	0.28	0.44
2008	-0.05	0.19	0.04	-0.14	-0.33	-0.18	-0.41	0.20	0.77
2009	-0.16	0.22	0.19	-0.06	-0.49	-0.20	-0.24	0.04	0.74
2010	-0.17	0.22	0.24	-0.06	-0.37	-0.25	-0.14	0.16	0.79
2011	-0.24	0.18	0.31	0.07	-0.23	-0.20	0.00	0.21	0.82
2012	-0.25	0.18	0.28	0.07	-0.40	-0.23	-0.03	0.17	0.76
2013	-0.20	0.17	0.20	0.01	-0.47	-0.17	-0.03	0.12	0.79
2014	-0.30	0.14	0.18	0.00	-0.38	-0.22	0.04	0.18	0.79
<i>Среднее, m</i>	-0.16	0.18	0.15	-0.06	-0.35	-0.15	-0.19	0.17	0.74
<i>Выб. ср. квадр. откл., s</i>	0.12	0.04	0.18	0.15	0.13	0.15	0.25	0.07	0.12
ОСШ	1.36	4.33	0.79	0.41	2.60	1.03	0.75	2.44	6.00
	Сумма ОСШ по строке								19.70
	Сумма ОСШ у действующих переменных								15.37

всех переменных, которое вычисляется как отношение вычисляемого среднего значения факторных нагрузок к среднеквадратичному отклонению.

Всего нужно рассмотреть 9 вариантов, которые максимизируют вычисляемое отношение сигнал/шум для каждой из переменных. Если знаки первой переменной одинаковы, то среднее значение факторных нагрузок наибольшее, а разброс их значений минимален, следовательно, отношение сигнал/шум для этой переменной максимально. В этом случае имеются две действующих переменных, для которых отношение сигнал/шум не менее порогового значения ОСШ 2,2, а именно переменные x_3 , x_6 . Сумма отношений сигнал/шум у этих действующих переменных равна 10,45. Далее, если одинаковы знаки у второй переменной (и заодно и пятой, восьмой, девятой), то сумма вычисленных для действующих переменных отношений сигнал/шум составит 15,35. Именно этот вариант дает максимальную сумму вычисленных значений ОСШ у действующих переменных. Итак, в этой ЭГК оказались четыре действующие (значимые) переменные (выделены темным цветом в табл. 3): x_2 , x_5 , x_8 , x_9 . Факторные нагрузки этих переменных в ЭГК определит средняя величина нагрузок по годам, остальные переменные ЭГК обнуляются (так же, как в методах факторного анализа).

После определения всех эмпирических главных компонент стоит вопрос выбора их количества. Обычно в методе главных компонент используется традиционное понятие дисперсионной информативности, которое определяет число главных компонент l , используемых для вычисления интегральной характеристики.

$$\gamma_{\sigma} = \frac{\lambda_1 + \lambda_2 + \dots + \lambda_l}{\lambda_1 + \lambda_2 + \dots + \lambda_n} \geq \theta, \quad (3)$$

где λ_i – i -е собственное число ковариационной матрицы, θ – задаваемый априорно порог информативности (обычно 55%). Число выбранных главных компонент должно обеспечивать выполнение соотношения (3). Подходы к оценке числа главных компонент по необходимой доле объясненной дисперсии формально применимы всегда, однако неявно они предполагают, что нет разделения на «сигнал» и «шум» и любая заранее заданная точность имеет смысл. При разделении данных на полезный сигнал и шум задаваемая точность теряет смысл и требуется переопределить понятие информативности. Аналогично дисперсионной информативности согласно (3) можно определить SNR -информативность для выбранных эмпирических главных компонент N :

$$\gamma_{SNR} = \frac{S_{11} + S_{12} + \dots + S_{1N}}{S_{21} + S_{22} + \dots + S_{2N}}, \quad (4)$$

где S_{ik} – сумма величин ОСШ у действующих переменных k -ой ЭГК, S_{2k} – сумма ОСШ всех переменных k -ой ЭГК. В отличие от дисперсионной информативности, SNR -информативность не может достигать 100% по логике построения. Информативность выбранной системы признаков определяется дисперсионной и SNR -информативностью:

$$\gamma = \gamma_{\sigma} \cdot \gamma_{SNR}. \quad (5)$$

Число ЭГК для вычисления композитного индекса должно максимизировать информативность полученного решения, определяемого (5).

В табл. 4 представлены все нормализованные (умножением на квадратный корень из соответствующего эмпирического собственного числа) и согласованные по направлению эмпирические главные компоненты (ЭГК) первого блока. Искомый

Таблица 4. Эмпирические главные компоненты Блока 1

№ ЭГК	Эмпирические собст. числа	Переменные								
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	3.34	0.8	0.9	0.82	-0.75	0.53		0.38	0.31	
2	2.04	-0.27	-0.31		0.43	0.43	0.64	0.64	0.64	
3	1.14		0.19			-0.37			0.18	0.79
4	0.79			0.31						
5	0.61								0.34	
6	0.5					0.43			-0.26	
7	0.31	0.35	-0.12	-0.24						0.19
8	0.24				0.26			-0.2	0.12	
9	0.03		0.14	-0.08	0.08					
Вектор весов		0.88	0.79	0.81	0.02	1.02	0.64	0.83	1.33	0.98

Таблица 5. Определение информативности интегрального показателя Блока 1: Уровень благосостояния населения

	Номер эмпирической главной компоненты								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Сумма ОСШ k-ой ЭГК	102.2	57.6	19.7	11.3	7.9	10.7	20.9	16.5	100.5
Сумма действующих ОСШ k-ой ЭГК	101.4	55	15.4	4.2	3.4	4.9	16.5	10.8	95.7
Накопленный вклад, ОСШ-информативность	0.99	0.98	0.96	0.92	0.9	0.88	0.87	0.86	0.88
Эмпирические собственные числа	3.34	2.04	1.14	0.79	0.6	0.5	0.31	0.24	0.03
Накопленный вклад, дисперсионная информативность	0.37	0.6	0.72	0.81	0.9	0.94	0.97	1	1
Общая информативность	0.37	0.58	0.69	0.75	0.8	0.82	0.85	0.85	0.88

вектор весов определяется суммированием одноименных переменных выбранного согласно (5) числа эмпирических главных компонент.

В табл. 5 приведен пример определения информативности интегрального показателя Блока 1. При рассмотрении всех 9 ЭГК информативность максимальна и составит около 88%. Поэтому для вычисления интегрального показателя этого блока используем все эмпирические главные компоненты. Чем больше переменных описывают систему, тем меньше их относительное количество участвует в построении композитного индекса. Для второго блока выбираем 11 из 14 ЭГК, для третьего – 10 из 14 ЭГК. (В другом случае, в системе, которую описывает 51 переменная, было выбрано 21 ЭГК).

Веса блоков определяем пропорционально вычисленным значениям действующих ОСШ переменных этого блока (табл. 6), что аналогично пропорциональности силе принятого сигнала. Блок 3 «Качество социальной сферы», в котором 14 переменных, оказался менее значим, чем блок 1 «Уровень благосостояния населения», в котором 9 переменных. Блок 2 «Качество населения», в котором 14 переменных, оказался самым весомым. Важность качества населения оказалась выше важности уровня благосостояния и качества социальной сферы.

Таблица 6. Определение весов блоков

Блок	1	2	3
Сумма действующих ОСШ	307.4	397.7	254.3
Вес блока	0.32	0.41	0.27

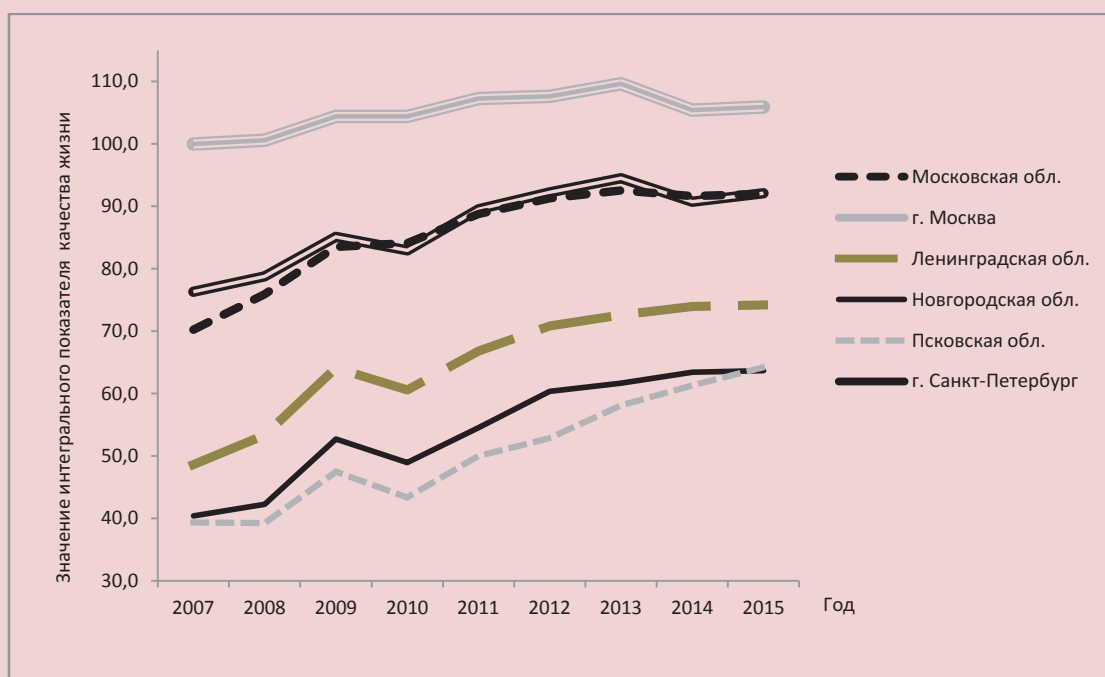
В приложении к статье приведены вычисленные интегральные индикаторы качества жизни субъектов Российской Федерации за 2007–2014 годы с учетом весовых коэффициентов блоков, определенных в табл. 6. Для 2015 года приведены значения прогноза. Значения интегрального индикатора согласно принятой международной практике нормированы относительно значений 2007 года. Значение «ноль» имеет минимальное значение интегрального индикатора качества жизни населения (ИИКЖН) для 2007 года (у Республики Тыва), значение 100 – это максимальное значение интегрального индикатора в 2007 году (у Москвы). Цветом выделены разные федеральные округа (ФО).

Рисунок 2 демонстрирует непротиворечивость методики: показаны изменения вычисленного ИИКЖН для некоторых субъектов РФ. Соотношение вычисленных характеристик совпадает с ожидае-

мым: Москва демонстрирует бесспорное и недостижимое лидерство, Санкт-Петербург и Московская область практически одинаковы по показателю качества жизни, но достаточно сильно разнятся со столицей, Новгород и Псков в аутсайдерах (не только среди приведенных субъектов, но и по России).

Стабильно самые высокие показатели ИИКЖН на всем промежутке наблюдения показывают субъекты Северо-Кавказского ФО. Следует отметить, что из 37 рассматриваемых показателей 20 отражают физиологическое благополучие человека, что и объясняет (вкуче с особенностями национальной статистики) фантастические показатели Северной Осетии, Ингушетии, Чечни, Дагестана и пр. В этих субъектах России значительно меньше шансов заболеть, умереть, подвергнуться криминальному насилию; население этих субъектов не чрезмерно вовлечено в процесс

Рисунок 2. Интегральная характеристика качества жизни некоторых субъектов Российской Федерации за 2007–2015 годы

общественного производства. Ожидаемая продолжительность жизни в Ингушетии наибольшая по России и, в частности, превышает этот параметр по Новгородской области на 10 лет. С учетом этого обстоятельства низкий уровень валового регионального продукта и высокий уровень безработицы в субъектах Северо-Кавказского ФО не кажутся столь уж важными при оценке ИИКЖН – меньше работать и дольше жить предпочтительнее, чем наоборот.

В таблице 7 приведены средние рейтинги за весь период наблюдений для групп лидеров и аутсайдеров ИИКЖН. Эти группы по годам изменяются незначительно. Лидеры – Москва, Петербург, республики Северо-Кавказского ФО, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Татарстан и некоторые южные области: Белгородская, Воронежская, Ростовская, Ставропольский край. Замыкают список в основном

субъекты Сибирского и Дальневосточного ФО – 14 субъектов из 20 приведенных, по два субъекта Северо-Западного ФО (Псковская и Новгородская области) и Приволжского ФО (Марий Эл и Пермский край). Замыкает список аутсайдеров постоянно Тыва.

В таблице 8 приведены характеристика вычисленного показателя качества жизни за весь период наблюдений и прогноз на 2015 год. Наибольшая дифференциация в качестве жизни наблюдается в Сибирском (коэффициент вариации 29,3) и Дальневосточном ФО (коэффициент вариации 22), где преобладает сырьевая экономика, наименьшая – в Северо-Кавказском ФО (коэффициент вариации 7,8). Во всех федеральных округах среднее значение интегрального показателя качества жизни за рассматриваемый период увеличилось (что подтверждают и субъективные ощущения), а дифференциация – уменьшилась.

Таблица 7. Лидеры и аутсайдеры по интегральному показателю качества жизни населения за 2007–2015 годы

№ п/п	Субъект РФ	Средний рейтинг	Субъект РФ	Средний рейтинг
1	г. Москва	1,00	Хабаровский край	63,67
2	Респ. Северная Осетия – Алания	2,56	Новгородская обл.	65,67
3	г. Санкт-Петербург	3,78	Ивановская обл.	66,00
4	Белгородская обл.	4,33	Респ. Хакасия	67,00
5	Московская обл.	5,78	Приморский край	67,33
6	Респ. Ингушетия	7,67	Магаданская обл.	68,22
7	Кабардино-Балкарская Респ.	7,67	Алтайский край	68,44
8	Респ. Татарстан	8,44	Респ. Марий Эл	69,89
9	Ханты-Мансийск. АО – Югра	8,56	Пермский край	70,67
10	Ямало-Ненецкий АО	9,11	Курганская обл.	71,56
11	Краснодарский край	11,44	Псковская обл.	71,78
12	Чеченская Респ.	11,56	Кемеровская обл.	75,33
13	Карачаево-Черкесская Респ.	13,78	Забайкальский край	77,11
14	Ставропольский край	14,78	Респ. Бурятия	77,44
15	Респ. Адыгея	15,11	Чукотский АО	78,33
16	Респ. Дагестан	15,44	Амурская обл.	78,44
17	Липецкая обл.	17,00	Респ. Алтай	78,56
18	Мурманская обл.	17,44	Иркутская обл.	79,11
19	Воронежская обл.	19,89	Еврейская авт. обл.	82,00
20	Ростовская обл.	20,22	Респ. Тыва	83,00

Таблица 8. Характеристики показателей качества жизни по федеральным округам

Федеральный округ	Весь период наблюдения			2014 год		
	Среднее значение	Средне-квадратичное отклонение	Коэффициент вариации, %	Среднее значение	Средне-квадратичное отклонение	Коэффициент вариации, %
Центральный	69.6	13.8	19.9	76	11.4	15
Северо-Западный	63.9	12.5	19.6	71.1	8.6	12
Южный	68.4	10.6	15.4	74.9	9.3	12.5
Северо-Кавказский	79.4	6.2	7.8	84	5.4	6.4
Приволжский	64.2	9.6	15	69.5	7	10.1
Уральский	68.6	11.6	17	72.4	12.2	16.8
Сибирский	49.8	14.5	29.2	55.2	12.2	22.2
Дальневосточный	52.3	11.5	22	59.3	9.7	16.4
По РФ	64	14.8	23.2	69.8	12.6	18.1

Однако дифференциация субъектов внутри России остается значительной, и для её преодоления требуются грамотные управленческие решения.

Представляет интерес сравнить полученные значения ИИКЖН с результатами, полученными в работе [10], где ИИКЖН за 2012 год вычислены по методике, предложенной С.А. Айвазяном. Авторы [10] считают, что «построенные таким образом рейтинговые оценки позволяют определить приоритеты социально-экономической политики на региональном уровне». Однако внимательное изучение полученных результатов вызывает недоумение. Ставрополье получило 76 место в рейтинге, рядом с Тывой, у которой рейтинг выше – 75. Ленинградская область с рейтингом 63 находится между Забайкальским краем (62), Сахалином (64), Калмыкией (65) и Якутией (66). Соседние Новгородская и Псковская губернии с очень похожим положением имеют колоссальный разрыв в оценках: 29 у Новгородской и 53 у Псковской. Среди субъектов Северо-Западного ФО в этом рейтинге Ленинградская область занимает последнее место. Как минимум, оценки субъектов СЗФО кажутся крайне сомнительными, и приведенную интегральную характеристику нельзя назвать достоверной и на её основе правильно «определить при-

оритеты социально-экономической политики на региональном уровне».

Источником неудовлетворительного качества вычисленных характеристик может являться, в частности, погрешность исходных данных, которую не учитывает классический метод главных компонент. Построенный в этой работе интегральный показатель устойчив по входным данным и свободен от грубых ошибок, подобных указанным выше.

Заключение

В работе рассмотрено построение латентной интегральной характеристики изменения качества системы на основании регистрируемых статистических измерений. На основе алгоритма построения интегральных характеристик с определением неслучайных составляющих главных компонент, характеризующих структуру рассматриваемой системы, определен интегральный индекс качества жизни населения субъектов Российской Федерации за 2007–2014 годы. За рассматриваемый период качество жизни во всех субъектах России улучшалось, дифференциация внутри федеральных округов уменьшилась. Однако дифференциация субъектов и федеральных округов внутри России остается значительной и для её преодоления требуются грамотные управленческие решения.

Предлагаемая методика может быть использована для вычисления интегральных оценок изменения качества любых социально-экономических систем, в том числе для вычисления интегральных оценок качества жизни субъектов и муниципальных образований Российской Федерации. В

дальнейшем следует проанализировать результаты применения методики построения интегральной характеристики изменения качества системы не для ограниченного набора качественных входных переменных, а используя широкую базу измерений социальных систем, фиксируемую Росстатом.

Литература

1. Айвазян, С.А. Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях [Текст] / С.А. Айвазян; Рос. акад. наук, Центр. экон.-мат. ин-т. – М.: ЦЭМИ РАН, 2000. – 117 с.
2. Айвазян, С.А. Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения. Часть I. Методология анализа и пример ее применения [Текст] / С.А. Айвазян // Мир России. – 2010. – Т. X. – № 4. – С. 59–96.
3. Айвазян, С.А. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) [Текст] / С.А. Айвазян, В.С. Степанов, М.И. Козлова // Прикладная эконометрика. – 2009. – № 3(19). – С. 18–84.
4. Гайдамак, И.В. Моделирование интегральных показателей качества жизни населения юга Тюменской области [Текст] / И.В. Гайдамак, А.Г. Хохлов // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 6. – С. 176–186.
5. Исакин, М.А. Модификация метода k-средних с неизвестным числом классов [Текст] / М.А. Исакин // Прикладная эконометрика. – 2006. – № 4. – С. 62–70.
6. Задесенец, Е.Е. Методология измерения и оценки качества жизни населения России [Текст] / Е.Е. Задесенец, Г.М. Зараковский, И.В. Пенова // Мир измерений. – 2010. – № 2. – С. 37–44.
7. Жгун, Т.В. Вычисление интегрального показателя эффективности функционирования динамической системы на примере интегральной оценки демографического развития муниципальных образований Новгородской области [Текст] / Т.В. Жгун // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: Физико-математические науки. – 2013. – № 75. – Т. 2. – С. 11–16.
8. Жгун, Т.В. Построение интегральной характеристики изменения качества системы на основании статистических данных как решение задачи выделения сигнала в условиях априорной неопределенности / Т.В. Жгун // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: Технические науки. – 2014. – № 81. – С. 10–16.
9. Жгун, Т.В. Исследование формальных методов построения латентной характеристики качества систем / Т.В. Жгун // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: Физ.-мат. науки. – 2014. – № 80. – С. 13–19.
10. Молчанова, Е.В. Построение рейтинговых оценок субъектов Российской Федерации по блокам социально-экономических показателей [Текст] / Е.В. Молчанова, М.М. Кручек, З.С. Кибисова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – Вып. 3 (33). – С. 196–208.
11. Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide. [Text] / OECD Publication. Paris CEDEX 16. – 2008. – 162 p.
12. Стрижкова, Л.А. Качество жизни в российских регионах (динамика, межрегиональные сопоставления) [Текст] / Л.А. Стрижкова, Т.В. Златоверховникова // Экономист. – 2002. – № 10. – С. 67–76.
13. Стрижкова, Л.А. Интегральный индикатор качества жизни населения – ИИКЖ (сравнительная характеристика регионов России) [Текст] / Л.А. Стрижкова, Т.В. Златоверховникова // Управление общественными экономическими системами. – 2012. – № 2(2).
14. Hightower, W.L. Development of an Index of Health Utilizing Factor Analysis [Text] // Medical Care. – 1978. – no. 16. – Pp. 245–255.
15. Krishnan, V. Constructing an Area-based Socioeconomic Index: A Principal Components Analysis Approach. [Text] / V. Krishnan // Early Child Development Mapping Project (ECMap), Community-University Partnership (CUP), University of Alberta, Edmonton, Alberta T5J 4P6, CANADA.

16. Lindman, C. Measuring Human Development. The Use of Principal Component Analysis in Creating an Environmental Index. [Text] / I.C. Lindman C., Sellin J. // University essay from Uppsala universitet, Uppsala. – 2011. – P. 45.
17. Manly, B. Multivariate Statistical Methods [Text] / B. Manly // A Primer. Chapman and Hall/CRC, London. – 2004. – P. 208.
18. McKenzie, D.J. Measuring Inequality with Asset Indicators. [Text] / D.J. McKenzie // Journal of Population Economics. – 2005. – Vol. 18, Issue 2. – Pp. 229–260.
19. Nardo, M. Tools for Composite Indicators Building. [Text] / M. Nardo, M. Saisana, A. Saltelli, S. Tarantola // European Commission, EUR 21682 EN. Joint Research Centre, Ispra, Italy. – 2005.
20. Nicoletti, G. Summary Indicators of Product Market regulation with an Extension to Employment Protection Legislation [Text] / G. Nicoletti, S. Scarpetta, O. Boylaud // Economics Department Working Papers NO. 226, ECO/WKP(99)18. – 2000.
21. Saltelli, A. Composite Indicators Between Analysis and Advocacy. [Text] / A. Saltelli // Social Indicators Research. – March 2007. – Vol. 81, Issue 1. – Pp. 65–77.
22. Saltelli, A. From Complexity to Multidimensionality: the Role of Composite Indicators for Advocacy of EU Reform [Text] / A. Saltelli, G. Munda, M. Nardo // Tijdschrift voor Economie en Management. – 2006. – Vol. LI. – No 3.
23. Somarriba, N. Synthetic Indicators of Quality of Life in Europe. [Text] / N. Somarriba, B. Pena // Social Indicators Research. – 2009. – Vol. 94. – Issue 1. – Pp. 115–133.
24. Tarantola S., Saisana M., Saltelli A. Internal Market Index 2002: Technical Details of the Methodology. [Text] / S. Tarantola, M. Saisana, A. Saltelli // JRC European Commission. Institute for the Protection and Security of the Citizen Technological and Economic Risk Management Unit I-21020 Ispra (VA) Italy. – 2002.
25. Vyas, S. Constructing Socio-Economic Status Indices: How to Use Principal Components Analysis. [Text] / S. Vyas, L. Kumaranayake // Published by Oxford University Press in association with The London School of Hygiene and Tropical Medicine. All rights reserved. doi:10.1093/heapol/czl029. Advance Access publication 9 October 2006.

Интегральные индикаторы качества жизни населения субъектов
Российской Федерации за 2007–2014 годы (2015 г. – оценка)

№ п/п	Субъект РФ	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Белгородская обл.	75.9	79.3	83.7	83.8	86.5	92.0	93.3	93.7	94.8
2	Брянская обл.	51.1	53.0	59.9	57.4	60.8	64.8	65.6	66.1	66.4
3	Владимирская обл.	50.3	54.9	61.2	60.3	63.8	66.3	68.0	65.6	65.0
4	Воронежская обл.	63.9	65.4	68.9	67.9	73.5	79.5	80.3	80.6	79.6
5	Ивановская обл.	44.3	49.7	51.4	49.8	54.5	58.4	61.5	61.5	60.1
6	Калужская обл.	56.9	60.3	65.9	64.6	70.5	72.7	73.4	74.6	75.0
7	Костромская обл.	53.0	54.2	58.7	58.2	60.0	65.9	68.6	68.9	70.4
8	Курская обл.	55.9	60.8	66.3	68.3	69.8	75.7	78.2	76.6	77.8
9	Липецкая обл.	66.7	66.4	71.4	71.5	75.3	78.9	81.5	82.3	81.0
10	Московская обл.	70.2	75.9	83.5	84.1	88.8	91.3	92.5	91.6	92.0
11	Орловская обл.	57.2	62.7	66.4	63.4	69.9	72.5	75.7	75.1	76.3
12	Рязанская обл.	57.1	62.4	67.8	66.8	71.7	73.4	77.4	75.7	75.8
13	Смоленская обл.	45.1	50.2	56.3	55.0	61.0	64.2	68.8	69.5	71.2
14	Тамбовская обл.	58.8	62.0	65.3	65.2	68.0	69.8	74.7	72.1	73.3
15	Тверская обл.	42.3	46.0	52.9	50.4	56.4	61.2	64.8	63.7	65.6
16	Тульская обл.	44.0	49.4	58.0	58.0	63.8	67.0	66.6	68.4	68.1
17	Ярославская обл.	54.7	59.8	66.4	63.6	68.2	69.6	71.9	77.2	77.6
18	г. Москва	100.0	100.6	104.4	104.4	107.3	107.6	109.7	105.4	105.9
19	Республика Карелия	48.9	52.5	57.2	53.0	59.2	61.9	66.3	63.8	65.8
20	Республика Коми	49.8	52.8	56.9	55.3	61.3	64.4	67.6	67.8	70.4
21	Архангельская обл.	49.3	53.0	59.0	54.5	60.2	63.1	63.5	65.6	66.4
22	Ненецкий АО	38.0	50.7	55.1	50.9	57.3	66.5	62.9	71.5	68.6
23	Вологодская обл.	53.6	54.9	57.2	52.1	58.6	63.3	66.7	69.1	71.6
24	Калининградская обл.	60.3	61.5	69.4	70.0	76.5	80.2	81.1	77.7	79.3
25	Ленинградская обл.	48.6	53.4	64.1	60.6	66.8	70.8	72.6	73.9	74.2
26	Мурманская обл.	67.2	68.3	73.2	75.8	74.5	77.7	82.6	77.5	79.0
27	Новгородская обл.	40.4	42.3	52.7	49.0	54.5	60.3	61.7	63.4	63.7
28	Псковская обл.	39.4	39.2	47.5	43.4	50.0	52.9	58.1	61.3	64.2
29	г. Санкт-Петербург	76.3	78.8	85.1	83.0	89.5	92.3	94.5	90.7	92.1
30	Республика Адыгея	60.8	64.9	72.9	71.1	79.3	83.2	85.4	84.9	83.5
31	Республика Калмыкия	47.6	51.2	56.4	49.4	57.7	61.2	62.5	62.4	62.4
32	Краснодарский край	67.8	71.2	78.6	76.3	77.4	82.5	86.3	84.9	85.3
33	Астраханская обл.	47.3	51.2	57.2	54.8	59.9	63.3	67.9	67.7	69.2
34	Волгоградская обл.	59.9	61.5	63.2	62.6	64.8	65.7	69.1	70.9	72.6
35	Ростовская обл.	63.1	66.2	71.6	70.1	71.8	76.1	78.8	78.5	80.6
36	Республика Дагестан	68.8	71.0	72.4	73.0	77.4	79.2	78.6	81.3	82.5
37	Республика Ингушетия	81.3	86.2	83.8	81.6	81.4	84.7	86.6	80.2	83.0
38	Кабардино-Балкарская Республика	76.2	82.3	81.4	79.5	81.3	84.2	85.8	84.6	87.3
39	Карачаево-Черкесская Республика	69.2	72.9	76.5	74.9	76.6	79.0	82.2	82.1	84.4

Окончание приложения

№ п/п	Субъект РФ	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
40	Республика Северная Осетия	83.6	81.7	86.3	87.5	88.5	93.4	94.1	95.7	96.7
41	Чеченская Республика	74.6	77.9	80.4	81.9	79.4	78.7	81.6	83.0	79.6
42	Ставропольский край	67.4	69.3	72.4	74.6	77.0	80.9	85.3	80.8	81.2
43	Республика Башкортостан	64.0	66.4	69.1	67.4	71.3	73.3	75.1	72.2	72.6
44	Республика Марий Эл	41.8	43.2	52.3	47.3	51.2	54.5	57.7	61.4	61.6
45	Республика Мордовия	61.0	64.0	66.3	65.5	67.7	69.8	71.6	72.3	71.7
46	Республика Татарстан	72.1	74.8	78.0	78.0	81.6	86.0	87.2	85.2	86.4
47	Удмуртская Республика	47.8	51.5	57.3	57.8	61.7	66.0	68.1	63.1	64.3
48	Чувашская Республика	47.0	50.2	57.0	52.8	57.7	61.5	62.6	63.9	64.8
49	Пермский край	40.4	44.5	48.2	46.6	51.8	56.5	60.4	60.4	62.2
50	Кировская обл.	46.8	49.3	55.4	51.5	56.0	59.1	61.6	64.2	64.3
51	Нижегородская обл.	52.2	57.1	63.5	62.6	68.2	71.6	75.3	74.6	74.4
52	Оренбургская обл.	52.6	53.7	58.6	58.5	61.1	63.4	65.6	63.7	63.5
53	Пензенская обл.	61.5	64.1	69.4	67.8	72.7	78.1	78.2	75.1	75.5
54	Самарская обл.	64.9	64.8	64.4	65.3	69.1	72.5	71.8	73.8	72.3
55	Саратовская обл.	59.8	63.0	65.4	65.9	67.7	71.0	73.8	73.4	73.8
56	Ульяновская обл.	57.5	61.3	65.4	63.1	66.6	71.9	70.7	70.2	69.9
57	Курганская обл.	44.6	45.7	49.7	48.0	51.9	54.1	56.1	54.2	54.2
58	Свердловская обл.	57.6	58.8	60.7	62.2	64.1	66.8	70.9	71.3	72.2
59	Тюменская обл.	64.0	66.4	66.6	70.2	75.1	78.5	73.4	71.6	69.2
60	Ханты-Мансийск. АО – Югра	74.1	76.5	79.0	78.1	81.3	84.8	86.6	85.2	86.4
61	Ямало-Ненецкий АО	71.1	76.2	80.9	78.3	79.1	81.1	85.9	86.5	89.0
62	Челябинская обл.	56.4	58.7	61.6	60.6	63.1	64.5	68.0	65.9	68.2
63	Республика Алтай	37.8	38.6	40.4	39.4	45.3	48.4	48.3	49.6	49.4
64	Республика Бурятия	37.3	37.9	42.5	42.8	45.3	48.9	54.9	50.7	52.4
65	Республика Тыва	0	6.7	9.8	8.1	14.8	14.0	20.5	24.9	26.8
66	Республика Хакасия	47.7	48.8	50.5	50.8	52.4	53.3	59.0	60.2	63.1
67	Алтайский край	46.3	49.3	51.8	48.2	53.2	54.8	58.6	55.6	56.0
68	Забайкальский край	34.8	37.3	45.7	40.0	46.0	48.6	50.3	54.7	55.7
69	Красноярский край	52.7	53.6	55.2	55.5	59.2	61.2	63.1	63.3	64.7
70	Иркутская обл.	38.4	39.4	39.2	38.4	41.2	45.3	46.2	46.5	48.2
71	Кемеровская обл.	38.8	41.9	45.3	39.8	46.2	49.1	53.1	53.2	57.0
72	Новосибирская обл.	52.5	57.1	61.0	61.7	65.2	67.3	69.5	69.1	69.3
73	Омская обл.	53.6	57.9	61.3	61.9	67.3	68.2	66.1	64.2	63.1
74	Томская обл.	61.3	61.1	61.8	63.7	68.2	70.2	72.6	70.5	71.1
75	Республика Саха (Якутия)	55.9	54.0	57.7	55.8	60.8	64.3	67.0	69.7	70.9
76	Камчатский край	59.2	62.3	66.4	63.1	64.8	69.0	71.9	71.1	73.2
77	Приморский край	41.4	45.1	51.9	50.9	52.6	57.7	58.9	61.4	63.2
78	Хабаровский край	44.2	45.9	52.5	52.1	54.6	60.0	63.3	60.9	63.8
79	Амурская обл.	35.6	33.9	38.6	36.6	39.9	45.5	52.8	55.5	58.2
80	Магаданская обл.	40.6	38.6	50.5	48.9	57.3	57.8	64.1	60.4	61.3
81	Сахалинская обл.	45.2	47.0	51.0	51.4	55.6	58.2	64.5	64.2	66.1
82	Еврейская авт. обл.	26.3	32.3	34.6	31.2	31.8	38.0	42.2	39.4	44.1
83	Чукотский авт. округ	32.2	40.7	44.1	34.2	48.7	47.8	45.8	51.1	52.0

Сведения об авторе

Татьяна Валентиновна Жгун — кандидат физико-математических наук, заместитель заведующего кафедрой, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Российская Федерация, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41; e-mail: zhtv@mail.ru)

Zhgung T.V.

Building an Integral Measure of the Quality of Life of Constituent Entities of the Russian Federation Using the Principal Component Analysis

Abstract. Social policy just like any other type of policy is an element of the management system. For effective social policy it is necessary to know the trends and quantitative characteristics of social development dynamics. The purpose for the research is to build an objective composite index to measure and compare the quality of life in constituent entities of the Russian Federation. Such an index is particularly useful in Russia which is undergoing the process of transformations amid increasing social and economic inequality. Objective complex assessment of the quality of life can play a major role in reducing such inequality in Russia. The author implements the algorithm of building a latent integral characteristic of system quality change based on statistical indicators for a series of sequential observations on the basis of principal components analysis given the measurement noise (SNR-based algorithm). As opposed to the classic principal components analysis where the information capacity of the calculated integral characteristic set a priori and is provided by selecting a number of principal components, in the proposed algorithm the information capacity is estimated a posteriori, based on variance criteria and the selected signal-to-noise ratio characterizing data variability. When building an objective indicator of the quality of life the author uses methods of multivariate analysis and the signal detection theory. With the use of the proposed algorithm the author builds integral indicators of the quality of life of constituent entities of the Russian Federation in 2007–2014. It is concluded that an objective approach is required when building the integral index of the quality of life for the subjects of the Russian Federation. The proposed algorithm is resistant to the changes in input data. The method can be used for assessing the quality of life in the territorial units of any level and for calculating integral estimates of the quality change in any poorly formalized system.

Keywords: integral index, measurement error, quality of life, development, principal components analysis, measurement error.

References

1. Ajvazjan S.A. *Integral'nye indikatory kachestva zhizni naselenija: ih postroenie i ispol'zovanie v social'no-jekonomicheskom upravlenii i mezhregional'nyh sopostavlenijah* [Integrated indicators of the quality of life: their construction and use in social and economic management and interregional comparisons]. Moscow: CJEMI RAN, 2000. 56 p. (In Russian).
2. Ajvazjan S.A. *Rossija v mezhstranovom analize sinteticheskikh kategorij kachestva zhizni naselenija. Chast' I. Metodologija analiza i primer ee primeneniya* [Russia in cross-country analysis of synthetic categories of the quality of life. Part I. Methodology of analysis and an example of its application]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2010, volume 10, no. 4, pp. 59–96. (In Russian).

3. Ajvazjan S.A., Stepanov V.S., Kozlova M.I. *Izmerenie sinteticheskikh kategorij kachestva zhizni naselenija regiona i vyjavlenie ključevyh napravlenij sovershenstvovaniya social'no-jekonomicheskoj politiki (na primere Samarskoj oblasti i ee municipal'nyh obrazovanij)* [Measurement of synthetic categories of quality of life of the population of the region and identify key areas of improvement in socio-economic policy (in the Samara region and its municipalities an example)]. *Prikladnaja Ekonometrika* [Applied econometrics], no. 3(19), 2009, pp.18–84. (In Russian).
4. Gajdamak I.V., Hohlov A.G. Modelirovanie integral'nyh pokazatelej kachestva zhizni naselenija juga Tjumenskoj oblasti. [Modeling of integral indicators of quality of life of the population of the South of the Tyumen region]. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tumen State University], 2009, no. 6, pp. 176–186. (In Russian).
5. Isakin M.A. Modifikacija metoda k -srednih s neizvestnym chislom klassov [Modification of the K-means method with an unknown number of classes]. *Prikladnaja Ekonometrika* [Applied econometrics], 2006, issue 4, pp. 62–70. (In Russian).
6. Zadesenec E.E., Zarakovskij G.M., Penova I.V. Metodologija izmerenija i ocenki kachestva zhizni naselenija Rossii [Methodology of measuring and assessing the quality of life in Russia]. *Mir izmerenij* [The world of measurement], 2010, no. 2, pp. 37–44. (In Russian).
7. Zhgun T.V. Vychislenie integral'nogo pokazatelja jeffektivnosti funkcionirovanija dinamicheskoj sistemy na primere integral'noj ocenki demograficheskogo razvitiya municipal'nyh obrazovanij Novgorodskoj oblasti [Calculation of an Integrated Indicator of Efficiency of Functioning of Dynamic System on the Example of an Integrated Assessment of Demographic Development of Municipalities of the Novgorod Region]. *Vestnik NovGU. Seriya: fiziko-matematicheskie nauki* [Bulletin of Novgorod State University. Issue: Physico-Mathematical Sciences. Series: Physico-Mathematical Sciences], 2013, no. 75, volume 2, pp. 11–16. (In Russian).
8. Zhgun T.V. Postroenie integral'noj harakteristiki izmenenija kachestva sistemy na osnovanii statisticheskikh dannyh kak reshenie zadachi vydelenija signala v uslovijah apriornoj neopredelennosti [Building an integrated characteristic of change in system quality on the basis of statistical data as a solution to the issue of signal detection amid aprioristic uncertainty]. *Vestnik NovGU. Seriya: Tekhnicheskie nauki* [Bulletin of Novgorod State University. Series: Engineering sciences], 2014, no. 81, pp.10–16.
9. Zhgun T.V. Issledovanie formal'nyh metodov postroenija latentnoj harakteristiki kachestva system [Studying formal methods of creation of latent characteristic of system quality]. *Vestnik NovGU. Seriya: fiziko-matematicheskie nauki* [Bulletin of Novgorod State University. Issue: Physico-Mathematical Sciences], 2014, no 80, pp.13–19. (In Russian).
10. Molchanova E.V., Kruchek M.M., Kibisova Z.S. Postroenie reitingovykh otsenok sub"ektov Rossijskoj Federatsii po blokam sotsial'no-jekonomicheskikh pokazatelej [Building of the rating assessments of the Russian Federation subjects by the blocks of socio-economic indicators]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 3 (33), pp. 196–208. Available at: <http://esc.isert-ran.ru/article/539/full>. (In Russian).
11. *Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide*. OECD Publication. Paris CEDEX 16, 2008. 162 p.
12. Strizhkova L.A., Zlatoverhovnikova T.V. Kachestvo zhizni v rossijskikh regionah (dinamika, mezhregional'nye sopostavlenija) [Quality of life in Russian regions (dynamics, inter-regional comparisons)]. *Ekonomist* [The Economist], 2002, no. 10, pp. 67–76. (In Russian).
13. Strizhkova L.A., Zlatoverhovnikova T.V. Integral'nyi indikator kachestva zhizni naseleniya – IIKZh (sravnitel'naya kharakteristika regionov Rossii) [The integral indicator of the quality of life (comparative characteristic of Russian regions)]. *Upravlenie obshchestvennymi ekonomicheskimi sistemami* [Management of social economic systems], 2012, no. 2(2). (In Russian).
14. Hightower W.L. Development of an Index of Health Utilizing Factor Analysis. *Medical Care*, 1978, no. 16, pp. 245–255.
15. Krishnan V. Constructing an Area-based Socioeconomic Index: A Principal Components Analysis Approach. *Early Child Development Mapping Project (ECMap)*, Community-University Partnership (CUP), Faculty of Extension, University of Alberta, Edmonton, Alberta T5J 4P6, CANADA.
16. Lindman C., Sellin J. Measuring Human Development. The Use of Principal Component Analysis in Creating an Environmental Index. *University essay from Uppsala University*, Uppsala, 2011, 45 p.
17. Manly B. *Multivariate Statistical Methods*. London: A Primer. Chapman and Hall/CRC, 2004. 208 p.

18. McKenzie D. J. Measuring Inequality with Asset Indicators. *Journal of Population Economics*, 2005, volume 18, issue 2, pp. 229–260.
19. Nardo M., Saisana M., Saltelli A., Tarantola S. *Tools for Composite Indicators Building*. European Commission, EUR 21682 EN. Joint Research Centre, Ispra, Italy, 2005.
20. Nicoletti G., Scarpetta S., Boylaud O. Summary Indicators of Product Market regulation with an Extension to Employment Protection Legislation. *Economics Department Working Papers NO. 226*, ECO/WKP(99)18, 2000.
21. Saltelli A. Composite Indicators Between Analysis and Advocacy. *Social Indicators Research*, March 2007, volume 81, issue 1, pp. 65–77.
22. Saltelli A., Munda G., Nardo M. From Complexity to Multidimensionality: the Role of Composite Indicators for Advocacy of EU Reform. *Tijdschrift voor Economie en Management*, 2006, volume LI, no. 3.
23. Somarriba N., Pena B. Synthetic Indicators of Quality of Life in Europe. *Social Indicators Research*, 2009, volume 94, issue 1, pp. 115–133.
24. Tarantola S., Saisana M., Saltelli A. *Internal Market Index 2002: Technical Details of the Methodology*. JRC European Commission. Institute for the Protection and Security of the Citizen Technological and Economic Risk Management Unit I-21020 Ispra (VA) Italy, 2002.
25. Vyas S., Kumaranayake L. *Constructing Socio-Economic Status Indices: How to Use Principal Components Analysis*. Oxford University Press, London School of Hygiene and Tropical Medicine, 2006.

Information about the Author

Tat'yana Valentinovna Zhgun – Ph.D. in Physics and Mathematics, Associate Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Deputy Head of Department (41, Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya Street, Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation, zhtv@mail.ru)

Статья поступила 26.09.2016.

Региональный бюджет 2017–2019: профицит или экономический рост?

**Анна Ивановна
ПОВАРОВА**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, г. , ул. Горького, д. 56а
E-mail: aip150663@yandex.ru

Аннотация. В конце 2016 года на Вологодчине утверждён региональный бюджет на 2017–2019 годы. На первый взгляд его параметры вполне оптимистичны, если учитывать, что с 2009 по 2015 год бюджет был существенно разбалансирован. В предстоящем бюджетном цикле запланирован среднегодовой профицит в размере 2,5 млрд. руб. Выше этой суммы профицит бюджета отмечался только в 2004 году. Основой подобных проектировок послужил вовсе не ожидаемый поступательный экономический рост, а условия соглашений с Минфином РФ о выделении финансовой помощи региону в виде бюджетных кредитов. Прогноз социально-экономического развития, разработанный правительством области, консервирует низкие темпы роста всех макроэкономических показателей, что вряд ли позволит сформировать достаточные финансовые ресурсы: среднегодовые темпы прироста собственных доходов бюджета не составят и 4%. Положительный баланс казны предполагается достичь ценой бюджетной консолидации: величина государственных расходов как доля от ВРП к 2020 году уменьшится до 9% против 13% в среднем за 2005–2016 годы. В сфере же долговой политики предстоящая трёхлетка задаёт не меньше болезненных вопросов, чем предыдущие годы. Региону потребуется возратить 55 млрд. руб. кредитов. В условиях слабых темпов наращивания собственных средств областные власти скорее всего вынуждены будут обратиться к новым заимствованиям в виде дорогих коммерческих кредитов, поскольку в связи с высоким дисбалансом федерального бюджета центральное Прави-

Для цитирования: Поварова, А.И. Региональный бюджет 2017–2019: профицит или экономический рост? / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 236–258. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.13

For citation: Povarova A.I. Regional budget for 2017–2019: surplus or economic growth? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 236–258. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.13

тельство сокращает предоставление регионам дешёвых бюджетных кредитов. В статье приведены результаты анализа Закона о региональном бюджете Вологодской области на 2017–2019 годы, основная цель которого заключалась в выявлении приоритетов бюджетной политики. Наше исследование фиксирует дефекты действующей системы бюджетного планирования, а также результаты анализа традиционного в последние годы подхода к прогнозированию бюджетных поступлений и расходов на основе заданных Минфином РФ цифровых установок, а не к содержательным вопросам экономического роста. Показано, что в современных условиях этот метод не дает возможности региональным органам государственной власти качественно прогнозировать и планировать доходы и расходы своих бюджетов, обеспечивать их сбалансированность. В исследовании показана зависимость качества бюджетного планирования от системы макроэкономических показателей: валового внутреннего продукта, инвестиций в основной капитал, уровня инфляции и денежных доходов населения. Главный вывод исследования состоит в том, что трёхлетний бюджет преимущественно отражает достижение имитированной стабилизации. По нашему убеждению, задачи бюджетной политики при формировании региональных бюджетов должны ставиться в рамках активного воздействия на территориальное развитие. Но для этого необходима реализация внутренних резервов повышения доходного потенциала регионов. В пределах данной статьи обозначены первоочередные шаги в этом направлении.

Ключевые слова: бюджетное планирование, экономический рост, региональный бюджет, профицит, кредиты, долговая нагрузка, межбюджетная политика.

Введение

Бюджетное планирование является важной частью системы государственного управления. В сложившейся на сегодня непростой для экономики ситуации важно, чтобы выработка приоритетов бюджетной политики не только решала текущие задачи, но и ориентировалась на достижение более долгосрочных целей устойчивого экономического развития. Вот почему всё большее внимание в практике бюджетного процесса уделяется перспективному планированию.

Как считают эксперты [6, 7], многолетнее бюджетное планирование позволяет получить определённые преимущества. Во-первых, обеспечивается преемственность и предсказуемость бюджетной и налоговой политики, а это важно для реальной экономики. Во-вторых, принимаются более точные и согласованные решения относительно приоритетов бюджетной и налоговой политики. В-третьих, повышается

прозрачность бюджетного процесса, возникает правовая основа для заключения многолетних государственных контрактов, что создаёт предпосылки для более эффективного использования бюджетных средств. Кроме того, многолетнее планирование способствует укреплению координации деятельности различных структурных подразделений органов исполнительной власти.

По данным Всемирного банка, более двух третей всех стран используют различного рода модификации многолетнего бюджетирования: исследование, опубликованное в 2013 году [23], свидетельствует о том, что в течение трёх лет после введения среднесрочного планирования уровень бюджетного дефицита снижался на 2,6% ВВП по сравнению с трёхгодичным периодом до его внедрения.

В Российской Федерации задача перехода к долговременному бюджетному планированию была поставлена Президентом

РФ в 2004 году [8]. Впервые федеральный бюджет на три года был принят в 2007 году, однако в 2009 году в связи с разразившимся мировым финансовым кризисом Правительство РФ временно отказалось от этой схемы и вернулось к одногодичному формированию главного финансового документа. Позднее, уже в 2015 году, в условиях обвального падения цен на нефть, предопределившего невозможность адекватного прогнозирования бюджетных доходов, было принято решение о составлении федерального, а впоследствии и региональных бюджетов на один год.

С 2017 года Российская Федерация и входящие в её состав субъекты возвращаются к практике бюджетного планирования на трёхлетний период.

Сценарные условия формирования и основные параметры регионального бюджета

Формирование региональных бюджетов происходит на основе главного финансового плана государства – федерального бюджета, который является не только ключевым источником финансирования социально-экономического развития страны, но и инструментом межтерриториального перераспределения общегосударственных средств.

Подготовленный Правительством РФ прогноз социально-экономического развития страны [22], взятый за основу при

составлении федерального бюджета, не содержит перспектив быстрого экономического подъёма, предусматривая минимальные темпы роста ВВП, внутреннего инвестиционного и потребительского спроса на фоне низких цен на нефть и ослабления национальной валюты (табл. 1).

Инерционные тренды макроэкономических показателей не позволят формировать необходимые источники финансирования расходов, о чем свидетельствуют прогнозные параметры федерального бюджета [13], предусматривающие ежегодное снижение доходов по отношению к ВВП (табл. 2).

Приверженец государственного регулирования экономики, выдающийся английский учёный Дж. Кейнс, обосновывая свою теорию экономического роста, утверждал: «Государство должно увеличить расходы, чтобы увеличить производство и занятость, проводить активную инвестиционную политику» [5]. В настоящее время слабая доходная база ограничивает возможности применения кейнсианской модели в России. Наоборот, содержание расходной части федеральной казны свидетельствует о том, что на предстоящий период ставится задача бюджетной консолидации посредством сокращения государственных расходов до 16% ВВП в 2019 году против 19% ВВП в 2016 году.

Таблица 1. Основные показатели прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2017–2019 гг.

Показатели	Фактически			Прогноз		
	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Цена на нефть, долл./барр.	97,6	51,2	41,7	40,0	40,0	40,0
ВВП*	100,7	97,2	99,8	100,6	101,7	102,1
Инвестиции в основной капитал*	97,3	91,6	97,7	99,5	100,9	101,6
Оборот розничной торговли*	102,5	90,0	94,8	100,6	101,1	101,8
Реальные располагаемые денежные доходы населения*	99,2	95,7	94,1	100,2	100,5	100,8
Курс доллара, руб./долл.	38,4	61,0	67,0	67,5	68,7	71,1

* В сопоставимых ценах, % к предыдущему году.

Таблица 2. Основные параметры федерального бюджета на 2017–2019 гг., млрд. руб.

Показатели	Фактически			Прогноз		
	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Доходы	14497	13659	13460	13488	14209	14845
<i>В % к ВВП</i>	<i>18,3</i>	<i>16,4</i>	<i>15,7</i>	<i>15,5</i>	<i>15,2</i>	<i>15,0</i>
Расходы	14832	15620	16416	16241	16040	15987
<i>В % к ВВП</i>	<i>18,7</i>	<i>18,8</i>	<i>19,1</i>	<i>18,7</i>	<i>17,4</i>	<i>16,2</i>
- трансферты бюджетам регионов	1671	1617	1578	1533	1513	1443
<i>В % к ВВП</i>	<i>2,1</i>	<i>1,9</i>	<i>1,8</i>	<i>1,8</i>	<i>1,6</i>	<i>1,4</i>
Дефицит	-335	-1961	-2956	-2753	-2011	-1142
<i>В % к ВВП</i>	<i>0,4</i>	<i>2,4</i>	<i>3,4</i>	<i>3,2</i>	<i>2,2</i>	<i>1,2</i>

Источники: данные [13]; Федерального казначейства [16]; Росстата [18]; расчёты автора.

«Узким местом» федерального бюджета эксперты Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования назвали межбюджетные отношения с субъектами РФ. Объём безвозмездной финансовой помощи регионам будет ежегодно сокращаться как в номинальном выражении, так и по доле в ВВП, что может привести к волне региональных бюджетных кризисов [19].

По мнению ряда специалистов, проекты федерального бюджета в последние годы отражают изъяны экономической политики и представляют собой благие пожелания при отсутствии реальных условий для их выполнения [1, 3].

Принцип бюджетной консолидации, положенный в основу федерального бюджета на 2017–2019 годы, получил своё отражение в основных параметрах бюджетов субъектов РФ, в том числе и бюджета Вологодской области.

При его формировании правительство исходило из основных направлений бюджетной, налоговой и долговой политики Вологодской области на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов [10], содержание которых позволяет выделить три ключевые задачи на ближайший бюджетный цикл:

1. Укрепление и рост доходной базы бюджета, создание условий для развития бизнеса.

2. Обеспечение сбалансированности областного бюджета.

3. Снижение долговой нагрузки на областной бюджет и диверсификация структуры долга.

Насколько утверждённый законом области бюджет [9] отвечает реализации таких задач? На этот вопрос мы попытаемся дать ответ в ходе анализа его параметров.

Несмотря на отрицательную динамику доходов регионального бюджета, планируется его ежегодный профицит, которого предполагается достичь за счёт сокращения расходов: уже в 2017 году расходная часть бюджета уменьшится на 4,3 млрд. руб., или на 8,4% (табл. 3).

В трёхлетней перспективе ожидается рост налоговых и неналоговых (далее – собственных) доходов областной казны на 5 млрд. руб., однако он нивелируется равнозначной суммой снижения безвозмездной трансфертной помощи из федерального бюджета, что предопределяет общее уменьшение объёма доходной части.

На наш взгляд, планируемый рост поступлений собственных доходов может оказаться излишне оптимистичным. Необходимо учитывать, что бюджетные параметры установлены в текущем выражении, без поправок на индекс цен, а основные макроэкономические параметры [11], выступающие фундаментом налоговой базы бюджета, – в реальном выражении, то есть

Таблица 3. Основные параметры регионального бюджета Вологодской области в 2016–2019 гг.

Параметры	2016, факт	2017, план		2018, план		2019, план		2019 к 2016, %
		Млн. руб.	К 2016, %	Млн. руб.	К 2017, %	Млн. руб.	К 2018, %	
Доходы	55518	50379	90,7	49228	97,7	53696	109,1	96,7
- налоговые и неналоговые	43722	43112	98,6	44054	102,2	48699	110,5	111,4
- межбюджетные трансферты	9970	7063	70,8	5174	73,2	4996	96,6	50,1
Расходы	50695	46413	91,6	47567	102,5	51840	109,0	102,3
Профицит	4823	3966	82,2	1661	41,9	1856	111,7	38,5

Источники: данные [9]; [16]; расчёты автора.

Таблица 4. Основные показатели прогноза социально-экономического развития Вологодской области в 2017–2019 гг., в сопоставимых ценах, % к предыдущему году

Показатели	Фактически		2016, оценка	Прогноз		
	2014	2015		2017	2018	2019
ВРП	103,0	101,0	100,2	100,8	101,5	101,7
Индекс промышленного производства	103,7	102,6	99,1*	101,6	102,0	102,5
Инвестиции в основной капитал	99,0	90,4	97,4	96,8	98,0	98,9
Оборот розничной торговли	102,0	90,3	92,8*	102,5	102,5	103,7
Реальные денежные доходы населения	102,4	98,4	100,2	100,8	101,4	101,8
Реальная средняя заработная плата	98,3	88,3	97,6	97,8	97,8	98,1
Индекс потребительских цен	112,0	112,0	105,0*	105,4	105,0	104,7

* Фактические данные Вологдастата.

в сопоставимых ценах (табл. 4). Неслучайно на фоне стагнирующей динамики ВРП, промышленного производства, внутреннего потребления и многолетнего снижения инвестиционной активности в бюджете заложен рост собственных доходов на 11,4%.

Отсутствие корреляции макроэкономических и бюджетных показателей не позволило обеспечить реалистичность планирования доходной части бюджета.

Доходы регионального бюджета

Как показали расчёты, в 2017–2019 годах реальные¹ сборы собственных доходов не выйдут на уровень 2016 года (рис. 1).

Снижение поступлений коснётся практически всех основных составляющих собственных доходных источников. При этом мобилизация налога на прибыль уменьшится не только в реальном, но и в номинальном выражении (рис. 2).

¹ Под реальными в данной статье понимаются показатели, выраженные в сопоставимых ценах базового 2016 года.

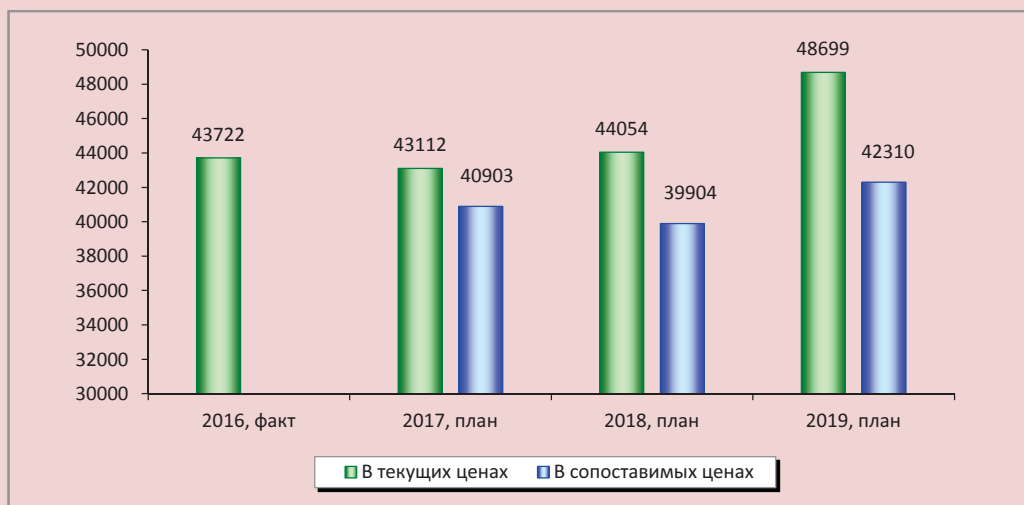
Основным фактором снижения поступлений налога на прибыль являются законодательные изменения, предусматривающие централизацию в федеральном бюджете 1% сборов налога на прибыль², в результате чего в региональные бюджеты налог будет зачисляться по ставке 17% вместо ранее действовавшей ставки 18%. По данным департамента финансов, это приведёт к потере доходов областного бюджета в сумме 1,9 млрд. руб. По оценкам же Счётной палаты РФ, в 2017–2019 годах бюджеты российских регионов в целом недополучаются 378 млрд. руб., или около 20% поступлений налога на прибыль [12].

Таким образом, вместо разработки системных мер по преодолению кризиса субфедеральных бюджетов центральные власти предпринимают не всегда продуманные точечные решения по перераспределению

² Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ и отдельные законодательные акты РФ» от 30.11.2016 г. № 401-ФЗ.

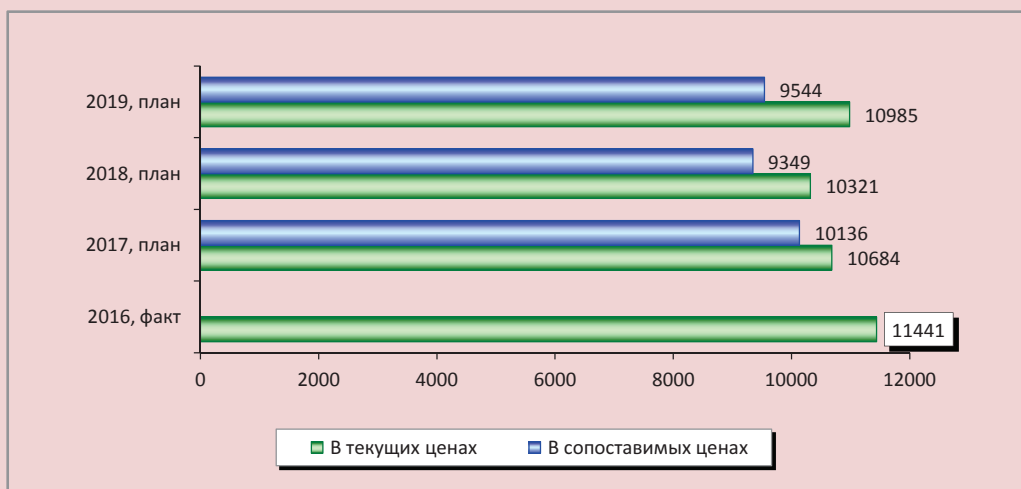

Рисунок 1. Поступления собственных доходов в региональный бюджет Вологодской области в 2016–2019 гг., млн. руб.

Источники: данные [9]; [11]; [16]; расчёты автора.

Рисунок 2. Поступления налога на прибыль в региональный бюджет Вологодской области в 2016–2019 гг., млн. руб.

Источники: данные [9]; [11]; [16]; расчёты автора.

доходных источников, что реально означает ухудшение финансового положения регионов.

Более того, с введением в 2012 году налогообложения крупного бизнеса в рамках консолидированной группы налогоплательщиков (КГН) областные власти фактически оказались вне доступа к финансовым

показателям работы крупнейших налогоплательщиков регионального бюджета – ПАО «Северсталь» и АО «ФосАгро-Череповец». В результате начиная с 2014 года прибыль этих компаний, формирующая 60% совокупного объёма прибыли крупных и средних организаций, не включается в прогноз социально-экономического раз-

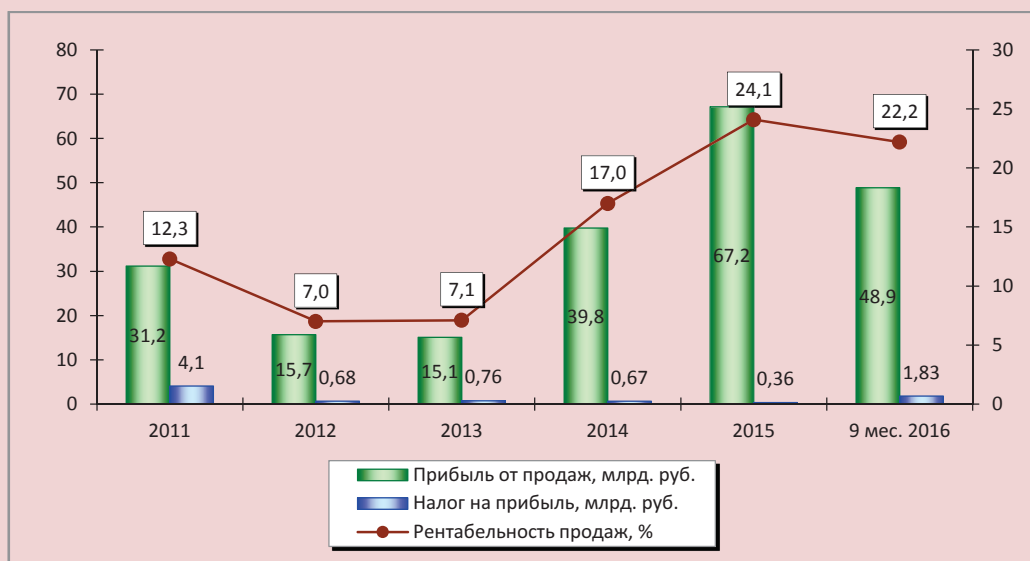
вития области, что не обеспечивает увязку макроэкономического и бюджетного прогнозирования. Так, в региональном бюджете на 2017–2019 годы совокупный объём прибыли организаций заложен в сумме 44,3 млрд. руб. По приблизительным расчётам, налог на прибыль в региональный бюджет (по ставке 17%) должен составить 7,5 млрд. руб., а поступления налога спрогнозированы в размере 32 млрд. руб., то есть в четыре раза больше.

В предстоящем трёхлетнем периоде планируется ежегодно получать от ПАО «Северсталь» 2,5 млрд. руб., или 23% от общего объёма сборов налога на прибыль. При этом за основу прогноза принят фактический уровень рентабельности продаж в 2014–2016 годах. Однако фактические данные показывают, что рентабельность не всегда может служить достаточным экономическим обоснованием для проектирования бюджетных доходов: к примеру, в 2012–2015 годах с повышением рентабель-

ности продаж ПАО «Северсталь» отчисления налога на прибыль, наоборот, неуклонно уменьшались (рис. 3).

Несомненно, прибыль от продаж является одним из основных факторов формирования прибыли для целей налогообложения, однако действующие законодательные механизмы администрирования прибыли крупнейших налогоплательщиков позволяют использовать многочисленные каналы её оптимизации. Так, по данным финансовой отчётности ПАО «Северсталь» за 2015 год, прибыль до налогообложения составляла 44,3 млрд. руб. По расчётам, с этой суммы могло бы поступить в бюджет Вологодской области 8 млрд. руб. налога на прибыль. Фактически же исчисленная сумма платежа составила всего 5 млн. руб. Дело в том, что в соответствии с законодательством налог на прибыль исчисляется не с прибыли до налогообложения, а с налогооблагаемой прибыли, порядок расчёта которой предполагает иные по сравнению

Рисунок 3. Финансовые результаты продаж и поступления налога на прибыль от ПАО «Северсталь» в региональный бюджет Вологодской области в 2011–2016 гг.

Источники: данные финансовой отчётности ПАО «Северсталь» [15]; отчётности ФНС [17]; расчёты автора.

с прибылью до налогообложения подходы к признанию разных видов доходов и расходов. Как свидетельствуют результаты исследований ИСЭРТ РАН, на практике весьма непростые правила определения налогооблагаемой базы чаще всего приводят к существенным потерям бюджетных доходов [4, 21].

Как нам видится, могут оказаться завышенными и ожидания по сборам ещё одного профилирующего источника доходов регионального бюджета — налога на доходы физических лиц (НДФЛ), что связано с падением темпов роста налоговой базы на фоне опережающего повышения инфляции (табл. 5).

Об ощутимой прибавке можно говорить лишь в отношении имущественных нало-

гов (табл. 6), но она обусловлена отнюдь не экономическим ростом, а изменением фискального регулирования этих налогов. В 2016 году Вологодская область перешла к исчислению налога на имущество от кадастровой стоимости объектов недвижимости, а в прогнозном периоде планируется ещё и поэтапное повышение ставки по налогу на имущество организаций для субъектов естественных монополий.

Динамичный рост имущественных налогов предопределяет изменение структуры налоговых доходов: к концу прогнозного периода имущественные платежи будут выступать ключевым катализатором налоговых сборов в бюджет, в то время как налог на прибыль окончательно утратит эту роль (рис. 4).

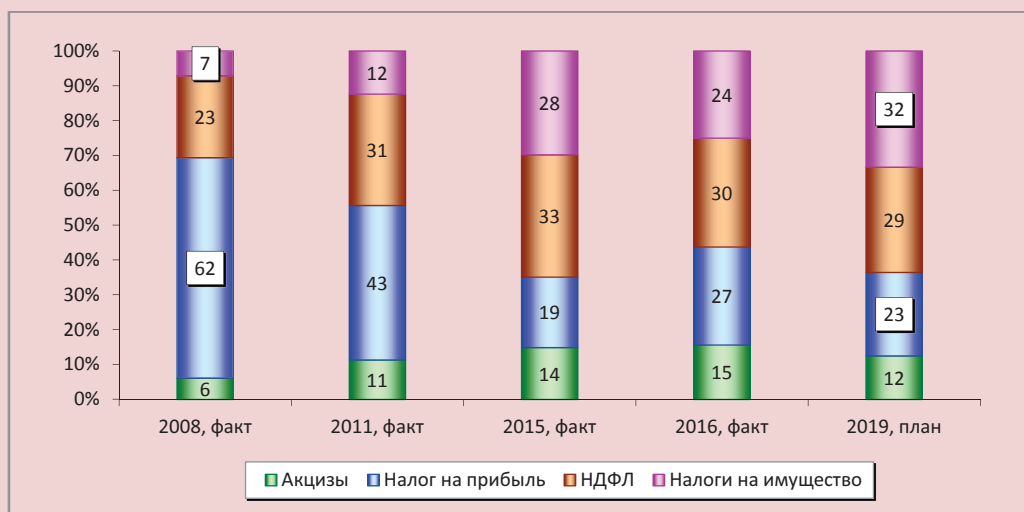
Таблица 5. Налогоообразующие показатели и поступления НДФЛ в региональный бюджет Вологодской области в 2016–2019 гг.

Показатели	2016, факт	2017, план	2018, план	2019, план	2019 к 2016, %
<i>Налогоообразующие показатели</i>					
Индекс потребительских цен, %	105,0	105,4	105,0	104,7	115,9
Реальная среднемесячная зарплата, %	97,6	97,8	97,8	98,1	93,8
<i>Поступления НДФЛ, млн. руб.</i>					
В текущих ценах	12709	12851	13214	13613	107,1
В сопоставимых ценах		12193	11969	11827	93,1
Источники: данные [9]; [11]; [16]; расчёты автора.					

Таблица 6. Поступления налогов на имущество в региональный бюджет Вологодской области в 2016–2019 гг., млн. руб.

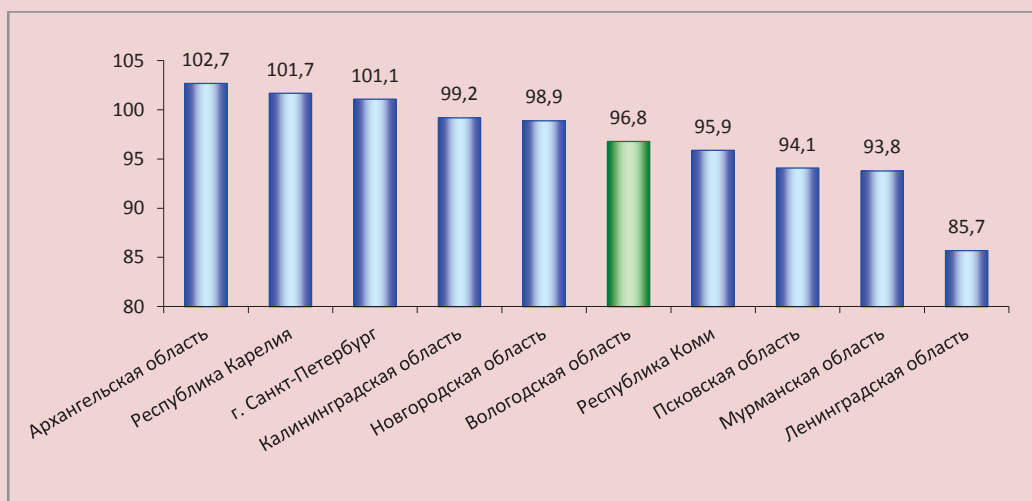
Показатели	2016, факт	2017, план	2018, план	2019, план	2019 к 2016, %
Всего					
- в текущих ценах	10267,7	11117,6	12067,5	15164,9	147,7
- в сопоставимых ценах		10548,0	10930,7	13175,4	128,3
Налог на имущество организаций					
- в текущих ценах	8952,3	9772,8	10592,3	13373,9	149,4
- в сопоставимых ценах		9272,1	9594,5	11619,4	129,8
Ставки для естественных монополий, %	1,3	1,6	1,9	2,2	+0,9 п.п.
Ставки для организаций, применяющих спецрежимы налогообложения*, %	0,5	1,0	1,5	2,0	+1,5 п.п.
* Упрощённая система налогообложения и единый налог на вменённый доход. Источники: данные [9]; [11]; [16]; расчёты автора.					

Рисунок 4. Структура основных налоговых доходов регионального бюджета Вологодской области в 2008–2019 гг., %

Источники: данные [9]; [16]; расчёты автора.

Рисунок 5. Поступление собственных доходов в региональные бюджеты субъектов СЗФО в сопоставимых ценах, 2019 к 2016, %

Источники: законы субъектов СЗФО о региональном бюджете на 2017–2019 годы; данные [16]; расчёты автора.

Повышение значимости налогов на имущество является безусловно положительной тенденцией, поскольку данные платежи характеризуются стабильными поступлениями в отличие от налога на прибыль, который привязан к колебаниям рыночной конъюнктуры. В совокупности налоги на имущество и НДФЛ будут гене-

рировать 60% собственных доходных источников, что равнозначно доле поступлений налога на прибыль в 2008 году.

Согласно утверждённым бюджетам, в двух третях регионов Северо-Западного федерального округа к 2020 году поступления реальных собственных доходов окажутся ниже уровня 2016 года (рис. 5).

Отрицательные или малозаметные темпы мобилизации собственных источников доходов сигнализируют о сохранении проблем в экономике субъектов РФ, а соответственно, и угроз для стабильного наращивания доходного потенциала.

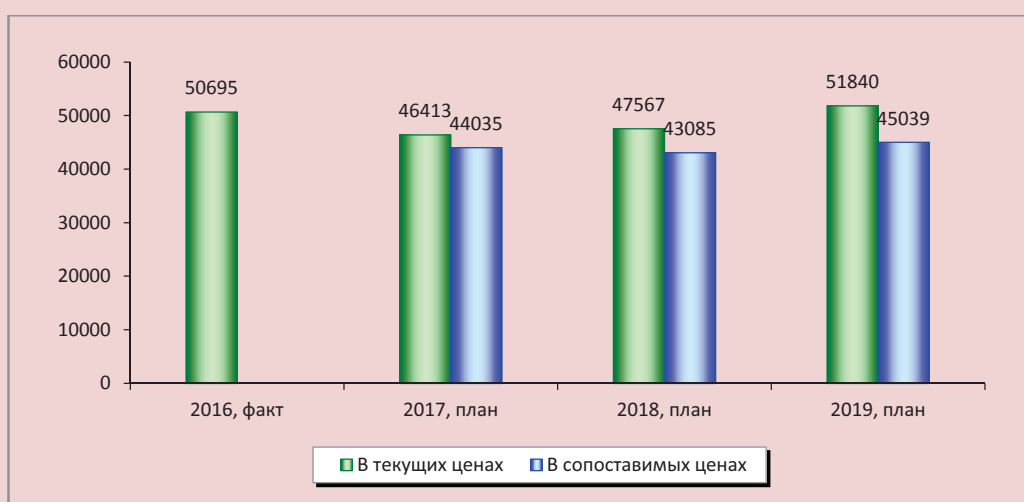
Расходы регионального бюджета

В 2017–2018 годах ожидается уменьшение номинальных расходов по сравнению

с уровнем 2016 года. В 2019 году расходная часть бюджета чуть прирастёт, но в реальном выражении окажется ниже объёма 2016 года на 5,7 млрд. руб., или на 11% (рис. 6).

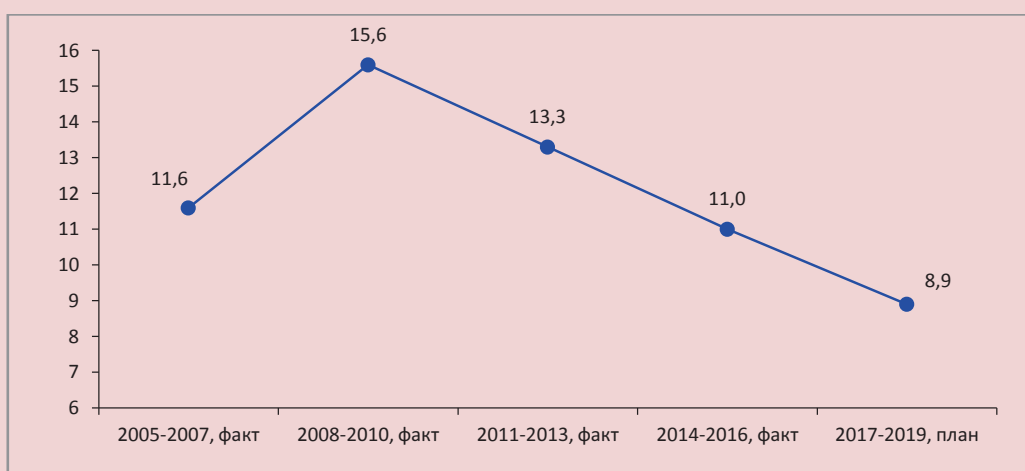
Наиболее объективно рестрикционную направленность бюджета отражает такой экономический показатель, как доля расходов в объёме ВРП (рис. 7).

Рисунок 6. Расходы регионального бюджета Вологодской области в 2016–2019 гг., млн. руб.

Источники: данные [9]; [11]; [16]; расчёты автора.

Рисунок 7. Доля расходов регионального бюджета Вологодской области в ВРП в 2005–2019 гг., %

Источники: данные [9]; [11]; [16]; [18]; расчёты автора.

Данные рисунка показывают, что в плановом периоде величина расходов как доля от ВРП должна снизиться до 9% против 11–16% в предыдущие годы. Это свидетельствует о сужении возможностей использования бюджета в качестве инструмента ускорения экономического роста.

Совокупный номинальный рост расходов в 2019 году будет обеспечен за счёт увеличения затрат на управление и платежей по обслуживанию государственного долга, то есть непроизводительных расходов. По всем остальным направлениям предусмотрено сокращение финансирования, что в наибольшей степени затронет поддержку отраслей экономики и коммунальной инфраструктуры (табл. 7).

Отдельного пояснения требует изменение объёмов расходов на здравоохранение и социальную политику. Дело в том, что в ходе поправок, внесённых в бюджетную классификацию, расходы на обязательное медицинское страхование неработающего населения перенесены из раздела «Здравоохранение» в раздел «Социальная политика». Фактически это означает не уменьшение или прирост финансирования, а простое перераспределение бюджетных средств.

Бюджетный секвестр не коснётся раздела «Общегосударственные вопросы». Так, в 2017 году при падении общих расходов регионального бюджета на 8,4% рост расходов по этому разделу составит 7% за счёт увеличения финансирования областных органов исполнительной власти, судебной, финансовой систем и других затрат на управление. В 2019 году объём расходов также превысит уровень 2016 года (табл. 8).

Затраты регионального бюджета по данной статье превышают финансирование ряда важнейших направлений. Например, если в 2012 году удельный вес расходов на управление и ЖКХ в объёме расходной части бюджета был равнозначным, то в 2016 году он имел контрастную динамику: доля управленческих издержек увеличилась, а финансовой поддержки ЖКХ уменьшилась. В прогнозном бюджетном цикле на финансирование ЖКХ будет использоваться в среднем менее 1% расходов бюджета, а на управление — более 5% (рис. 8).

Такие диспропорции в распределении бюджетных средств указывают на необходимость более тщательного выбора приоритетов бюджетной политики, а также на имеющиеся резервы для возможной оптимизации расходов.

Таблица 7. Динамика расходов регионального бюджета Вологодской области в 2016–2019 гг.

Расходы	2016, факт	2017, план		2018, план		2019, план		
	Млн. руб.	Млн. руб.	К 2016, %	Млн. руб.	К 2017, %	Млн. руб.	К 2018, %	К 2016, %
Всего	50695	46413	91,6	47567	102,5	51840	109,0	102,2
Общегосударственные вопросы	2388	2555	107,0	2450	95,9	2549	104,0	106,7
Национальная экономика	9104	7703	84,6	7471	97,0	8337	111,6	91,6
ЖКХ	1632	820	50,2	283	34,5	286	101,1	17,5
Социальная сфера, всего	33639	31648	94,1	32448	102,5	32086	98,9	95,4
- образование	11220	11082	98,8	10785	97,3	10725	99,4	95,6
- культура	571	619	108,4	553	89,3	515	93,2	90,2
- здравоохранение	8579	3150	36,7	2961	94,0	2806	94,8	32,7
- социальная политика	13063	16644	127,4	17864	107,3	17890	100,1	137,0
Процентные платежи	1370	1229	89,7	1411	114,8	1515	107,4	110,6
Межбюджетные трансферты	16121	12811	79,5	12082	94,3	11701	96,8	72,6

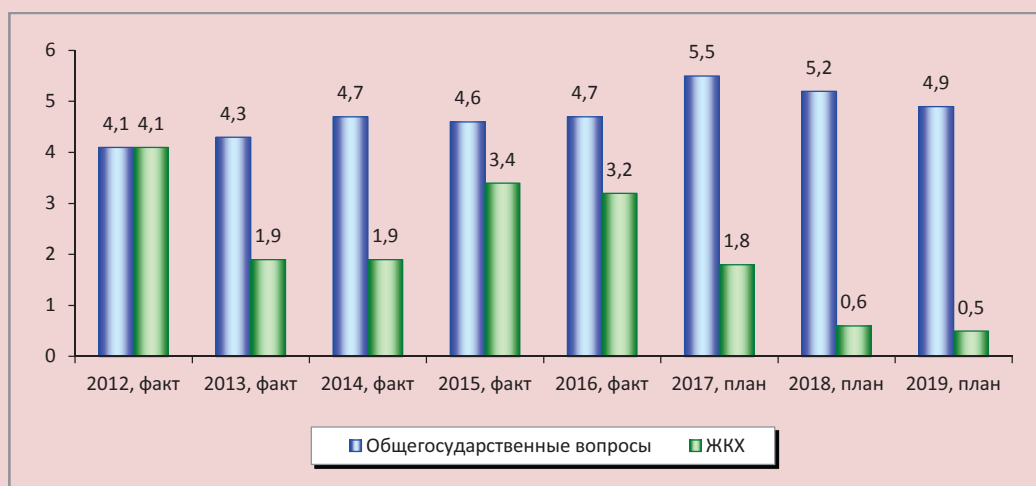
Источники: [9]; [16]; расчёты автора.

Таблица 8. Расходы регионального бюджета Вологодской области по разделу «Общегосударственные вопросы» в 2016–2019 гг., млн. руб.

Расходы	2016, факт	2017, план	К 2016, %	2019, план	К 2016, %
Всего	2387,7	2554,6	107,0	2549,0	106,8
Губернатор	5,95	5,5	92,4	5,3	88,3
Законодательные органы власти	235,4	244,4	103,8	226,2	96,2
Исполнительные органы власти	263,3	282,0	107,1	271,1	103,0
Судебная система	206,0	220,2	106,9	215,1	104,4
Финансовые органы и органы финансового надзора	196,3	213,6	108,8	215,1	110,0
Проведение выборов	127,5	56,8	44,5	157,2	123,3
Другие вопросы	1352,9	1432,2	105,9	1362,2	100,7

Источники: [9]; [16]; расчёты автора.

Рисунок 8. Удельный вес расходов по статьям «Общегосударственные расходы» и «ЖКХ» в общем объёме расходов регионального бюджета Вологодской области в 2012–2019 гг., %

Источники: [9]; [16]; расчёты автора.

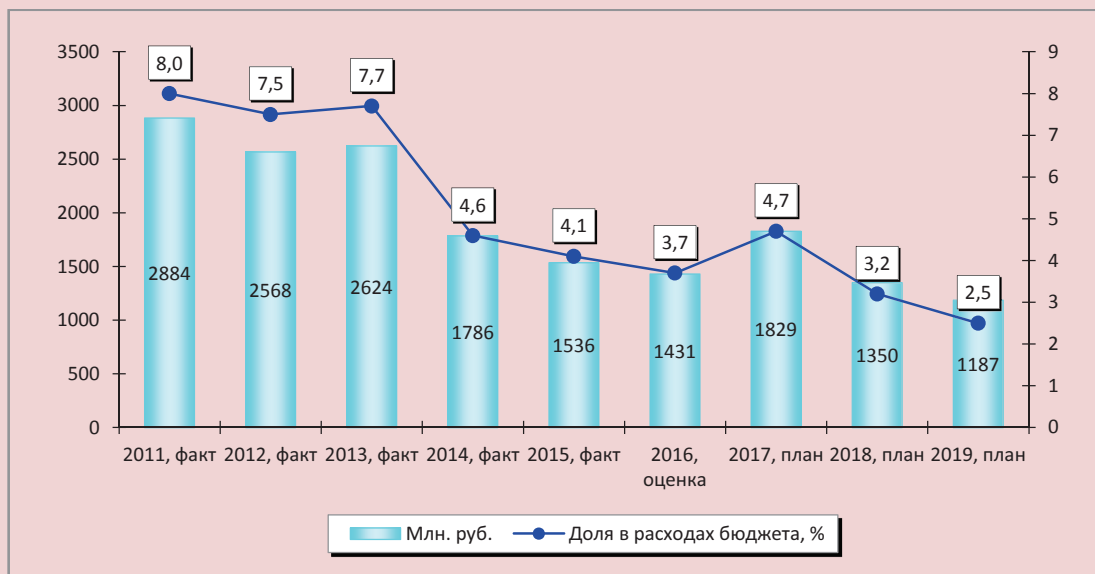
Убедительным свидетельством соблюдения принципа бюджетной консолидации при формировании финансового плана региона служит его инвестиционная составляющая.

В условиях острой нехватки финансовых ресурсов необходимость реализации данного принципа вынуждает областные власти сокращать бюджетные инвестиции, другими словами – бюджет развития. Отметим, что уже после принятия известных указов Президента РФ в мае 2012 года ка-

питальные вложения были выбраны в качестве основного источника средств для выполнения этих указов. За 2012–2016 годы бюджетные инвестиции сократились на 50%. В прогнозном периоде сохранится тенденция неуклонного уменьшения бюджета развития: в 2019 году его доля в расходах составит 2,5% против 8% в 2011 году (рис. 9).

Можно заключить, что в краткосрочной перспективе практически весь региональный бюджет будет направлен на финанси-

Рисунок 9. Расходы* регионального бюджета Вологодской области на капитальные вложения в 2011–2019 гг.

* В целях сопоставимости расходы приводятся без учёта безвозмездных поступлений.

Источники: [9]; [16]; расчёты автора.

рование первоочередных потребностей. Такая его конструкция не отвечает задаче повышения доли инвестиционных затрат, обозначенной в «Основных направлениях бюджетной политики», создавая долгосрочные риски для инвесторов и будущего социально-экономического развития области. Не случайно начавшееся с 2013 года падение объёма инвестиций в основной капитал Вологодской области пролонгировано до 2026 года³.

Растущая социализация регионального бюджета не привела к ощутимому повышению уровня жизни вологжан (табл. 9).

В прогнозном периоде доля расходов на заработную плату персонала бюджетных учреждений и социальные выплаты насе-

лению увеличится в среднем до 35% против 25% в 2015 году, а среднегодовая численность граждан с доходами ниже прожиточного минимума составит 169 тыс. человек, или 14,3% от общей численности населения. Таким образом, уровень бедности будет выше показателя 2015 года.

Рассматривая расходную часть регионального бюджета, нельзя обойти вниманием её программную составляющую. Начиная с 2015 года более 90% расходов планируется в формате реализации государственных программ (ГП) Вологодской области, которые можно сгруппировать по трём направлениям (табл. 10).

Анализ динамики и структуры программных расходов позволяет отметить, что они сохранят социальную направленность: на развитие человеческого капитала будет использовано более 70% программного финансирования.

³ Постановление Правительства Вологодской области от 30.11.2015 № 1022 «О прогнозе социально-экономического развития Вологодской области на долгосрочный период 2016–2030 годов».

Таблица 9. Основные виды социальных расходов* регионального бюджета Вологодской области и уровень бедности в 2015–2019 гг.

Показатели	2015, факт	2016, оценка	2017, план	2018, план	2019, план
Выплаты персоналу госорганов, казённых учреждений, млн. руб.	2407,0	2645,5	2666,8	2691,1	2691,1
Социальные выплаты населению, млн. руб.	9743,3	13646,6	13785,7	14573,3	14574,1
Итого	12150,3	16292,1	16452,5	17264,4	17265,2
<i>Доля в общих расходах бюджета, %</i>	<i>25,3</i>	<i>32,1</i>	<i>35,4</i>	<i>36,3</i>	<i>33,3</i>
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, тыс. чел.	167,7	175,7	171,8	170,3	165,3
<i>В % от общей численности населения</i>	<i>14,1</i>	<i>14,8</i>	<i>14,5</i>	<i>14,4</i>	<i>14,0</i>

* Без межбюджетных трансфертов бюджетам муниципальных образований.
Источники: данные Департамента финансов Вологодской области [14]; [11]; расчёты автора.

Таблица 10. Плановые расходы регионального бюджета Вологодской области на реализацию государственных программ в 2016–2019 гг.

Наименование программ	2016	2017	2018	2019	2019 к 2016, %
Программные расходы, всего	48309,3	44000,8	44740,9	45186,8	93,5
<i>Развитие человеческого потенциала и повышение качества жизни населения</i>					
Социальная поддержка граждан	11311,5	10262,7	10886,1	10885,3	96,2
Развитие образования	10731,9	10612,4	10445,1	10445,1	97,3
Развитие здравоохранения	8272,0	8299,6	8269,8	8267,5	99,9
Обеспечение населения доступным жильём	1533,0	1142,5	1459,5	1234,8	80,5
Прочие	1731,6	2572,1	2542,4	2517,7	145,4
Итого	33580,0	32889,3	33602,9	33350,4	99,3
Удельный вес в программных расходах, %	69,5	74,7	75,1	73,8	+4,3 п.п.
<i>Повышение устойчивости и модернизация приоритетных секторов экономики</i>					
Развитие транспортной системы	5440,3	4538,1	4641,1	5334,1	98,0
Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка	3275,2	2149,7	2129,6	2108,6	64,4
Экономическое развитие	1037,8	334,1	162,6	162,6	15,7
Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства	166,9	91,1	91,1	91,1	54,6
Прочие	818,4	954,6	961,6	969,5	118,5
Итого	10738,6	8067,6	7986,0	8665,9	80,7
Удельный вес в программных расходах, %	22,2	18,3	17,8	19,2	-3 п.п.
<i>Совершенствование системы государственного управления</i>					
Совершенствование государственного управления	189,3	200,8	201,1	201,1	106,2
Управление региональными финансами	3087,8	2827,1	2951,0	2969,5	96,2
Итого	3277,1	3027,9	3152,1	3170,6	96,8
Удельный вес в программных расходах, %	6,8	6,9	7,0	7,0	+0,2 п.п.

Источник: составлено автором по данным [9]; [14].

Вместе с тем улучшение условий жизни вологжан, справедливо заявленное как приоритетное направление при формировании бюджета, невозможно без стабильного экономического роста. Однако сокращение финансирования программ в сфере

экономики окажется самым значительным – более 19%. Так, например, расходы на ГП «Экономическое развитие Вологодской области на 2014–2020 годы»⁴ снизятся на

⁴ Утверждена постановлением Правительства области от 28.10.2013 № 1111.

84% по сравнению с уровнем 2016 года. Такой подход к формированию финансовых ресурсов, явно недостаточных, противоречит намеченной в программе цели создания условий для обеспечения устойчивости и повышения темпов экономического развития региона.

Уместно подчеркнуть, что только в 2017 году из 8 млрд. руб. общего объема ассигнований, предусмотренных на выполнение программ экономического подъема, 2 млрд. руб., или четверть, предназначены для финансового обеспечения деятельности госучреждений и управленческих функций в отраслях национальной экономики.

При общем сокращении программного финансирования на 6,5% расходы на реализацию программ в сфере государственного управления уменьшатся на 3,2%. Объем средств на ГП «Управление региональными финансами Вологодской области на 2015–2020 годы»⁵ составит ежегодно в среднем 3 млрд. руб. и будет больше, чем на программы образования, здравоохранения, транспортной системы и социальной поддержки граждан. Обращает на себя внимание отсутствие согласованности содержания расходов с целями программы. К примеру, целью подпрограммы «Обеспечение сбалансированности областного бюджета» является обеспечение исполнения бюджета на основе принципов долгосрочной сбалансированности и устойчивости, а весь объем расходов в рамках указанной подпрограммы запланирован на содержание комитета информационных технологий и телекоммуникаций. В целом около половины программного финансирования будет направлено на обслуживание государственного долга и содержание департамента финансов области.

⁵ Утверждена постановлением Правительства области от 05.11.2014 № 990.

Возможно, в ходе исполнения бюджета расходы и претерпят структурные изменения, однако на этапе формирования и утверждения главного финансового плана структура ассигнований не закрепляет приоритетность за экономическим развитием региона, и, следовательно, решение задачи создания условий для развития бизнеса и укрепления доходной базы бюджета представляется маловероятным.

Долговая политика

К сожалению, сложным остаётся вопрос погашения государственного долга области, хотя в 2016 году, впервые после 2009 года, удалось уменьшить абсолютный объём задолженности на 3,2 млрд. руб. и ослабить долговую нагрузку регионально-го бюджета до 71% против 90–105% в предыдущие периоды (рис. 10).

К 2020 году предполагается снижение долговых обязательств на 7,5 млрд. руб., однако долговая нагрузка останется существенной, составив почти половину объёма собственных доходов бюджета.

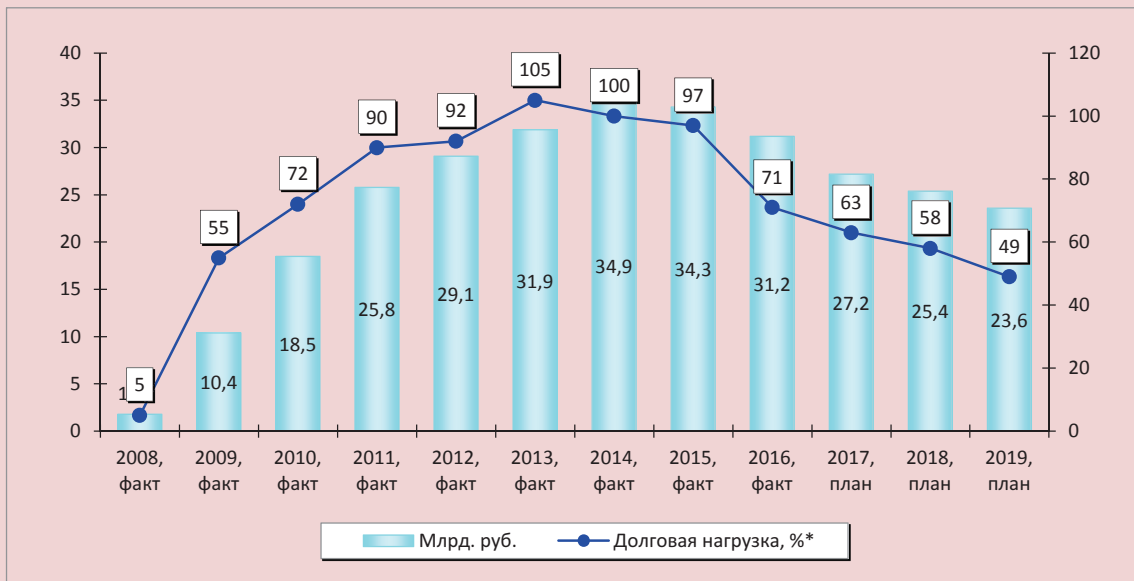
Снижение долгового бремени в 2016 году было обеспечено главным образом за счёт кредитов, полученных областью в размере 20,7 млрд. руб. из федерального бюджета в 2014–2016 годах на замещение коммерческих займов.

Масштабная финансовая помощь предрасполагала в 2016 году изменение структуры государственного долга в пользу бюджетных кредитов (рис. 11).

Вместе с тем в прогнозном периоде дорогие с точки зрения обслуживания коммерческие заимствования⁶ будут выступать основным инструментом долговой политики региона. Как иллюстрирует рисунок 11, уже в 2018 году возобновится их доми-

⁶ По данным Департамента финансов Вологодской области, в 2016 г. средневзвешенная ставка по коммерческим кредитам, полученным региональным бюджетом, составила 11,6% против 0,1% по кредитам из федерального бюджета.

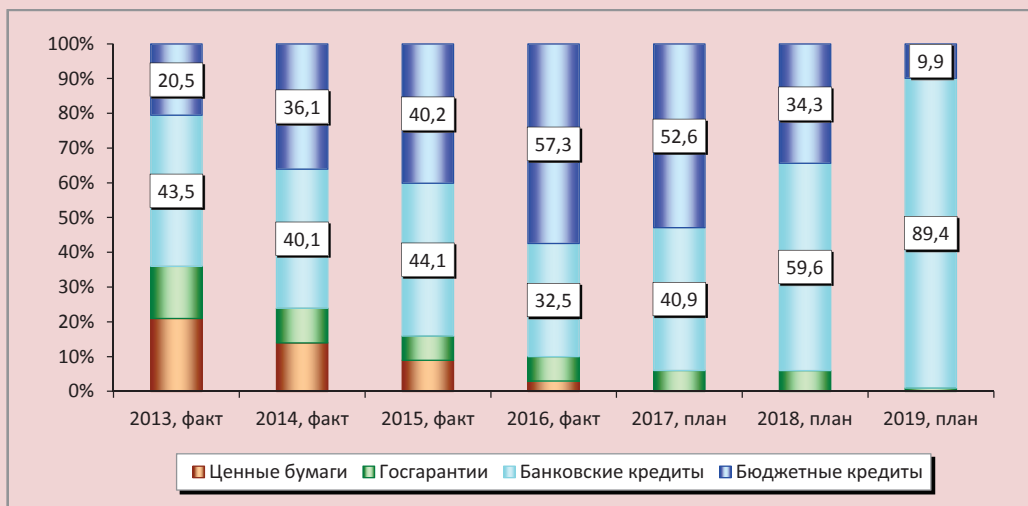
Рисунок 10. Государственный долг регионального бюджета Вологодской области в 2008–2019 гг.

* Долговая нагрузка рассчитана как отношение объёма госдолга к объёму собственных доходов бюджета.

Источники: [9]; [14]; [16]; расчёты автора.

Рисунок 11. Структура государственного долга регионального бюджета Вологодской области в 2013–2019 гг., %

Источники: [9]; [14]; расчёты автора.

нирующая роль в структуре государственного долга, а в 2019 году почти 90% объёма задолженности будет представлено рыночной составляющей.

Естественно, что расширение банковского кредитования повлечёт рост непроизводительных расходов бюджета в виде процентных платежей (рис. 12).

Рисунок 12. Банковские кредиты и процентные платежи регионального бюджета Вологодской области в 2015–2019 гг., млрд. руб.

Источники: [9]; [14]; расчёты автора.

Объём коммерческих заимствований в структуре задолженности будет ежегодно нарастать и увеличится в два раза по сравнению с объёмом 2016 года. Расходы на их обслуживание в 2018 году возобновят рост, достигнув 3% расходной части бюджета. Уровень процентных платежей не превысит норматив 15%, установленный Бюджетным кодексом РФ. В то же время необходимость обслуживания долга вызовет значительное отвлечение средств, которые могли бы быть использованы на важнейшие направления жизнеобеспечения вологжан: по своему объёму процентные расходы превзойдут вместе взятые ассигнования на жилищно-коммунальное хозяйство, транспортную систему, экологию, культурную деятельность, спорт.

В течение 2017–2019 годов Вологодской области необходимо обеспечить погашение задолженности по ранее привлечённым заёмным средствам в объёме 29,2 млрд. руб., их них рыночных – 10,7 млрд. руб., бюджетных – 18,5 млрд. руб. При этом основ-

ным источником возврата будут выступать новые банковские кредиты, за счёт которых планируется погасить две трети долгов (табл. 11).

Кроме кредитов, полученных из федерального бюджета на рефинансирование рыночных заимствований, потребуются ежегодно возвратить 9 млрд. руб. кредитов, выданных территориальным Управлением федерального казначейства на покрытие временных кассовых разрывов, возникающих при исполнении бюджета. С учётом этих займов общий объём возвратов за 2017–2019 годы увеличится до 55,3 млрд. рублей, что значительно превысит показатели предыдущих лет и будет эквивалентно более 40% объёма собственных доходов регионального бюджета (рис. 13).

Масштабные затраты на возврат кредитов явятся основными рисками для устойчивого финансирования принятых расходных обязательств и достижения планируемой сбалансированности регионального бюджета.

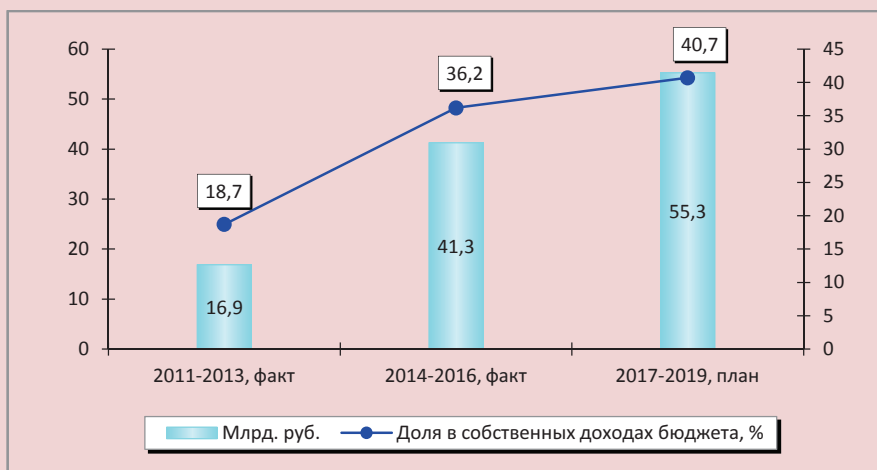

Таблица 11. Плановые источники возврата кредитов из регионального бюджета Вологодской области в 2017–2019 гг., млн. руб.

Показатели	2017	2018	2019	Всего за 2017–2019
<i>Возврат кредитов</i>				
Всего	14312,4	7281,5	7586,2	29180,1
- банковские	6852,9	1716,2	1209,4	9778,5
- бюджетные	6539,5	5565,3	6376,8	18481,6
- ценные бумаги области	920,0	0	0	920,0
<i>Источники возврата</i>				
Собственные доходы	6484,7	1512,0	415,7	8412,4
Уд. вес в объёме возврата, %	45,3	20,8	5,5	28,8
Банковские кредиты	7827,7	5769,5	7170,5	20767,7
Уд. вес в объёме возврата, %	54,7	79,2	94,5	71,2

Источник: составлено автором по [9]; [14]; расчёты автора.

Рисунок 13. Объём возврата кредитов из регионального бюджета Вологодской области

Источники: [9]; [16]; расчёты автора.

Приведённые данные свидетельствуют, что без пролонгации соглашений с Минфином РФ о выделении региону бюджетных кредитов решение задач долговой политики правительства области в части диверсификации структуры долга и сокращения доли рыночных долговых обязательств представляется нереалистичным.

Выводы и предложения

Региональный бюджет Вологодской области на 2017–2019 годы носит признаки консервативного. Его параметры адапти-

рованы под профицит и не в полной мере учитывают возможность воздействия бюджета на рост региональной экономики. Основными приоритетами бюджетной политики будут являться: дальнейшая оптимизация расходов, прежде всего на поддержку отраслей национальной экономики и инфраструктуры; сворачивание бюджета развития; возобновление прерванной в 2016 году тенденции эскалации рыночных заимствований и возврат к долговому финансированию расходов.

С учётом этого реализовать ключевые задачи бюджетной политики в краткосрочной перспективе будет весьма затруднительно. Возможно, сбалансированность бюджета и удастся обеспечить, но не за счёт экономического роста, а ввиду необходимости соблюдения продиктованных Минфином РФ условий получения дополнительной финансовой помощи, что потребует секвестра расходов.

Отмечая дефекты бюджета, не побоимся сказать, что постоянный дефицит ресурсов региональных бюджетов, обусловленный разрушением экономической базы большинства субъектов РФ в ходе проведения рыночных реформ, превратился в основную проблему бюджетного федерализма. При фактическом отсутствии точек роста в большинстве территорий резервы внутренней оптимизации практически исчерпаны. Очевидно, что без изменений сверхцентрализованной модели бюджетного устройства проблему самодостаточности российских регионов решить не удастся.

Важно подчеркнуть, что вопросы скорейшего решения проблемы перераспределения налогов между центром и субъектами в пользу последних ставятся уже на уровне Совета Федерации. В частности, к этому призывает заместитель председателя комитета по экономической политике В. Васильев, предлагая также внести изменения в правила распределения субсидий из федерального бюджета, которые бы учитывали промышленную, социально-демографическую и инфраструктурную специфику регионов [2].

Разделяя мнение сенатора, добавим, что дополнительными конкретными резервами повышения доходного потенциала территорий мы рассматриваем:

1. Реформирование налогообложения доходов физических лиц посредством поэтапного установления дифференцированных ставок, в первую очередь в отношении

сверхдоходов. По расчётам ИСЭРТ РАН, введение прогрессии только в отношении российских долларовых миллиардеров способно удвоить поступления НДС в региональные бюджеты [20].

2. Сохранение действовавшего до 2017 года порядка распределения акцизов на алкогольную продукцию. По данным Департамента финансов Вологодской области, при введении централизованной системы распределения этих видов акцизов выпадающие доходы регионального бюджета составят 1,8 млрд. руб.

3. Введение нормы, ограничивающей размер списания убытков прошлых лет при исчислении налога на прибыль (например, не более 30% от налогооблагаемой прибыли). По нашим расчётам, потери налога на прибыль из-за списания убытков увеличились с 95 млрд. руб. в 2011 году до 190 млрд. руб. в 2015 году.

4. Ужесточение налогового администрирования КГН вплоть до их ликвидации в случае неоднократного отсутствия налогооблагаемой прибыли.

5. Отмену федеральных льгот по региональным и местным налогам. Как показали расчёты ИСЭРТ РАН, выпадающие доходы регионального бюджета Вологодской области от недопоступлений только одного налога на имущество организаций в результате действия преференций, предоставленных в соответствии с федеральным законодательством, увеличились с 0,3 млрд. руб. в 2014 году до 1,1 млрд. руб. в 2015 году, то есть почти в четыре раза.

6. Компенсацию расходов региональных бюджетов на выполнение указов Президента РФ от 07.05.2012 года.

7. Увеличение или сохранение на уровне 2016 года объёма ассигнований федерального бюджета на предоставление бюджетных кредитов регионам в целях замещения рыночного долга в размере не менее 50% от его величины.

8. Принятие мер к взысканию дебиторской задолженности главных распорядителей средств бюджетов. По данным Федерального казначейства, на начало 2016 года дебиторская задолженность субфедеральных бюджетов составляла более триллиона рублей (в Вологодской области – 1,9 млрд. руб.).

9. Законодательное закрепление порядка распределения межбюджетных трансфертов субъектам РФ из федерального бюджета, которые должны быть распределены до начала составления региональных бюджетов. Ежегодное несоблюдение предлагаемого порядка приводит к дезорганизации бюджетного процесса в регионах, в результате чего несвоевременно распределённые и полученные трансферты возвращаются в соответствии с бюджетным законодательством в федеральный бюджет. По итогам 2016 года регионы вернули 42 млрд. рублей неиспользованных субсидий и субвенций, что в два раза больше, чем годом ранее (возвраты в Вологодской области увеличились с 43 до 156 млн. руб.).

10. Активизацию работы по взысканию задолженности по платежам в бюджет. По данным ФНС, на 1 января 2017 года возможная к взысканию задолженность по налогам и сборам (без штрафов и пеней) в консолидированные бюджеты регионов составила 537,5 млрд. руб., в Вологодской области – 2,9 млрд. руб.

По мере задействования вышеперечисленных резервов российским властям необходимо переходить к системным мероприятиям по стабилизации региональных бюджетов, ключевыми из которых, на наш взгляд, должны стать: паритетное распределение налоговых доходов по уровням бюджета; инвентаризация доходных и расходных полномочий субъектов РФ; пересмотр экономической политики в отношении крупнейших высокодоходных налогоплательщиков с целью определения их вклада в развитие страны. Только тогда бюджет может стать реальным, а не декларативным инструментом государственного управления, нацеленным на активную перестройку экономики и уровня жизни россиян.

Литература

1. Бокарева, Л. Цели и риски реформы управления государственными финансами РФ / Л. Бокарева // Общество и экономика. – 2016. – № 12. – С. 46–64.
2. Васильев, В. К каждому свой подход / В. Васильев // Известия. – 2016. – № 206. – С. 6.
3. Дворецкая, А.Е. Среднесрочные перспективы бюджета РФ / А. Е. Дворецкая // ЭКО. – 2016. – № 8. – С. 104–119.
4. Ильин, В.А. Эффективность государственного управления 2000–2015. Противоречивые итоги – закономерный результат / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 304 с.
5. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
6. Кочкаров, Р. А. Стратегическое планирование и прогнозирование / Р.А. Кочкаров // Вестник Финансовой академии. – 2006. – № 4. – С. 97–109.
7. Михайлова, А.А. Общественные финансы-2010: взаимосвязка стратегического и бюджетного планирования [Электронный ресурс] / А.А. Михайлова // Бюджет. – 2010. – № 10 – Режим доступа: <http://bujet.ru/article/99580.php>
8. О бюджетной политике в 2005 году [Электронный ресурс]: бюджетное Послание Президента Российской Федерации от 12.07.2004. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24872>
9. Об областном бюджете на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годов [Электронный ресурс]: закон Вологодской области от 19.12.2016 № 4071-ОЗ. – Режим доступа: <http://www.vologdazso.ru/>

10. Об основных направлениях бюджетной, налоговой и долговой политики Вологодской области на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов [Электронный ресурс]: постановление Правительства Вологодской области от 24.10.2016 № 942 // КонсультантПлюс: справочно-поисковая система.
11. О прогнозе социально-экономического развития Вологодской области на среднесрочный период 2017–2019 годов [Электронный ресурс]: постановление Правительства Вологодской области от 31.10.2016 № 977. – Режим доступа: http://www.economy.gov35.ru/departments/strategic_planning/macroeconomics_and_strategic_planning/
12. О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов [Электронный ресурс]: заключение Счётной палаты РФ на проект федерального закона. – Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/activities/audit-of-the-federal-budget/>
13. О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов [Электронный ресурс]: федеральный закон от 19.12.2016 года № 415-ФЗ. – Режим доступа: <http://minfin.ru/ru/>
14. Официальный сайт Департамента финансов Вологодской области. – Режим доступа: <http://df35.ru/>
15. Официальный сайт ПАО «Северсталь». – Режим доступа: <http://www.severstal.ru/>
16. Официальный сайт Федерального казначейства России. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru>
17. Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. – Режим доступа: <http://www.nalog.ru/>
18. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
19. Пенухина, Е.А. Бюджет как инструмент долгосрочного развития: возможности и ограничения: доклад на Учёном совете ИИП РАН 18.11.2016 г. [Электронный ресурс] / Е.А. Пенухина. – Режим доступа: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/Penukhina/2016-11-18.pdf
20. Поварова, А.И. Реформирование налога на доходы физических лиц – важнейший фактор стабилизации бюджетной системы / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6 (48). – С. 193–213.
21. Поварова, А.И. Снижение фискальной функции налога на прибыль: факторы и пути повышения / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3. – С. 180–195.
22. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/>
23. Beyond the annual budget. World bank, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2013/fiscalpolicy/pdf/brumby.pdf>

Сведения об авторе

Анна Ивановна Поварова – старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: air150663@yandex.ru)

Povarova A.I.

Regional budget for 2017–2019: surplus or economic growth?

Abstract. At the end of 2016, the Vologda Oblast approved its budget for 2017–2019. At first glance, its parameters are quite optimistic if we recall that from 2009 to 2015 the budget was significantly unbalanced. The planned annual surplus of 2.5 billion rubles is planned in the upcoming budget cycle. The budget surplus exceeding this sum was registered only in 2004. These projections are not based on the expected sustained economic growth, but on the terms of agreements with the Ministry of Finance of the Russian Federation on the allocation of financial assistance to the oblast in the form of budget loans. The forecast of socio-economic development elaborated by the Vologda Oblast Government retains low growth rates

of all macroeconomic indicators; due to this fact it is unlikely that sufficient financial resources could be generated: the average annual growth rate of the budget's own revenues will not reach even 4%. The positive balance of the treasury is expected to be reached with the help of fiscal consolidation: the amount of government spending as a share of gross regional product will decrease to 9% to 2020 against 13% on average over the period of 2005–2016. As for the sphere of debt policy, the forthcoming three-year period raises quite a few critical issues compared to previous years. The oblast will need to return 55 billion rubles of loans. In the conditions when the budget's own funds are growing slowly, the regional authorities are most likely to resort to new borrowings in the form of expensive commercial loans, because due to a high imbalance of the federal budget, Russian Government reduces the provision of cheap budget loans to the regions. The paper presents the results of the analysis of the Law on the Vologda Oblast budget for 2017–2019, the main purpose of which was to identify priorities of budgetary policy. Our study reveals the defects of the current system of budget planning, as well as the results of the analysis of a traditional approach to forecasting budget revenues and expenditures according to the indicators set out by the RF Ministry of Finance, rather than an approach to substantive issues of economic growth. It is shown that in modern conditions this method does not allow regional government authorities to forecast accurately and plan the revenues and expenditures of their budgets, and to ensure their balance. The study shows the dependence of the quality of budget planning upon a system of macroeconomic indicators such as gross domestic product, investments in fixed capital, inflation and monetary incomes of the population. The main conclusion of the study is that the three-year budget primarily reflects the achievement of simulated stabilization. In our opinion, the objectives of fiscal policy when forming regional budgets should be set out under the active influence on territorial development. But this requires the implementation of internal reserves of increasing the revenue potential of the regions. The present paper marks the initial steps in this direction.

Key words: budget planning, economic growth, regional budget, surplus, loans, debt burden, intergovernmental fiscal policy.

References

1. Bokareva L. Tseli i riski reformy upravleniya gosudarstvennymi finansami RF [Goals and risks of the reform of management of state finance in Russia]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economy], 2016, no. 12, pp. 46–64. (In Russian).
2. Vasil'ev V. K kazhdomu svoi podkhod [Each one requires their own approach]. *Izvestiya* [News], 2016, no. 206, p. 6. (In Russian).
3. Dvoret'skaya A.E. Srednesrochnye perspektivy byudzheta RF [Medium-term prospects for the budget of the Russian Federation]. *EKO*, 2016, no. 8, pp. 104–119. (In Russian).
4. Pliy V.A., Povarova A.I. *Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya 2000–2015. Protivorechivye itogi – zakonomernyi rezul'tat* [Public administration efficiency 2000–2015. Contradictory outcomes – an expected result]. Vologda: ISERT RAN, 2016. 304 p. (In Russian).
5. Keynes J.M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow: Eksmo, 2007. 960 p. (In Russian).
6. Kochkarov R.A. Strategicheskoe planirovanie i prognozirovaniye [Strategic planning and forecasting]. *Vestnik Finansovoi akademii* [Bulletin of Financial Academy], 2006, no. 4, pp. 97–109. (In Russian).
7. Mikhailova A.A. Obshchestvennye finansy-2010: vzaimouyazka strategicheskogo i byudzhethnogo planirovaniya [Public Finance-2010: interaction between strategic and budget planning]. *Byudzheth* [Budget], 2010, no. 10. Available at: <http://bujet.ru/article/99580.php> (In Russian).
8. *O byudzhethnoi politike v 2005 godu: byudzhethnoe Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 12.07.2004.* [About the budget policy in 2005: Budget Message of the President of the Russian Federation dated July 12, 2004.]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24872> (In Russian).

9. *Ob oblastnom byudzhete na 2017 god i planovyi period 2018 i 2019 godov: zakon Vologodskoi oblasti ot 19.12.2016 No. 4071-OZ* [On the oblast budget for 2017 and for the planning period of 2018 and 2019: the law of the Vologda Oblast from December 19, 2016 No. 4071-OZ]. Available at: <http://www.vologdazso.ru/> (In Russian).
10. *Ob osnovnykh napravleniyakh byudzhethnoi, nalogovoi i dolgovoi politiki Vologodskoi oblasti na 2017 god i na planovyi period 2018 i 2019 godov: postanovlenie Pravitel'stva Vologodskoi oblasti ot 24.10.2016 № 942* [About the main directions of the budget, tax and debt policy of the Vologda Oblast in 2017 and for the planning period of 2018 and 2019: Resolution of the Government of the Vologda Oblast dated October 24, 2016 No. 942]. *Konsul'tantPlus: spravochno-poiskovaya sistema* [ConsultantPlus: reference and search system]. (In Russian).
11. *O prognoze sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Vologodskoi oblasti na srednesrochnyi period 2017–2019 godov: postanovlenie Pravitel'stva Vologodskoi oblasti ot 31.10.2016 № 977*. [About the forecast of the socio-economic development of the Vologda Oblast in the mid-term period of 2017–2019: Resolution of the Government of the Vologda Oblast dated October 31, 2016 No. 977]. Available at: http://www.economy.gov35.ru/departments/strategic_planning/macroeconomics_and_strategic_planning/ (In Russian).
12. *O federal'nom byudzhete na 2017 god i na planovyi period 2018 i 2019 godov: zaklyuchenie Schetnoi palaty RF na projekt federal'nogo zakona* [On the federal budget for 2017 and the planning period of 2018 and 2019: conclusion of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the draft federal law]. Available at: <http://www.ach.gov.ru/activities/audit-of-the-federal-budget/> (In Russian).
13. *O federal'nom byudzhete na 2017 god i na planovyi period 2018 i 2019 godov: federal'nyi zakon ot 19.12.2016 goda № 415-FZ* [On the federal budget for 2017 and the planning period of 2018 and 2019: Federal law from December 19, 2016 No. 415-FZ]. Available at: <http://minfin.ru/ru/> (In Russian).
14. *Ofitsial'nyi sait Departamenta finansov Vologodskoi oblasti* [Official website of the Department of Finance of the Vologda Oblast]. Available at: <http://df35.ru/> (In Russian).
15. *Ofitsial'nyi sait PAO «Severstal'»* [Official website of PAO Severstal]. Available at: <http://www.severstal.ru/> (In Russian).
16. *Ofitsial'nyi sait Federal'nogo kaznacheistva Rossii* [Official website of the Federal Treasury of Russia]. Available at: <http://www.roskazna.ru> (In Russian).
17. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi nalogovoi sluzhby Rossii* [Official website of the Federal Tax Service of Russia]. Available at: <http://www.nalog.ru/> (In Russian).
18. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official website of the Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/> (In Russian).
19. Penukhina E.A. *Byudzheth kak instrument dolgosrochnogo razvitiya: vozmozhnosti i ogranicheniya: doklad na Uchenom sovete INP RAN 18.11.2016 g.* [Budget as a tool for long-term development: opportunities and limitations: report of the Academic Council of INP RAS, 18.11.2016]. Available at: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/Penukhina/2016-11-18.pdf (In Russian).
20. Povarova A.I. Reformirovanie naloga na dokhody fizicheskikh lits – vazhneishii faktor stabilizatsii byudzhethnoi sistemy [Reforming individual income tax is the crucial factor in stabilizing the budgetary system]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 6 (48), pp. 193–213. (In Russian).
21. Povarova A.I. Snizhenie fiskal'noi funktsii naloga na pribyl': faktory i puti povysheniya [Reduction of the fiscal function of corporate tax: the factors and ways of increase]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 3, pp. 180–195. (In Russian).
22. *Prognoz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na 2017 god i na planovyi period 2018 i 2019 godov* [The forecast of socio-economic development of the Russian Federation in 2017 and the planning period of 2018 and 2019]. Available at: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/> (In Russian).
23. *Beyond the annual budget*. World Bank, 2013. Available at: <http://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2013/fiscalpolicy/pdf/brumby.pdf>

Information about the Author

Anna Ivanovna Povarova – Senior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, e-mail: aip150663@yandex.ru)

Статья поступила 28.02.2017.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.14

УДК 316.346.32.053.6: 316.728, ББК 60.542.15:60.526

© Тайбек Мохамадиниа, Сомаях Негадари

Изучение образа жизни молодежи в контексте правопорядка и безопасности

Тайбек Мохамадиниа
Университет Пайаме Нур
Тегеран, Иран, а/я 19395-3697
E-mail: researchpnu@yahoo.com

Сомаях Негадари
Университет Пайаме Нур
Тегеран, Иран, а/я 19395-3697
E-mail: tayebeh.mohamadnia80@gmail.com

Аннотация. Социальная безопасность, являющаяся одним из наиболее важных критериев сформированности гражданского общества, базируется как на общественных соглашениях, так и на нормативных подходах. Основная цель данного исследования – изучение отношений между современным образом жизни и рискованным поведением молодежи. Сведения, необходимые для проведения исследования, получены методом анкетного опроса. Вопросы для анкет были сформулированы исходя из гипотезы исследования. Авторами использованы различные методы исследования и анкетирования с учетом преимущества количественного метода. Объем выборки составляет 286 молодых людей из города Абаде в возрасте от 18 до 35: 44,8% опрошенных – девушки, 55,2% – юноши; 44,8% опрошенных – моложе 25 лет, 34,7% – в возрасте 25–30 лет,

Для цитирования: Мохамадиниа, Т. Изучение образа жизни молодежи в контексте правопорядка и безопасности / Т. Мохамадиниа, С. Негадари // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 259-270. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.14

For citation: Mohammadinia T., Negahdari S. Studying the youth lifestyle with an approach to order and security. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, issue 10, no. 2, pp. 259-270. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.14

20,5% – старше 30; 61,9% опрошенных не состоят в браке, 38,1% – женаты/замужем. Результаты исследования не выявили статистически значимых различий между наличием или отсутствием занятости, семейным положением и рискованным поведением. Однако удалось обнаружить значительную зависимость между рискованным поведением и половой принадлежностью. Основная гипотеза, приведенная в исследовании, заключается в предположении зависимости между современным образом жизни молодежи и рискованным поведением (опасным вождением). Согласно полученным результатам, показатели религиозности ($R=0,423$), склонности к авантюризму ($R=0,180$) и развлечениям ($R=0,222$), культурного консюмеризма ($R=0,204$), социализма (коммунитаризма) ($R=0,293$) находятся в статистически значимой зависимости между рискованным поведением с доверительным уровнем в размере 99%. В то время как такие показатели, как эстетизм ($R=0,073$) и забота о здоровье ($R=0,031$), не являются статистически значимыми в контексте рискованного поведения молодежи.

Ключевые слова: образ жизни; правопорядок и безопасность; рискованное поведение; молодежь.

Введение

Вопрос безопасности, являющийся одним из наиболее важных, сложных и неизученных на сегодняшний день, широко обсуждается в политической, социальной и экономической сферах. Потребность в охране и безопасности входит в число базовых среди человеческих потребностей [1]. Субъективная и объективная безопасность индивида зависит от социальной безопасности, которая рассматривается как один из ключевых, жизненно важных показателей обеспечения защиты и сохранения важнейших ценностей, принятых в обществе [2]. Профессор Барри Бузан стал первым ученым, представившим социальные проблемы в классифицированной форме. Бузан подразделяет социальную безопасность на пять категорий: военную, политическую, экономическую, общественную и биоэкологическую. По его мнению, поскольку социальная безопасность заключена в рамки одной территории, она является второстепенной по отношению к национальной безопасности [3]. То, что эксперты национальной безопасности называют социальной защищенностью, общественной безопасностью и коллективной безопасностью, также подразумевает необходимость наличия безопасности и защищенности

общества в целом. Так как понятие коллективной безопасности не является общеизвестным, для разработки этой концепции авторы пользуются термином «социальная безопасность» [4]. Один из показателей социальной безопасности населения – безопасность на дорогах. Она во многом зависит от того, как участники дорожного движения пользуются дорогами, управляя транспортным средством. Поведение водителей на дорогах служит важнейшим фактором частоты дорожно-транспортных происшествий как непосредственно в Иране, так и на мировом уровне. 90–95% ДТП в Иране вызваны человеческим фактором, а именно поведением водителя [5]. После промышленной революции транспортные средства и автомобили стали рассматриваться как показатели цивилизованного мира, вождение представлялось необходимым для удовлетворения различных жизненных потребностей. В Иране дорожно-транспортные происшествия выступают в качестве главной причины смертности среди населения в возрасте старше 40 лет: свыше 71% от общего уровня смертности в этой возрастной группе приходится на ДТП. Это позволяет заявить, что среди четырех факторов (человеческий, дорожный, транспортный и природный) человеческий

фактор — основная причина ДТП в Иране [6]. В связи с этим многие исследователи полагают, что вождение, сопряженное с опасностью несчастного случая, необходимо выявлять в жизненном контексте отдельных индивидов, поскольку манера вождения, используемая и демонстрируемая отдельным индивидом, отражает его образ жизни. Следовательно, манеру вождения можно увязать с другими видами поведения, к которым склонен индивид. Образ жизни можно определить как систему положительных и отрицательных выборов, сделанных индивидом внутри установленных структурных ограничений. Образ жизни характеризуется двумя положительными и отрицательными аспектами (здоровье и риск).

Многие исследователи указывают на то, что люди, следующие здоровому образу жизни, проявляют менее рискованное поведение. Как полагает Cockerham, «образ жизни — это совокупность здоровых форм поведения, основанных на выборе людей и соответствующих их жизненным ситуациям». Такие выборы оказывают влияние на поведение людей в сфере охраны здоровья [7]. Город Абаде расположен вдоль шоссе, соединяющего провинции (останы) Исфахан и Фарс, а также, что еще более важно, на пути, соединяющем северные и южные останы, и это делает необходимым изучение образа жизни подростков, потому что их образ жизни оказывает большое влияние на манеру их вождения, особенно если это касается опасного вождения. Ввиду особого расположения этого города, предполагается обеспечение безопасности не только жителей, но и путешествующих людей, выбирающих данный маршрут и город для посещения, и его обычных посетителей, которые посчитают такой маршрут наиболее безопасным и удобным.

Обзор литературы

В своей статье Abaneh (1994), выполняя оценку манеры вождения и её влияния на движение транспорта в городе Аккра (Гана), приходит к заключению о значительной роли водителей в частоте возникновения проблем, связанных с дорожно-транспортными происшествиями на городских автотрассах. В исследовании Wallace (2003), посвященном изучению вклада внешних визуальных факторов, отвлекающих водителей при управлении транспортным средством, сделан вывод о том, что качество и форма внешних факторов, например дорожных знаков и рекламных щитов, расставленных в неправильных местах вдоль дорог, является причиной невнимательности водителей [8]. Shakeri Niya и Mohammad Pour (2009) установили наличие тесной взаимосвязи между психическим здоровьем, агрессией, типом личности и манерой вождения [6]. Share Pour и др. (2010), рассматривая половую принадлежность как наиболее значимый фактор при анализе ДТП, указывают также на то, что частота несчастных случаев и склонность к крайне опасному вождению менее выражены среди женщин, нежели среди лиц мужского пола [7]. В статье Ferdowsi и Ahmadi (2010) дается сравнение психологических факторов, таких как аккуратность, агрессивность и тип личности, и скорости реакции в трех категориях: 1) произвольно и произвольно отобранные водители-женщины; 2) произвольно отобранные водители-женщины и водители-мужчины и 3) произвольно отобранные водители-женщины и водители-мужчины [9]. Однако, по мнению Ahmadi (2011), половая принадлежность не оказывает значительного влияния на факт нарушения правил дорожного движения: нарушают как мужчины, так и женщины [10]. Согласно исследованию, проведенному Gorjiyan и др.,

выбор образа жизни, сопряженного с риском, является фактором, способствующим росту числа ДТП [11]. Garrusi отмечает значительную обратную взаимосвязь на промежуточном уровне между различными позициями по отношению к правилам дорожного движения и обоим аспектам манеры вождения. При этом была также выявлена тесная обратная взаимосвязь между отдельными характеристиками личности и намеренными ошибками. Связь между внутренним неуправляемым восприятием и нарушениями ПДД тоже рассматривается как отрицательная [12].

Теоретические основы

Манера вождения — образ действий, выбираемый водителем в форме способа управления автотранспортным средством на дороге [13]. Парадигма социальной идентификации (суперструктурализм), в отличие от двух других важнейших социологических парадигм (социальной реальности и социального поведения), акцентирует внимание на акторах и способе построения ими социальной реальности, а также на их определении и интерпретации ситуаций, предлагая творческий образ акторов. С точки зрения школы символического взаимодействия, одной из школ в парадигме социальной идентификации, люди играют активную роль в процессе социализации.

По мнению специалистов этой школы, социализация — процесс многосторонний, в ходе которого акторы просто трансформируются в получателей информации. Они не воспринимают полностью полученную в процессе информацию по той причине, что они обладают способностью думать и переосмысливать; вместо этого акторы вмешиваются и манипулируют процессом, основанным на временных и пространственных мотивах и ситуациях [14]. Социальная супервизия (социальный контроль) — термин, используемый

для того, чтобы отметить расширение процесса социализации. Подобный контроль относится к методам и инструментам, применяемым в обществе, чтобы помочь индивидам подстроиться под «ожидания» определенного слоя общества или группы механизмов социального контроля [15]. В связи с этим мы представляем несколько классификаций: 1) формальные и неформальные механизмы; 2) внешние и внутренние механизмы; 3) ценностные, эмоциональные и экономические механизмы; 4) механизмы дистанционного и ближнего контроля [16]. Интернализация норм и правил дорожного движения, а также контроль за их соблюдением зачастую происходят в непрерывном двустороннем процессе, причем водителей стоит рассматривать не как единоличных получателей и исполнителей этих норм и правил, а, напротив, как активных участников процесса. Учитывая содержание данных норм и правил, они (водители) рассматриваются как исполнительная сторона, имеющая дело с временными и пространственными аспектами соблюдения норм и правил в непрерывном процессе, с интерпретацией данных норм и правил и стремящаяся усвоить или не усвоить новые нормы и правила, сохранить или не сохранить ранее усвоенные нормы, а также придерживаться или не придерживаться усвоенных норм.

Некоторые исследователи, сторонники психологического подхода, продемонстрировали, что манера вождения складывается из таких трех аспектов, как когнитивный (неправильная оценка опасности ситуации), эмоциональный (включая эмоциональные потребности и недостатки: незрелость личности, стремление к превосходству, вызов и соревновательность, рискованное поведение); сенсомоторный или поведенческий (ошибки управления). Вместе с тем ряд исследователей указы-

вают также на взаимосвязь образа жизни и манеры вождения. Другие акцентируют внимание на социальных установках и социальных факторах, лежащих в основе этих установок и тем самым выражающих предрасположенности, суждения и чувства отдельного человека в процессе управления автотранспортным средством и взаимодействия с другими участниками процесса: например, их позиция по отношению к закону, полиции и нарушению прав; уровень агрессивности; социальная удовлетворенность; понимание национальной и религиозной принадлежности. Наконец, некоторые исследователи ссылаются на структурные и «фоновые» факторы, связанные с социально-экономическими параметрами с точки зрения социологии, а также с параметрами, относящимися к окружающей среде и роли водителя (его возраст, пол, уровень образования, семейное положение и т.д.) [17].

Теория внешнего, или прямого, контроля выступает одновременно с теорией принятия разумных решений. Номенс рассматривает совместные общественные действия как экономический обмен, поскольку уверен, что отдельные люди думают о преимуществах и недостатках, а также о последствиях действий, которые они намереваются совершить; причем выбор в отношении того или иного действия происходит тогда, когда индивид оценивает результат принятия своего решения как положительный и благоприятный. Приверженность общественным принципам, ориентирам и ценностям, основанным на внутреннем контроле, удерживает индивида от проявления оскорбительного и преступного поведения, заставляя его испытывать чувство вины, ответственности и стыда [18]. Vehtavan классифицирует факторы, влияющие на проявление опасной манеры вождения, на три категории.

- Во-первых, аддитивные (добавочные) факторы, включающие социальные потребности (теория потребностей и символического взаимодействия), агрессивное вождение (теория агрессии и неудач), фатализм (теория нейтрализации) и противозаконные действия (теория внешнего социального контроля).

- Во-вторых, редуцирующие (снижающие) факторы, включающие законность (внутренний социальный контроль), чувство религиозной и национальной принадлежности (символическое взаимодействие), удовлетворенность жизнью (теория оправданного социального действия), отношение к полиции (символическое взаимодействие), вероятность быть пойманным и наказанным (разумный выбор).

- В-третьих, базовые факторы контроля (теория нормативной слабости) [17].

Жизненные ситуации ограничивают возможность выбора. Они зависят от социально-экономического статуса индивида. Поэтому некоторым людям представлено больше вариантов выбора по сравнению с другими. По мнению Bordio, указывающего на важность структуры, любая концепция здорового образа жизни нуждается в том, чтобы особое внимание обращалось на возможности выбора. Жизненные возможности оказывают влияние на образ жизни двумя разными способами [15]: 1) социально-экономически и 2) путем создания границ восприятия, вытекающих из социализации и накопления опыта в определенной социальной среде. Выборы, сделанные акторами и исполнителями в структурных областях, приводят к регенерации социальных структур. Согласно Bordio, выборы, сделанные акторами в отношении транспорта, дорожного движения и прочих аспектов, указывают на предпочтения и энтузиазм различных классов, выявленные в рамках определен-

ного образа жизни; подобный энтузиазм основывается на манерах [7]. С другой стороны, склонность к опасному вождению среди молодежи (согласно теории Гайзера (Geizer)) указывает на определенный образ жизни, который не всегда рассматривается как здоровый [19]. Здоровый образ жизни является одним из её аспектов и состоит из самостоятельно выбранных индивидом форм консьюмеризма. Это, например, выбор рациона питания, одежды, способа поведения, автотранспортного средства, времяпрепровождения и т.д. В то же время Cockerham выходит за рамки этих форм и перечисляет конкретные решения, принятые по отношению к выбору пищевых продуктов, пристёгиванию ремня безопасности, личной гигиене, и т.д. как части здорового образа жизни. По его мнению, выборы, касающиеся здоровья, находятся в пределах зоны структурных ситуаций. Другими словами, выборы могут подтверждаться или ограничиваться жизненными возможностями индивида. Здоровый образ жизни понимается им как система выборов, сделанных индивидом согласно его/её социальному статусу и жизненным возможностям (ситуациям), которые рассматриваются им как социально-структурные формы жизнедеятельности людей. По мнению Cockerham, образ жизни – это совокупность положительных (здоровых) выборов, сделанных индивидом в структурных областях. Cockerham утверждает, что в рамках функциональности осуществление выборов имеет место в рамках таких структурных областей, как возраст, пол, социальное положение и социально-экономический статус [15].

Гипотезы исследования

1. Представляется, что существуют значительные различия между занятостью, семейным положением, половой принадлежностью и рискованным поведением среди молодежи.

2. Представляется, что существует значительная взаимосвязь между уровнем образования, личным доходом и доходом родителей и рискованным поведением среди молодежи.

3. Представляется, что существует значительная взаимосвязь между характеристиками современного образа жизни молодых людей и их рискованным поведением.

Определение понятий

Вспомогательные переменные включают возраст, наличие или отсутствие занятости, семейное положение, уровень образования, уровень доходов родителей и уровень личных доходов.

Независимой переменной данного исследования является образ жизни молодежи. Показатели, релевантные для данного исследования, следующие: религиозность, эстетизм, склонность к развлечениям и авантюризму, культурный консьюмеризм, социализм и стремление к здоровому образу жизни. Такие аспекты, как участие в молитвах, панихидах и прочих церемониях, групповые молитвы, походы в мечеть, посещение кладбища, отнесены к показателю религиозности. Что касается эстетизма, здесь присутствуют такие аспекты, как ношение красивой, модной и экстравагантной одежды, покупка косметики и принадлежностей по уходу за телом, прослушивание поп-музыки, просмотр мелодрам и фильмов по спутниковому телевидению, прослушивание музыки на CD. Склонность к развлечениям выражена следующими аспектами: вождение в нетрезвом состоянии, использование седативных средств, курение и прием психотропных веществ, посещение вечеринок и клубов и проведение времени вне дома. Склонность к авантюризму выражается в: стремлении выглядеть привлекательно, завоевать авторитет, обрести покой, бесцельном вождении и поездках по округе с друзьями. Аспекты культурного консьюмеризма: ис-

пользование интернета, посещение музеев и театров, прослушивание классической музыки, игра на музыкальных инструментах, просмотр фильмов социальной направленности, чтение романтической литературы, посещение кафе. Социализм проявляется во внимании к глобальным проблемам мира во всем мире, защите прав человека, биоэкологическим проблемам и политическим дискуссиям. В контексте стремления к здоровому образу жизни исследуются занятия одиночными и командными видами спорта, посещение стадионов, занятия физкультурой. Зависимая переменная настоящего исследования – склонность к авантюризму включает такие аспекты, как разговоры по мобильному телефону во время вождения, превышение скорости, въезд на улицы, где запрещен проезд, непристегнутый ремень безопасности, игнорирование дорожных знаков, прослушивание музыки во время движения, запрещенный обгон, несоблюдение безопасной дистанции, резкий обгон с подрезанием.

Методология

Необходимые для исследования данные были собраны с помощью анкетирования и опросов. Выборка исследования составлялась в несколько этапов методом случайного выбора. Объем выборки составляет 286 молодых людей из г. Абаде в возрасте от 18 до 35, которым предлагалось ответить на

вопросы анкеты. Вопросы были сформулированы на основе теоретической базы и гипотез исследования. Коэффициенты надежности вопросов, рассчитанные по шкале альфа Кронбаха, следующие: для показателя религиозности – 0,93, эстетичности – 0,85, склонности к развлечениям – 0,81, склонности к авантюризму – 0,89, культурного консюмеризма – 0,85, социализма – 0,78, стремления к здоровому образу жизни – 0,85, для зависимой переменной (рискованное поведение) – 0,92. Полученные данные были проанализированы с помощью пакета программ обработки статистических данных общественных наук (SPSS); проверка гипотезы исследования проводилась с помощью t-критерия Стьюдента и регрессионной статистики.

Результаты исследования

44,8% выборки составили девушки, 55,2% – юноши; 44,8% опрошенных – моложе 25 лет, 34,7% – от 25 до 30 лет, 20,5% – старше 30 лет; 61,9% опрошенных не замужем или не женаты, 38,1% – замужем/женаты.

Апробация первой гипотезы. Представляется, что существуют значительные различия между занятостью, семейным положением, половой принадлежностью и рискованным поведением среди молодежи.

Согласно переменной T в таблице 1 (1,8) и ее уровню значимости (0,073), разница между средними значениями среди

Таблица 1. Средневероятные отклонения показателей занятости, пола, семейного положения и рискованного поведения

		Число опрошенных	Средневероятное отклонение	Среднеквадратическое отклонение	Среднеквадратическая ошибка	T	Уровень значимости
Занятость	Безработные	165	39,806	9,391	0,731	1,800	0,073
	Трудоустроены	102	37,686	9,288	0,918		
Семейное положение	Не женаты/не замужем	119	42,974	8,610	8,610	6,702	0,000
	Женаты/замужем	148	35,797	8,767	8,767		
Пол	Жен.	165	38,957	9,248	0,719	0,085	0,932
	Муж.	102	39,058	9,657	0,956		

безработных и трудоустроенных незначительная, поэтому гипотеза не подтвердилась. Согласно переменной T (6,702) и ее уровню значимости (0,000), разница между средними значениями среди опрошенных мужского и женского пола значительная, таким образом, гипотеза подтвердилась. Согласно переменной T (0,085) и ее уровню значимости (0,932), разница между средними значениями среди женатых/замужних и неженатых/незамужних опрошенных незначительная; гипотеза не подтвердилась.

Апробация второй гипотезы. Представляется, что существует значительная взаимосвязь между уровнем образования, личным доходом и доходом родителей и рискованным поведением среди молодежи.

Результаты свидетельствуют о том, что корреляция между показателями уровня образования и рискованным поведением составляет 4,2% (табл. 2). Основываясь на том, что показатель $F=0,460$ и $sig=0,498$, можно констатировать, что между двумя переменными не было выявлено значительной взаимосвязи.

Уровень дохода родителей не имеет никакой взаимосвязи с показателем рискованного поведения; также не было выявлено никакой взаимосвязи между двумя переменными ($F=0,000$ и $sig=0,997$). Уровень личных доходов имеет взаимосвязь с показателем рискованного поведения, однако на основании того, что $F=0,328$ и $sig=0,567$, можно сделать вывод об отсутствии взаимосвязи между двумя переменными.

Апробация третьей гипотезы. Представляется, что существует значительная взаимосвязь между характеристиками современного образа жизни молодых людей и их рискованным поведением.

Результаты показали, что корреляция между показателями религиозности и рискованным поведением составляет 42,3% (табл. 3). Согласно тому, что $F=57,699$ и $sig=0,000$, выявлена значительная взаимосвязь между показателями религиозности и рискованным поведением ($p<0,01$). Корреляция между показателями эстетизма и рискованного поведения составляет 7,3%, между двумя переменными не было

Таблица 2. Двумерный регрессионный показатель уровня образования, уровня дохода родителей, личных доходов и рискованного поведения

Показатель	R	R ²	R ² ad	T	sig	F
Уровень образования	0,042	0,002	-0,002	0,679	0,498	0,460
Уровень дохода родителей	0,000	0,000	-0,004	0,574	0,997	0,000
Уровень личных доходов	0,035	0,001	-0,003	0,004	0,567	0,328

Таблица 3. Двумерный регрессионный анализ показателей современного образа жизни и рискованного поведения

Показатель	R	R ²	R ² ad	T	sig	F
Религиозность	0,423	0,179	0,176	7,590	0,000	57,699
Эстетизм	0,073	0,005	0,002	1,195	0,233	1,429
Склонность к развлечениям	0,222	0,049	0,046	-3,706	0,000	13,732
Склонность к авантюризму	0,180	0,032	0,029	-2,976	0,003	8,857
Культурный консьюмеризм	0,204	0,042	0,038	3,391	0,001	11,496
Коммунитаризм	0,293	0,076	0,082	4,988	0,000	24,884
Склонность к здоровому образу жизни	0,031	0,001	-0,003	0,511	0,610	0,261

обнаружено значительной взаимосвязи ($F=1,420$ и $\text{sig}=0,233$).

Корреляция между показателями склонности к развлечениям и рискованного поведения составляет 22,2%. Исходя из того, что $F=13,732$ и $\text{sig}=0,000$, была выявлена значительная взаимосвязь между данными показателями ($p<0,01$). Корреляция между показателями склонности к авантюризму и рискованным поведением составила 18%, между ними обнаружена также сильная взаимосвязь ($F=8,857$ и $\text{sig}=0,003$) ($p<0,01$). Корреляция между переменной культурного консьюмеризма и рискованным поведением составила 20,4%. На основании того, что $F=11,496$ и $\text{sig}=0,001$, выявлена значительная взаимосвязь между двумя переменными ($p<0,01$).

Корреляция между показателем коммунизма и рискованным поведением составила 29,3%. На основании того, что $F=24,884$ и $\text{sig}=0,000$, между этими показателями была выявлена значительная взаимосвязь ($p<0,01$). Корреляция между показателями склонности к здоровому образу жизни и рискованным поведением составила 3,1%; не было обнаружено значительной взаимосвязи между двумя переменными ($F=0,261$ и $\text{sig}=0,610$); гипотеза не подтвердилась.

Выводы

Социальная безопасность является одним из важнейших показателей гражданского общества, основанных как на общественных нормах, так и на нормативных подходах. Первые рассматривают социальную безопасность как результат социальных контактов и соглашений между людьми. Сторонники второго подхода подразумевают под ней последствия непроизвольного влияния нормативных и культурных структур на индивида. Если члены общества прерывают социальные контакты и коллективные соглашения или же нарушают нормативные режимы, считается, что

они подрывают социальную безопасность в зависимости от важности и ценности тех или иных соглашений и норм. Согласно идее о том, что технологии стали неотъемлемой частью жизни общества, а также о том, что совокупность определенных ценностей, норм, личного опыта, убеждений и привычек может оказывать влияние на внедрение этих технологий, которые, в свою очередь, способствуют социальным и культурным изменениям в обществе, — показатели рискованного поведения (опасное вождение) в зависимости от типа поведения могут различаться по сравнению с развитыми и развивающимися странами и различными городами Ирана. Разумеется, в силу отсутствия доступа к сопоставимым данным по другим случаям опасного вождения и в результате различий в шкале оценки, используемой в нашем исследовании, мы ограничились лишь исследованием взаимосвязей между фоновыми демографическими показателями образа жизни и опасным вождением. С учетом важности механизации процесса и его проникновения во все аспекты повседневной жизни, а также влияния, которое он оказывает на жизнь людей, и значимости манеры вождения и опасного вождения, настоящее исследование направлено на поиск ответа на вопрос, существует ли взаимосвязь между образом жизни и рискованным поведением (в частности, опасным вождением). Анализ полученных результатов указывает на то, что значительной взаимосвязи между занятостью и рискованным поведением нет, поэтому гипотеза не была подтверждена. Статистически значимая взаимосвязь была выявлена между половой принадлежностью и рискованным поведением, что подтвердило гипотезу. Полученные результаты соответствуют результатам прочих исследований, посвященных оценке взаимозависимости половой принадлежности и опасного вождения. Например, исследова-

ния, проведенные Haghshenas и др. (2008) [13], Share Pour и др. (2010) [7] и Cockerham (2004) [15], подтвердили наличие значительной взаимосвязи между половой принадлежностью и опасным вождением. Не было выявлено значительной взаимосвязи между семейным положением и рискованным поведением, что не опровергло гипотезу. Полученные результаты противостоят результатам, полученным в ходе других исследований, проведенных Younesian и Moradi, которые указывают на наличие взаимосвязи между семейным положением и рискованным поведением. Результаты двумерного регрессионного анализа показали, что взаимосвязи между уровнем личных доходов и рискованным поведением нет, тем самым опровергнув гипотезу. Подобные результаты также противостоят результатам исследований Younesian и Moradi (2005), указавших на наличие статистически значимой взаимосвязи между поведением водителя и его уровнем образования, а также маркой его машины. Эти результаты также совпадают с результатами, полученными в ходе исследования Haghshenas (2008) [13].

Основная гипотеза, предложенная в настоящем исследовании, заключалась в вы-

явлении наличия взаимосвязи между образом жизни современной молодежи и её рискованным поведением. На основе полученных результатов был сделан вывод о том, что показатели религиозности ($R=0,423$), склонности к развлечениям ($R=0,222$) и авантюризму ($R=0,180$), культурного консюмеризма ($R=0,204$) и коммунитаризма ($R=0,293$) находятся в значительной взаимосвязи с рискованным поведением (99% степень достоверности). Однако показатели эстетизма ($R=0,073$) и стремления к здоровому образу жизни ($R=0,031$) не оказывают значительного влияния на рискованное поведение. Эти результаты совпадают с результатами исследований других ученых и исследователей. Например, Cockerham (2005) в своем исследовании показал, что существует прямая зависимость между употреблением алкоголя и курением марихуаны и опасным вождением среди подростков [19]. В связи с этим Veg отмечает, что мужчины, тратящие меньше времени на развлечения в свободное время, меньше попадают в ДТП, а мужчины, употребляющие меньшее количество алкоголя по сравнению с женщинами того же возраста, также реже становятся участниками ДТП.

Литература

1. Yazdanfam M. 2009. Globalization, security and police. *Journal of Strategic Studies*, no. 2 (44).
2. Akhavan Kazemi B. Security and its dimensions in the Qur'an. *Journal of Islamic Studies*, 2006, no. 75.
3. Nasiri G. The meaning and pillars of societal security: sustainable security, social capital and social movements. *Journal of Strategy*, 2002, no. 26.
4. Rabbani Khorasgani A., Ghasemi V. The relationship between social security and religious attitude. *Journal of Isfahan University (Humanities)*, 2007, no. 2(4).
5. Goudarzi M. A., Shirazi M. The Relationship between stimulating consumption and risky behavior. *Journal of Psychology*, 2005, no. 9(1).
6. Shakeri Niya I., Mohammad Pour M. Relationship between personality traits, mental health, and aggressive with driving habits in risky drivers. *Quarterly of Traffic Management*, 2009, no. 15.
7. Share Pour M., Dadhir A., Ghorbanzadeh S. Gender Analysis crash with an emphasis on the concept of healthy lifestyle. *Woman in Development and Politics (Women's Research)*, 2010, no. 8(2).
8. Soltani L., Hosseini A., Amraie D. Spatial analysis of driving behavior in Isfahan. *Strategic Research Security and Social Order*, 2013, no. 5(1).
9. Ferdowsi T., Ahmadi A. Comparative study of driving character with and without accident. *Journal of Psychological Studies*, 2010, no. 7(2), pp. 85–105.

10. Ahmadi S. Investigated the relationship between gender and driving offenses. *Quarterly of Traffic Management Studies*, 2011, no. 20.
11. Gorjian S., Khodaveisi M., Amini R., Soltanian A. R., Reza Pour F. Drivers' lifestyle as human factor in the occurrence of traffic accidents in Hamadan. *Scientific Journal of Hamadan Nursing & Midwifery*, 2014, no. 23(4), pp. 33–44.
12. Garrusi B., Garrusi S., Anjamshoa F. Relationship between attitude personality and perceived locus of control with a variety of driving behaviors. *Journal of Health and Development*, 2014, no. 3(1).
13. Haghshenas H., Hosseini M., Jamshidi M., Azizi H. The relationship between personality traits and driving behavior in city of Shiraz. *Hakim Research Journal*, 2008, no. 11(3).
14. Ritzer G., Stepnisky J. *Contemporary Sociological Theory and Its Classical Roots: The Basics 4th Edition*. McGraw-Hill Education; 4th edition (September 6, 2012), 2012.
15. Cockerham W. C. Health lifestyle in Ukrain. *Public Health in Eastern Europe*, 2004, issue 50, pp. 264–271.
16. Salimi A., Davari M. *Sociology of Deviance*. 3rd edition. Institute of Science. Qom, Iran, 2007.
17. Behravan H., Behravan N. The social causes of dangerous driving in the city of Mashhad. *Iranian Journal of Social Studies*, 2011, no. 7.
18. Ahmadi H. *Sociology of deviance*. Samt. 1st edition. Tehran, Iran, 2005.
19. Cockerham W. C. Health lifestyle theory and the convergence of Agency and Structure. *Journal of Health and Social Behavior*, 2005, issue 46, pp. 51–67.

Сведения об авторах

Тайбек Мохамадиниа – кандидат социологических наук, старший преподаватель, факультет социологических наук, Университет Пайаме Нур (Иран, Тегеран, а/я 19395-3697; e-mail: researchpnu@yahoo.com)

Сомаях Негадари – кандидат педагогических наук, старший преподаватель, факультет педагогических наук, Университет Пайаме Нур (Иран, Тегеран, а/я 19395-3697; e-mail: tayebeh.mohamadinia80@gmail.com)

Tayebeh Mohammadinia, Somayah Negahdari

Studying the Youth Lifestyle with an Approach to Order and Security

Abstract. Social security is among the essential indicators of the human community foundation, both based on the social conventions and the normative approaches. The main objective of the present study is the survey of the relationship between the modern life styles and the youths' risky behaviors. The data required for the present study have been collected through the use of questionnaire and based on a surveying method. The questions are all formulated based on the study theoretical framework and the study hypotheses. The study population includes the youngsters ranging in age from 18 to 35 years of age from the city of Abadeh (Iran) from among which a total number of 286 individuals were selected as the study sample volume and they were asked to answer the questions in the questionnaires. In this study, 44.8% of the sample population were female and 55.2% were male. 44.8% of respondents were less than 25 years, 34.7% of respondents were 25 to 30 years old and 20.5% of respondents were older than 30 years. Also, 61.9% of respondents were single and 38.1% were married. The results of the current study indicated that there is no statistically significant difference between the employment and marital status and risk taking. But there was found a significant difference between gender and risk-taking. The main hypothesis proposed in the present study deals with the survey of the relationship between youngsters' modern life styles and risk-taking (risky driving) and according to the results obtained in the present study it was observed that the religiosity ($R=0.423$), entertainment-centeredness ($R=0.222$), adventurousness ($R=0.180$), cultural consumerism ($R=0.204$), socialism (communitarianism) ($R=0.293$) indices were in

a statistically significant relationship with risk-taking in a 99% confidence level; but the indices such as aestheticism ($R=0.073$) and health-seeking ($R=0.031$) were not found in a statistically significant relationship with risk-taking in the youths.

Keywords: Lifestyle; Order and security; Risk-seeking; Youth.

References

1. Yazdanfam M. 2009. Globalization, security and police. *Journal of Strategic Studies*, no. 2 (44).
2. Akhavan Kazemi B. Security and its dimensions in the Qur'an. *Journal of Islamic Studies*, 2006, no. 75.
3. Nasiri G. The meaning and pillars of societal security: sustainable security, social capital and social movements. *Journal of Strategy*, 2002, no. 26.
4. Rabbani Khorasgani A., Ghasemi V. The relationship between social security and religious attitude. *Journal of Isfahan University (Humanities)*, 2007, no. 2(4).
5. Goudarzi M. A., Shirazi M. The Relationship between stimulating consumption and risky behavior. *Journal of Psychology*, 2005, no. 9(1).
6. Shakeri Niya I., Mohammad Pour M. Relationship between personality traits, mental health, and aggressive with driving habits in risky drivers. *Quarterly of Traffic Management*, 2009, no. 15.
7. Share Pour M., Dadhir A., Ghorbanzadeh S. Gender Analysis crash with an emphasis on the concept of healthy lifestyle. *Woman in Development and Politics (Women's Research)*, 2010, no. 8(2).
8. Soltani L., Hosseini A., Amraie D. Spatial analysis of driving behavior in Isfahan. *Strategic Research Security and Social Order*, 2013, no. 5(1).
9. Ferdowsi T., Ahmadi A. Comparative study of driving character with and without accident. *Journal of Psychological Studies*, 2010, no. 7(2), pp. 85–105.
10. Ahmadi S. Investigated the relationship between gender and driving offenses. *Quarterly of Traffic Management Studies*, 2011, no. 20.
11. Gorjian S., Khodaveisi M., Amini R., Soltanian A. R., Reza Pour F. Drivers' lifestyle as human factor in the occurrence of traffic accidents in Hamadan. *Scientific Journal of Hamadan Nursing & Midwifery*, 2014, no. 23(4), pp. 33–44.
12. Garrusi B., Garrusi S., Anjamshoa F. Relationship between attitude personality and perceived locus of control with a variety of driving behaviors. *Journal of Health and Development*, 2014, no. 3(1).
13. Haghshenas H., Hosseini M., Jamshidi M., Azizi H. The relationship between personality traits and driving behavior in city of Shiraz. *Hakim Research Journal*, 2008, no. 11(3).
14. Ritzer G., Stepnisky J. *Contemporary Sociological Theory and Its Classical Roots: The Basics 4th Edition*. McGraw-Hill Education; 4th edition (September 6, 2012), 2012.
15. Cockerham W. C. Health lifestyle in Ukrain. *Public Health in Eastern Europe*, 2004, issue 50, pp. 264–271.
16. Salimi A., Davari M. *Sociology of Deviance*. 3rd edition. Institute of Science. Qom, Iran, 2007.
17. Behravan H., Behravan N. The social causes of dangerous driving in the city of Mashhad. *Iranian Journal of Social Studies*, 2011, no. 7.
18. Ahmadi H. *Sociology of deviance*. Samt. 1st edition. Tehran, Iran, 2005.
19. Cockerham W. C. Health lifestyle theory and the convergence of Agency and Structure. *Journal of Health and Social Behavior*, 2005, issue 46, pp. 51–67.

Information about the Authors

Tayebeh Mohammadinia – Ph.D. in Social Sciences, Assistant Professor, Department of Social Sciences, Payame Noor University (PO BOX 19395-3697, Tehran, Iran; e-mail: researchpnu@yahoo.com)

Somayeh Negahdari – Ph.D. in Educational Sciences, Assistant Professor, Department of Educational Sciences, Payame Noor University (PO BOX 19395-3697, Tehran, Iran; e-mail: tayebeh.mohammadinia80@gmail.com)

Статья поступила 06.02.2017.

Развитие внутреннего туризма в регионе

Екатерина Георгиевна

ЛЕОНИДОВА

Институт социально-экономического развития территорий

Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация, ул. Горького, д. 56а

E-mail: leo_leg_8509@mail.ru

Аннотация. Туризм является отраслью, которая оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие территорий. Данный вид народнохозяйственной деятельности характеризуется мультипликативным эффектом, генерируя образование доходов в смежных отраслях экономики. Среди видов туризма ключевую роль стал играть внутренний туризм как основной источник финансовых поступлений от туристской деятельности. В регионах Российской Федерации внутренний туризм развит слабо, что связано с несовершенной инфраструктурой отрасли, несоответствием цены на туристские продукты их качеству, а также недостатком квалифицированных кадров. В последнее время особую значимость для данного направления приобрело воздействие внешних факторов, таких как беспокойная геополитическая обстановка в ряде стран, кризисные явления в экономике, запрет выезда россиян на популярные зарубежные курорты. Вопросы развития внутреннего туризма отражены в работах Д.Р. Макеевой, Е.В. Семеновой, Н.В. Масловой, Л.И. Черниковой, Г.Р. Фаизовой. Целью исследования является научное обоснование направлений, обеспечивающих развитие внутреннего туризма в регионе с учетом влияния внешних факторов. При этом используются научные методы сравнения, обобщения, анализа, синтеза, PEST-анализа, метод экспертного опроса. На основании анализа статистических данных выявлено сокращение числа поездок россиян в туристских целях с одновременным ростом их спроса на гостиничные услуги внутри страны. Кроме того, имеющийся в настоящее время туристический потенциал позволяет развивать широкий спектр видов туризма для вну-

Для цитирования: Леонидова, Е.Г. Развитие внутреннего туризма в регионе / Е.Г. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 271-283. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.15

For citation: Leonidova E.G. Domestic tourism development in a region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, volume 10, no. 2, pp. 271-283. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.15

трених туристов. Как выяснилось, препятствуют этому недостаток в регионе турпродуктов, привлекающих внутренних туристов, несовершенство туристической инфраструктуры и отсутствие у населения денежных средств на осуществление туристической поездки. В заключении статьи определены на основе PEST-анализа направления, способствующие наиболее эффективному развитию внутреннего туризма в регионе, учитывающие экономическую и геополитическую конъюнктуру.

Ключевые слова: туризм, внутренний туризм, регион, экономика.

Введение. Для российских регионов, характеризующихся монопрофильностью структуры экономики, актуальной задачей является поиск внутренних источников развития. При этом особое значение для территории приобретает развитие отраслей, которые обладают мультипликативным эффектом, то есть положительно влияют на смежные отрасли народного хозяйства, создавая новые рабочие места, повышая мобильность населения, а также вклад в бюджеты всех уровней, обеспечивая экономический рост территории. В качестве сектора экономики, обладающего подобными характеристиками, может рассматриваться туризм. Согласно данным Всемирной туристской организации, на эту сферу приходится 9,8% мирового валового внутреннего продукта, каждое 11-е рабочее место [18;20]. Туристская отрасль индуцирует развитие до 32 смежных отраслей народного хозяйства. Кроме того, она выступает в качестве способа диверсификации экономики, обуславливая повышение устойчивости социально-экономических систем. При этом следует отметить, что развитие данной отрасли не исключает традиционного пути развития производственного сектора экономики (машиностроение, обрабатывающая промышленность, нефтегазовый сектор и т.д.), а способствует более эффективному использованию имеющегося у региона потенциала, в частности туристских ресурсов.

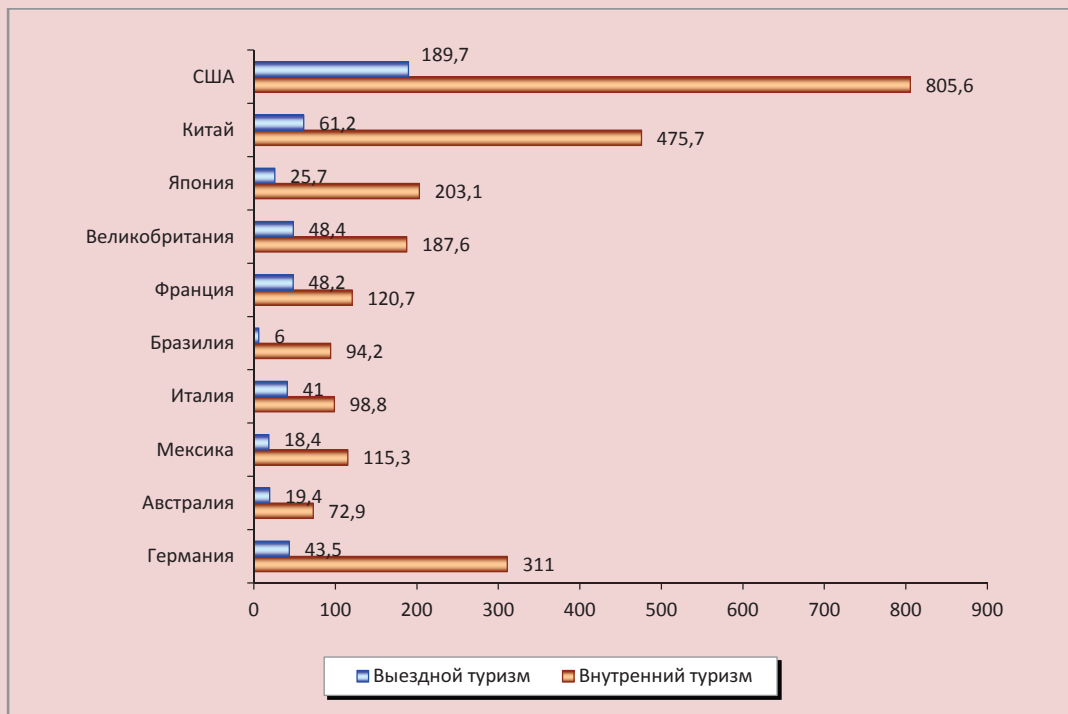
В 2014–2016 гг. в структуре туристического рынка Российской Федерации про-

изошли серьезные изменения, связанные с сокращением выездного турпотока вследствие существенного снижения курса национальной валюты, влиянием экономического кризиса, длительным запретом на продажу туров для россиян по ведущим выездным направлениям (Турция и Египет), а также беспокойной геополитической обстановкой в мире. Это обусловило сокращение спроса россиян на зарубежные направления и увеличило интерес к отдыху внутри страны.

В Российской Федерации внутренний туризм, предполагающий перемещения граждан внутри страны в целях туризма, развит не в полной мере. Между тем в экономике зарубежных стран (США, Китай, Япония и др.) он обеспечивает до 80% денежных поступлений в структуре видов туризма (рис. 1).

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена противоречием между высокой социально-экономической значимостью сферы внутреннего туризма и недостаточным уровнем ее развития в регионах РФ в современных экономических условиях. Целью исследования является научное обоснование направлений, обеспечивающих развитие внутреннего туризма в регионе с учетом влияния внешних факторов. Для ее достижения были рассмотрены имеющиеся подходы к понятию «внутренний туризм», выполнен анализ развития данной сферы в российских регионах, а также определено влияние на нее внешних факторов.

Рисунок 1. Туристские расходы резидентов и международных туристов в 2015 г., млрд. долл. США [17; 20].

Методы исследования. Методологические подходы к исследованию базируются на общенаучных методах сравнения, обобщения, анализа, синтеза, PEST-анализа, методе экспертного опроса. Информационную базу исследования составили труды отечественных и зарубежных экономистов в области методических и практических вопросов управления развитием туризма с учетом региональных особенностей. Вопросы регионального развития освещены в трудах таких ученых, как А.Г. Гранберг, С.Ю. Глазьев, Р.С. Гринберг и другие [2; 10; 12]. Теоретические и практические подходы к развитию туризма широко исследованы и в работах зарубежных ученых, которые применительно к внутреннему туризму рассматривают значимость его развития для экономики территории, фокусируя свое внимание на его проблемах

[19; 21]. Влияние туризма на экономику на региональном уровне отражено в работах отечественных ученых Т.Н. Григоренко, Л.Н. Казьминой, В.И. Кружалина, К.В. Кружалина, Н.В. Шабалиной, Т.В. Усковой и др. [1; 3; 6; 11; 13-15; 19; 21]. Проблемы развития внутреннего туризма изучали Д.Р. Макеева, Е.В. Семенова, Н.В. Маслова, Л.И. Черникова, Г.Р. Фаизова и другие ученые [7; 9; 6]. Вместе с тем анализ вышеперечисленных работ позволил заключить, что способы стимулирования развития внутреннего туризма на региональном уровне остаются малоизученными. Кроме того, в них нечетко прослеживается связь между внутренним туризмом и региональным развитием.

Результаты исследования. Несмотря на широкое применение термина «внутренний туризм», он до сих пор не имеет общепри-

знанного определения, учитывающего и включающего все его особенности. Согласно ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» № 132 от 24.11.1996 г., внутренний туризм определяется как туризм в пределах территории Российской Федерации лиц, постоянно проживающих в Российской Федерации. В.А. Квартальнов предлагает понимать под внутренним туризмом временный выезд граждан конкретной страны с постоянного места жительства в пределах национальных границ той же страны для отдыха, удовлетворения познавательных интересов, занятий спортом и в других туристских целях [4].

Рассмотренные определения конкретизируют субъектов внутреннего туризма и их цель, подчеркивают его территориальный аспект, однако не учитывают его экономического и социального влияния на развитие территорий. Хотя известно, что внутренний туризм для экономики региона более значим, чем въездной и выездной, поскольку производство и потребление туристского продукта на территории региона стимулирует местных производителей к расширению производства товаров и услуг и содействует приросту конечного потребления, увеличивая таким образом валовой региональный продукт. Помимо создания новых рабочих мест и удовлетворения потребностей населения в отдыхе, познании и пр., социальная функция внутреннего туризма состоит в развитии человеческого потенциала региона. Так, инфраструктура туризма, включающая сеть коллективных средств размещения, питания, развлечений, оздоровления и спорта, способствует снятию психического и эмоционального напряжения, укреплению здоровья жителей как региона, так и страны в целом.

В целях социально-экономического развития регионов, характеризующихся

снижением макроэкономических показателей, необходим поиск и обоснование внутренних источников роста экономики. Учитывая вышесказанное, отметим, что внутренний туризм может рассматриваться в качестве фактора роста экономики, поскольку производит на основе имеющихся ресурсов туристский продукт, потребление которого туристами позволяет развиваться экономике региона. Представленный подход не противоречит существующим направлениям изучения внутреннего туризма, а дает возможность дополнить сущность данного явления, отражая его роль в социально-экономическом развитии региона.

Анализ статистической информации свидетельствует о том, что новые экономические условия обусловили снижение спроса российских туристов на туры в зарубежные страны. Так, общее число выездных туристских поездок в 2015 году по сравнению с 2014 годом сократилось почти на 20% (табл. 1).

За период с 2010 по 2015 год отмечен рост числа россиян, остающихся в гостиницах и иных средствах проживания (пансионатах, лагерях, кемпингах и пр.), по всем федеральным округам Российской Федерации (табл. 2). Так, почти в 2 раза увеличилось значение данного показателя в Южном федеральном округе, что объясняется ростом курса национальной валюты и закрытием ведущих пляжных направлений – Турции и Египта. Следует отметить, что за 2014–2015 гг., благодаря вхождению Республики Крым в состав РФ, количество постояльцев в средствах размещения возросло в 4 раза. Эти данные свидетельствуют и о растущем спросе граждан РФ на гостиничные услуги, в том числе обусловленном интересом к внутренним туристским ресурсам.

Таблица 1. Страны с наибольшим числом въездов российских туристов

Страна	Число поездок, тыс.		Изменение %	Место в рейтинге по числу поездок	
	2014 г.	2015 г.		2014	2015
Финляндия	4 283	3 067	-28,4	1	4
Турция	4 216	3 460	-17,9	2	2
Казахстан	3 330	3 125	-6,2	3	3
Абхазия	3 282	3 824	16,5	4	1
Египет	2 880	2 244	-22,1	5	5
Украина	2 558	1 657	-35,2	6	6
Эстония	1 775	1 477	-16,8	7	7
Китай	1 731	1 284	-25,8	8	9
Польша	1 608	1 322	-17,8	9	8
Германия	1 435	1 111	-22,6	10	10
Тайланд	1 250	675	-46,0	11	13
Греция	1 165	634	-45,6	12	16
Испания	1 140	693	-39,2	13	12
Италия	994	662	-33,4	14	14
Литва	798	743	-6,9	15	11
ОАЭ	737	472	-35,9	16	19
Азербайджан	734	584	-20,4	17	17
Кипр	670	550	-17,9	18	18
Болгария	559	413	-26,1	19	20
Грузия	532	651	22,3	20	15
Франция	521	408	-21,7	21	21
Чехия	513	361	-29,7	22	22
Латвия	404	312	-22,8	23	24
Израиль	361	299	-17,2	24	25
Южная Осетия	358	Менее 321	Менее -10,3	25	Ниже 25
Вьетнам	352	321	-8,8	26	23
Другие страны	5 088	4 041	-20,6	X	X

Источник: Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2016 / под ред. Л.Н. Овчаровой. – М.: НИУ ВШЭ, 2016.

Таблица 2. Численность граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения, тыс. чел.

Территория	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 к 2010, в %
Российская Федерация	27166,7	29310,2	31798,4	32560,6	33798,5	43656,9	161
Центральный федеральный округ	7759,5	8303,2	9029,3	9418,3	9660,9	11921,4	154
Южный федеральный округ	3434,2	3472,3	3651,4	3681,5	4809,4	6846,8	199
Приволжский федеральный округ	4460,2	4914,2	5635,0	5850,9	5707,1	6777,1	152
Северо-Западный федеральный округ	3546,0	3936,0	4051,2	4051,9	4209,1	5415,1	153
Сибирский федеральный округ	3138,8	3402,1	3608,7	3867,3	3519,8	4485,0	143
Уральский федеральный округ	2201,0	2543,7	2987,6	2979,2	2784,4	3054,6	139
Дальневосточный федеральный округ	1607,9	1698,0	1760,9	1609,0	1518,9	2028,6	126
Крымский федеральный округ	-	-	-	-	442,1	1825,1	413
Северо-Кавказский федеральный округ	1019,2	1040,6	1074,4	1102,5	1146,7	1303,2	128

Источник: данные Росстата.

По мнению экспертов Высшей школы экономики, более дешевые поездки в пределах страны, переход к стратегиям экономики могут стать фактором роста рынка внутреннего российского туризма [8].

Одним из регионов, наиболее благоприятных для развития туристической деятельности, привлекающих внутренних туристов, является Северо-Западный федеральный округ, в котором сконцентрированы культурно-исторические и природные ресурсы, служащие основой для создания разнообразных турпродуктов. В нем расположено самое большое в стране количество памятников культуры и природы, находящихся под охраной ЮНЕСКО (табл. 3).

Кроме того, по состоянию на 2014 г. он занимал второе место в РФ после Центрального федерального округа по числу объектов культурного наследия. Туристические ресурсы СЗФО позволяют развивать

культурно-исторический, экологический, событийный, сельский и другие виды туризма, привлекающие в том числе внутренних туристов.

Однако имеющийся в настоящее время потенциал реализуется неэффективно. Так, анализ продаж туров показал, что в 2010 – 2015 гг. доля туров, проданных турфирмами СЗФО в регионы РФ, не высока (табл. 4). Например, в 2015 году значение данного показателя составило 32% от общего объема реализованных турпакетов.

Число коллективных средств размещения (КСР) в этом регионе увеличивается. В период с 2010 по 2015 г. оно выросло почти на 34% (табл. 5). Причем рост данного показателя отмечен во всех субъектах СЗФО: только в Калининградской области – в 3,5 раза. Такая тенденция обусловлена интересом со стороны представителей гостиничного бизнеса к строительству новых объектов.

Таблица 3. Список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, расположенных на территории СЗФО

Название объекта	Местоположение объекта	Год внесения в список	№ объекта в списке
Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним комплексы памятников	г. Санкт-Петербург	1990	540
Архитектурный ансамбль Кижского погоста	Республика Карелия	1990	544
Исторические памятники Новгорода и его окрестностей	Новгородская область	1992	604
Культурный и исторический ансамбль «Соловецкие острова»	Архангельская область	1992	632
Девственные леса Коми	Республика Коми	1995	719
Ансамбль Ферапонтова монастыря	Вологодская область	2000	982
Куршская коса	Калининградская область (совместно с Литвой)	2003	994
Геодезическая дуга Струве	Ленинградская область	2005	1187

Источник: официальный сайт ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/> (дата обращения: 01.08.2016).

Таблица 4. Количество туров, проданных туристскими фирмами СЗФО, тыс. шт.

Число туров	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 к 2010, в %
Всего	545,4	626,4	790,3	1029,1	496,6	156,2	28,6
из них по территории России	115,2	89,8	141,3	143,4	147,0	49,5	43,0
по зарубежным странам	383,8	468,2	616,1	834,0	284,8	102,8	26,8

Источник: данные Росстата.

Таблица 5. Количество коллективных средств размещения в СЗФО, ед.

Территория	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 к 2010, в %
Северо-Западный федеральный округ	1454	1532	1893	1504	1556	1942	133,6
г. Санкт-Петербург	360	382	434	382	389	412	114,4
Ленинградская область	265	322	393	253	269	274	103,4
Калининградская область	57	57	81	109	109	201	352,6
Вологодская область	145	142	171	131	120	200	137,9
Республика Карелия	105	125	149	129	133	182	173,3
Архангельская область	124	120	142	112	145	166	133,9
Мурманская область	136	127	183	118	119	143	105,1
Республика Коми	97	76	97	86	87	132	136,1
Новгородская область	92	97	135	110	111	126	137,0
Псковская область	73	84	108	74	74	106	145,2

Источники: Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М.: Росстат, 2015. – 728 с.; Культура, туризм и отдых в Псковской области. 2015: стат. сб. / Псковстат. – Псков, 2015. – С. 34.

Таблица 6. Коэффициент загрузки гостиниц и аналогичных средств размещения в Северо-Западном федеральном округе

Территория	2010	2012	2013	2014	2015	2015 к 2010, в %
г. Санкт-Петербург	0,39	0,44	0,37	0,35	0,49	125,6
Северо-Западный федеральный округ	0,33	0,36	0,33	0,30	0,36	109,1
Новгородская область	0,33	0,30	0,28	0,28	0,33	100,0
Архангельская область	0,43	0,37	0,25	0,33	0,33	76,7
Калининградская область	0,15	0,34	0,33	0,20	0,32	213,3
Республика Карелия	0,29	0,29	0,29	0,27	0,30	103,4
Республика Коми	0,31	0,38	0,41	0,33	0,30	96,8
Псковская область	0,32	0,32	0,27	0,19	0,26	81,3
Ленинградская область	0,27	0,29	0,28	0,20	0,25	92,6
Мурманская область	0,28	0,26	0,32	0,25	0,25	89,3
Вологодская область	0,16	0,18	0,23	0,22	0,23	143,8

Источник: Культура, туризм и отдых в Псковской области. 2015: стат. сб. // Псковстат. – Псков, 2015. – С. 36.

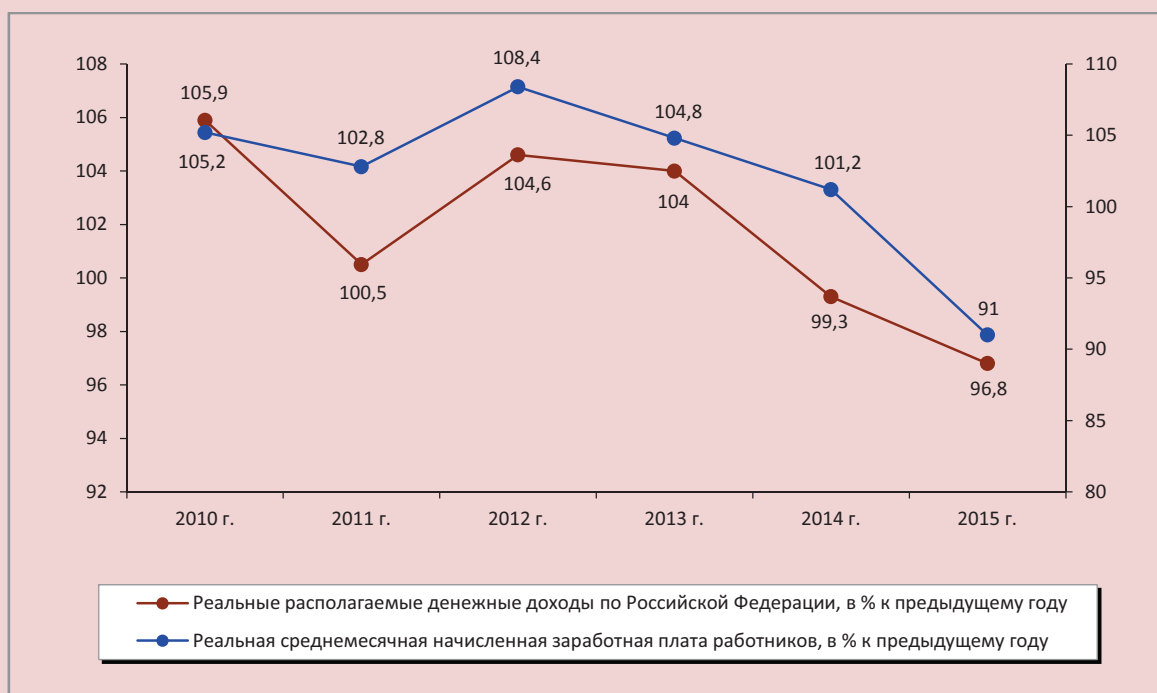
В то же время, как показал анализ коэффициента загрузки КСР, их заполняемость в СЗФО достаточно низкая – 0,36 (табл. 6). При этом за исследуемый период значение данного показателя в Архангельской, Псковской, Ленинградской, Мурманской областях, Республике Коми уменьшилось.

Данный факт можно объяснить тем, что на рынке гостиничных услуг имеет место ситуация, которая характеризуется высокой конкуренцией со стороны предприятий, предоставляющих услуги проживания, и недостатком туристского продукта,

способного удовлетворить потребителей и, таким образом, задержать туриста в месте пребывания, загрузив гостиницы и аналогичные средства размещения. В большинстве субъектов СЗФО турфирмами предлагаются однотипные туры, основанные только на осмотре историко-культурных достопримечательностей.

Кроме того, растущий спрос населения РФ на услуги средств размещения тормозится сокращением его реальных денежных доходов и уровнем заработной платы. В течение 2012 – 2015 гг. отмечена тенденция к снижению данных показателей (рис. 2).

Рисунок 2. Динамика показателей, характеризующих уровень жизни населения РФ

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики РФ. – Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t5.doc; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_12kv.htm

Другой проблемой развития внутреннего туризма в регионе является несоответствие инфраструктуры мировым стандартам качества и уровня обслуживания. Так, например, здесь только половина всего дорожного полотна (53,3%) имеет качественное покрытие (табл. 7). Этот факт снижает транспортную доступность внутренних туристов к достопримечательностям региона.

Во многих субъектах Российской Федерации отсутствует система классификации гостиниц, пляжей, горнолыжных объектов и других туристических объектов, что влияет на качество предоставляемых услуг. Между тем классификация гостиничных предприятий является одним из важнейших механизмов управления качеством обслуживания, так как дает возможность объективно оценить уровень услуг, подтвердить их безопасность для потребителя [5].

Таким образом, развитие внутреннего туризма в Российской Федерации в целом и в Северо-Западном федеральном округе в частности сопряжено с определенными проблемами. Среди всех субъектов СЗФО Вологодская область характеризуется высоким культурно-историческим потенциалом, служащим для развития широкого спектра видов туристической деятельности.

В ходе анализа воздействия внешних факторов на развитие данного направления туристского рынка использовался метод PEST-анализа, который базировался на агрегировании результатов экспертного опроса. В состав группы экспертов вошли специалисты Департамента культуры и туризма Вологодской области, представители турфирм, занимающихся разработкой туров внутри региона, а также научные сотрудники ИСЭРТ РАН, представители

Таблица 7. Некоторые показатели качества автомобильных дорог за 2015 г.

Территория	Общая протяженность автодорог, км	Удельный вес автомобильных дорог общего пользования с усовершенствованным покрытием* в протяженности автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, %
Северо-Западный федеральный округ	142 080,9	53,3
г. Санкт-Петербург	3 412,1	92,5
Мурманская область	3 523,4	77,8
Калининградская область	8 671,8	70,5
Республика Коми	7 595,3	68,2
Ленинградская область	22 286,9	61,4
Новгородская область	14 877,6	55,3
Республика Карелия	10 761,8	50,5
Псковская область	22 773,7	43,5
Вологодская область	28 531,8	42,7
Архангельская область	19 646,5	33,9

* К автомобильным дорогам с усовершенствованным покрытием относятся дороги со следующими видами покрытия: цементобетонным, асфальтобетонным, из щебня и гравия, обработанных вяжущими материалами.

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики РФ. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/transport/

Таблица 8. Ранжирование наиболее значимых факторов внешней среды, оказывающих влияние на развитие внутреннего туризма Вологодской области

Фактор	К вл. 1*	К вл. 2*
<i>Политико-правовые факторы</i>		
Наличие программных документов развития сферы туризма	4,6	4,8
Совершенство законодательной базы в сфере туризма	5,1	5,1
Международная обстановка	5,8	4,1
<i>Экономические факторы</i>		
Уровень доходов населения	8,8	8,8
Уровень инфляции	9,0	8,0
Покупательная способность населения	9,3	8,3
Финансовое состояние туристских организаций	6,8	6,5
Доступность кредитов для предпринимателей	5,1	4,8
<i>Социальные факторы</i>		
Половозрастная характеристика туристов	6,6	6,0
Уровень образования и квалификации кадров индустрии туризма	8,0	8,3
Тенденция к дроблению отпускного времени	4,5	4,6
Численность населения страны	4,6	4,5
<i>Технологические факторы</i>		
Электронная коммерция, системы онлайн-бронирования	9,0	9,5
Развитие услуг сотовой связи и сети Интернет, распространение беспроводного Интернета (Wi-Fi)	7,5	7,8
Развитие платежных систем, применение мобильных платежей в сфере туризма	6,6	7,8
Инновационные технологии в индустрии туризма (транспорт, связь, автоматизированные системы управления и т.п.)	8,8	9,6

* К вл. 1 – действие факторов в ближайшей и среднесрочной перспективе (2016–2020 гг.);

* К вл. 2 – действие факторов в долгосрочной перспективе (2021–2030 гг.).

Источник: составлено автором.

высших учебных заведений Вологодской области, исследовательская деятельность которых направлена на изучение состояния, тенденций и перспектив развития туризма.

Результаты PEST-анализа, представляющие собой ранжированный ряд наиболее значимых факторов, включающих политические (Policy), экономические (Economy), социальные (Society) и технологические (Technology) аспекты внешней среды, воздействующих на развитие внутреннего туризма Вологодской области в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе, представлены в *таблице 8*.

Выводы и заключение. Проведенный PEST-анализ показал, что наибольшее влияние на развитие внутреннего туризма в ближайшей и долгосрочной перспективе будут оказывать экономические и технологические факторы. В связи с этим сформированы направления, реализация которых способствует наиболее эффективному развитию данного сегмента рынка в частности и региональному развитию в целом.

Основные задачи при реализации концептуальных направлений развития внутреннего туризма состоят в следующем.

1. Развитие приоритетных внутренних туристских продуктов, в том числе на основе использования развития электронной коммерции, систем он-лайн-бронирования, использовании инноваций. Это позволит увеличить конкурентоспособность туристского продукта региона, дифференцировать его среди аналогичных продуктов конкурентов.

Формирование приоритетных конкурентоспособных туристских продуктов должно основываться на развитии видов туристической деятельности, обеспечивающих рост потока внутренних туристов. Так, например, к числу таких видов туризма относится событийный туризм.

2. Формирование спроса на внутренний туристский продукт, услугу исходя из сложившихся и перспективных потребностей населения в отдыхе и соответствие его требованиям потенциальных потребителей.

Реализовать данное направление возможно за счет использования маркетингового подхода, в частности целевого маркетинга, который предполагает разработку определенного туристского продукта для определенного сегмента потребителей. Во-первых, региональным туристским администрациям необходимо на постоянной основе проводить маркетинговые исследования для выявления потребительских предпочтений потенциальных туристов и последующей сегментации рынка услуг внутреннего туризма. Во-вторых, целесообразно разработать информационную кампанию для рекламы туристских ресурсов региона и формирования среди населения желания путешествовать внутри страны. В-третьих, для повышения качества предоставляемых услуг предлагается формирование региональных стандартов гостеприимства, которые позволят региону создавать имидж и репутацию «гостеприимной территории» как в глазах туриста, так и в глазах местного населения. При этом создание подобного кодекса можно возложить на научные или образовательные организации региона.

3. Формирование доступного по цене предложения качественного внутреннего туристского продукта на базе существующих и перспективных туристских ресурсов региона. При реализации данного направления местным органам власти необходимо проводить политику, направленную на улучшение отношений с субъектами туристского бизнеса и включающую такие меры, как:

- предоставление льгот по налогообложению;

- предоставление гарантий при получении кредитов и займов;
- включение турфирм в региональные проекты по развитию туризма.

Таким образом, результаты данного исследования состоят в определении наибо-

лее эффективных направлений развития внутреннего туризма в регионе с учетом экономической турбулентности и могут быть использованы региональными органами власти при разработке соответствующих программ.

Литература

1. Анчукова, Н.В. Туризм в экономике региона [Текст] / Н.В. Анчукова, О.С. Москвина. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002. – 72 с.
2. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики [Текст] : учеб. для вузов. – 5-е изд. / А.Г. Гранберг. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 495 с.
3. Григоренко, Т.Н. Приоритеты в области развития внутреннего и въездного туризма России на современном этапе [Текст] / Т.Н. Григоренко, Л.Н. Казьмина // Вестник Национальной академии туризма. – 2015. – № 4. – С. 14–17.
4. Квартальнов, В.А. Туризм [Текст]: учебник / В.А. Квартальнов. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 320 с.
5. Кошелева, А.И. Туристско-рекреационный комплекс Крыма: проблемы и перспективы развития в переходный период / А.И. Кошелева // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 3. – С. 239–254.
6. Кружалин, В.И. Состояние российского туризма, проблемы и перспективы [Текст] / В.И. Кружалин, К.В. Кружалин, Н.В. Шабалина // Вестник Национальной академии туризма. – 2016. – № 1. – С. 10–13.
7. Макеева, Д.Р. Экономика туризма России на современном этапе: от выездного туризма к ориентированному на внутренний рынок [Текст] / Д.Р. Макеева // Вопросы региональной экономики. – 2015. – № 1. – С. 39–48.
8. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2016 / под ред. Л.Н. Овчаровой. – М.: НИУ ВШЭ, 2016.
9. Семенова, Е.В. Проблемы развития внутреннего туризма и некоторые пути их решения [Текст] / Е.В. Семенова, Н.В. Маслова // Вестник Национальной академии туризма. – 2016. – № 3. – С. 34–36.
10. Стратегические ориентиры экономического развития России [Текст] / Р.С. Гринберг, А.Я. Рубинштейн, Л.И. Абалкин, С.Ю. Глазьев, В.Л. Макаров [и др.]. – СПб. : Алетейя, 2010. – 664 с.
11. Стратегия развития туризма в Вологодской области [Текст] / В.А. Ильин, Ю.Н. Плеханов, Т.В. Ускова, С.А. Селякова, Л.В. Дубиничева, К.В. Марков, Е.Н. Богачева. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. – 187 с.
12. Татаркин, А.И. Оценка инвестиционных потребностей социально-экономического развития региона [Текст] / А.И. Татаркин, М.Р. Биматов // Журнал экономической теории. – 2010. – № 2. – С. 29–33.
13. Ускова, Т.В. Социально-экономический ресурс туризма [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Л.В. Дубиничева, В.С. Орлова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – 182 с.
14. Гулин, К.А. К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов / К.А. Гулин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4 (22). – С. 42–58.
15. Проблемы экономического роста территории [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова; под рук. Т.В. Усковой. – Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2013. – 170 с.
16. Черникова, Л.И. К вопросу переориентации на внутренний туризм [Текст] / Л.И. Черникова, Г.Р. Фаизова // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2016. – С. 52–60.
17. American Express Spending & Saving Tracker [Electronic resource]. – Available at: <http://about.americanexpress.com/news/sst>
18. Economic Impact of Travel & Tourism 2015 [Electronic resource]. – Available at : <http://www.wttc.org/research/economic-research/economic-impact-analysis>
19. Falk, J. H., Travel and learning: Aneglected tourism research area [Text] / J. H. Falk, R. Ballantyne, J. Packer, P. Benckendorff // Annals of Tourism Research. – 2012. – № 39. – Pp. 908–927.
20. International tourism [Electronic resource]. – Available at : <http://www.worldbank.org/en/country/russia>
21. Antonakakis, N. Tourism and economic growth: Does democracy matter? [Text] / N. Antonakakis, M. Dragouni, V. Eeckels, G. Filis // Annals of Tourism Research. – 2016. – № 39. – Pp. 231–267.

Сведения об авторах

Екатерина Георгиевна Леонидова – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leo_leg_8509@mail.ru)

Leonidova E.G.

Domestic Tourism Development in a Region

Abstract. Tourism is a sector which has a significant impact on the socio-economic development of territories. This type of national economic activity is characterized by a multiplier effect, generating incomes in related economic sectors. Among all types of tourism, the key role belongs to domestic tourism as the main source of income from tourist activities. Russian regions, domestic tourism is poorly developed due to imperfect infrastructure of the sector, lack of correlation between prices for tourism products and their quality, and lack of qualified personnel. In recent years, external factors are of particular significance for this sector; they include turbulent geopolitical situation in some countries, crisis phenomena in the economy, ban on travelling to popular foreign resorts for Russian citizens. The issues of domestic tourism development are reflected in works by D.R. Makeeva, E.V. Semenova, N.V. Maslova, L.I. Chernikova, G.R. Faizov. The purpose for the research is to study directions for domestic tourism development in the region taking into account the influence of external factors. The author uses scientific methods of comparison, generalization, analysis, synthesis, PEST-analysis, and the method of expert survey. Statistical data analysis helped reveal the reduction in the number of Russians' tourist trips and a simultaneously increasing demand for hotel services in the country. It has been revealed that the currently available tourism potential helps develop a wide range of types of domestic tourism. The reasons hindering domestic tourism development are lack of tourism products in the region which would attract domestic tourists; inadequate tourist infrastructure and the population's lack of funds for tourist trips. In conclusion, based PEST-analysis, the author specifies directions which ensure efficient domestic tourism development in the region, taking into account the economic and geopolitical situation.

Key words: tourism, domestic tourism, region, economy.

References

1. Anchukova N.V., Moskvina O.S. *Turizm v ekonomike regiona* [Tourism in region's economy]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2002. 72 p. (In Russian).
2. Granberg A.G. *Osnovy regional'noi ekonomiki: ucheb. dlya vuzov* [Basics of regional economy: textbook for higher education institutions]. 5th edition. Moscow: GU VShE, 2006. 495 p. (In Russian).
3. Grigorenko T.N., Kaz'mina L.N. *Prioritety v oblasti razvitiya vnutrennego i v'ezdnoogo turizma Rossii na sovremennom etape* [Priorities in domestic and inbound tourism development in Russia at the present stage]. *Vestnik natsional'noi akademii turizma* [Bulletin of National Tourism Academy], 2015, no. 4, pp. 14–17. (In Russian).
4. Kvar'tal'nov V.A. *Turizm: uchebnyk* [Tourism: textbook]. Moscow: Finansy i statistika, 2002. 320 p. (In Russian).
5. Kosheleva A.I. *Turistsko-rekreatsionnyi kompleks Kryma: problemy i perspektivy razvitiya v perekhodnyi period* [Tourist and recreational complex of Crimea: problems and prospects of development in the transition period]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: economics and sociology], 2015, no. 3, pp. 239–254. (In Russian).
6. Kruzhalin V.I., Kruzhalin K.V., Shabalina N.V. *Sostoyanie rossiiskogo turizma, problemy i perspektivy* [Current state, problems and prospects of Russian tourism]. *Vestnik natsional'noi akademii turizma* [Bulletin of National Tourism Academy], 2016, no. 1, pp. 10–13. (In Russian).

7. Makeeva D.R. *Ekonomika turizma Rossii na sovremennom etape: ot vyezdnogo turizma k orientirovannomu na vnutrennii rynek* [Russian tourism economy at the present stage: from outbound to the internal focus on the domestic market]. *Voprosy regional'noi ekonomiki* [Problems of regional economy], 2015, no. 1, pp. 39–48. (In Russian).
8. Ovcharova L.N. (Ed.). *Naselenie Rossii v 2016 godu: dokhody, raskhody i sotsial'noe samochuvstvie. Monitoring NIU VShE. Iyul' 2016* [Russian population in 2016: income, expenditures and social well-being. Moscow Higher School of Economics Monitoring. July 2016]. Moscow: NIU VShE, 2016. (In Russian).
9. Semenova E.V., Maslova N.V. *Problemy razvitiya vnutrennego turizma i nekotorye puti ikh resheniya* [Problems of domestic tourism development and some ways of their solution]. *Vestnik natsional'noi akademii turizma* [Bulletin of National Tourism Academy], 2016, no. 3, pp. 34–36. (In Russian).
10. Grinberg R.S., Rubinshtein A.Ya., Abalkin L.I., Glaz'ev S.Yu., Makarov V.L. et al. *Strategicheskie orientiry ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Strategic benchmarks of Russia's economic development]. Saint-Petersburg: Aleteiya, 2010. 664 p. (In Russian).
11. Ilyin V.A., Plekhanov Yu.N., Uskova T.V., Selyakova S.A., Dubinicheva L.V., Markov K.V., Bogacheva E.N. *Strategiya razvitiya turizma v Vologodskoi oblasti* [Tourism development strategy in the Vologda Oblast]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2009. 187 p. (In Russian).
12. Tatarkin A.I., Bimatov M.R. *Otsenka investitsionnykh potrebnosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona* [Assessment of investment needs of the region's socio-economic development]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian journal of economic theory], 2010, no. 2, pp. 29–33. (In Russian).
13. Uskova T.V., Dubinicheva L.V., Orlova V.S. *Sotsial'no-ekonomicheskii resurs turizma: monografiya* [Socio-economic tourist resources: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2011. 182 p. (In Russian).
14. Gulin K.A. *K voprosu o sotsial'no-ekonomicheskoi modernizatsii rossiiskikh regionov* [On the issue of socio-economic modernization of Russian regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2012, no. 4 (22), pp. 42–58. (In Russian).
15. Lukin E.V., Vorontsova T.V., Smirnova T.G. *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii: monografiya* [Problems of territories' economic growth: monograph]. Under academic supervision of Uskova T.V. Vologda: In-t sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii RAN, 2013. 170 p. (In Russian).
16. Chernikova L.I., Faizova G.R. *K voprosu pereorientatsii na vnutrennii turizm* [On the re-focusing on domestic tourism]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial Analytics: Science and Experience], 2016, pp. 52–60. (In Russian).
17. *American Express Spending & Saving Tracker*. Available at: <http://about.americanexpress.com/news/sst>
18. *Economic Impact of Travel & Tourism 2015*. Available at: <http://www.wttc.org/research/economic-research/economic-impact-analysis>
19. Falk J. H., Ballantyne R., Packer J., Benckendorff P. *Travel and learning: Aneglected tourism research area*. *Annals of Tourism Research*, 2012, no. 39, pp. 908–927.
20. *International tourism*. Available at: <http://www.worldbank.org/en/country/russia>
21. Antonakakis N., Dragouni M., Eeckels B., Filis G. *Tourism and economic growth: Does democracy matter?* *Annals of Tourism Research*, 2016, no. 39, pp. 231–267.

Information about the Author

Ekaterina Georgievna Leonidova – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leo_leg_8509@mail.ru)

Статья поступила 07.02.2017.

Сельскохозяйственное консультирование в системе инновационного развития аграрного сектора северного региона

**Елена Валентиновна
ИВАНОВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: ivanova@iespn.komisc.ru

Аннотация. Формирование и развитие аграрного консультирования в северных и арктических территориях потребует учета особенностей функционирования здесь сельского хозяйства. В статье рассмотрены сущность, специфические черты сельскохозяйственного консультирования. Предложено авторское определение соответствующей службы. Обоснованы социально-экономические предпосылки создания системы сельскохозяйственного консультирования. Показана ключевая роль данной системы в освоении и трансфере инноваций в аграрный сектор. Исследованы региональные особенности формирования информационно-консультационной службы в сельском хозяйстве Республики Коми, обусловленные сложившимися типами аграрных структур, обеспеченностью кадровым и научно-образовательным потенциалом, инновационной активностью сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств. Проанализировано современное состояние деятельности консультационной службы, выявлены факторы, сдерживающие ее развитие. С целью увеличения охвата сельхозтоваропроизводителей и сельского населения информационно-консультационным обслуживанием, распространения инноваций для средних и малых форм аграрных структур разработаны направления развития системы сельскохозяйственного консультирования. Предложена схема размещения и обслуживания межмуници-

Для цитирования: Иванова, Е.В. Сельскохозяйственное консультирование в системе инновационного развития аграрного сектора северного региона / Е.В. Иванова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 284-300. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.16

For citation: Ivanova E.V. Agricultural consulting in the system of innovative agriculture development of the north. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, volume 10, no. 2, pp. 284-300. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.16

пальных центров сельскохозяйственного консультирования, их обеспеченности специалистами и финансовыми ресурсами. Определены функции головного центра и межмуниципальных консультационных служб. Обоснованы приоритетные направления участия службы сельскохозяйственного консультирования в освоении и трансфере инноваций в аграрное производство. Результаты исследования могут быть использованы Минсельхозпродом Республики Коми для организации службы сельскохозяйственного консультирования на региональном и муниципальном уровнях, а также при реализации мероприятий по повышению инновационной активности сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств северного региона.

Ключевые слова: сельскохозяйственное консультирование, предпосылки востребованности консультационных услуг, инновационное развитие, особенности формирования, состояние и направления развития аграрного консультирования, Республика Коми.

Стратегия инновационного развития аграрного сектора экономики является решающей в современных условиях. Инновационное развитие невозможно без формирования инновационной системы аграрного сектора и его ключевого звена – сельскохозяйственного консультирования. Консультационные службы, тесно взаимодействующие с другими субъектами инновационной системы, служат эффективным инструментом освоения и трансфера инноваций в аграрный сектор. Мировой опыт свидетельствует, что около 60–80% сельхозтоваропроизводителей в состоянии освоить новшества с помощью службы сельскохозяйственного консультирования [8].

Создание системы аграрного консультирования требует учета специфических особенностей развития сельского хозяйства различных регионов страны, связанных с природными, экономико-географическими, социально-экономическими условиями и факторами. Она не может быть одинакова для всех субъектов Федерации. Механический перенос модели организации службы сельскохозяйственного консультирования с регионов с развитым сельским хозяйством в районы Севера и Арктики не даст положительных результатов. Здесь, в силу особенностей функционирования агропромышленного хозяйства,

формирование и развитие системы аграрного консультирования будет существенно различаться.

В связи с этим разработка путей формирования и развития системы сельскохозяйственного консультирования для северных и арктических территорий со сложными условиями ведения аграрного производства является весьма актуальной задачей. Именно с позиций повышения роли аграрного консультирования в активизации инновационной деятельности сферы сельского хозяйства автор рассматривает вопросы развития информационно-консультационной службы в Республике Коми.

Консультирование, по свидетельству ученых, существовало очень давно – ещё в Месопотамии, Египте, Греции и Финикии. В развитом виде консультационная деятельность как процесс оказания фермерам консультационных услуг сформировалась на Западе в 1950–1960-е гг. Основной причиной возникновения служб сельскохозяйственного консультирования был кризис сельского хозяйства, которое не могло самостоятельно, без государственной поддержки, перейти на эффективный путь развития [7, с. 40].

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), сельскохозяйственные консультационные службы успешно развиваются

в 113 странах мира, в них работают более 550 тыс. специалистов-консультантов [15]. Россия является одной из первых стран, где зародилось сельскохозяйственное консультирование. Консультационное обслуживание прошло долгий путь развития, основные его этапы связаны с развитием сельскохозяйственной науки и образования. Рассматривая историю развития информационно-консультационной службы (ИКС) в дореволюционной России, голландский ученый А.В. Ван Ден Бан отметил: «Создается впечатление, что в то время ИКС в России была на самом высоком уровне в мире» [17].

В 1913 г. в российской системе сельскохозяйственного консультирования работали 9 тыс. служащих. Их главной задачей было оказание помощи единоличному крестьянину.

Первые теоретико-практические разработки сельскохозяйственного консультирования (общественной агрономии) связаны с именем выдающего русского ученого А.В. Чаянова. Он считал, что задачами сельского консультирования являются ускорение и рационализация стихийно совершающейся эволюции сельского хозяйства в сторону большого соответствия изменяющимся условиям. По мнению А.В. Чаянова, сельский консультант может быть назван организатором и проводником совершающегося развития сельского хозяйства. Желая создать новое земледелие, консультант создает новую человеческую культуру, новое народное сознание [10, с. 14]. Идеи А.В. Чаянова, основоположника научных подходов к сельскохозяйственному консультированию, широко используются во всем мире.

К сожалению, в нашей стране развитие этого направления работ было прервано на многие годы. Только в 1993 г. Министерство сельского хозяйства и продовольствия

Российской Федерации начало заново восстанавливать информационно-консультационную службу.

К наиболее значительным работам зарубежных исследователей в области теории и методологии сельскохозяйственного консультирования можно отнести труды А.В. Ван Ден Бана, Х. Хавкинса [18], Ю. Кристенсена, Д. Педерсена, Б. Якобсена [12], Ф. Хоффмана [14] и др. Существенный вклад в разработку научных основ развития системы сельскохозяйственного консультирования в постсоветский период внесли отечественные экономисты-аграрники. Некоторые определения понятия консультирования приведены *в таблице*.

Процесс консультирования представляет взаимодействие консультанта и клиента для решения возникших проблем и осуществления изменений, приносящих эффект сельхозтоваропроизводителям. Пользователями консультационных услуг являются сельскохозяйственные и агропродовольственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, сельское население (владельцы личных подсобных хозяйств, садоводы-огородники), органы государственного управления АПК и местного самоуправления.

В современных условиях система аграрного консультирования служит основным инструментом трансферта инноваций от производителей новшеств до сельхозпотребителей. С помощью консультационной службы идет распространение информации об инновациях посредством выпуска специальной литературы, информирования через Интернет, радио и телевидение, проведения обучающих мероприятий. Консультанты-специалисты демонстрируют новые знания, новые технологии на опытных полях и фермах, реализуют инновационные проекты в аграрном производстве.

Определение понятия «сельскохозяйственное консультирование»

Авторы, источник	Определение
Демишкевич Г.М. [2, с. 14]	Сельскохозяйственное консультирование – это деятельность консультантов по оказанию профессиональных консультационных услуг, носящих рекомендательный характер и помогающих сельским товаропроизводителям и населению в реализации целей и задач путем размещения проблем различного характера, выявления и использования новых возможностей, внедрения изменений и обучения.
Козлов В.В. [3, с. 77]	Консультирование представляет собой особый вид информационной, проектной и обучающей деятельности, связанной с выработкой и принятием решений, в процессе которой консультант оказывает методологическую и практическую поддержку клиенту, побуждает его к целесообразным и решительным действиям по ликвидации возникших или назревающих проблем.
Михайленко И.М. [5, с. 16]	Извлечение из системы сложившихся знаний и информационных фондов актуальной информации, являющейся комбинацией этих информационных источников, это и есть суть информационно-консультационного обслуживания клиентов.
Организационно-экономические аспекты... [7, с. 15]	Систему сельскохозяйственного консультирования мы определяем как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих структурных элементов (субъектов), осуществляющих решение задач по оказанию консультационной помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям и сельскому населению, функционально объединенных в единую систему, основу которой составляют центры сельскохозяйственного консультирования на федеральных, региональных и районных уровнях.
Цит. по: Веселовский И.Я. [1, с. 7]	По мнению Джона Рассела, сельскохозяйственная служба консультирования может быть определена как представление знаний и навыков, необходимых фермерам для освоения и применения более эффективных методов в растениеводстве и животноводстве с целью повышения продуктивности и улучшения жизненных стандартов.
Цит. по: Консультирование в сфере агробизнеса... [4, с. 94-95]	К.Н. Фишер считает, что служба консультирования и обучения фермеров ставит своей задачей передачу информации и практических навыков с целью более эффективного использования имеющихся ресурсов.
Хилек К.Е. [9, с. 89]	Информационно-консультационная служба в сельском хозяйстве рассматривается как форма государственного участия в его развитии и преобразовании сельских территорий.
Greiner L.E., Metzger R.O. [13, p.37]	Управленческое консультирование – это консультационная служба, работающая по контракту и оказывающая услуги организациям с помощью специально обученных квалифицированных лиц, которые помогают организации-заказчику выявить управленческие проблемы, проанализировать их, дают рекомендации по решению этих проблем и содействуют, при необходимости, выполнению решений.
Steele F. [16, p.9]	Под процессом консультирования я понимаю любую форму оказания помощи в отношении содержания, процесса или структуры задачи или серии задач, при которой консультант сам не отвечает за выполнение задачи, но помогает тем, кто ответствен за это.
Van Den Ban A.W., Hawkins H.S. [18, p.10]	Сельскохозяйственная служба консультирования – это сознательное использование информации с целью помочь людям выработать правильное мнение и выполнить надлежащее решение.

Обобщая существующие определения сельскохозяйственного консультирования, учитывая его роль и место в активизации инновационной деятельности, можно дать следующую формулировку. Аграрное консультирование – деятельность консультантов по оказанию услуг, необходимых сельхозтоваропроизводителям и сельскому населению для освоения новых знаний, новых технологий, селекционно-генетических, маркетинговых, организационно-экономических и социально-экологических инноваций, получения экономического, социального и экологического эффекта.

Необходимость создания системы аграрного консультирования вызвана следующими причинами.

1. Дефицит и отток квалифицированных специалистов из аграрного сектора. Если в конце 1980-х гг. в Республике Коми на один совхоз приходилось в среднем 11 специалистов с высшим и 28 специалистов со средним профессиональным образованием, то в настоящее время на одну сельхозорганизацию приходится только три специалиста с высшим и четыре – со средним профессиональным образованием. До рыночных реформ каждый пятый работавший в сельском хозяйстве имел высшее и

среднее специальное образование. Из числа специалистов с высшим образованием 36% имели специальность инженера, 57 – агронома, 45 – зоотехника, 41 – ветврача, 67% – экономиста. Специалисты фактически выполняли роль консультантов как носители информации о новшествах, оказывали практическое содействие по их освоению в растениеводстве и животноводстве. В предреформенный период 84% руководителей сельхозорганизаций имели высшее профессиональное образование и 16% – среднее, а на сегодняшний день – соответственно 45 и 34%. 21% руководителей не имеют высшего и среднего профессионального образования. Особенно низкий уровень профессионального образования выявлен среди руководителей и специалистов сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств сельской периферии. В то же время высшее профессиональное образование имеют 36% специалистов аграрных хозяйств и только 8% руководителей среднего звена.

2. Деградация ресурсного потенциала и необходимость инновационной модернизации сельского хозяйства. В большинстве сельских районов республики основные фонды изношены на 70–80%. В аграрном секторе разрушена осушительная мелиорация, резко упало внесение удобрений, что привело к превышению выноса питательных веществ из почвы над их возвратом.

Инновационную деятельность осуществляют лишь 10% агропродовольственных организаций. В большинстве их, как и фермерских хозяйств, преобладают примитивные методы и технологии, применяются устаревшие сорта растений и породы скота, несовершенные формы организации и управления. Самым плохим состоянием инновационных процессов характеризу-

ются сельхозорганизации периферийных районов. Анкетный опрос¹, проведенный автором в 2014 г., показал следующие результаты в сферах: селекционно-генетических инноваций – «очень плохие» (24,9%), «плохие» (33,3), «средние» (41,8); технико-технических: «плохие» (20,2), «средние» (60,7), «хорошие» (19,1); организационно-экономических и управленческих инноваций – «очень плохие» (32,6), «плохие» (38,3), «средние» (29,1%).

Аналогичная ситуация с освоением инноваций и в других субъектах Европейского Севера. В Вологодской области ежегодно осваивали новые технологии лишь 7,7% сельхозорганизаций, использовали прогрессивную технику – 9,6%, улучшенные сорта растений, гибриды и кроссы птицы – 21,2% [11, с. 55].

3. Неопределенность и быстро меняющаяся внешняя и внутренняя среда (вступление в ВТО, санкции, экономические кризисы, высокие темпы инфляции, постоянно изменяющиеся нормативно-правовые документы).

4. Ослабление органами управления АПК усилий по распространению научных знаний и освоению инноваций. В дореформенный период в Министерстве сельского хозяйства Республики Коми было специальное подразделение, обеспечивавшее взаимосвязь с научно-внедренческими учреждениями и аграрными предприятиями, пропаганду достижений науки и передового опыта. Министерство финансировало мероприятия по инновационной деятельности в рамках плана внедрения дости-

¹ Опросом было охвачено почти ¾ всех руководителей и специалистов сельхозорганизаций и крестьянских (фермерских) хозяйств. На долю руководителей с высшим образованием приходилось 55%, со средним специальным – 48%. Общие черты выборочной совокупности свидетельствуют о том, что полученные данные достаточно объективно отражают процессы и проблемы инновационного развития.

жений науки и передовой практики, оказывало аграрным предприятиям целевую государственную поддержку.

5. Трудности, испытываемые сельскими товаропроизводителями в получении информации о селекционно-генетических, технологических, организационно-экономических, маркетинговых и социально-экологических инновациях, а также о передовом производственном опыте.

6. Незрелость аграрной инновационной инфраструктуры. Сейчас в сельском хозяйстве нет научно-производственного объединения, разрушены опытно-производственные хозяйства НИИ, отсутствуют инновационно-технологические центры, технопарки и бизнес-инкубаторы в научно-образовательном секторе.

В сложившейся социально-экономической ситуации система сельскохозяйственного консультирования является эффективным инструментом оказания разнообразных услуг сельхозтоваропроизводителям и сельскому населению, распространения знаний, освоения инноваций, повышения эффективности производства.

В настоящее время система сельскохозяйственного консультирования в России включает федеральный, региональный и районный (межрайонный) уровни. Квалифицированную консультационную помощь сельхозтоваропроизводители и сельские жители могут получить в 60 субъектах Федерации, где функционируют 73 региональных и более 0,5 тыс. районных организаций сельскохозяйственного консультирования. Анализ организационно-правовых форм региональных центров сельскохозяйственного консультирования свидетельствует о преобладании государственных учреждений (47%). Доля консультационных центров при образовательных учреждениях составляет 35%, кон-

сультационных некоммерческих организаций – 8%, частных консультационных организаций – 7%, консультационных организаций в составе органов управления АПК – 3%.

Менее всего развиты службы консультирования в северных и арктических территориях с экстремальными условиями ведения сельскохозяйственного производства и аграрными особенностями. Из шести регионов Европейского Севера центры сельскохозяйственного консультирования созданы лишь в Карелии и Коми.

В зоне Севера формирование системы сельскохозяйственного консультирования имеет свои особенности. Здесь аграрный сектор не занимает доминирующего положения в экономике. На его долю в Республике Коми приходится 1,4% валового регионального продукта, 0,4% инвестиций в основной капитал, 1,2% среднегодовой численности занятых в экономике. В отраслевой структуре сельского хозяйства преобладают молочно-мясное скотоводство, птицеводство, свиноводство и оленеводство. На долю животноводства приходится 68%, а растениеводства – 32% валовой продукции.

В общем объеме валового производства сельхозпродукции в 2015 г. на долю сельхозорганизаций приходилось 61%, хозяйств населения – 34%, крестьянских (фермерских) хозяйств – 5%. В сельских районах, кроме Сыктывдинского района (пригородного по отношению к Сыктывкару), практически отсутствуют крупные сельхозорганизации. Преобладающая доля в производстве картофеля (92%) и овощей (79%) сконцентрирована в личных подсобных хозяйствах, садоводстве и огородничестве. Хозяйства населения обеспечивают свыше половины (51%) объемов выращенного мяса крупного рогатого скота.

Большое значение при формировании и развитии системы сельскохозяйственного консультирования имеет наличие научно-образовательного потенциала, способного взаимодействовать с консультационной службой, степень активизации инновационной деятельности в агропродовольственном секторе. Республика Коми располагает существенным научным потенциалом. Вопросами научного обеспечения сельского хозяйства занимаются Научно-исследовательский институт сельского хозяйства РК, институты биологии, физиологии, химии, социально-экономических и энергетических проблем Севера и Вьелгортская научно-экспериментальная биологическая станция Коми научного центра УрО РАН, Научно-исследовательский институт «Комимелиоводхозпроект», два учебных заведения – Институт переподготовки и повышения квалификации работников АПК и Сыктывкарский лесной институт. Научные исследования по развитию аграрного сектора проводит 51 сотрудник, в том числе 25 кандидатов, а также 10 докторов наук, из которых пять докторов биологических наук, два – сельскохозяйственных, два – экономических, один доктор ветеринарных наук. В составе кандидатов наук: шесть – биологических, пять – сельскохозяйственных, пять – экономических и два – химических, один – технических и один кандидат географических наук.

Научные организации могут распространять через систему сельскохозяйственного консультирования информацию о новшествах с помощью печатной, видеопродукции, демонстрационных мероприятий, осуществлять консультирование специалистов службы при освоении инноваций, разработку, экспертизу и оценку эффективности инновационных проектов. Совместная работа специалистов информационно-консультационных служб с уче-

ными может быть направлена на использование в хозяйственной деятельности новых высокопродуктивных сортов растений, новых пород и типов скота, кроссов птицы, инновационных технологий в растениеводстве, молочном и мясном скотоводстве и оленеводстве, а также на разработку концепций и программ устойчивого развития аграрного сектора и сельских территорий на региональном и муниципальных уровнях.

В Коми в марте 2003 г. был создан республиканский информационно-консультационный центр как структурное подразделение Института переподготовки и повышения квалификации работников АПК. Сотрудники центра (состав которых колебался от 2 до 3 человек) совмещали консультационную деятельность с преподавательской работой, что снижало качество и объем оказанных услуг. С апреля 2013 г. функционирует информационно-консультационный отдел Минсельхозпрода Республики Коми. На муниципальном уровне аграрное консультирование отсутствует. Это сдерживает доступ жителей, особенно отдаленных мест, к информации и консультационным услугам.

В составе службы сейчас работают 6 консультантов-специалистов, среди них агроном, зоотехник, два экономиста, бухгалтер и юрист. Все консультанты имеют высшее образование и обеспечены компьютерами. Своих автомобилей информационно-консультационный центр не имеет, поездки в хозяйства и районы осуществляются транспортом гаража администрации Главы Республики Коми. Отдельного помещения у консультационной службы нет. Приборы и техника технологического назначения отсутствуют.

Финансирование деятельности службы аграрного консультирования осуществляется из бюджета Республики Коми. Феде-

ральный бюджет не выделяет средства на консультационное обслуживание сельхозтоваропроизводителей и сельского населения. Служба также не привлекает внебюджетные источники финансирования.

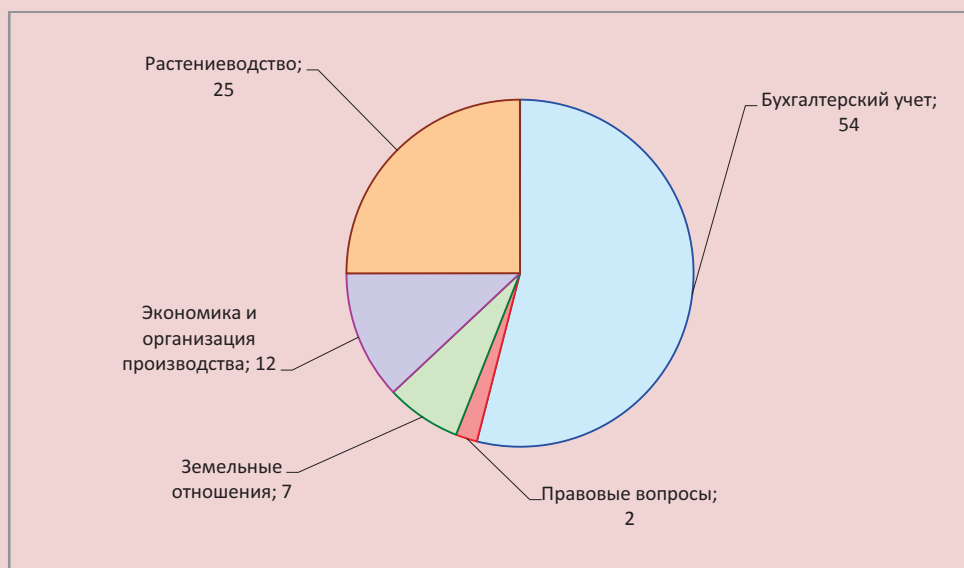
Количество консультационных услуг, оказанных информационно-консультационным отделом за 2013–2015 гг. сельхозтоваропроизводителям и сельскому населению, увеличилось на 74%, в том числе личным подсобным хозяйствам, садоводам и огородникам – в 6,3 раза. В 2015 г. консультационной службой оказано 595 услуг или около 100 на одного консультанта-специалиста. Основными пользователями услуг являются крестьянско-фермерские хозяйства и сельхозорганизации. На их долю приходилось соответственно 48 и 28% консультационных услуг.

Как показал анализ, наиболее востребованы услуги в области бухгалтерского учета и растениеводства (рис. 1).

За период своей работы консультанты-специалисты подготовили и выпустили шесть наименований методической и рекомендательной литературы по вопросам государственной поддержки сельхозпроизводителей и налогообложения – для крестьянско-фермерских хозяйств, индивидуальных предпринимателей и сельхозорганизаций, а также по вопросам технологии заготовки кормов, содержания и кормления коров, организации и технологии мясного скотоводства, ведения тепличного хозяйства – для малых форм хозяйствования.

С целью изучения состояния, ограниченный информационно-консультационного обеспечения аграрного сектора и улучшения деятельности в этой сфере автором в 2014 г. проведен опрос среди руководителей и специалистов сельхозорганизаций и крестьянских (фермерских) хозяйств. Всего было опрошено 18 руководителей и

Рисунок 1. Структура консультационных услуг информационно-консультационного отдела Республики Коми по направлениям деятельности в 2015 г., %

Источник: данные информационно-консультационного отдела.

20 специалистов из 18 сельхозпредприятий и 42 руководителя крестьянско-фермерских хозяйств. Социологическим обследованием было охвачено 82% сельхозорганизаций и 79% крестьянских (фермерских) хозяйств.

Анализ результатов анкетирования показал следующее:

— на вопросы анкеты ответили преимущественно руководители средних и малых предприятий и крестьянско-фермерских хозяйств; практически не откликнулись руководители крупных аграрных предприятий, видимо, не нуждающиеся в услугах консультационной службы;

— в основном информацию (почти половину) респонденты получают от специалистов Минсельхозпрода РК, отделов сельского хозяйства районов и городов, а также на семинарах, совещаниях и при прохождении обучения; почти 2/3 опрошенных не обращались за информацией к научно-исследовательским и образовательным учреждениям, в отношении которых были высказаны пожелания об улучшении качества оказываемых услуг;

— наибольшим интересом у сельхозпроизводителей пользуется информация о спросе на аграрную продукцию и ее ценах на локальных и региональных рынках, ценах на материально-технические ресурсы, новых технологиях, селекционно-генетических инновациях, о действующих нормативно-правовых актах; респонденты согласны оплачивать консультационные услуги по внедрению инноваций, разработке бизнес-планов, стратегии развития хозяйства, разработке и оценке инновационно-инвестиционных проектов, оказанию помощи в решении конкретных проблем;

— в ходе социологического опроса предпочтение отдано консультированию в хозяйстве, т.к. посещение специалистами

консультационной службы сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств требует больших финансовых и временных затрат;

— при изучении перспективных организационно-правовых форм информационно-консультационных служб респонденты отдали предпочтение службам в составе Минсельхозпрода республики и муниципальных отделов сельского хозяйства.

Оценка современного состояния сельскохозяйственного консультирования в Республике Коми позволяет отметить, что консультационная служба находится на начальном этапе своего развития. Она не занимается продвижением инновационных разработок в производство, обобщением и распространением передового производственного опыта, не оказывает влияния на формирование заказов для проведения прикладных исследований. У службы отсутствуют тесные связи с органами управления и обслуживания регионального АПК, научными и образовательными учреждениями.

Основными факторами, сдерживающими развитие консультационно-инновационной деятельности, являются следующие: отсутствие специального федерального закона «О сельскохозяйственном консультировании»; неуккомплектованность службы консультантами-специалистами по земельным отношениям, механизации в автоматизации производства, IT-технологиям, оценке эффективности бизнес-планов и инновационных проектов, управлению финансами, маркетингу; отсутствие на муниципальном уровне информационно-консультационных служб, что не позволяет обеспечить доступность консультационных услуг для сельхозтоваропроизводителей и сельского населения; отсутствие финансовой поддержки сельскохозяйственного

Головной центр в системе регионально-аграрного консультирования выполняет следующие основные функции: осуществляет тесное взаимодействие с федеральными структурами аграрного консультирования; обеспечивает межмуниципальные консультационные центры информацией о передовых технологиях, новых сортах культур и породах животных, маркетинговых инновациях, об инновационных проектах; формирует планы освоения новшеств, участвует в их реализации; готовит предложения для региональных и муниципальных органов управления АПК по формированию прикладных научных исследований; проводит семинары и совещания для сельхозтоваропроизводителей совместно с работниками научных и образовательных организаций по прогрессивным технологиям; осуществляет подготовку методической и рекомендательной литературы по проблемам инновационной деятельности; устанавливает связи сельхозтоваропроизводителей с работниками научных и образовательных учреждений по решению проблем, возникающих в аграрном производстве; принимает участие в организации выставок, демонстрационных полей и ферм для продвижения новых технологий и передового опыта.

Основными видами деятельности муниципальных консультационных центров являются: оказание консультационной помощи сельхозтоваропроизводителям и населению, проведение экономического анализа деятельности сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств, оказание им помощи в разработке бизнес-планов, установление взаимосвязей с сельскими администрациями по организации консультирования жителей.

Применение новой региональной структуры аграрного консультирования позволит увеличить охват сельхозтоваро-

производителей и сельского населения информационно-консультационным обслуживанием, сделать доступным консультирование и распространение инноваций для средних и малых форм аграрных структур, возможность своевременного обращения за информацией и консультационными услугами сельских жителей периферийных территорий, повысить уровень координации и интеграции службы с аграрной наукой, образованием и сельскими производителями.

Исследование организационных форм сельскохозяйственного консультирования за рубежом и в нашей стране свидетельствует о применении различных моделей служб. Для Республики Коми на период становления службы аграрного консультирования следует сохранить ее в системе управления АПК. По мере ее развития целесообразно создание автономного учреждения.

Для развития системы сельскохозяйственного консультирования предстоит укрепить ее специалистами-консультантами. Схема кадрового обеспечения службы показана на *рисунке 3*.

Формирование предлагаемой системы сельскохозяйственного консультирования потребует значительного увеличения финансовых средств — в 5 раз по сравнению с уровнем 2015 года. Финансирование деятельности служб сельскохозяйственного консультирования из средств государственного бюджета разрешено без каких-либо ограничений ВТО, так как входит в «зеленую корзину». Введение льготных платных индивидуальных услуг целесообразно по мере завершения процесса формирования и дальнейшего развития системы сельскохозяйственного консультирования, создания условий для устойчивого развития аграрного сектора.

Рисунок 3. Структура и состав службы сельскохозяйственного консультирования Республики Коми

Для расширения доступа к информации и консультационным услугам сельхозтоваропроизводителей и сельского населения потребуется вовлечение сельских администраций. Их главы могут помочь организовать информационные уголки в библиотеках, помещениях сельских администраций, предоставить помещения для встречи сельских жителей с консультантами, прибывшими из центров аграрного консультирования, обеспечить связи владельцев личных подсобных хозяйств и семейных ферм с консультационными центрами, определить и обустроить базовые хозяйства, в которых можно демонстрировать передовой опыт.

Для развития инновационной деятельности региональной службе сельскохозяйственного консультирования предстоит укрепить связи с научно-образовательным сектором. Служба может подготавливать для научных организаций предложения о востребованных сельхозтоваропроизводителями прикладных научных исследо-

ваниях, формировать банк данных об инновационных проектах, информировать о них потенциальных потребителей – агропродовольственные предприятия и крестьянско-фермерские хозяйства, помогать в решении вопросов формирования инновационных проектов, рекомендовать инвесторов для их реализации. Приоритетные направления участия службы аграрного консультирования в освоении и трансферте инноваций в сельскохозяйственное производство показаны на *рисунке 4*.

Предлагаемые меры по формированию межмуниципальных центров консультирования, укреплению службы аграрного консультирования кадрами специалистов, финансовым обеспечением, совершенствованию форм взаимодействия службы с научными и образовательными учреждениями, повышению ее роли в освоении и трансферте инноваций дадут возможность активировать инновационную деятельность в сельском хозяйстве Республики Коми.

Рисунок 4. Схема участия региональной службы сельскохозяйственного консультирования в освоении инноваций

Изучение специфики формирования, состояния и развития аграрного консультирования в северном регионе позволяет сделать ряд выводов и предложений.

1. Дано авторское определение аграрного консультирования как вида деятельности консультантов по оказанию услуг, необходимых сельхозтоваропроизводителям и сельскому населению для освоения новых знаний, новых технических средств, интенсивных ресурсосберегающих технологий, селекционно-генетических, маркетинговых, организационно-экономических и социально-экологических инноваций с целью получения экономического, социального и экологического эффекта.

2. Необходимость создания системы сельскохозяйственного консультирования обусловлена: дефицитом и оттоком квалифицированных кадров из отрасли; ослаблением органами управления АПК уси-

лий по распространению научных знаний и освоению инноваций; трудностями, испытываемыми малыми и средними аграрными структурами в получении информации об инновационных технологиях и их внедрении в аграрное производство, неопределенностью и постоянно изменяющейся внешней и внутренней средой, неразвитостью аграрной инновационной инфраструктуры.

3. Формирование и функционирование сельскохозяйственного консультирования в районах Севера и Арктики имеет свою специфику, обусловленную природными, социально-экономическими факторами, сложившимися типами аграрных структур, обеспеченностью аграрного сектора кадровым и научно-образовательным потенциалом, инновационной активностью сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств.

4. Сельскохозяйственное консультирование в Республике Коми находится на начальном этапе развития. Основные направления деятельности службы связаны с консультированием, проведением обучающих мероприятий и изданием информационных материалов. Консультационная служба не занимается пропагандой и внедрением инновационных технологий, не участвует в формировании планов прикладных научных разработок, не установила тесных связей с органами управления и обслуживания регионального АПК, научным и образовательным сектором.

5. Анализ деятельности службы сельскохозяйственного консультирования позволил выявить факторы, сдерживающие ее развитие: неразвитость на муниципальном уровне системы аграрного консультирования; неуккомплектованность необходимыми специалистами-консультантами; недостаточное финансовое обеспечение; отсутствие нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность консульта-

ционных услуг; отсутствие тесных связей региональной консультационной службы с научными и образовательными учреждениями.

6. Обоснованы направления развития сельскохозяйственного консультирования, связанные с формированием межмуниципальных консультационных центров, кадровым обеспечением служб, с совершенствованием форм взаимодействия службы аграрного консультирования с субъектами инновационной системы.

Разработанная модель формирования системы сельскохозяйственного консультирования на примере Республики Коми, ориентированная на увеличение охвата сельхозтоваропроизводителей и сельского населения информационно-консультационным обслуживанием, распространение инноваций для средних и малых форм аграрных структур, повышение уровня координации и интеграции службы с аграрной наукой и образованием, найдет применение в других субъектах зоны Севера и Арктики.

Литература

1. Веселовский, М.Я. Информационно-консультационная служба АПК России (Вопросы теории и практики) [Текст] / М.Я. Веселовский. – М.: Росинформагротех, 2002. – 228 с.
2. Демишкевич, Г.М. Формирование и развитие системы сельскохозяйственного консультирования [Текст] / Г.М. Демишкевич. – М.: ФГУ РЦСК, 2009. – 296 с.
3. Козлов, В.В. Сущность и основные функции консультирования [Текст] / В.В. Козлов // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. – 2009. – № 1. – С. 32–41.
4. Консультации в сфере агробизнеса: учебное пособие [Текст] / под ред. А. Мицкевича и М. Фрайдина. – Щецин-Горки, 1999. – 95 с.
5. Михайленко, И.М. Информационно-консультационное обслуживание АПК: Практикум по организации и управлению [Текст] / И.М. Михайленко. – М.: Росинформагротех, 2000. – 194 с.
6. Михайловская, А.Л. Организация управленческого консультирования в агропромышленном комплексе региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук / А.Л. Михайловская. – Вологда, 2006. – 25 с.
7. Организационно-экономические аспекты развития инновационно-консультационной деятельности в агропромышленном комплексе России [Текст] / под ред. И.С. Санду, Г.М. Демишкевич. – М.: ВНИИЭСХ, 2013. – 148 с.
8. Савенко, В. Проблемы формирования механизма инновационного обеспечения АПК [Текст] / В. Савенко, И. Санду // АПК: экономика, управление. – 2013. – № 1. – С. 28–33.

9. Хилек, К.Е. Информационно-консультационная служба по сельскому хозяйству как инструмент политики развития сельского хозяйства и сельских регионов [Текст] / К.Е. Хилек // Опыт и проблемы функционирования информационно-консультационной службы АПК России: материалы Межд. научно-практ. конф. (24–24 ноября 1999 г.) – М.: Росинформагротех, 2000. – С. 79–91.
10. Чайнов, А.В. Основные идеи и методы работы Общественной Агрономии [Текст] / А.В. Чайнов. – Изд. 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Новая деревня, 1924. – 132 с.
11. Чекавинский, А.Н. Проблемы использования научно-технических достижений в сельском хозяйстве [Текст] / А.Н. Чекавинский, П.М. Советов. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 164 с.
12. Christensen, J. Okonomistyring i ladbruget, perspektiver for radgivingen / J. Christensen, D.E. Pedersen, B.H. Jacobsen. Business management on farms, perspectives for advisory services: Kobenhavn. 1989. – 176 p.
13. Greiner, L.E. Consulting to management / L.E. Greiner, R.O. Metzger. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1983.
14. Hoffman, V. Landwirtschaftliche Beratung wohin? Leitlinien und Gestaltungsprinzipien einer Organisationsreform des deutschen Land-wirtschaftlichen Beratungssystems. / V. Hoffmann. Agrarstrukturentwicklungen und Agrar-politikilMunster-Hiltrup, 1996.
15. Report of the global consultation on agricultural extension. Rome: FAO, 1990. – P. 43–76.
16. Steele, F. Consulting for organization change / F. Steele: Amherst, MA, University of Massachusetts, Press, 1975. – 256 p.
17. Van Den Ban, A.W. Forms and methjds of work of information-consulting servict in Russia. / A.W. Van Den Ban. Sd. Mater.Konf. По IKS – M., 1998. – 26 p.
18. Van Den Ban, A.W. Agricultural Extension. Second edition / A.W. Van Den Ban, H.S. Hawkins. – Second edition / Blackwell Science LTD. – Oxford, 1996. – 294 p.

Сведения об авторе

Елена Валентиновна Иванова – главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru)

Ivanova E.V.

Agricultural Consulting in the System of Innovative Agriculture Development of the North

Abstract. The formation and development of agricultural consulting in Northern and Arctic territories requires consideration of peculiarities of agriculture functioning. The article reviews the essence and specific features of agricultural consulting services. The author presents her definition of the relevant service, justifies the socio-economic background of the agricultural consulting system, explains the key role of this system in innovation development and transfer in the agricultural sector. The article studies the regional features of formation of information-consulting service in the agricultural sector of the Komi Republic influenced by types of agricultural structures, human and scientific-educational potential, innovative activity of agricultural enterprises and private farms. The author analyzes current activities of consulting services and factors constraining its development. To increase the coverage of the information-consulting service for agricultural producers and rural population, disseminate innovation for medium and small agricultural structures, the author has developed directions of the agricultural consulting system development and suggested the scheme of location and maintenance of inter-municipal

agricultural consulting centers, their provision with specialist and financial resources. The article reviews the functions of the home office and inter-municipal consulting services. It justifies priority directions of participation of agricultural consulting services in the development and transfer of innovation to agricultural production. The research results can be used by the Ministry of Agriculture and Food of the Komi Republic for establishing agricultural consulting services at the regional and municipal levels, as well as implementing measures for increasing innovation activity of agricultural enterprises and private farms of Northern regions.

Key words: agricultural consulting, prerequisites for demand for consulting services, innovative development, peculiarities of formation, state and directions of agricultural consulting development, Komi Republic.

References

1. Veselovskii M.Ya. *Informatsionno-konsul'tatsionnaya sluzhba APK Rossii (Voprosy teorii i praktiki)* [Information-consulting service of Russia's agro-industrial complex]. Moscow: Rosinformagrotekh, 2002. 228 p. (In Russian).
2. Demishkevich G.M. *Formirovanie i razvitie sistemy sel'skokhozyaistvennogo konsul'tirovaniya* [Formation and development of agricultural consulting system]. Moscow: FGU RTsSK, 2009. 296 p. (In Russian).
3. Kozlov V.V. Sushchnost' i osnovnye funktsii konsul'tirovaniya [Nature and basic functions of consulting]. *Vestnik Saratovskogo gosagrouniversiteta im. N.I. Vavilova* [Bulleting of Vavilov Saratov State Agricultural University], 2009, no. 1, pp. 32–41. (In Russian).
4. Mitskevich A., Fraidin M. (Eds.). *Konsul'tatsii v sfere agrobiznesa: uchebnoe posobie* [Consulting in agro-business: teaching guide]. Shchetsin-Gorki, 1999. 95 p. (In Russian).
5. Mikhailenko I.M. *Informatsionno-konsul'tatsionnoe obsluzhivanie APK: Praktikum po organizatsii i upravleniyu* [Information-consulting support of the agro-industrial complex: Organization and management practice]. Moscow: Rosinformagrotekh, 2000. – 194 s. (In Russian).
6. Mikhailovskaya A.L. *Organizatsiya upravlencheskogo konsul'tirovaniya v agropromyshlennom komplekse regiona: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Organization of management consulting in the region's agro-industrial complex: Ph.D. in Economics dissertation abstract]. Vologda, 2006. 25 p. (In Russian).
7. Sandu I.S., Demishkevich G.M. (Eds.). *Organizatsionno-ekonomicheskie aspekty razvitiya innovatsionno-konsul'tatsionnoi deyatel'nosti v agropromyshlennom komplekse Rossii* [Organizational and economic aspects of information-consulting activity development in Russia's agro-industrial complex]. Moscow: VNIIESKh, 2013. 148 p. (In Russian).
8. Savenko V., Sandu I. Problemy formirovaniya mekhanizma innovatsionnogo obespecheniya APK [Problems of formation of a mechanism of innovative support for the agro-industrial complex]. *APK: ekonomika, upravlenie* [Agro-industrial complex: economics, management], 2013, no. 1, pp. 28–33. (In Russian).
9. Khilek K.E. Informatsionno-konsul'tatsionnaya sluzhba po sel'skomu khozyaistvu kak instrument politiki razvitiya sel'skogo khozyaistva i sel'skikh regionov [Information-consulting agricultural service as a tool for the policy of development of agriculture and rural areas]. *Opyt i problemy funktsionirovaniya informatsionno-konsul'tatsionnoi sluzhby APK Rossii: materialy Mezhd. nauchno-prakt. konf. (24–24 noyabrya 1999 g.)* [Experience and problems of functioning of the information-consulting service of Russia's agro-industrial complex]. Moscow: Rosinformagrotekh, 2000. Pp. 79–91. (In Russian).
10. Chayanov A.V. *Osnovnye idei i metody raboty Obshchestvennoi Agronomii* [Main ideas and methods of Public Agriculture]. 3rd edition, revised and updated. Moscow: Novaya derevnya, 1924. 132 p. (In Russian).
11. Chekavinskii A.N., Sovetov P.M. *Problemy ispol'zovaniya nauchno-tekhnicheskikh dostizhenii v sel'skom khozyaistve* [Problems of using scientific and technical advances in agriculture]. Vologda: ISERT RAN, 2015. 164 p. (In Russian).

12. Christensen J., Pedersen D.E., Jacobsen B.H. Okonomistyring i ladbruget, perspektiver for radgivingen. *Business management on farms, perspectives for advisory services*, Kobenhavn, 1989. 176 p. (In Russian).
13. Greiner L.E., Greiner L.E., Metzger R.O. Consulting to management. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1983.
14. Hoffman V. *Leitlinien und Gestaltungsprinzipien einer Organisationsreform des deutschen landwirtschaftlichen Beratungssystems*. Munster-Hiltrup, 1996.
15. *Report of the global consultation on agricultural extension*. Rome: FAO, 1990. Pp. 43–76.
16. Steele F. *Consulting for organization change*. Amherst, MA, University of Massachusetts, Press, 1975. 256 p.
17. Van Den Ban A.W. *Forms and methods of work of information-consulting service in Russia*. Sd. Mater.Konf. Po IKS. Moscow, 1998. 26 p.
18. Van Den Ban A.W., Hawkins H.S. *Agricultural Extension*. Second edition. Blackwell Science LTD. Oxford, 1996. 294 p.

Information about the Author

Elena Valentinovna Ivanova – Engineer, Chief Research Associate, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation, e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 17.01.2017.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.17

Рецензия на коллективную монографию

**«Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические
и социокультурные тенденции и проблемы» /**
сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин. – М.: Весь Мир, 2016. – 360 с.

**Наталья Сергеевна
ОБОТУРОВА**
ВИПЭ ФСИН России
Вологда, Российская Федерация, 160002, ул. Щетинина, д. 2.

Тема модернизации стала особенно популярной на Западе в 60-е годы XX века, в России она была подхвачена в 1990-е годы. В обоих случаях преобладало скорее идеологизированное понимание модернизации как достижения «образцового» состояния общества, при этом «критерием выступал путь, пройденный Западом» [2, с. 17], с акцентом на достижении эффективной, конкурентоспособной экономики за счет новейших технологий. Очень скоро обнаружилась ограниченность подобного подхода, и возникла необходимость более глубокого и всестороннего осмысления модернизации, восполняющего недостаточность сведения ее к технико-техно-

логическим аспектам. Весьма своевременным и логичным для современного научного осмысления проблем модернизации стало издание «Атласа модернизации России и ее регионов...», задающего принципиально новый смысловой ракурс их понимания.

Проблемно-аналитический атлас является коллективным научным трудом, содержащим результаты исследований, выполненных его авторами на протяжении десяти лет. По замыслу его составителя и ответственного редактора Н.И. Лапина предлагаемое читателю издание представляет собой «опыт пространственной систематизации процессов и состояний, проблем и тенденций модернизации рос-

Для цитирования: Оботурова, Н.С. Рецензия на коллективную монографию «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» / Н.С. Оботурова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 301-307. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.17

For citation: Oboturova N.S. Review of the collective monograph “Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and issues: collective scientific work”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 301-307. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.17

сийских регионов и России в целом» [1, с. 6]. Обращение к исследованию таких сложных, многомерных объектов, перенасыщенных недостаточно понимаемыми сегодня проблемами, обусловило и выбор авторами столь оригинальной формы представления материала, как атлас.

Издание не является атласом в обыденном понимании его как собрания карт или альбома с изображением предметов, используемого в иллюстративных целях, хотя содержит множество цветных карт, графиков, аналитических таблиц, иллюстрирующих тенденции и проблемы модернизации в 2000–2012 годах. В атласе представлен уникальный материал, основанный на данных российской и международной статистики и социологических исследований, позволяющий сопоставить тенденции и проблемы модернизации в семи федеральных округах Российской Федерации и их регионах, определить стратегические цели и задачи развития, выработать необходимые управленческие решения и, что так же важно, задать направления дальнейшего научного исследования.

Применительно к настоящему изданию с полным основанием можно говорить о широком философском, эпистемологическом понимании атласа «как пространственно систематизированного представления данных об изучаемых объектах, которое значимо для их познания» [1, с. 6]. Кроме того, сведения и выводы, представленные в атласе, обладают большой практической значимостью и могут быть использованы для повышения эффективности деятельности всех субъектов модернизации. Отметим, что издания подобного рода очень редки, а применительно к анализу проблем модернизации российских регионов и России в целом такая фундаментальная и всесторонняя пространственная систематизация осуществляется впервые.

Вводный теоретико-методологический раздел, включающий две главы и дающий общую характеристику модернизации, ее компонент и тенденций, а также социокультурных вызовов, с которыми столкнулась российская модернизация, задает идейное и структурное единство работы, благодаря чему обеспечивается ее содержательная целостность. Особенностью работы является то, что в ней модернизация в современной России представлена комплексно, как многомерный цивилизационный процесс, с одной стороны, вписанный в контекст всемирной модернизации, с другой – имеющий специфику в различных федеральных округах и субъектах Российской Федерации. Модернизация не рассматривается лишь как переход от традиционного общества к современному, Н.И. Лапиным развивается более широкое ее понимание как всемирного цивилизационного процесса, требующего интегрального понимания и измерения.

Новизной и оригинальностью авторского подхода к пониманию модернизации является то, что она рассматривается вне идеологических ее интерпретаций, как «совокупность изменений, которые люди (индивиды и коллективные субъекты, сообщества) совершают, когда по собственной инициативе или вынужденно выбирают новые способы воздействия на объекты своей деятельности и на условия своей жизни – с целью ее улучшения» [1, с. 15]. Таким образом задается новый ракурс исследования модернизации, при котором она рассматривается как процесс, имеющий не только цивилизационное, но и общекультурное, и всечеловеческое значение. Н.И. Лапин подчеркивает, что основными функциями модернизации является «обеспечение безопасности сообщества (страны) и повышение благополучия, качества жизни людей, всего населения»

[1, с. 16], поэтому она жизненно важна для каждого человека, каждого социокультурного сообщества.

В первой главе дана краткая характеристика технико-технологической, социально-экономической, социокультурной и институционально-регулятивной компонент модернизации, показаны их основные особенности и противоречия на современном этапе общественного развития, описан инструментарий получения индикаторов и индексов модернизации. Взятый за основу авторами исследования инструментарий Центра исследований модернизации Академии наук Китая позволил измерить уровни модернизации всех российских регионов и федеральных округов на каждой стадии их модернизации. Адаптировав инструментарий китайских ученых к российским реалиям, ЦИСИ Института философии РАН сконструировал типологию комплексных состояний (типов) модернизированности в единстве стадий модернизации, их уровней и фаз в каждом регионе, с помощью которой была выявлена динамика распространения состояний модернизированности регионов, их иерархия и кластеризация. Поскольку состав индикаторов позволил измерить, в первую очередь, процессы социально-экономической и социокультурной модернизации и лишь косвенно судить о технико-технологической и институционально-регулятивной ее составляющих, авторы атласа сосредоточились на анализе процессов, проблем и тенденций именно социально-экономической и социокультурной модернизации в регионах и России в целом.

Основная идейная предпосылка, объединяющая авторов, состоит в утверждении целостного характера модернизации, взаимосвязанности всех ее компонент. Если же «та или иная компонента представлена явно недостаточно или, напротив,

доминирует над остальными, то комплексная модернизация может превратиться в *частичную квазимодернизацию*» [1, с. 25].

С позиций комплексного понимания модернизации как единства технико-технологической, социально-экономической, социокультурной и институционально-регулятивной компонент дана характеристика индустриальной и информационной стадий модернизации; показано, что в современном мире в глобальном масштабе одновременно совершаются обе стадии: 90 развивающихся стран осуществляют индустриальную стадию, около 40 развитых – информационную. В ряде стран, к которым принадлежит и Россия, одновременно совершаются обе стадии модернизации, каждая из которых находится в своей фазе и преобладает в разных регионах страны. Приоритетной для большинства стран, включая Россию, на нынешнем этапе истории является задача продолжения и завершения индустриализации, так как в начале нынешнего века Россия перестала быть одной из индустриально развитых стран. По мнению Н.И. Лапина, в начале нового столетия «возникла задача восстановления индустриальной базы обрабатывающей промышленности и всей экономики, обострилась потребность в модернизации общества в целом как способа решения фундаментальной проблемы современной России – проблемы нового цивилизационного выбора» [1, с. 33].

В атласе проблематизируется очень важная для понимания современных цивилизационных процессов тема неравномерности модернизации, подчеркивается, что в XXI веке она возрастет, а «конкуренция между странами будет крайне жесткой» [1, с. 19]. Об обострении проблемы свидетельствует и миграция населения из менее развитых стран в более развитые, и многочисленные попытки навязывания путей

развития одних цивилизаций в отношении других. Все это подтверждает, что в глобализирующемся мире слишком велика цена уклонения от модернизации, а первоочередной ее целью становится обеспечение безопасности страны, государственного суверенитета.

В атласе представлены и обобщены многочисленные статистические данные, свидетельствующие о том, что «в России неравномерность распределения числа регионов между вторичной, информационной и первичной, индустриальной стадиями в 2,5 раза острее, чем между странами мира» [1, с. 17]. Это принципиальное для понимания перспектив развития страны обстоятельство длительное время по разным причинам, в том числе и в силу отсутствия надежного инструментария для измерений, оставалось мало изученным. В этом смысле настоящее издание является серьезным и своевременным этапом в научном осмыслении проблемы и выработке стратегий регионального развития. Существование значительных различий между состояниями модернизированной макрорегионов представляет проблему, создающую реальные социально-политические риски, особенно опасные для приграничных субъектов Российской Федерации, каковыми являются 28 из 85, так как социальноэкономические и социокультурные различия между территориями создают почву для активизации национал-сепаратистских настроений. Необходим научный подход к анализу этой проблемы, предполагающий различение противоречий, обусловленных проблемами российского социума, и этноконфессиональных, культурных особенностей, укорененных в историко-культурном многообразии России. Как справедливо утверждает Н.И. Лапин, «социальные противоречия необходимо преодолевать, а культурные особенности, напротив, сле-

дует учитывать и использовать как один из ресурсов успешной модернизации России как государства и цивилизации» [1, с. 44].

Процесс осуществления модернизации зависит от пройденного пути, исторических тенденций, реального состояния страны, современных ценностей населения, но она важна для всех социокультурных сообществ, поэтому игнорирование или противодействие ее процессам может приводить к общественной стагнации и деградации. Огромную роль в осуществлении модернизации, по мнению Н.И. Лапина, играет целенаправленное воздействие со стороны государства и других политических сил, ибо при спонтанном развитии процесс модернизации «утрачивает необходимую комплексность, становится фрагментарным, несбалансированным, дисфункциональным, нередко сопровождается революционными потрясениями» [1, с. 19].

Во второй главе, посвященной анализу социокультурных вызовов модернизации, Л.А. Беляева отмечает, что некоторые проблемы российского общества имеют системный характер и могут восприниматься как вызовы или как потенциал развития «в зависимости от того, насколько поняты эти проблемы, а общество смогло перевести их в плоскость политико-социальных и экономических решений, определить целевые установки и этапы» [1, с. 45]. Анализируя влияние на модернизацию пространства как одного из таких вызовов, автор показывает, что эффективность государственных деятелей России массовое сознание всегда соотносило с расширением территории, дающим значительные и разнообразные природные ресурсы, которые всегда играли ключевую роль в развитии страны и восстановлении ее из кризисов. В атласе приводятся данные исследования, выполненного Всемирным банком, в соот-

ветствии с которыми в России природных ресурсов в расчете на душу населения в 2,2 раза больше, чем в США, в 5,2 раза больше, чем в Германии, в 3,4 раза больше, чем во Франции. Но в то же время Россия значительно (пятикратно) отстает от этих стран по созданному человеком богатству, и еще значительнее разрыв по показателям, характеризующим нематериальный капитал, таким как уровень и качество образования, медицинской помощи, эффективность институтов управления, предоставления государственных услуг и т.д.

Анализ материалов сравнительных исследований ресурсообеспеченных стран по уровню развития и качеству жизни населения показывает зависимость более высоких среднедушевых доходов, жизненного уровня и уровня социального развития от качества институциональной среды. Поэтому сегодня одна из самых актуальных и наиболее обсуждаемых проблем для России — «переключение с эксплуатации природных ресурсов на высокотехнологичные производства и информационные технологии, вступление в конкурентные отношения с развитыми странами мира по этим показателям» [1, с. 48], а также существенное реформирование институциональной среды и системы управления. Это позволит превратить большое пространство России и ее природные ресурсы в мощный фактор модернизации страны.

Значительное место во второй главе отведено сравнительному анализу отдельных характеристик человеческого капитала. Показано, что достаточный по количественным и качественным параметрам человеческий потенциал является необходимым условием решения сложных задач модернизации на огромной территории страны. Автор обращает внимание на такие проблемы, как «численность и депопуляция в России и регионах, система

расселения и массовые перемещения, противоречивость урбанизации, протекающей как вынужденный хаотичный процесс, а не фактор и не следствие модернизации, а также рурализация некоторых территорий» [1, с. 51].

Рассматривая в качестве определенного вызова для модернизации структуриацию современного российского общества по уровню жизни населения, по композиции сформировавшихся социальных слоев и по наличию в обществе среднего класса, Л.А. Беляева отмечает, что ее анализ «необходимо провести в контексте задач развития и стимулирования экономической активности населения и открытия каналов социальной мобильности, прежде всего для молодежи» [1, с. 68]. Из данных, приведенных в работе, четко видно, что в России сложилась социальная стратификация занятого населения, свидетельствующая о ее принадлежности к индустриальному этапу развития с отдельными элементами доиндустриальной и постиндустриальной экономик. Социальные слои, не относящиеся к элите, но обладающие культурным капиталом, профессионализмом и адаптированные к переменам, в совокупности составляют около 50% занятого населения, именно они могут «выдвигать не только участников, но и организаторов модернизационных процессов» [1, с. 84].

Основное содержание атласа составляет пространственное сопоставление тенденций и проблем модернизации в регионах семи федеральных округов Российской Федерации, приведенное в семи главах. Во многих главах имеется краткий очерк этноконфессиональной и административно-территориальной истории округа, что способствует лучшему пониманию современных процессов. Смысловое единство содержания отдельных глав обеспечивается анализом главных компонент мо-

дернизации — технико-технологической, социоэкономической, социокультурной и институционально-регулятивной. Для характеристики процессов модернизации в этих сферах использованы данные российской и международной статистики, социологических опросов в ряде регионов этих округов. Авторами показана иерархическая дифференциация субъектов и федеральных округов Российской Федерации по состояниям модернизованности, динамика эволюции состояний (типов) модернизованности субъектов округов, которая проиллюстрирована в каждой главе соответствующими картами; рассмотрены противоречия в эволюции регионов от низких состояний к более высоким. В атласе рассмотрены направления и этапы предлагаемой стратегии модернизации регионов, показана возможность практического использования полученных материалов в документах стратегического планирования России и регионов.

Несомненным достоинством работы является то, что она обосновывает целесообразность гуманистического вектора модернизации России. Приводимые в атласе результаты всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» свидетельствуют, что большинство населения страны (77%) привержены гуманистическим ценностям и что именно реальный гуманизм является исходным ценностным ориентиром способа жизнеустройства, о котором мечтает подавляющее большин-

ство россиян как о справедливом и достойном. Этой позиции придерживается и Н.И. Лапин, считающий, что «дело не только в величинах индексов, а прежде всего — в повышении социокультурной эффективности модернизации, а более конкретно — в повышении уровня и качества жизни населения» [1, с. 303]. Чтобы осуществить потребность жить в цивилизации реального гуманизма, «требуется активное участие всего населения страны в содействии гуманистической ориентации российской модернизации, поэтапном осуществлении стратегии, интегрирующей ее индустриальную и информационную стадии» [там же].

В заключение отмечу, что результатом работы авторского коллектива под руководством Н.И. Лапина стало в высшей степени достойное и оригинальное издание, в котором представлен уникальный материал, характеризующий многомерные процессы модернизации в России и ее регионах. Книга насыщена новыми идеями, она написана прекрасным языком, читается с большим интересом, обладает не только научной новизной, но и практической значимостью. Читательская аудитория такого издания может быть самой разнообразной, так как идеи и сведения, представленные в ней, интересны и полезны как научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам, чиновникам, так и гораздо более широкому кругу читателей — всем интересующимся эволюцией современной России.

Литература

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин. — М.: Вест Мир, 2016. — 360 с.
2. Булдаков, В.П. Модернизация и Россия. Между прогрессом и застоем? / В.П. Булдаков // Вопросы философии. — 2015. — № 12. — С. 15–27.

Сведения об авторе

Наталья Сергеевна Оботурова – доктор философских наук, доцент, заместитель начальника по учебной работе, полковник внутренней службы, ВИПЭ ФСИН России (Российская Федерация, 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2)

Oboturova N.S.

Review of the Collective Monograph “Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Socio-Economic and Socio-Cultural Trends and Issues”

References

1. *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy* [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and issues]. Collective scientific work. Compiler and executive editor: RAS Corresponding Member N.I. Lapin. Moscow Izdatel'stvo “Ves' Mir”, 2016. 360 p. (In Russian).
2. Buldakov V.P. Modernizatsiya i Rossiya. Mezhd progressom i zastoem? [Modernization and Russia. Between progress and stagnation?]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 2015, no.12, pp. 15–27. (In Russian).

Information about the Author

Natal'ya Sergeevna Oboturova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, VILE FPS Deputy Head for Academic Affairs, Colonel of Internal Service, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (2, Shchetinin Street, Vologda, 160002, Russian Federation)

Уважаемые читатели!

В пятидесятом выпуске журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» мы приводим географию и полный список авторов, публиковавшихся на страницах нашего издания за период с 2008 по 2016 г.

Редакция выражает искреннюю благодарность всем авторам, присылающим рукописи своих статей: именно Вы наполняете его содержание и только благодаря Вам журнал приобрел своё лицо в научном мире!

География авторов журнала*

Цифрами на карте обозначены республики, края, области, города федерального значения:

35 – Вологодская область – 454	72 – Тюменская область – 9	50 – Московская область – 3	82 – Республика Крым – 2
77 – г. Москва – 115	86 – Ханты-Мансийский АО – 7	60 – Псковская область – 3	09 – Карачаево-Черкесия – 1
11 – Республика Коми – 102	13 – Республика Мордовия – 5	61 – Ростовская область – 3	14 – Республика Саха (Якутия) – 1
51 – Мурманская область – 82	24 – Красноярский край – 5	63 – Самарская область – 3	18 – Удмуртская Республика – 1
78 – г. Санкт-Петербург – 39	25 – Приморский край – 5	05 – Республика Дагестан – 2	26 – Ставропольский край – 1
66 – Свердловская область – 39	54 – Новосибирская область – 5	15 – Северная Осетия-Алания – 2	28 – Амурская область – 1
10 – Республика Карелия – 37	70 – Томская область – 5	16 – Республика Татарстан – 2	39 – Калининградская область – 1
29 – Архангельская область – 21	34 – Волгоградская область – 4	23 – Краснодарский край – 2	46 – Курская область – 1
02 – Республика Башкортостан – 12	42 – Кемеровская область – 3	31 – Белгородская область – 2	64 – Саратовская область – 1
81 – Пермский край – 12	44 – Костромская область – 4	73 – Ульяновская область – 2	74 – Челябинская область – 1

Количество научных статей в разрезе городов

Город	Количество статей	Ханты-Мансийск	7	Набережные Челны	2	Краснодар	1
Вологда	443	Мурманск	6	Белгород	2	Сочи	1
Москва	115	Саранск	5	Ульяновск	2	Томск	1
Сыктывкар	101	Новосибирск	5	Симферополь	2	Пятигорск	1
Апатиты	76	Красноярск	5	Махачкала	2	Черкесск	1
Санкт-Петербург	39	Владивосток	5	Владикавказ	2	Благовещенск	1
Екатеринбург	39	Волгоград	4	Хельсинки	2	Якутск	1
Минск (Беларусь)	38	Северск	4	(Финляндия)	2	Ухань (КНР)	1
Петрозаводск	37	Коломна	4	Париж (Франция)	2	Чанша (КНР)	1
Нанчан (КНР)	28	Псков	3	Таранто (Италия)	2	Шаньдун (КНР)	1
Архангельск	21	Кострома	3	Курск	1	Киев (Украина)	1
Уфа	15	Чайковский	3	Калининград	1	Баку (Азербайджан)	1
Череповец	11	Самара	3	Усинск	1	Краков (Польша)	1
Пермь	9	Ростов-на-Дону	3	Ижевск	1	Вильнюс (Литва)	1
Тюмень	9	Кемерово	3	Саратов	1	Прага (Чехия)	1
		Алматы (Казахстан)	3	Магнитогорск	1	Даугавпилс (Латвия)	1

* Зеленым цветом на карте отмечены территории, представители которых публиковались на страницах журнала (включая авторов, публиковавшихся несколько раз).

В «легенде» карты указаны регионы, а также количество статей из каждого субъекта РФ (регионы ранжированы по количеству статей).

Сведения об авторах пятидесяти выпусков журнала*

№ п/п	Ф. И. О.	Ученая степень, ученое звание	Город
А			
1.	Абросимов Н. В.	д. э. н., проф.	Москва
2.	Аверина Л. М.		Екатеринбург
3.	Аветисян И. А.	д. э. н., проф.	Вологда
4.	Агеева Е. С.		Вологда
5.	Ай Шуцин		Нанчан (Китай)
6.	Акбердина В. В.	д. э. н., проф.	Екатеринбург
7.	Акопов В. И.	к. геогр. н.	Сыктывкар
8.	Аксенова О. В.	к. с. н.	Москва
9.	Аксютин С. В.	к. э. н., доцент	Вологда
10.	Акулов А. О.	к. э. н.	Кемерово
11.	Алдошин С. М.	д. х. н., академик	Черноголовка
12.	Александрова О. А.	д. э. н.	Москва
13.	Алиев А. Б. оглы	д. т. н., проф.	Баку (Азербайджан)
14.	Амелькина Д. В.		Самара
15.	Андреева Е. Л.	д. э. н., проф.	Екатеринбург
16.	Андросенко Н. В.	к. э. н.	Санкт-Петербург
17.	Анисимов Р. И.	к. с. н., доцент	Москва
18.	Анищенко А. Н.	к. э. н.	Вологда
19.	Анищенко Н. И.	к. э. н.	Вологда
20.	Антипин И. А.	к. э. н.	Екатеринбург
21.	Антипина Н. И.		Кострома
22.	Антонова А. А.		Санкт-Петербург
23.	Артюхин М. И.	к. ф. н., доцент	Минск (Беларусь)
24.	Асанович В. Я.	д. х. н., проф.	Минск (Беларусь)
25.	Асташов В. Н.	к. ф. н., доцент	Вологда
26.	Атаева А. Г.	к. э. н.	Уфа
27.	Афанасьев Д. В.	к. с. н., доцент	Череповец
28.	Ахобадзе Д. Т.	к. э. н.	Санкт-Петербург
Б			
29.	Бабич Л. В.	к. э. н.	Вологда
30.	Бабосов Е. М.	д. ф. н., проф.	Минск (Беларусь)
31.	Базарова Е. Н.		Петрозаводск
32.	Базуева Е. В.	к. э. н., доцент	Пермь
33.	Базылева Я. В.		Пермь
34.	Балацкий Е. В.	д. э. н., проф.	Москва
35.	Балдина Ю. В.		Владивосток
36.	Банщиков Т.	д. м. н.	Вологда
37.	Барабанов А. С.	к. э. н.	Вологда
38.	Баранов С. В.	к. ф.-м. н., доц.	Апатиты
39.	Барашева Т. И.	к. э. н., доцент	Апатиты
40.	Барашкова А. С.	к. э. н.	Якутск
41.	Барашкова О. В.		Вологда
42.	Барсуков В. Н.		Вологда
43.	Батчаев А. Р.	к. э. н.	Санкт-Петербург
44.	Башмакова Е. П.	к. э. н.	Апатиты
45.	Безнин М. А.	д. и. н., проф.	Вологда
46.	Белехова Г. В.		Вологда
47.	Беляева Л. А.	д. с. н.	Москва
48.	Беркович М. И.	д. э. н., проф.	Кострома
49.	Бессонова Т. Н.		Ханты-Мансийск
50.	Биев А. А.	к. э. н.	Апатиты
51.	Биглова Г. Ф.	д. э. н., доцент	Уфа
52.	Бийжанова Э. К.		Москва
53.	Бикеева М. В.	к. э. н., доцент	Саранск
54.	Биктимирова Е. Д.		Петрозаводск
55.	Бильков В. А.	д. с.-х. н., доцент	Вологда
56.	Боброва А. Г.		Минск (Беларусь)
57.	Богатырев А. О.		Вологда
58.	Богачева Е. Н.		Вологда
59.	Богданов В. С.	к. с. н.	Москва
60.	Богомолова Л. Л.	к. э. н., доцент	Ханты-Мансийск
61.	Бойко С. В.	к. ф. н., проф.	Череповец
62.	Бокарева В. Б.	к. с. н.	Москва
63.	Бочко В. С.	д. э. н., проф.	Екатеринбург
64.	Бровко П. М.		Владивосток
65.	Булатова Ю. Н.		Вологда
66.	Буркацкая О. А.		Санкт-Петербург
67.	Бурцев И. Н.	к. геол.-мин. н.	Сыктывкар
68.	Бурцева И. Г.	к. э. н.	Сыктывкар
69.	Бурый О. В.	к. э. н.	Сыктывкар
70.	Бурьян М. С.		Сыктывкар
71.	Бутрим Н. А.		Сыктывкар
72.	Бухвалов Н. Ю.	к. э. н., доцент	Пермь
73.	Бухвальд Е. М.	д. э. н., проф.	Москва
В			
74.	Важенин С. Г.	к. э. н.	Екатеринбург
75.	Важенина И. С.	д. э. н., доцент	Екатеринбург
76.	Валентей С. Д.	д. э. н., проф.	Москва
77.	Василенко П. В.		Псков
78.	Васильев А. М.	д. э. н., проф.	Мурманск
79.	Васильчук Е. О.	к. полит. н.	Черкассы
80.	Величкина А. В.		Вологда
81.	Величковский Б. Т.	д. м. н., академик	Москва
82.	Верба Ю. С.		Москва
83.	Веретенникова А. Ю.	к. э. н.	Екатеринбург
84.	Веркей Ж.	проф.	Париж (Франция)
85.	Вершинина С. В.	к. э. н.	Санкт-Петербург
86.	Витязь П. А.	д. т. н., академик	Минск
87.	Власов М. В.	к. э. н., проф.	Екатеринбург
88.	Волкова Л. А.		Вологда
89.	Волкова С. А.		Вологда

* Сведения об авторе приводятся на момент публикации его первой статьи.

90.	Воловская Н. М.	д. с. н., проф.	Новосибирск
91.	Воробьев А. Г.	д. э. н., проф.	Москва
92.	Воробьев М. К.	к. э. н.	Минск (Беларусь)
93.	Воронина Л. В.		Архангельск
94.	Воронов В. В.	д. с. н.	Даугавпилс (Латвия)
95.	Воронова Н. С.	д. э. н., проф.	Санкт-Петербург
96.	Воронцова Т. В.		Вологда
97.	Воротникова Н. С.		Вологда
98.	Ворошилов Н. В.		Вологда
Г			
99.	Гаврилец Ю. Н.	д. э. н., проф.	Москва
100.	Гаденин М. М.	к. т. н.	Москва
101.	Гаджиев Ю. А.	к. э. н.	Сыктывкар
102.	Гайнанов Д. А.	д. э. н., проф.	Уфа
103.	Галимов Э. М.	д. г.-мин. н., акад.	Москва
104.	Галухин А. В.		Вологда
105.	Гао Мэй		Нанчан (Китай)
106.	Гао Пин	бакалавр эконо.	Нанчан (Китай)
107.	Гарманова О. Ю.		Вологда
108.	Гасникова А. А.	к. э. н.	Апатиты
109.	Гварлиани Т. Е.	д. э. н., проф.	Сочи
110.	Гибез А. А.	к. э. н.	Сыктывкар
111.	Гилевская Л. П.		Минск (Беларусь)
112.	Гисин Л. М.		Москва
113.	Глазьев С. Ю.	д. э. н., академик	Москва
114.	Глухих П. Л.	к. э. н.	Екатеринбург
115.	Гнездилова А. И.	д. т. н., проф.	Вологда
116.	Го Сяоцзин		Нанчан (Китай)
117.	Головина Ю. Е.		Пятигорск
118.	Головчин М. А.	к. э. н.	Вологда
119.	Гончаров В. В.	к. э. н.	Минск
120.	Гончарова Л. И.		Апатиты
121.	Гордина О. Н.		Вологда
122.	Горшков М. К.	д. ф. н., академик	Москва
123.	Грачев В. В.	д. э. н., проф.	Вологда
124.	Грибанова О. А.	к. э. н., доцент	Вологда
125.	Грибоедова И. А.	к. э. н., доцент	Минск (Беларусь)
126.	Григорьев Д. А.		Красноярск
127.	Гринберг Р. С.	д. э. н., чл.-корр.	Москва
128.	Гринчель Б. М.	д. э. н., проф.	Санкт-Петербург
129.	Грушенко Э. Б.		Мурманск
130.	Губанов С. С.	д. э. н., проф.	Москва
131.	Губанова Е. С.	д. э. н., проф.	Вологда
132.	Губина О. В.	к. э. н.	Архангельск
133.	Гужавина Т. А.	к. ф. н., доцент	Череповец
134.	Гузакова О. Л.	к. э. н., доцент	Вологда
135.	Гулин К. А.	д. э. н., доцент	Вологда
136.	Гулый И. М.	к. э. н.	Вологда
137.	Гуляев Е. Г.	д. с.-х. н., проф.	Вологда
138.	Гун Цзяньвэнь		Нанчан (Китай)
139.	Гусаков М. А.	д. э. н., проф.	Санкт-Петербург

140.	Гусева М. С.	к. э. н., доцент	Самара
141.	Гусейнова К. Э.		Москва
142.	Гутникова Е. А.		Вологда
Д			
143.	Дедков С. М.	к. э. н., доцент	Минск (Беларусь)
144.	Дементьева И. Н.		Вологда
145.	Дерстуганова Т. М.		Екатеринбург
146.	Дерунов В. А.	к. т. н.	Москва
147.	Дерунова Е. А.	к. э. н., доцент	Москва
148.	Дзуцев Х. В.	д. с. н., проф.	Владикавказ
149.	Дибирова А. П.	к. биол. н.	Владикавказ
150.	Дидык В. В.	к. э. н., доцент	Апатиты
151.	Димони Т. М.	д. и. н., доцент	Вологда
152.	Длигач А. А.	к. э. н.	Киев (Украина)
153.	Дмитриева Е. О.	к. э. н., доцент	Самара
154.	Дмитриева Т. Е.	к. геогр. н.	Сыктывкар
155.	Доброхлеб В. Г.	д. э. н., проф.	Москва
156.	Докунихин Н. И.		Вологда
157.	Домашенко Д. В.	к. э. н., доцент	Москва
158.	Дороговцев А. П.	д. э. н., проф.	Вологда
159.	Дороговцева А. А.	д. э. н., доцент	Санкт-Петербург
160.	Дрегало А. А.	д. ф. н., проф.	Архангельск
161.	Дружинин П. В.	д. э. н., доцент	Петрозаводск
162.	Дружинина И. В.	к. с. н., доцент	Тюмень
163.	Дубиничев Р. В.		Вологда
164.	Дубиничева Л. В.		Вологда
165.	Дуганов М. Д.	к. м. н.	Вологда
166.	Дулина Н. В.	д. с. н., проф.	Волгоград
167.	Дхондт С.	проф.	Лейден (Нидерланды)
168.	Дэн Хун	бакалавр истории	Нанчан (Китай)
169.	Дядик В. В.	к. э. н.	Апатиты
Е			
170.	Егоров В. К.	к. и. н.	Москва
171.	Егоров О. И.	д. э. н., проф.	Алматы
172.	Егорышев С. В.	к. с. н., проф.	Уфа
173.	Ермолов А. П.		Вологда
174.	Ерыгина А. В.	к. э. н.	Санкт-Петербург
175.	Ефимов В. А.		Архангельск
176.	Ефремов К. И.	к. э. н.	Вологда
Ж			
177.	Жгун Т. В.	к. ф.-м. н., доц.	Великий Новгород
178.	Жиганов А. Н.	д. т. н., проф.	Северск
179.	Жильцов В. В.		Вологда
180.	Жирнель Е. В.	к. э. н.	Петрозаводск
181.	Жихаревич Б. С.	д. э. н., проф.	Санкт-Петербург
182.	Жуков А. Н.		Волгоград
183.	Жябуряите-Якштиене Р.		Лейден (Нидерланды)
З			
184.	Загребельный А. В.	к. филол. н.	Вологда
185.	Задумкин К. А.	к. э. н., доцент	Вологда

186.	Зайков К. С.	к. и. н.	Архангельск
187.	Зайцева Е. И.	к. э. н.	Мурманск
188.	Закиров И. Д.	к. э. н.	Уфа
189.	Залкинд Л. О.	к. э. н., доцент	Апатиты
190.	Заргарян А. М.		Вологда
191.	Зверева Н. В.	д. э. н., проф.	Москва
192.	Зеленин А. С.		Вологда
193.	Зерщикова Н. И.	к. э. н., доцент	Апатиты
194.	Зорина Е. Н.		Сыктывкар
195.	Зубок Ю. А.	д. с. н., проф.	Москва
И			
196.	Иванина В. М.		Коломна
197.	Иванов В. А.	д. э. н., проф.	Сыктывкар
198.	Иванов И. Н.	докт. наук, проф.	Москва
199.	Иванов П. А.	к. э. н.	Уфа
200.	Иванова Г. Н.	к. э. н., доцент	Санкт-Петербург
201.	Иванова Е. В.		Сыктывкар
202.	Иванова Л. В.	к. э. н., доцент	Апатиты
203.	Иванова М. Н.		Вологда
204.	Ивантер В. В.	д. э. н., проф.	Москва
205.	Иголина Л. Л.	д. э. н., проф.	Краснодар
206.	Ильин В. А.	д. э. н., чл.-корр., проф.	Вологда
207.	Ильин П. В.		Санкт-Петербург
208.	Ильянок А. М.	к. т. н., проф.	Минск (Беларусь)
209.	Иогман Л. Г.	к. э. н.	Вологда
210.	Ирназаров Р. И.	д. с. н., проф.	Уфа
211.	Истомин А. В.	д. э. н., проф.	Апатиты
212.	Ихун Чжан		Нанчан (Китай)
213.	Йоуко Никула	доктор наук, доц.	Хельсинки (Финляндия)
К			
214.	Кабакова Е. А.		Вологда
215.	Кабанов В. Н.	докт. наук, проф.	Волгоград
216.	Кабанова Е. Е.		Москва
217.	Кабичкин С. Е.		Рязань
218.	Калачикова О. Н.	к. э. н.	Вологда
219.	Калашников К. Н.	к. э. н.	Вологда
220.	Калинина А. А.	к. э. н.	Сыктывкар
221.	Каменская Е. В.	к. э. н.	Псков
222.	Каминский В. С.		Вологда
223.	Канев В. Н.		Усинск
224.	Кантор О. Г.	к. ф.-м. н.	Уфа
225.	Караваев Ю. В.		Вологда
226.	Каргаполова Е. В.	д. с. н., доцент	Астрахань
227.	Карелина М. Г.	к. э. н., доцент	Магнитогорск
228.	Кармакулова А. В.		Архангельск
229.	Касаткина Е. В.	к. ф.-м. н., доц.	Ижевск
230.	Касимов Р. А.	к. пед. н.	Вологда
231.	Кетова К. В.	д. ф.-м. н., проф.	Ижевск
232.	Кибисова З. С.		Петрозаводск
233.	Кибиткин А. И.	д. э. н., проф.	Мурманск
234.	Киреева А. А.	к. э. н.	Алматы (Казахстан)
235.	Кириллова С. А.	к. э. н., доцент	Уфа
236.	Клещ В. С.		Вологда
237.	Климов А. А.		Москва
238.	Климчук С. В.	д. э. н., проф.	Симферополь
239.	Ключарев А.	д. ф. н., проф.	Москва
240.	Кобылинская В.	к. э. н.	Апатиты
241.	Ковалев И. Л.		Минск (Беларусь)
242.	Ковалев Л. И.	к. э. н., доцент	Минск (Беларусь)
243.	Ковригин Б. В.	д. ф. н., проф.	Вологда
244.	Коврижных О. Е.	к. э. н., доцент	Набережные Челны
245.	Ковряков Д. В.	к. э. н., доцент	Череповец
246.	Кожевников С. А.	к. э. н.	Вологда
247.	Кожевников А. В.		Вологда
248.	Кожина Т. П.		Вологда
249.	Козенко А. С.		Санкт-Петербург
250.	Козицина А. Н.		Красноярск
251.	Козлова О. А.	д. э. н., проф.	Екатеринбург
252.	Козырева Г. Б.	д. э. н., доцент	Петрозаводск
253.	Козырева О. В.		Москва
254.	Козырева П. М.	д. с. н.	Москва
255.	Козьменко С. Ю.	д. э. н., проф.	Мурманск
256.	Кокошин А. А.	д. и. н., академик	Москва
257.	Колечков Д. В.	к. э. н.	Сыктывкар,
258.	Колотухин В. А.		Минск (Беларусь)
259.	Комарова Е. А.		Кострома
260.	Комков Н. И.	д. э. н., проф.	Москва
261.	Кондаков И. А.	к. э. н.	Вологда
262.	Кондакова Н. А.		Вологда
263.	Копотева И. В.	к. геогр. н.	Хельсинки (Финляндия)
264.	Копытова Е. Д.		Вологда
265.	Кормишкина Л.	д. э. н., проф.	Саранск
266.	Короленко А. В.		Вологда
267.	Коррал А.	бакалавр эконом.	Гипускоа (Испания)
268.	Корчагина П. С.		Вологда
269.	Корчагов С. А.	д. с.-х. н., проф.	Вологда
270.	Костыгов Н. В.		Вологда
271.	Костылева Л. В.	к. э. н., доцент	Вологда
272.	Котляров И. Д.	к. э. н.	Минск (Беларусь)
273.	Котлярова С. Н.	к. э. н., доцент	Екатеринбург
274.	Котомин А. Б.	к. т. н.	Апатиты
275.	Кочешкова Л. О.	к. пед. н., доцент	Вологда
276.	Красова Е. В.	к. э. н., доцент	Владивосток
277.	Кремин А. Е.		Вологда
278.	Крошилин С. В.	к. т. н., доцент	Коломна
279.	Крутова О. С.	к. э. н.	Петрозаводск
280.	Кручек М. М.	к. ф.-м. н., доц.	Петрозаводск
281.	Куан Сяоцянь		Нанчан (Китай)
282.	Кувшинников О. А.		Вологда

283.	Кузнецова Ю. А.	к. э. н.	Уфа
284.	Кузьмин И. В.		Вологда
285.	Кульков В. М.	д. э. н., проф.	Москва
286.	Кулясова А. А.	к. э. н.	Санкт-Петербург
287.	Кумзеров В. М.	к. э. н.	Вологда
288.	Кун Фаньбинь		Нанчан (Китай)
289.	Куратова Э. С.	д. э. н.	Сыктывкар
290.	Куриков В. М.	д. э. н., проф.	Ханты-Мансийск
291.	Курило А. Е.	к. э. н., доцент	Петрозаводск
292.	Курушина Е. В.	к. э. н., доцент	Тюмень
Л			
293.	Лабанаускас Л.	доктор наук	Вильнюс (Литва)
294.	Лавренюк Н. М.	к. с. н., доцент	Уфа
295.	Лаврикова Ю. Г.	д. э. н.	Екатеринбург
296.	Лавриненко П. А.		Москва
297.	Лаженцев В. Н.	д. г. н., чл.-корр.	Сыктывкар
298.	Лапин Н. И.	д. ф. н., чл.-корр.	Москва
299.	Ларичкин Ф. Д.	д. э. н., проф.	Апатиты
300.	Ласточкина М. А.	к. э. н.	Вологда
301.	Лебедева-Несевря Н. А.	к. с. н., доцент	Пермь
302.	Лебединская Ю. С.	к. э. н.	Владивосток
303.	Леонидова Г. В.	к. э. н., доцент	Вологда
304.	Леонидова Е. Г.		Вологда
305.	Леонова Ж. К.	д. э. н., доцент	Коломна
306.	Леус С. М.		Мурманск
307.	Ли Чжимэн	магистр экономики	Нанчан (Китай)
308.	Липина А. В.		Москва
309.	Липина С. А.	к. э. н., проф.	Москва
310.	Лобовиков А. О.	к. э. н.	Пермь
311.	Локосов В. В.	д. с. н., проф.	Москва
312.	Лосева Н. П.		Москва
313.	Луканичева В. П.	к. э. н.	Сыктывкар
314.	Лукин Е. В.	к. э. н.	Вологда
315.	Лукин Ю. Ф.	д. и. н., проф.	Архангельск
316.	Любов Е. Б.	д. м. н., проф.	Москва
М			
317.	Ма Инсинь	к. ф. н.	Дэчжоу (Китай)
318.	Ма Сюэсун		Нанчан (Китай)
319.	Ма Чжихой		Нанчан (Китай)
320.	Мажитова А. Р.	к. ф. н.	Уфа
321.	Мазикова Е. В.	к. э. н., доцент	Тюмень
322.	Мазилев Е. А.	к. э. н.	Вологда
323.	Мазуровский М. А.		Петрозаводск
324.	Макаров В. Л.	д. ф.-м. н., акад.	Москва
325.	Макарова М. Н.	к. э. н.	Екатеринбург
326.	Маклахов А. В.	д. э. н., проф.	Вологда
327.	Маковеев В. Н.	к. э. н.	Вологда
328.	Максимов А. А.	к. э. н.	Сыктывкар
329.	Маланичева Н. А.		Вологда

330.	Малахова Н. Н.	к. ф. н., доцент	Ростов-на-Дону
331.	Мальшенко К. А.	к. э. н., доцент	Ялта
332.	Мальцева И. С.	к. э. н.	Сыктывкар
333.	Мамонова И. В.	к. э. н., доцент	Краснодар
334.	Мао Чжиюн		Нанчан (Китай)
335.	Маркин В. В.	д. с. н., проф.	Москва
336.	Марков К. В.		Вологда
337.	Марков Р. Б.		Вологда
338.	Маршак А. Л.	д. ф. н., проф.	Москва
339.	Махутов Н. А.	д. т. н., чл.-корр.	Москва
340.	Медведева Е. И.	д. э. н., доцент	Коломна
341.	Медведева Н. А.	к. э. н., доцент	Вологда
342.	Мехова А. А.	к. ф. н., доцент	Череповец
343.	Мигранова Л. А.	к. э. н.	Москва
344.	Милашевич Е. А.		Минск (Беларусь)
345.	Минакир П. А.	д. э. н., академик	Хабаровск
346.	Мироненко Н. В.		Вологда
347.	Мирошниченко О. С.	д. э. н., доцент	Тюмень
348.	Митрофанова И. В.	д. э. н., доцент	Волгоград
349.	Михайлова Г. В.	к. пед. н.	Архангельск
350.	Михель Е. А.	к. э. н.	Петрозаводск
351.	Молева С. В.	к. э. н.	Москва
352.	Молчанова Е. В.	к. т. н.	Петрозаводск
353.	Молчанова М. Ю.	к. э. н., доцент	Пермь
354.	Морев М. В.	к. э. н.	Вологда
355.	Морозова Т. В.	д. э. н.	Петрозаводск
356.	Моронова О. Г.	к. э. н., доцент	Вологда
357.	Мохамadini Т.		Тегеран (Иран)
358.	Мустафаев А. А.	к. э. н.	Сыктывкар
359.	Мустафаева Э. Р. кызы	к. э. н.	Череповец
360.	Мякота Е. А.		Москва
Н			
361.	Надворная Г. Г.		Симферополь
362.	Назарова Е. А.	к. э. н.	Санкт-Петербург
363.	Наймушин В. Г.	д. э. н., проф.	Ростов-на-Дону
364.	Напольских Д. Л.	к. э. н.	Йошкар-Ола
365.	Насридинова Д. Д.		Ижевск
366.	Наумов С. А.		Ханты-Мансийск
367.	Негадари С.		Тегеран (Иран)
368.	Некипелов А. Д.	д. э. н., академик	Москва
369.	Немкович Е. Г.	к. т. н., доцент	Петрозаводск
370.	Ненахова Ю. С.		Москва
371.	Неустроев С. С.	к. э. н.	Санкт-Петербург
372.	Нечаева П. А.	к. э. н., доцент	Набережные Челны
373.	Низамутдинов М. М.	к. т. н., доцент	Уфа
374.	Никеев Д. В.		Минск (Беларусь)
375.	Никитенко П. Г.	д. э. н., академик	Минск (Беларусь)
376.	Николаев А. Е.	к. э. н., доцент	Москва
377.	Никулина Ю. Н.	к. э. н.	Санкт-Петербург
378.	Носков В. А.		Сыктывкар

О			
379.	Оборин М. С.	к. геогр. н., доц.	Пермь
380.	Оботурова Н. С.	д. ф. н., доцент	Вологда
381.	Овсянкина Н. М.		Вологда
382.	Окрепилов В. В.	д. э. н., проф.	Санкт-Петербург
383.	Окулова Н. А.		Вологда
384.	Оловянишников А. Г.	к. э. н.	Томск
385.	Омонов Ж. К.		Екатеринбург
386.	Орешников В. В.		Уфа
387.	Оробинский Д. Ф.	д. т. н., проф.	Вологда
388.	Осипов Г. В.	д. ф. н., академик	Москва
389.	Осипова Л. Б.	к. с. н., доцент	Тюмень
390.	Острецов В. Н.	д. э. н., проф.	Вологда
391.	Отмахова Ю. С.	к. э. н.	Новосибирск
392.	Оуй Пейтер	доктор философ.	Лейден (Нидерланды)
П			
393.	Павлов Б. С.	д. ф. н., проф.	Екатеринбург
394.	Пагано Р.	профессор	Таранто (Италия)
395.	Паникарова С. В.	к. э. н., доцент	Екатеринбург
396.	Панов А. М.		Вологда
397.	Панов М. М.		Вологда
398.	Пантюшина О. В.		Вологда
399.	Пань Цзяхуа		Сямынь (Китай)
400.	Пасовец Ю. М.	к. с. н., доцент	Курск
401.	Переин В. Н.		Апатиты
402.	Перов Е. В.	к. э. н.	Вологда
403.	Перова М. Б.	д. э. н., проф.	Вологда
404.	Петраков Н. Я.	д. э. н., академик	Москва
405.	Петров А. И.	к. т. н., доцент	Тюмень
406.	Петрук Г. В.	к. пед. н.	Владивосток
407.	Печаткин В. В.	к. э. н., доцент	Уфа
408.	Печенская М. А.	к. э. н.	Вологда
409.	Пиньковецкая Ю. С.	к. э. н., доцент	Ульяновск
410.	Плеханов Ю. Н.		Вологда
411.	Плюснина Л. К.	д. с. н., доцент	Новосибирск
412.	Поварова А. И.		Вологда
413.	Подолякин О. В.	к. э. н.	Вологда
414.	Позгалев В. Е.		Вологда
415.	Поздеев Д. В.	к. э. н.	Сыктывкар
416.	Полешкина И. О.	к. э. н.	Москва
417.	Полтерович В. М.	д. э. н., академик	Москва
418.	Полухина А. Н.	д. э. н., доцент	Йошкар-Ола
419.	Полянский А. М.	к. т. н.	Вологда
420.	Пома А. Ю.	к. э. н., доцент	Череповец
421.	Пономарева А. С.		Сыктывкар
422.	Пономаренко Т. В.	канд. наук, доц.	Санкт-Петербург
423.	Попов А. В.		Вологда
424.	Попов Е. В.	чл.-корр.	Екатеринбург
425.	Попова В. И.	к. э. н.	Вологда
426.	Попова Е. А.		Сыктывкар
427.	Попова Л. А.	д. э. н., доцент	Сыктывкар
Р			
428.	Проворова А. А.		Архангельск
429.	Прокопьев Е. А.		Петрозаводск
430.	Прядеин А. А.	к. э. н.	Екатеринбург
431.	Путилов А. В.	д. т. н., проф.	Москва
432.	Пьянкова С. Г.	к. э. н.	Екатеринбург
433.	Пэн Чжиминь	бакалавр эк. геог.	Ухань (Китай)
С			
434.	Разварина И. Н.		Вологда
435.	Рапаков Г. Г.	к. т. н., доцент	Вологда
436.	Растворцева С. Н.	д. э. н., проф.	Белгород
437.	Ратнер А. В.	к. э. н.	Екатеринбург
438.	Римашевская Н. М.	д. э. н., чл.-корр.	Москва
439.	Рогач О. В.	к. с. н.	Москва
440.	Романова О. А.	д. э. н., проф.	Екатеринбург
441.	Россошанский А. И.		Вологда
442.	Ротенберг Р. Б.	к. э. н., доцент	Санкт-Петербург
443.	Рохчин В. Е.	д. э. н., проф.	Санкт-Петербург
444.	Рубан Д. А.	доктор философ.	Ростов-на-Дону
445.	Рукомойникова В. П.	к. филол. н., доц.	Йошкар-Ола
446.	Румянцев А. А.	д. э. н., проф.	Санкт-Петербург
447.	Русанов А. В.		Москва
448.	Русина А. В.	к. с. н., доцент	Новосибирск
449.	Рыбакова Д. А.		Москва
450.	Рыбакова Н. А.	д. биол. н., проф.	Вологда
451.	Рябова Л. А.	к. э. н., доцент	Апатиты
С			
452.	Савельев Ю. В.	к. э. н.	Петрозаводск
453.	Савченко Е. С.	д. э. н., чл.-корр.	Белгород
454.	Садов С. Л.	д. э. н., проф.	Сыктывкар
455.	Сапир Ж.	д. э. н., проф.	Франция
456.	Сафонов В. С.		Вологда
457.	Сафонова Ю. А.		Москва
458.	Сахапова Р.		Уфа
459.	Свирелкина И. И.		Вологда
460.	Селименков Р. Ю.	к. э. н.	Вологда
461.	Селин В. М.		Вологда
462.	Селин В. С.	д. э. н., проф.	Апатиты
463.	Селин И. В.	к. э. н., доцент	Апатиты
464.	Селин М. В.	д. э. н., проф.	Вологда
465.	Селякова С. А.		Вологда
466.	Семенов А. С.	к. ф.-м. н., доц.	Москва
467.	Семенов С. А.		Мурманск
468.	Семяшкин Г. М.	д. э. н., проф.	Сыктывкар
469.	Семяшкин Е. Г.		Сыктывкар
470.	Сидорова Е. Н.	к. э. н., доцент	Екатеринбург
471.	Силакова М. А.		Псков
472.	Силин А. Н.	д. с. н., проф.	Тюмень
473.	Синицына Т. И.	к. ф. н., доцент	Вологда
474.	Сиротин Д. В.		Екатеринбург
475.	Скоробогатый Э. И.		Минск (Беларусь)
476.	Скородумов П. В.	к. т. н.	Вологда

477.	Скуфьина Т. П.	д. э. н., проф.	Апатиты
478.	Слободской В.	к. ф.-м. наук	Вологда
479.	Смиреникова Е. В.	к. геогр. н.	Архангельск
480.	Смирнов А. А.		Санкт-Петербург
481.	Смирнова П.	к. э. н.	Санкт-Петербург
482.	Смирнова Т. Г.		Вологда
483.	Смолева Е. О.		Вологда
484.	Снегов В. В.		Апатиты
485.	Советов П. М.	д. э. н., проф.	Вологда
486.	Советова Н. П.	к. э. н., доцент	Вологда
487.	Солнцев И. В.	к. э. н.	Москва
488.	Соловьев А. К.	д. э. н., проф.	Москва
489.	Соловьева Т. С.		Вологда
490.	Спирягин В. И.	к. э. н.	Сыктывкар
491.	Степанова С. В.	к. э. н.	Петрозаводск
492.	Стребков Н. Н.		Вологда
493.	Стрельников А. Г.		Санкт-Петербург
494.	Стризов А. Л.	д. ф. н., проф.	Волгоград
495.	Ступникова А. В.		Хабаровск
496.	Стыров М. М.	к. э. н.	Сыктывкар
497.	Суворова А. В.	к. э. н.	Екатеринбург
498.	Сулейманов М. М.	к. э. н., доцент	Махачкала
499.	Сунь Юйпин		Нанчан (Китай)
500.	Суровцев В. Н.	к. э. н., доцент	Санкт-Петербург
501.	Суслова Ю. Ю.	д. э. н., доцент	Красноярск
502.	Суханов Л. Н.		Вологда
503.	Сухих В. В.	к. э. н.	Екатеринбург
504.	Сысоева Е. А.	к. э. н., доцент	Саранск
505.	Сычев М. Ф.	к. э. н.	Вологда
Т			
506.	Тажитдинов И. А.	к. э. н., доцент	Уфа
507.	Такмашева И. В.		Ханты-Мансийск
508.	Тарасова А. Н.	к. с. н., доцент	Тюмень
509.	Таслунов А. Н.		Вологда
510.	Татаркин А. И.	д. э. н., академик	Екатеринбург
511.	Татаркин Д. А.	к. э. н.	Екатеринбург
512.	Теребова С. В.	к. э. н., доцент	Вологда
513.	Терентьев В. В.	к. э. н.	Сыктывкар
514.	Терентьева М. А.	к. э. н.	Сыктывкар
515.	Терновский Д. С.	д. э. н., доцент	Белгород
516.	Тихомирова В. В.	к. э. н.	Сыктывкар
517.	Тихонов А. В.	д. с. н., проф.	Москва
518.	Тихонова Т. В.	к. э. н., доцент	Сыктывкар
519.	Ткачук С. Н.	к. э. н.	Вологда
520.	Томилина Н. С.	к. э. н.	Апатиты
521.	Тореев В. Б.	д. э. н.	Москва
522.	Торопушина Е. Е.	к. э. н., доцент	Апатиты
523.	Тоскунина В. Э.	д. э. н.	Архангельск
524.	Тоттердилл П.	профессор	Ноттингем (Великобритания)

525.	Тощенко Ж. Т.	д. ф. н., чл.-корр.	Москва
526.	Третьякова О. В.	к. филол. н.	Вологда
527.	Трошина Т. И.	д. и. н., доцент	Архангельск
528.	Трудов Ю. Н.		Вологда
529.	Трынов А. В.		Екатеринбург
530.	Туваев А. В.	к. э. н.	Вологда
531.	Туваев В. Н.	д. э. н., проф.	Вологда
532.	Туинова С. С.	к. э. н.	Апатиты
533.	Турчанинова Т. В.	к. э. н., доцент	Мурманск
У			
534.	У Жонин		Бэнбу (Китай)
535.	У Фэнган	магистр эконом.	Нанчан (Китай)
536.	Ульяновский В. И.	д. с. н.	Архангельск
537.	Усенко Н. И.	к. э. н., проф.	Кемерово
538.	Усков В. С.	к. э. н.	Вологда
539.	Ускова Т. В.	д. э. н., доцент	Вологда
540.	Устинова К. А.	к. э. н.	Вологда
541.	Устинова Н. В.	к. э. н., доцент	Саратов
Ф			
542.	Фадеев А. М.	к. э. н.	Апатиты
543.	Фань Бинь		Нанчан (Китай)
544.	Фаузер В. В.	д. э. н., проф.	Сыктывкар
545.	Фаузер В. В.		Сыктывкар
546.	Фахрадова Л. Н.		Вологда
547.	Федорков А. И.	д. э. н., проф.	Санкт-Петербург
548.	Фёдоров В. В.	к. полит. н.	Москва
549.	Федорова А. В.	к. э. н.	Санкт-Петербург
550.	Фесенко Р. С.		Санкт-Петербург
551.	Фетисов Г. Г.	д. э. н., чл.-корр.	Москва
552.	Филатова О. Б.		Вологда
553.	Филимоненко И. В.	к. э. н., доцент	Красноярск
554.	Фокин В. Я.	к. э. н., доцент	Чайковский
555.	Фомина В. Ф.	к. т. н.	Сыктывкар
556.	Фомина И. В.		Саранск
557.	Фролова Е. В.	д. с. н., проф.	Москва
Х			
558.	Хабриева Т. Я.	д. ю. н., проф.	Москва
559.	Харитоновна Г. Н.	к. э. н.	Апатиты
560.	Хольнова Е. Г.	к. э. н.	Санкт-Петербург
Ц			
561.	Цинкер М. Ю.		Пермь
562.	Цукерман В. А.	к. т. н.	Апатиты
Ч			
563.	Чайка Л. В.	к. э. н., доцент	Сыктывкар
564.	Чапаргина А. Н.		Апатиты
565.	Чегодаев А. В.	канд. ф.-м. наук	Вологда
566.	Чекавинский А. Н.	к. э. н.	Вологда
567.	Чекмарева Е. А.	к. э. н.	Вологда
568.	Черевко А. М.		Вологда
569.	Череповицын А. Е.	д. э. н., проф.	Апатиты

570.	Чжан Сяоя		Нанчан (Китай)
571.	Чжан Шухуа	докт. наук, проф.	Пекин (Китай)
572.	Чжань Сяошань		Нанчан (Китай)
573.	Чигвинцев В. М.		Пермь
574.	Чистова Е. В.	к. э. н.	Екатеринбург
575.	Чичканов В. П.	д. э. н., чл.-корр.	Екатеринбург
576.	Чубиева И. В.	к. э. н.	Петрозаводск
577.	Чугреев В. Л.	к. т. н.	Вологда
578.	Чупров В. И.	д. с. н., проф.	Москва
579.	Чэнь Нин		Нанчан (Китай)
580.	Чэнь Шэньдун		Нанчан (Китай)
III			
581.	Шабунова А. А.	д. э. н., доцент	Вологда
582.	Шавель С. А.	д. с. н., проф.	Минск (Беларусь)
583.	Шаверина М. В.		Вологда
584.	Шамина М. С.		Москва
585.	Шахотько Л. П.	д. с. н., проф.	Минск (Беларусь)
586.	Швецов А. Н.	д. э. н., проф.	Москва
587.	Шейкин А. Г.	к. э. н.	Санкт-Петербург
588.	Шерешева М. Ю.	д. э. н., доцент	Москва
589.	Шерин В. А.	к. э. н., доцент	Ульяновск
590.	Шестаков С. А.		Вологда
591.	Шестакова Н. Н.	к. т. н., доцент	Санкт-Петербург
592.	Шиеди А.	кандидат наук	Таранто (Италия)
593.	Шишкин А. И.	д. т. н., проф.	Петрозаводск
594.	Шишкина М. А.		Сыктывкар
595.	Шишулина З. И.		Петрозаводск
596.	Шкаревская С. М.		Вологда
597.	Шкиперова Т.	к. э. н., доцент	Петрозаводск
598.	Шляхтина Н. В.		Сыктывкар,
599.	Шматков Н. М.		Москва
600.	Шматова Ю. Е.	к. э. н.	Вологда
601.	Шпак А. В.	к. э. н., доцент	Апатиты
602.	Шпанова Н. Н.		Архангельск
603.	Штомпка П.	докт. наук, проф.	Краков (Польша)
604.	Шубрт И.	докт. фил., доц.	Прага (Чехия)
605.	Шулепов Е. Б.		Вологда
606.	Шумейко А. Б.		Ханты-Мансийск
607.	Шухатович В. Р.	к. с. н.	Минск (Беларусь)
608.	Шушков Р. А.		Вологда
III			
609.	Щенявский В. А.	к. э. н.	Сыктывкар
610.	Щербakov Г. А.	к. э. н., доцент	Москва
611.	Щербанин Ю. А.	д. э. н., проф.	Москва
612.	Щербин В. К.	к. ф. н.	Минск (Беларусь)
Э			
613.	Энвери Л. А.		Лянтор
Ю			
614.	Юленкова И. Б.	к. э. н., доцент	Саранск
615.	Юманова Н. Н.	к. э. н., доцент	Тюмень
616.	Юшкова Н. Г.	канд. архит., доц.	Волгоград
Я			
617.	Якунин В. И.	д. полит. н.	Москва
618.	Ян Синьсю		Владивосток
619.	Ян Шэнхай	магистр права	Чанша (Китай)
620.	Ярашева А. В.	д. э. н., проф.	Москва
621.	Ястреб Н. А.	к. ф. н., доцент	Вологда
622.	Яшалова Н. Н.	д. э. н., доцент	Череповец

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 26.04.2017.
Дата выхода в свет 28.04.2017.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 36,9. Тираж 500 экз. Заказ № 145.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru